3 1761 05346367 5

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ОЧЕРКИ

РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА II.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1840.

DK
25
P3
Кн. 2-3

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книжки. Декабря 8 дня 1839 года.

Цензоръ, *М. Каченовскій.*

48794

П.Р. 1945 г.

ПОРТФЕЛЬ
СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ЛОМОНОСОВА.

Почти до настоящаго времени мы гордились только литтературной славой Ломоносова, и смотрѣли на него какъ на геніальнаго поэта, который далъ новое изящное направленіе Русскому языку. Этотъ плодъ генія его, хотя второстепенный въ сущности, былъ ближе къ сердцу нашему, и мы мало или совсѣмъ не обращали вниманія на его ученыя творенія, по которымъ онъ имѣетъ право стать на ряду съ великими геніями Европейскими.

Удивительно ли, что въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, отечество обращало вниманіе только на поэта Ломоносова. Россія тогда еще не нуждалась въ его открытіяхъ по части химіи и физики: прежде всего ей нужна была наука и образцы изящнаго выраженія мыслей; за геніемъ не могли успѣвать слѣдовать общія способности,—кто же могъ оцѣнить его въ то время, кромѣ Европейскихъ ученыхъ: (Ейлера, Фарнея, Генсіуса, Вергентина, Занотти, Нол-

лета, Кондамина, Бернуллія), съ которыми, какъ видно изъ его памятныхъ отмѣтокъ *, онъ велъ переписку, и которымъ, вѣроятно, сообщалъ свои открытія. Но его переписка съ учеными иностранцами не сохранилась; въ его бумагахъ найдено только прилагаемое здѣсь письмо къ Ейлеру **, и отзывъ Ейлера по случаю посланныхъ къ нему Академіей диссертацій Ломоносова на разсмотрѣніе. Этого отрывка однако же достаточно, чтобы убѣдиться, какъ высоко цѣнилъ Европейскій ученый, ученаго Русскаго. Вотъ что пишетъ Ейлеръ объ Ломоносовѣ:

Memoires de monsieur Lomonosoff.

Toutes ses pieces sont non seulement bonnes, mais très excellentes, car il traite les matieres de la phisique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout à fait inconnues et inexplicables *aux plus grands genies*, avec tant de solidité que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à monsienr Lomonosoff qu'il possede le plus heureux genie pour decouvrir les phenomenes de la phisique et de la chimie; et il seroit a souhaiter que toutes les autres academies fussent en état de produire des decouvertes semblables à celles que monsieur Lomonosoff vient de faire. т: е: «Всѣ записки Г. Ломоносова, по части физики и химіи, не только хороши, но превосходны; ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно

* Смотр. приложенія N 7.

** Смотр. приложенія.

неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій; по сему случаю я долженъ отдать справедливость Г. Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій феноменовъ физики и химіи; и желательно бы было, чтобъ всѣ прочія Академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Г. Ломоносовъ.»

Изъ Русскихъ ученыхъ, преимущественно постигнувшихъ достоинство открытій Ломоносова по части химіи и физики, былъ профессоръ Дмитрій Матвѣевичь Перевощиковъ. Въ торжественной рѣчи своей онъ первый объяснилъ, что Ломоносовъ предсказалъ всѣ тѣ истины и открытія, которыя совершены Европейскими учеными нашего вѣка, и слѣдовательно про Ломоносова можно сказать тоже, что Мишеле сказалъ про *Вико:* «Его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ потому, что они относились къ нашему вѣку.»

Но постигая уже Ломоносова, какъ поэта и ученаго, мы не знаемъ служебной дѣятельности Ломоносова и вліяній его ума и свѣденій на возникавшія учрежденія по части просвѣщенія Россіи; между тѣмъ, какъ служебная дѣятельность на пользу отечества своими способностями, составляетъ обязанность каждаго сына отечества. Намъ неизвѣстны также отношенія, въ которыхъ находился Ломоносовъ. Довѣренный мнѣ Екатериною Николаевной Орловой *,

* Единственная дочь Михаила Васильевича Ломоносова была за мужемъ за бывшимъ библіотекаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ,

урожденной Раевской, портфель служебныхъ его бумагъ, сохранившихся въ семействѣ Раевскихъ, даетъ удовлетворительное понятіе, какъ объ отношеніяхъ, такъ и о пользѣ, которую принесъ этотъ человѣкъ своимъ присутствіемъ посреди разсадника просвѣщенія отечественнаго. Его мысль проникала въ учрежденія, боролась съ мнѣніями противными духу Россіи и завѣщаніямъ Петра Великаго, отстаивала Русскій умъ и честь отъ униженія, и, казалось, что самолюбіе его страдало до слезъ, повсюду, гдѣ не было вѣры въ способность Русскую. «Не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, пишетъ онъ къ Теплову,—*дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго.*» — «Что для меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старости не покину.» Явленіе подобнаго человѣка въ эпоху начинаній доказываетъ, что инстинктуальный умъ Русскихъ давно уже образовался: ему стоило только перенять новыя Европейскія формы, и онъ готовъ былъ состязаться съ учителями своими, и отразить вліяніе всего, что было не свойственно или вредно народу.

Едва Ломоносовъ вступилъ въ Академію наукъ, и его духъ преслѣдованія безпорядковъ и злоупотре-

Статскимъ Совѣтникомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Константиновымъ, который имѣлъ двухъ дочерей: Екатерину Алексѣевну и Софью Алексѣевну—нынѣ вдову покойнаго Генерала отъ кавалеріи Николая Николаевича Раевскаго. Такимъ образомъ бумаги Михаила Васильевича составляли родовое наслѣдіе по женской линіи.

бленій является уже въ донесеніи Сенату совѣтника Академіи Партова отъ 22 Января 1742 года.

«Понеже всему свѣту извѣстно, какое неусыпное попеченіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, по своей высочайшей къ подданнымъ своимъ благосклонности и милостивой любви, имѣлъ между прочими знатными и славными дѣлами, о произведеніи въ Россійской Имперіи наукъ; чего ради всемилостивѣйше повелѣлъ учредить Академію наукъ и художествъ, не для однихъ чужестранныхъ; но паче для своихъ подданныхъ, и при первомъ случаѣ не умедлилъ потребныхъ и искуснѣйшихъ профессоровъ и учителей выписать, регламентъ выдать, и оное основаніе при себѣ завесть, и въ дѣйство произвесть при себѣ соизволилъ. По кончинѣ же его Императорскаго Величества, ревнуя тому Его Величества Высочайшему намѣренію, и Ея Императорское Величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, профессоровъ и учителей умножить и къ лутчему произведенію наукъ милостивое стараніе прилагать не оставила; и сіе-то нужное дѣло намѣренію Его Императорскаго Величества до единой протекціи токмо Ихъ Величества принадлежало; почему и состояніе онаго по начатіи порядочно происходило и дѣйствіе имѣло. Когда же по волѣ всемогущаго Бога Ихъ Императорскихъ Величествъ жизнь прекратилась, то оная Академія отъ времени до времени будучи въ правленіи однихъ опредѣленныхъ членовъ (между

которыми бывшій и нынѣ находящійся совѣтникъ Шумахеръ, по всемъ правленіи властнымъ учинился) въ такое несостояніе приведена, что никакого плода Россіи не приноситъ, кромѣ единаго поврежденія противными преднимъ Государя Императора Петра Великаго учрежденіямъ поступками и государственной казнѣ убытка, что видя я всеподданнѣйшій, нижайшій Ея Императорскаго Величества рабъ и предохраняя Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ по должности своей, яко членъ того правительства и сынъ отечества, не могъ умолчать, чтобъ о томъ Правительствующему Сенату не представить:

1.

О учрежденіи той Академіи Государя Императора Петра Великаго регламентъ, который надлежало не только служителямъ академіи вѣдать, и каждому должность свою знать, но и для другихъ въ печать предать, онъ Шумахеръ скрылъ и никому не объявилъ и понынѣ. Чего ради прежніе учители не видя его Императорскаго Величества намѣренія и усмотря происходимыя притомъ непорядки, принуждены были безъ показанія Россіи плода въ свои отечества возвратиться.

2.

Онъ Шумахеръ вмѣсто тѣхъ, другихъ безъ указу собою выписывалъ и принималъ; жалованье и пенсіи опредѣлялъ не малыя суммы, не по достоинству, и потомъ паки изъ службы отпускалъ безъ всякаго показанія плода, чего ему собою чинить не надлежало.

3.

Штаты сочинялъ и подавалъ положа и требуя великія суммы денегъ, и писалъ чего не подлежало къ немалому казенному убытку, безъ чего весьма обойтиться и прежде опредѣленною суммою, ежелибъ съ добрымъ осмотрѣніемъ расходъ содержанъ былъ, исправиться было можно.

4.

Приходы и расходы денежные держитъ подъ единою своею дирекціею и дѣлаетъ что хочетъ, таяся протчихъ, а щетовъ правильныхъ и обстоятельныхъ и донынѣ въ ревизію не даетъ.

5.

Въ бывшее правительство для показанія себя въ свѣтѣ, вымыслилъ за должное явить описаніе академическаго установленія; яко бы то все его трудами произошло, что и въ дѣйство произвелъ, бывшей Правительницѣ Принцессѣ Аннѣ представилъ, а потомъ и въ печать предалъ, подъ единымъ своимъ именемъ, неосновательнымъ и фальшивымъ показаніемъ закрывая дѣла и труды Высокаго и въ свѣтѣ славнаго Монарха. 1) Написалъ будто Государя Императора Петра Великаго намѣреніе было Академію художествъ и рукодѣлій подчинить Академіи наукъ, чего не бывало, и тому во обличеніе свидѣтельствуетъ своеручное росписаніе собственно Его Императорскаго Величества руки, имѣющееся у меня, на что и сумма особливая была опредѣлена, а онъ Шумахеръ оную на другое употребленіе въ

Академію наукъ безъ указу взялъ. 2) Въ той же книгѣ включилъ почетныхъ членовъ 23 человѣка, а въ поданномъ штатѣ написалъ четырнадцать. 3) Будто гражданская типографія, словолитная, и протчая произведены стараніемъ его, а оныя еще при жизни Государя Императора Петра Великаго, чрезъ многотрудныя Его Величества изобрѣтенія дѣйствительно имѣлись. 4) Я по Высочайшей Ихъ Императорскаго Величества милости въ той Академіи нахожусь членомъ; а онъ злости ради съ прочими и не включилъ.

6.

Выписанные имъ Шумахеромъ профессоры какое въ собраніяхъ имѣютъ разсужденіе, то все выдаютъ въ печать на чужестранныхъ діалектахъ, а прежде выдавали на Россійскомъ діалектѣ, что и Россійскій народъ зналъ и чрезъ то любопытные люди пользовались; а нынѣ оное закрыто, и обученіе Россійскаго народу молодыхъ людей оставлено. А производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, въ которыхъ Россійской Имперіи ни сколько пользы быть не можетъ, кромѣ единаго казеннаго убытка, который притомъ исходитъ на жалованье и прочее, съ чѣмъ оные по времени имѣютъ бѣжать въ свои отечества, а Россійскаго народа люди въ чужихъ краяхъ обучаютъ всегда на своемъ, или на казенномъ же коштѣ; хотя же для лучшаго произведенія наукъ Россійскихъ людей, можнобъ изыскать ученыхъ нѣсколько человѣкъ изъ Россіянъ; но того ему Шумахеру въ память не приходитъ и слышать

не хочетъ, ни для чего инаго, токмо чтобъ въ его своевольныхъ и непорядочныхъ поступкахъ къ снисканію своего интереса никто не мѣшалъ, и чрезъ такіе непорядки и нераденіе, ни кто изъ Россійскихъ людей въ наукахъ ни въ какихъ въ профессоры съ начала Академіи наукъ и понынѣ не произведенъ.»

Остальные 7, 8 и 9 параграфы объясняютъ денежныя злоупотребленія и особенно опасеніе на счетъ библіотеки и кунсткамеры, состоящихъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ Шумахера.

Это донесеніе, писанное въ Январѣ (22) мѣсяцѣ 1742 года, имѣло свое вліяніе, и по указу отъ 30 Сентября того же года поручена канцелярія Академіи наукъ совѣтнику Партову въ смотрѣніе, со Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ, что ему на мѣсто Шумахера въ оной Академіи быть до указу и во всемъ по регламентамъ и указамъ Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго поступать, и проч.

Въ донесеніи Партова въ Сенатъ въ Ноябрѣ 1743 года, приложена вѣдомость отрѣшающихся и увольняющихся членовъ за излишествомъ и негодностію; причины отрѣшенія и увольненія нѣкоторыхъ замѣчательны, напримѣръ:

ПРИ ГИМНАЗІИ УЧИТЕЛИ.

Миллеръ) *Германъ*) Оные Германъ и Миллеръ обучали въ оной Латинскому и Нѣмецкому языкамъ; а Россійскаго языка ничего не знаютъ, а дол-

жность для лучшаго понятія Россійскому народу въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ могутъ исправить переводчики или студенты, которые Нѣмецкой, Французской и Латинской языкъ знаютъ, *что и прожектъ Государя Императора Петра Великаго объ Академіи наукъ повелѣваетъ.*

Фишеръ. Оный Фишеръ опредѣленъ въ 741 году; Россійскаго языка, также какъ и помянутые учители, весьма мало знаетъ и для того къ обученію Россійскихъ учениковъ неспособенъ, да и къ тому же глухъ и мало видитъ.

Танцмейстеръ Басенкуръ. Опредѣленъ въ 740 году, обучаетъ танцованію дважды въ недѣлю по четыре часа; а по прожекту Государя Императора Петра Великаго танцмейстера при Академіи не положено. И проч.

Сохранившійся между бумагами листъ черновой бумаги, писанный рукою Ломоносова, объясняетъ болѣе тогдашнее состояніе Академіи наукъ. Это вѣроятно отрывокъ изъ проэкта о исправленіи Академіи и составляетъ начало первой части.

ГЛАВА I.

О СОСТОЯНІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРЕЖДЕ НОВАГО РЕГЛАМЕНТА.

«Хотя академическое состояніе прежде новаго штата было по большей части въ мою при Акаде-

міи небытность; однако имѣю объ ономъ не малое знаніе, которое отчасти чрезъ достовѣрныя извѣстія, отчасти по пріѣздѣ изъ заморя въ немалое время собственнымъ искуствомъ сдѣлалъ. Всѣхъ безпорядковъ ни моя память обнять можетъ, ниже ихъ множество представить позволяетъ обстоятельно. Для того знатнѣйшіе кратко упоминаю:

1. Члены Академіи наукъ, Петромъ Великимъ выписанные, славные люди: Германъ, Бернулій, Бильфингеръ, Беккенъ, Штейнъ и другіе (для неудовольствія и обидъ отъ бывшаго тогда Академіи Президента Блументроста и отъ библіотекаря Шумахера) * принуждены были выѣхать, и Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы.

2. Ссоры Шумахеровы съ оставшимися старыми профессорами, а особливо съ Делилемъ и Дюверноемъ, много приращенію наукъ препятства учинили.

3. Великое воспященіе и помѣшательство чинили частыя неудачливыя челобитныя на Шумахера:

1) Самыхъ первыхъ выше упомянутыхъ профессоровъ безполезныя жалобы, для незнанія Россійскаго языка.

2) Пріѣхавшихъ изъ Москвы въ 1736 году студентовъ (прошеніе въ Правительствующемъ Сенатѣ), ** для того, что ихъ почти голодомъ морили.

3) Доносительство многихъ академическихъ служителей разныхъ званій (съ Совѣтникомъ Партовымъ), *** для чего учреждена была Коммиссія 1742

* Строки въ скобкахъ зачеркнуты.

** На боку въ выноскѣ.

*** Въ выноскѣ.

года, и по нѣкоторымъ пунктамъ Шумахеръ приличился (обличился); но, знатнымъ предстательствомъ прикрытъ, спасся. 4) Всѣмъ профессорскимъ собраніемъ подаваны были въ Правительствующій Сенатъ на него письменныя жалобы.

1. Съ начала Академіи наукъ отъ 1725 года по 1733 годъ ни единаго Россійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у профессоровъ слушалъ. А пріѣхавшіе изъ Москвы тогда 12 человѣкъ изъ Спасскихъ школъ, лучшіе посланы въ Камчатскую экспедицію, и тамъ, кромѣ Крашенинникова, стали негодными, будучи безъ всякаго призрѣнія; оставшіеся въ Санктпетербургѣ, скитавшись нѣсколько времени въ бѣдности, для худаго содержанія опредѣлились по художествамъ и въ канцелярію.

2. Взяты изъ Москвы въ Академію изъ Спасскихъ школъ въ 1736 году 12 человѣкъ, изъ которыхъ Ломоносовъ и Виноградовъ посланы для наукъ за море. Оставшіеся принуждены были немалое время терпѣть крайнюю нужду, и не имѣть долгое время въ наукахъ наставленія. Затѣмъ просили о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, и библіотекарю Шумахеру учиненъ былъ строгій выговоръ. Послѣ того лекціи начались студентамъ и деньги кормовыя въ маломъ числѣ выдавались. По окончаніи лекцій нѣкоторые опредѣлены въ переводчики, прочіе остались студентами, и по большей части безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи, отъ уныніе и отчаянія опустились въ подлость и

тѣмъ потеряны (Мы двое) Ломоносовъ и Виноградовъ съ третьимъ Рейзеромъ опредѣлены были кабинетскимъ указомъ, 1736 года Марта 18 дня, учиться за моремъ на суммѣ особливо изъ статской конторы сверхъ академической. Однако получивъ оную, употребила на другіе расходы канцелярія академическая; а оные три студента принуждены были жить въ Санктпетербургѣ съ 19 Марта до половины Сентября мѣсяца, затѣмъ что денегъ на дорогу долго ждали *. За моремъ будучи претерпѣвали великую нужду за удержкою жалованья, и живучи въ долгъ и *беручи* деньги въ процентъ великіе понесли убытки. Наконецъ, какъ они во Фрейбергѣ горнымъ дѣламъ учились, и совѣтникъ Генкель не получалъ напередъ шести сотъ рублевъ обѣщанныхъ, половину своей за нихъ платы, также и къ студентамъ весьма скудно деньги, и то чрезъ него Генкеля присылались, которыя онъ у себя сталъ удерживать, и не надѣясь отъ Академіи себѣ награжденія, по прошествіи десяти *мѣсяцей*, при окончаніи химическаго курса совсѣмъ онымъ студентамъ отказалъ въ деньгахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ Ломоносовъ искать случая въ Россію возвратиться и по прошенію онаго, а по ордеру Академіи президента фонъ Бреверна въ С. Петербургъ пріѣхалъ. Оставшіе послѣ его товарищи близко три года не могли для долговъ въ отечество возвратиться, пока ихъ Горная Коллегія по представ-

* Прибавлено на сторонѣ: и въ осень глухую на морѣ едва не потонули.

ленію вице-президента Рейзера выкупила. Хотя между тѣмъ въ Академіи сумма на троихъ оныхъ студентовъ каждый годъ напередъ отпускалась. (И уже въ мою бытность здѣсь въ адьюнктахъ четыреста рублевъ на мою часть якобы для посылки мнѣ за море изъ статсъ-конторы принимались въ Академіи. Чудное дѣло! я былъ *въ одно время три года здѣсь* и за моремъ вдругъ.)»

(Окончания нѣтъ).

Нельзя оспоривать, что при началѣ учрежденія Академіи наукъ, въ Россіи необходимо было дать ученымъ людямъ, выписаннымъ изъ-за границы, преимущества, выгоды и даже право распорядительности. Петръ Великій основалъ дѣятельность Академіи на людяхъ, которыхъ память чтитъ Россія, но послѣ Петра Великаго, новый комплектъ, кажется, занялъ Академію, точно также какъ Дидона землю туземцевъ Африканскихъ, и сталъ истреблять насажденія великаго образователя; слѣдовательно постоянныя негодованія и жалобы Ломоносова на злоупотребленіе справедливы, и мы можемъ считать его Русскимъ отводомъ противъ тогдашнихъ иноземныхъ тучь. За него, какъ за человѣка съ сильной душою, готовой къ самопожертвованію, загородились многіе; одаренный могучею умственною дѣятельностію и проникнутый любовью къ отечеству, онъ уважалъ всѣхъ истинно просвѣщенныхъ; но ненавидѣлъ ученыхъ педантовъ и арендаторовъ науки и ученаго званія, сталъ невольнымъ представителемъ борьбы за завѣтъ Петра и за самостоятельность Русскую, и

слѣдовательно имѣлъ враговъ, невольно становился жалобникомъ, потому что въ этой тяжбѣ терпѣла и личность его. Явный врагъ его былъ Таубертъ; Ломоносовъ преслѣдуетъ его неутомимо за злоупотребленія и несправедливости; но повсюду видна главная цѣль: возстановленіе Академіи для *пользы* отечества и Русскаго юношества, *которую предназначилъ Петръ Великій.* Всѣ предложенія о новыхъ учрежденіяхъ писаны его рукою, и во всѣхъ черновыхъ бумагахъ видны родныя заботы объ успѣхахъ Русскаго просвѣщенія.

Между бумагами находятся собственноручныя черновыя:

1. Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе.

2. Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ.

3. Новое примѣрное распоряженіе и учрежденіе Санктпетербургской Академіи наукъ, на Высочайшее разсмотрѣніе и апробацію Ея Императорскаго Величества сочиненное.

4. Разсужденіе о академическомъ регламентѣ и штатѣ.

5. Idea status et legum academiae Petropolitanae (черновая, также собственноручная).

6. Примѣрная инструкція морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на востокъ сѣвернымъ Сибирскимъ Океаномъ.

И много другихъ, касающихся до Университета и Гимназіи.

Выпишемъ: Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе.

1.

«Учинить надобно въ голосахъ равновѣсія между Россійскими и иноземцами, и для того прибавить въ канцелярію члена Россійскаго. По моему мнѣнію весьма къ тому способенъ господинъ профессоръ Кательниковъ: человѣкъ ученый, порядочной, смышленой и трезвой.

2.

«Для извѣстныхъ противоборствъ и препятствій къ приращенію наукъ не имѣть никакого дѣла до наукъ Г-ну Тауберту, а стараться ему привести въ добрый порядокъ библіотеку и кунсткамеру и книжную лавку, и больше попеченіе имѣть о надлежащемъ числѣ и расположеніи нужныхъ книгъ, какъ изъ нихъ многихъ нѣтъ, нежели о внѣшнемъ видѣ, чтобъ только въ глаза бросалось. Порученные мнѣ единственно Департаменты, Университетъ и Гимназія, не взирая на великія соперниковъ противленія и хулу, состоятъ въ хорошемъ порядкѣ. А гдѣ Г. Тауберть голосъ имѣетъ, тутъ ужасныя остановки. Я думаю, что можно науки повѣрить лучше двумъ Россіанамъ, мнѣ и господину Кательникову: довольно и такъ иноземцы Россійскому юношеству недоброхотствомъ въ происхожденіи препятствовали.

3.

«А для лучшаго удовольствія и покоя отдѣлить опредѣленную сумму на науки въ особливое коми-

сарство, и учредить особливое повытье; ибо съ самаго начала Академіи, науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройки, починки, ненужныя покупки и прочіе, — и такъ нынѣ академическое комисарство должно наукамъ около семидесяти тысячь рублевъ.

4.

«Секретарь конференціи въ тѣхъ Академіяхъ надобенъ, гдѣ нѣтъ Канцеляріи; а у насъ онъ совсѣмъ излишенъ и сверхъ того нынѣшній недобрый человѣкъ, сначала Академіи возмутитель и недоброхотъ Россіи *. Безъ него и безъ всякаго, протоколы конференціи, какъ и прежде было, можетъ вести актуаріусъ и всѣ члены подписывать. Переписку съ иностранными имѣть долженъ каждый академикъ по своей профессіи; равно какъ каждый сочинить на свою диссертацію сокращеніе въ комментаріи, что не токмо Миллеру невѣждѣ, но и Полигистору трудно исполнить; довольно ему работъ, чтобъ вѣрно и безъ шикановъ писать исторію Сибирскую и ежемѣсячныя сочиненія.

* Секретаремъ былъ Миллеръ. Его диссертація, о происхожденіи Руссовъ отъ Скандинавовъ, возстановила противъ него всѣхъ Русскихъ ученыхъ тогдашняго времени. Въ то время это казалось злоумышленіемъ противъ самобытности народа Славянскаго племени, и иначе не могло казаться; раздражительный Ломоносовъ возненавидѣлъ Миллера за несправедливость историческую. Послѣ этого неудивительны отзывы его о человѣкѣ, котораго считалъ врагомъ самобытности своего отечества, и независимости происхожденія отъ опасныхъ въ то время сосѣдей. — Смотри ниже: Высочайшій указъ о предосудительности диссертаціи Миллера для Россіи. 1750 года Сент. 24 дня. Прим. издателя.

5.

«Инструментальное художество заведено при Академіи, для дѣланія инструментовъ по профессорскимъ изобрѣтеніямъ; а нынѣ въ рукахъ у Г. Тауберта. Съ нужею и я для опытовъ достаю позволеніе; то подумать можно чего надѣяться могутъ прочіе академики. Для того весьма надобно опредѣлить нѣкоторыхъ инструментальщиковъ, кои бы единственно работали изобрѣтенія профессорскія и принадлежали департаменту наукъ; тогда и лѣнивые не могутъ отговориться, что по ихъ идеямъ ничего не дѣлаютъ, и должны будутъ дать отвѣтъ, ради чего не трудятся. И словомъ, будетъ можно ихъ заставить думать, чтобъ напрасно не брали денегъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно уповаю, что Академія придетъ въ цвѣтущее состояніе, застарѣлое зло искоренится и оная будетъ не смѣхъ, но примѣръ другимъ командамъ.»

—

Въ доказательство непоколебимой настойчивости для достиженія своей благонамѣренной цѣли можетъ служить *приступленіе* (вѣроятно къ прожекту исправленія Академіи).

«Въ благословенное время государствованія Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея къ намъ подданнымъ благодѣяніями, съ радостною надеждою ожидаемъ полнаго благополучія, то есть всесовершеннаго установленія непоколебимыхъ и ясныхъ законовъ, которыми

отвратятся всѣ вредительные въ судахъ безпорядки и пагубныя ухищренія.

«Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, о разсмотрѣніи и исправленіи всѣхъ Россійскихъ законовъ по справедливости касается и до Императорской Академіи наукъ. Того ради высокопомянутый Правительствующій Сенатъ повелѣлъ учинить академическаго регламента разсмотрѣніе. Всевожделѣнный случай къ исправленію бѣднаго состоянія Академіи! Однако вкоренившееся и застарѣлое въ ней злочастіе чинитъ препоны и сему великому матернему и божественному попеченію и желанію всемилостивѣйшія Монархини нашея. Ибо все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными происками и наглыми поступками, которымъ самозванно сочинитель, а слѣдовательно и защититель онаго регламента старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ Правительствующаго Сената о исправленіи законовъ. Стоя за пользу и важность высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть неправедное и несносное огорченіе; однако какъ протчихъ поношеній и гоненій мною претерпѣнныхъ, такъ и сего не упоминаю обстоятельно. Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріялъ я отдать отечеству послѣднюю должность. Ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія Великія нашея Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ отечествѣ.

«Симъ предпріятіемъ побуждая на себя безъ сомнѣнія нѣкоторыхъ негодованія, которыхъ по силѣ доброжелательство прежнее чувствительно; однако совѣсть и должность онаго несравненно сильнѣе. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно уже заблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, вѣдая другихъ Академій поведеніе, видя великій упадокъ и бѣдное состояніе здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ Регламентѣ и безполезную трату толикой казны Ея Величества, не представлять по своей должности. Что отвѣтсвовать? Развѣ что я боялся руки сильныхъ? Но я и живота своего не жалѣть въ случаѣ клятвою предъ Богомъ обѣщался. И такъ ежели симъ истинной своей ревности не удовольствую, и можетъ быть себя опасности подвергну; однако присяжную должность исполню.

«Для лучшаго изысканія способовъ, какъ исправить Академію Наукъ, должно вопервыхъ предложить ея состояніе, потомъ показать причины таковаго оныя упадку; наконецъ объявить способъ къ исправленію и приведенію въ цвѣтущее состояніе.»

—

Въ 1758 году раздѣлены Академическіе Департаменты, и Ломоносову поручены ученые, а именно: Академическое профессорское собраніе, Университетъ, Гимназія и Географическій департаментъ. Знаніе дѣла по части послѣдняго извѣстны намъ изъ изданныхъ сочиненій Ломоносова; дѣятельность же его и распорядительность въ управленіи, и всѣ помѣ-

шательства, которыя дѣлали ему къ исполненію его полезныхъ и обширныхъ предположеній, можно видѣть изъ прилагаемыхъ выписокъ.

Первой заботой его было исправить старый атласъ Россіи, который, какъ видно изъ донесенія его президенту Академіи, Графу Разумовскому, исполненъ былъ погрѣшностями и недостатками до того, что «многія имена и положенія мѣстъ ложно были означены, значительныя урочища пропущены, и цѣлые уѣзды, многолюдными волостями населенные, были на картѣ пусты, и сверхъ того Санктпетербургская губернія съ завоеванными провинціями вмѣщены въ одну карту.»

«По порученіи отъ Вашего Сіятельства мнѣ особливаго смотрѣнія надъ Географическимъ Департаментомъ, — доносилъ Ломоносовъ, — вопервыхъ я старался какъ бы сей недостатокъ отвратить и тѣмъ показать въ другихъ государствахъ, что наше отечество не такъ пусто и безнародно, какъ на атласѣ нашемъ поставлено; къ сему концу 1. сочиняются въ Географическомъ Департаментѣ новыя карты въ большой форматъ. Первая, особливо, карта С. Петербургской губерніи, потомъ Лифляндіи, Эстляндіи, также и Новгородской губерніи, что производится изъ имѣющихся въ географическомъ архивѣ документовъ. 2. Для лучшаго и нынѣшняго исправленія погрѣшностей и для исполненія недостатковъ по моему представленію подано отъ Академической канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ доношеніе, дабы повелѣно было собрать географическія извѣстія со всего Россійскаго Государства для исправленія Рос-

сійскаго атласа, на что полученъ отъ Правительствующаго Сената повелительный указъ, чтобъ географическіе запросы, въ Академіи сочинивъ и напечатавъ, представить высокономянутому Сенату для разсылки по Государству при указахъ, и оные запросы сочинены и къ поданію отпечатываются. 3. Подобное доношеніе подано и въ Святѣйшій Синодъ для географическаго знанія синодальныхъ строеній, откуда также не безнадежно о полученіи удовольствія....»

Для большей исправности Россійскаго атласа неотмѣнно должно знать долготы и широты знатнѣйшихъ мѣстъ Россійскаго Государства, о чемъ неоднократно отъ профессоровъ представляемо было и должно быть исполнено, а особливо нынѣ при сочиненіи новаго атласа. . . . .»

—

Представленіе Ломоносова Президентъ Академіи предписалъ исполнить, и вѣроятно въ слѣдъ за симъ представлены были Ломоносовымъ мнѣнія: 1, мнѣніе о посылкѣ астрономовъ и геодезистовъ въ нужнѣйшія мѣста въ Россіи, для опредѣленія долготы и широты.

2, Мнѣніе о употребленіи нынѣшней ревизіи въ пользу Географіи Россійской и сочиняющагося атласа.

Содержаніе перваго, исключая вступленіе, въ которомъ повторяется вышесказанное, слѣдующее:

«4, Раздѣлить великую Россію (Сибирь послѣ слѣдовать имѣетъ) на три экспедиціи, которыя бы всѣ въ полтора, а по большей мѣрѣ въ два года могли быть окончены: ибо всего путешествія по

моему исчисленію будетъ около 18 тысячь верстъ, что раздѣливъ на трое, достанется на каждую экспедицію по 6000 верстъ. Положивъ, что въ ѣздѣ надобно по 3 недѣли на 1000 верстъ, пойдетъ на оную 13 недѣль; для обсерваціи всѣхъ пунктовъ 50, считая на каждый по три недѣли; будетъ 150, и на одну экспедицію 50 недѣль; всего годъ и 16 недѣль.

«5, Первая экспедиція должна опредѣлить астрономическое положеніе городовъ: Нарвы, Пскова, Великихъ Лукъ, Смоленска, Тулы, Глухова, Кіева, Запорожской Сѣчи, Бахмута, Бѣла города, Воронежа, Верхняго Ламова, Касимова, Владиміра, Москвы, Твери, Новагорода.

«6, Въ сію экспедицію употребленъ быть можетъ адъюнктъ Красильниковъ съ однимъ геодезистомъ и съ приданнымъ ему морскимъ или сухопутнымъ кадетомъ, которыхъ истребовать должно.

«7, Вторая экспедиція назначить имѣетъ по астрономіи положеніе мѣстъ: Казани, Хлынова, Кай городка, Соли Камской, Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга, Яика, Гурьева, Астрахани, Царицына, Черкасска или Азова, устья рѣки Медвѣдицы, Борисоглѣбска, Пензы.

«8, Въ сію экспедицію употребленъ быть можетъ адъюнктъ Шмидъ, съ вспоможеніемъ геодезиста, или кадетовъ, о чемъ должно послать въ оные корпуса промеморіи. Но ежели Г. профессоръ Гриновъ пожелаетъ въ сію экспедицію, то бы могъ онъ измѣрить сверхъ того 47 градусъ и учинить нивелла-

цію между Каспійскимъ и Черньмъ моремъ. Что Академіи въ славу, и ему бы въ похвалу послужило.

«9, Третья экспедиція опредѣлить имѣетъ астрономическое положеніе мѣстъ: Ладоги, Тихвина, Ярославля, Нижняго Новгорода, Козмодемьянска, верховья рѣки Ветлуги, Галича, Вологды, Устюга, устья рѣки Выми, Усть-Елмской слободы, Пустозерскаго острога, Мезени, города Архангельскаго, Кеми, Кандалакши, Колъ, Каргополя.

«10, Къ сему опредѣлить Г. Попова, съ надлежащимъ вспоможеніемъ геодезистовъ, и кадетовъ, которыхъ ради великаго разстоянія мѣстъ и разности мѣстъ, должно усугубить.

«11, Всѣмъ въ инструкціяхъ изобразить, и отъ Сената для всѣхъ указы испросить, чтобъ гдѣ въ городахъ есть геодезисты или инженеры, даваны бъ были безъ отговорки въ ихъ команду, для вспоможенія въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ.

«12, Средства къ исполненію сего предпріятія, при искусныхъ людяхъ суть инструменты, изъ которыхъ нѣкоторые должно взять изъ принадлежащихъ къ обсерваторіи. Впрочемъ употребить другіе краткіе способы, которые служатъ для обрѣтенія долготы на морѣ; ибо они на сухомъ пути много удобнѣе и съ довольною точностію для Географіи употребляемы быть могутъ, въ чемъ, по согласію съ господами астрономами, могу рекомендовать мои изобрѣтенія.

«13, Впротчемъ солнечное сего года затмѣніе и два лунныхъ не безполезны въ семъ предпріятіи будутъ.

«14, Наконецъ въ инструкціяхъ, которыя симъ экспедиціямъ дадутся, все нужное и полезное обстоятельно изображено быть имѣетъ.

«15, И такъ ежели сіе дѣло съ надлежащимъ раченіемъ и безъзавистно предпріято и продолжаемо будетъ, (въ чемъ я крайнія мои силы употреблять намѣренъ) то, весьма не сомнѣваюсь, что чрезъ три года будемъ за Божіею помощію имѣть несравненно исправнѣйшій передъ прежнимъ Россійскій атласъ въ шестидесяти или осьмидесяти спеціальныхъ картахъ, съ отмѣнными украшеніями и съ политическимъ и экономическимъ обстоятельнымъ описаніемъ всея Имперіи, включая Сибирь, на которую еще сверхъ того два, или три года употребить должно будетъ.»

—

Предполагаемое мнѣніе Ломоносова о командированіи трехъ астрономическихъ экспедицій однако же измѣнено имъ на двѣ. Мы выпишемъ любопытныя «подписки академическихъ членовъ и адъюнктовъ для апробаціи пути посылающихся въ экспедиціи обсерваторовъ.»

— «Подъ сими подписать свое мнѣніе господамъ профессорамъ Миллеру, Браупу, Попову, Котельникову, Епинусу, господамъ адъюнктамъ Красильникову, Трускоту, Румовскому, Шмиту, о расположеніи пути двухъ астрономическихъ экспедицій. Первый путь и обсерваціи: Нарва, Псковъ, Великіе Луки, Смоленскъ, Тула, Глуховъ, Кіевъ, Сѣчь Запорожская, Бахмутъ, Бѣлгородъ, Воронежъ, Верхній Ло-

мовъ, Переяславль Рязанскій, Володимеръ, Москва, Тферь, Ярославль, Нижній Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, верховье рѣки Ветлуги, Вологда, Устюгъ, городъ Архангельской, Кѣмь, Кандалакша, Кола, три острова, Каргополь, Ладога. Второй путь и обсерваціи: Новгородъ, Тихвинской монастырь, Бѣло озеро, Кострома, Казань, Хльновъ, Яренскъ, верховье рѣки Выми, Пустозерской острогъ, верховье большой Печоры рѣки, Солькамская, Екатеринбургъ, Уфа, Оренбургъ, главный изгибъ рѣки Яика, Гурьевъ, Астрахань, Царицынъ, Черкаскъ, устье рѣки Медвѣдицы, Саратовъ, Пенза, Самара.

На подлин: Секретарь Михайло Гурьевъ.
Сентября 24 дня 1760 года.

Подписки:

«Прежде какъ учредить такія важныя экспедиціи, которыя не малой суммы требовать будутъ, надлежитъ знать, кто такіе въ каждый путь отправлены быть имѣютъ, что имъ на оныхъ путяхъ дѣлать, можетъ ли каждый изъ нихъ потому исполненія чинить, и есть ли на то довольное число надлежащихъ инструментовъ въ готовности. О чемъ яко о главномъ дѣлѣ надлежитъ довольное разсмотрѣніе имѣть въ академическомъ собраніи, дабы требуемое на то иждивеніе не употреблено было въ тунѣ. А что касается до опредѣленія дорогъ, сіе дѣло маловажное, можно такъ, можно и инымъ образомъ; однако сіе притомъ наблюдать надобно, чтобъ дороги были способны, по коимъ либо на телегахъ, или на саняхъ, или водянымъ путемъ на судахъ проѣхать

можно было жильми мѣстами, и никакое бы знатное мѣсто, поколику положеніе ихъ допуститъ, пропущено не было. О семъ я впредь свое мнѣніе дать буду.»

Сентября 24 дня 1760 года.

Подписано: Г. Ф. Миллеръ.

«Духъ празднословія не даждь ми.»

И. Поповъ.

«Es liegt nichts daran, ob diese 2 Expeditiones von Norden oder Süden anfangen wenn nur bey solchen der Endzweck erhalten wird, ich denke und werde auch ganz gewiß behaupten, daß man viele von denen vorgeschriebenen Orten, wird veglassen Rönnen wenn man sich derer Hülfs-Mittel so noch beym Departament vorhanden bedienen will.»

Schmidt.

Переводъ помѣщенъ въ экстрактѣ географической экспедиціи:

«Въ томъ нужды нѣтъ, хотя сіи двѣ экспедиціи отъ сѣвера и юга начать, когда только ими намѣреніе исполнится, я думаю и заподлинно утверждаю, что многіе изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ выключить можно, ежели употребятся тѣ средства, которыя въ департаментѣ находятся. Шмидъ.

«О показанной экспедиціи я нижеподписавшійся согласенъ.»

Андрей Красильниковъ.

«О вышеобъявленномъ расположеніи двухъ астрономическихъ экспедицій я согласенъ.»

Иванъ Трускотъ.

«Согласенъ.» Степанъ Румовскій.

«О семъ расположеніи пути я согласенъ.

Семенъ Котельниковъ.

Nihil habeo quod moneam.

Braun.

Meiner Meinung wird man wenn die Lage der in der beyligenden Charte angegebenen Orte, durch Astronomische Observationen berichtigt ist, im Stande seyn, eine sehr richtige Charte des Russischen Reichs zu verfertigen. Es ist also allerdings zu wünschen daß die angegebenen Expeditionen vollführet werden mögen.

Aepinus *.

—

Для совершенія этихъ экспедицій назначены были въ первую профессоръ Поповъ и Адъюнктъ Шмитъ, въ другую въ званіи адъюнкта капитанъ Геодезіи Красильниковъ и присланный по требованію Академической канцеляріи изъ Государственной Коллегіи математическихъ и *навигатскихъ* наукъ подма-

* Фамилія вѣроятно принятая отъ Греческаго слова αἰπεινὸς — hochfahrend; tiefsinnig.

стерье ранга *поручицкаго* Николай Кургановъ, и сверхъ того при каждой экспедиціи по одному геодезисту.

Экспедиціи готовы были уже отправиться; но, къ несчастію, погнались за Венерой, которая проходила чрезъ солнце, и оставили полезное предпріятіе. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Надворный Совѣтникъ Профессоръ Поповъ и адъютантъ Степанъ Румовскій отправлены были для наблюденія прохожденія Венеры, и почти всѣ астрономическіе инструменты взяты этими двумя обсерваторами. Это первая остановка экспедиціямъ. Рѣшились за нужное выписать инструменты изъ-за моря. За комиссію взялся сначала Статскій Совѣтникъ Тауберть, но чрезъ нѣсколько дней отказался; потомъ взялся выписать инструменты Статскій Совѣтникъ Штелинъ, и получены эти инструменты 1763 года Апрѣля 1 числа, ровно черезъ два года. 17-же Апрѣля 1763 года господинъ Президентъ за благо почелъ оныя экспедиціи приостановить; а между тѣмъ «господамъ Статскимъ Совѣтникамъ Тауберту и Ломоносову прислать каждому особое свое мнѣніе, и *ежели оба на одномъ согласятся*, тогда учредить экспедиціи, чтобъ напрасно коштъ не былъ потерянъ, такъ и честь Академіи была сохранена.»

Уничтоженіе этого предпріятія было уже признакомъ, что Тауберть, Миллеръ, Шлецеръ и словомъ всѣ иноземные ученые Академіи подавили Ломоносова. Письмо къ Теплову есть уже голосъ отчаянія.

Копія съ письма Г. Теплову, писаннаго на Украйну въ 1761 году:

«Неоднократно писалъ я къ Его Сіятельству и къ Вашему Высокородію отъ истиннаго усердія къ расширенію наукъ въ отечествѣ, въ Москву и на Украйну, и представляясь здѣсь, словесно и писменно о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ. Однако не по мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедротѣ, воспослѣдовали рѣшенія и успѣхи; затѣмъ что не отнято прежнее самовольство недоброхотамъ приращенію наукъ въ Россіи; а когда злодѣи ободрятся, а добрые умножаются, то всегда добру вредъ чинится. Кромѣ многихъ недавнѣйшій примѣръ сами довольно помните, и въ совѣсти своей представить можете; что вы осердясь на меня по безсовѣстнымъ и ложнымъ жалобамъ двухъ студентовъ, кои отнюдь требовали быть адьюнктами по недостоинству, а сами отъ университета вовсе отстали, и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вамъ сватъ, здѣлали неправое дѣло. Не спрося отъ меня отвѣту и оправданія присовѣтовали, да и по штилю видно, сами сочинили мнѣ публичный выговоръ, человѣку, которой больше достоинствъ и услугъ имѣетъ, нежели за такую мѣлочь передъ командою былъ обруганъ. И того еще вамъ было мало; вдосаду мнѣ, прибавили Миллеру жалованья, чтобъ онъ отправлялъ три дѣла исправно. А имѣнно за то, что онъ будучи професоръ тридцать лѣтъ никогда лекцій не читывалъ и не сочинялъ ничего, чтобъ профессора было достойно. 2) Что онъ будучи конференцъ-секретаремъ задерживаетъ намъ ме-

моріи неисправностію въ сочиненіи сокращеній, ведетъ тайную, непозволительную и подозрительную съ иностранцами переписку. 3) Что въ ежемѣсячныя сочиненія вноситъ не только вещи, какія студентъ можетъ и кадетъ, съ похвалою исправляютъ; но и вездѣ, гдѣ только можно предосудительныя нашему отечеству мысли вноситъ.

Все сіе показалось вамъ заслугами; а мое представленіе, что черезъ шестнадцать лѣтъ одами, рѣчьми, химіею, физикою, исторіею дѣлаю честь отечеству, и всегда о добрѣ Академіи и о праведной, а не подложной чести Его Сіятельства усердствую, вы пріяли за погрѣшность, для того, что я не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата. Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть; она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, которой не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.

Нѣкогда отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу писали вы къ нему: L'academie sans academiciens, la chancelerie sans membres, l'université sans étudiens, les regles sans

autorité, et au reste une confusion jusque à present sans remede. Кто въ томъ виноватъ, кромѣ васъ, и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и, что удивительно, мнѣ? Въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользы; и чрезъ таковыя повседневныя перемѣны колебали какъ трость все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и въ упадкѣ. Тотъ кто высланъ съ безчестіемъ, съ честію назадъ призванъ; изъ многихъ примѣровъ нѣтъ Миллерова чуднѣе. Для него положили вы въ регламентѣ быть всегда ректоромъ въ университетѣ исторіографу, сирѣчь Миллеру. Послѣ осердясь на него сдѣлали ректоромъ Крашенинникова; послѣ примиренія опять произвели надъ нимъ коммиссію за слово academie phanatique; потомъ не столько за дурную диссертацію, какъ за свою обиду низвергнули вы его въ адьюнкты, и тотчасъ возвели опять въ секратери Конференціи съ прибавкою вдругъ великаго жалованья; представили его въ Коллежскіе Совѣтники, въ канцелярскіе члены; и опять мнѣніе отмѣнили; потомъ прибавили 200 рублевъ жалованья и еще съ похвалами; въ ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сіе происходили вы по большей части подъ именемъ охраненія президентской чести, которая однако не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать вышеупомянутые перевороты; но чтобъ производить дѣло Божіе и Государево постоянно и непревратно, приносить обществу безпрепятственную,

истинную пользу, и содержать порученное правленіе въ непоколебимомъ состояніи, и въ неразвратномъ и безпрерывномъ теченіи. Представте себѣ, что́ знающіе думаютъ, а знаютъ всѣ; представте, что говорятъ? Миллеръ штрафованный за вздорную диссертацію о Россійскомъ народѣ и оному предосудительную, и за то въ опредѣленіи подозрительнымъ признанный, имѣетъ уже позволеніе писать и печатать на нѣмецкомъ языкѣ Россійскія извѣстія безъ всякой опасности. Изобличенный въ непозволенной перепискѣ и за то арестованный, учиненъ секретаремъ конференціи и пишетъ что хочетъ безъ ея вѣдома! Всѣватель недоброхотныхъ и занозливыхъ мыслей въ мѣсячныя сочиненія получаетъ за то похвалы и награжденія. Все сіе происходитъ чьимъ стараніемъ? Вашего Высокородія. Надѣясь на васъ не хочетъ и не думаетъ отстать отъ своихъ наглыхъ глупостей, и презираетъ указы, посылаемые изъ канцеляріи.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько разъ вы мнѣ на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и Россійскому народу предосудительное Сибирской исторіи предисловіе, которое вы сами опровергли; представте его споры о коммиссіяхъ съ Шумахеромъ, со всѣми профессорами, съ вами, съ президентомъ; вспомните съ другой стороны ваши споры съ Шумахеромъ, между тѣмъ письма о моемъ уничтоженіи къ Ейлеру, и отвѣтъ, что вы мнѣ сообщили. Вспомните сто рублевъ передъ вашею первою свадьбою; и между множествомъ подобныхъ дѣлъ; вспомните,

что вамъ благоразумный мужъ, вашъ благодѣтель Князь Алексѣй Михайловичь Черкасскій говаривалъ о Сапожникѣ. Не бывать де добру, пока онъ . . . . А нынѣ его наслѣдникъ и подражатель тожъ и еще дерзновеннѣе дѣлаетъ. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обезславленную Академію вывесть изъ нареканія отпущенъ былъ Бургавъ въ чужіе краи и нарочный пунктъ о томъ написанъ въ его инструкціи.

Но все не смотря еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего инаго не ищу, какъ только чтобъ закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднова восстать за грѣхъ не ставлю. И такъ нынѣ изберите любое. Или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги. Одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то

ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія; или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину.

Зачеркнутый постскриптумъ:

P. S. Вчерашняго числа Клейнфельдъ удавился. Таубертъ отозвавъ меня къ сторонѣ просилъ никому того не сказывать ради чести Академіи. А про Софронова дурную смерть ходитъ вездѣ сказывать, что Русскіе такіе-то, сякіе, не думалъ про честь Академіи. «

—

Здѣсь слѣдуетъ приложить записку на клочкѣ бумаги собственно для напоминанія самому себѣ Ломоносовымъ написанную; это набросанныя мысли, которыя лучше всего подтвердятъ чистоту его намѣреній, хотя въ борьбѣ и нельзя избѣжать пристрастія:

1. Видѣть Г.

2. Показывать свой трудъ.

3. Можетъ быть понадоблюсь.

4. Беречь нечево. Въ Россійской библіотекѣ есть больше секретовъ. Все открыто Шлецеру, ввѣрили такому сумазбродному человѣку, у коего нѣтъ ни ума, ни совѣсти, рекомендованному отъ моихъ злодѣевъ.

5. Приносить Его Вы.... дедикаціи. Да все! и мѣста нѣтъ.

6 Нѣтъ нигдѣ мѣста и въ чужихъ краяхъ.

7. Всѣ любятъ да Шумахершина.

8. Multa tacui multa pertuli multa concessi.

9. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., * чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство pro aris etc.

10. Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ.

11. Ежели не пресѣчете — великая буря возстанетъ.

—

Мы никакъ не можемъ сказать, чтобъ польза, принесенная академиками времени Ломоносова, собственно для исторіи была особенно значительна; но это доказываетъ, что и они посреди борьбы не въ состояніи были сдѣлать того, что могли. Вражды, несогласія, взаимныя противорѣчія были ужасны. Призванные ученые Германцы хотѣли все зданіе построить сами по своей мысли; а ученые Русскіе ло-

* Петра Великаго.

мали ихъ начала и говорили: «не вамъ здѣсь жить, а намъ; учите насъ, какъ чертить планъ, какъ выбирать и какъ употреблять матерьялы, а строить мы будемъ сами, по своей мысли.» Это требованіе было истинно; а между тѣмъ иностранцы не могли ни постигать быстрыхъ Русскихъ понятій, ни вѣрить способности Русской учиться всему со взгляду; они считали это невѣжественной самонадѣянностью; а потому удивительно ли пристрастіе и со стороны Ломоносова, который, какъ часовой, требовалъ отъ каждаго иностранца, вступающаго въ врата Академіи, Русскаго пароля. Тогда еще самопознаніе Русское только что возникало, и его легко было извести односторонними доказательствами, что Руссы отрасль Нѣмцевъ, а Русскій языкъ одно изъ нарѣчій Германскихъ.

Положить въ основаніе неосновательное было противно истиннѣ. Русскіе въ то время могли только чувствовать всю ложь этого мнѣнія, и опровергать его однимъ ропотомъ на предосудительность его для Россіи.

Послѣ этого будетъ понятно возстаніе на диссертацію Миллера о началѣ Россійскаго народа. Выписываемъ указъ, послѣдовавшій на счетъ ея, отъ Сентября 24 дня 1750 года, за N 1387:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ канцеляріи Академіи Наукъ въ профессорское собраніе. Канцелярія Академіи наукъ слушавъ поданныхъ мнѣній отъ Гг. профессоровъ и адьюнктовъ на сочиненную диссертацію Г. Профессора Миллера, о началѣ Россійскаго наро-

да, въ коихъ значитъ, что нѣкоторые Гг. Пофессоры изъ иностранныхъ совсѣмъ разсуждать о томъ за незнаніемъ ихъ Россійскаго языка и за невѣденіемъ подлинно Россійской Исторіи, отказались; а другіе изъ нихъ же отдаютъ оное на разсужденіе природныхъ Россіанъ; а иные объявляютъ, чтобъ нѣкоторыя мѣста въ той диссертаціи выпустить, а напротивъ того касающіяся до важности въ семъ дѣлѣ пункты обстоятельнѣе описать; а изъ Россійскихъ Гг. Профессоровъ Ломоносовъ, Крашенинниковъ и адьюнктъ Поповъ оную рѣчь къ напечатанію и публикѣ весьма не апробовали и совсѣмъ предосудительною для Россіи признали; Профессоръ же Тредіаковскій во мнѣніи своемъ между прочимъ написалъ, что оная диссертація есть вѣроятная и возможно ей быть напечатанной, токмо же есть что надлежитъ въ ней перемѣнить и исправить; слѣдовательно ни одинъ профессоръ такъ не опробовали, чтобъ какъ та диссертація сочинена, такъ бы ее и напечатать, а Россійскихъ профессоровъ двое и одинъ адьюнктъ, кромѣ профессора Тредіаковскаго, совсѣмъ ее предосудительною для Россіи нашли, и совершенно доказали, какъ то и присутствующіе канцеляріи Академіи наукъ члены за справедливое почитаютъ, больше полагаться въ такомъ дѣлѣ на Россійскихъ ученыхъ людей, нежели на иностранныхъ; профессоръ же Тредіаковскій одинъ хотя ту диссертацію и за вѣроятную признаваетъ, толькобъ ее исправить, однако же сего мнѣнія въ силу именнаго указу вѣчной славы достойныя памяти Его Императорскаго Величества Государя Петра Вели-

каго, состоявшагось въ 714 году Апрѣля 4 числа, въ дѣйствіе не принимается, ибо въ ономъ Его Императорскаго Величества указѣ между прочимъ написано: «куда въ какомъ дѣлѣ болѣе голосовъ явится, такъ и вершить,» того ради основываясь на объявленномъ Его Императорскаго Величества указѣ, и что оная диссертація отъ троихъ Россійскихъ не опробована, да и отъ иностранныхъ ни отъ кого, и отъ профессора Тредіаковскаго за прямо основательную не признана, опредѣлено: оную диссертацію совсѣмъ уничтожить, и что оная диссертація по мнѣнію Гг. Профессоровъ и по разсужденію канцеляріи Академіи наукъ, такъ какъ она предосудительная Россіи, въ свѣтъ не выдана и совсѣмъ уничтожена, о томъ профессорскому собранію вѣдать. Сентября 24 дня 1750 года.

Подписано: Григорей Тепловъ.

Секретарь Петръ Ханинъ.

Отношенія Миллера къ Ломоносову и мнѣніе послѣдняго о Шлецерѣ можно видѣть изъ слѣдущихъ бумагъ.

Собственноручное:

Въ Канцелярию Академии Наукъ

Доношеніе.

1.

Съ начала учрежденія историческаго собранія, по опредѣленію Сіятельнѣйшаго Академіи Президента велѣно было мнѣ съ протчими профессорами присуд-

ствовать въ историческомъ собраніи, что я и исполнилъ по самое тое время, пока помянутыя собранія бывшими въ 1749 году слѣдствіями диссертаціи профессора Миллера не прекратились;

2.

И какъ канцеляріи Академіи наукъ извѣстно, коль много принужденъ я былъ отъ помянутаго профессора Миллера ругательствъ и обиды терпѣть напрасно *. А въ нынѣшнихъ историческихъ собраніяхъ читается его жъ Миллерова Сибирская Исторія. И для того опасаясь, чтобъ обыкновенныхъ его досадительныхъ рѣчей не претерпѣть напрасно, и безпокойствуясь принятою отъ того досадою, въ другихъ моихъ дѣлахъ не имѣть остановки.

3.

Ибо кромѣ тѣхъ упражненій, которыя въ лабораторіи почти всегда моего присудствія требуютъ, и кромѣ академическихъ конференцій положена почти на меня одного должность профессора поэзіи и краснорѣчія Россійскаго, къ чему я всегда готовъ быть долженъ. И сверхъ сего другія начатыя мною части словесныхъ наукъ на Россійскомъ языкѣ привести къ концу надобно, что все особливаго времени требуетъ. А особливо что трагедія, которую Ея Императорское Величество указали мнѣ сочинить, три раза въ недѣлю въ собранія ходить никакъ не позволяютъ.

* Зачеркнуто: и за то не получалъ довольной сатисфакціи.

Того ради канцелярію Академіи наукъ прошу, дабы Его Сіятельству Академіи Президенту представила о моемъ увольненіи отъ историческихъ собраній и только позволить сочиненія профессора Миллера читать на дому, и съ примѣчаніями моими отсылать въ помянутое собраніе на разсужденіе.

Сентября 4 дня 1751 года.

Подписано: Совѣтникъ и Профессоръ
Михайло Ломоносовъ.

Собственноручная черновая:

О издавающейся въ печать Шлецеровой грамматикѣ Россійской.

1. Хотя всякъ Россійскому языку искусной легко усмотрѣть можетъ, коль много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей печатающейся безпорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителевы великія недостатки въ таковомъ дѣлѣ; но больше удивится его неразсудной наглости, что зная свою слабость и вѣдая искуство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, необинулся приступить къ оному, и какъ бы нѣкоторой пигмей поднялъ Алпійскія горы.

2. Но больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сумазбродство въ произведеніи словъ Россійскихъ. Кромѣ многаго, что развратно и здравому разсудку противно, внесены еще ругательныя чести и святости разсужденія, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Стр. 58. Бояринъ, производится 1) отъ дурака, 2) отъ барана.

Стр. 82. Слово *Дѣва* производитъ Шлецеръ отъ Нѣмецкаго слова Dieb (воръ), отъ Голландскаго teef (непотребная д....) отъ нижняго Саксонскаго слова Tiffe (сука). Диво, что сумозброду не пришло въ голову слово Deufel, оно ближе будетъ по его мечтаніямъ къ дѣвѣ, нежели Dieb и протчія.

Стр. 83. Слово *Король* производитъ отъ слова Kerl.

Стр. 89. Напечатано ругательнымъ образомъ высочайшій степень Россійскаго дворянства *, кажется быть тоже что по нѣмецки Knecht (холопъ).

3. Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина.

Слѣдствія отъ принятія Шлецерова Ординарнымъ Профессоромъ Исторіи **

1. Роптаніе, что онъ принятъ не по справедливости, то есть излишней, недостойной, незаслужившей, въ обиду старшимъ, противъ согласія общаго, въ нареканіе природнымъ Россіянамъ, въ утвержденіе старыхъ академическихъ непорядковъ.

2. Поводъ и дорога къ прикрытію худыхъ поступковъ. Ибо симъ успѣхомъ Тауберть покрываетъ непозволенную дерзость допущенія совсѣмъ чужаго и ненадежнаго человѣка въ библіотеку Рос-

* Князь.

** Писано не извѣстно чьей рукою.

сійскихъ манускриптовъ, которую не меньше архивовъ въ сохранности содержать должно. Что многими примѣрами доказать нетрудно.

3. Шлецеръ не имѣя такой, какъ нынѣ, привилегіи, обращалъ уже въ шутки, что у насъ въ Россіи почтительно. Нынѣжъ получивъ толь высокую протекцію поступитъ еще дерзновеннѣе.

4. Какое разсужденіе произойдетъ между учеными и всѣми знающими, что выше всякаго примѣра на свѣтѣ. Шлецеровы сочиненія выключены и освобождены отъ общаго академическаго разсужденія и рассмотрѣнія, отъ чего нигдѣ ни единый академикъ, ни самой ученой и славной не бывалъ свободенъ. Правда, что для Шлецера то надобно; за тѣмъ, что опасается отдать на рассмотрѣніе иноземецъ природнымъ; учинить, учителямъ начавшей многотрудившимся.

5. Всѣ удивляются, что профессоръ Миллеръ за диссертацію, въ которой нашлись сатирическія нѣкоторыя выраженія, штрафованъ былъ не токмо уничтоженіемъ оныя; но и пониженіемъ чина и убавкой жалованья и публично тѣмъ обруганъ, не смотря на его долговременную службу. Нынѣ Шлецеръ новопріѣжжей еще за большія наглости вдругъ награжденъ чиномъ и жалованьемъ ординарнаго профессора съ преимуществами, каковыхъ никогда славнѣйшіе на свѣтѣ профессоры не имѣли.

6. Тауберть и его креатуръ разносятъ по городу копіи безсовѣстной Шлецеровой на Ломоносова жалобы, и тѣмъ разсѣваютъ на него гнѣвъ Государской, дабы отвратить отъ него его доброжела-

телей и пріятелей; а особливо уничтожить послушаніе его подчиненныхъ, которые уже давно настращаны Таубертомъ боятся Ломоносову оказывать исполненіе дѣлъ законныхъ по командѣ.

—

Помѣщаемъ здѣсь еще нѣсколько любопытнѣйшихъ собственноручныхъ бумагъ изъ порфеля М. В. Ломоносова.

I.

Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербурской Императорской Академіи Наукъ.

1.

Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшія Государыни нашея о благополучіи наслѣднаго Государства попеченіе и великодушная щедрота простирается какъ всеобще чрезъ цѣлое отечество, равнымъ образомъ и на каждое изъ государственныхъ дѣлъ отправленію учрежденное мѣсто. Кромѣ многихъ другихъ свидѣтельствуетъ Императорская Академія Наукъ, которую дабы востановить отъ прежняго испорченнаго состоянія и мало полезнаго поведенія, матернимъ милосердіемъ и щедролюбіемъ движима, прибавленіемъ великой суммы оную снабдѣть, и регламентомъ утвердить всемилостивѣйшее попеченіе возъимѣть благоволила.

Успѣхи толь великодушнаго и безпримѣрнаго снабдѣнія весьма бы должны быть черезъ семь лѣтъ чувствительны и очевидны. Правда, что нѣкоторые въ началѣ стали было оказываться; однако такъ малы, что не токмо толь великой суммѣ не

могутъ соотвѣтствовать; но и въ сравненіи съ уронами, съ другой стороны приключившимися, едва ли оныя наполнить могутъ. Словомъ, по оказаніи толь высокой и безприкладной милости Ея Величества, Академическое состояніе ни мало не исправилось; но больше прежняго къ паденію и конечному разрушенію приблизилось; что необходимо требуетъ наискорѣйшаго исправленія. Сіе какъ бы въ дѣло произвести съ желаемымъ успѣхомъ.

1-е, Должно разсмотрѣть самые недостатки и

2-е, Показать онаго упадку и недостатковъ происхожденіе и причину.

3-е, Дать способъ къ оныхъ отвращенію и къ исправленію всего корпуса.

1. Главное дѣло и самое основаніе и начало къ происхожденію ученыхъ Россіянъ Гимназія пришла въ худшее состояніе, нежели прежде. Ясное сему есть доказательство, что по сіе число въ семь лѣтъ ни единъ школьникъ въ достойные студенты не доучился. Аттестованные приватно семь человѣкъ латинскаго языка не разумѣютъ; слѣдовательно на лекціи ходить и студентами быть не могутъ, что на экзаменѣ въ собраніи оказалось.

2. Набранные изъ синодальныхъ школъ изъ Спасской, Новогородской и Невской студенты 1748 года ни единаго не чинятъ Академіи преимущества предъ набранными прежде новаго штата въ 1732 и 1736 годѣхъ. Для всѣхъ лекціи только на время начинались, и безъ продолженія прекратились, всѣхъ происхожденіе и произведеніе есть равное.

3. Академическія собранія были полнѣе и порядочнѣе. Нынѣ для недостатка нужныхъ профессоровъ весьма неполны и безпорядочны. Ибо нѣтъ вышшаго математика, географа, физика, ботаника, механика.

4. Печатаніе книжное и торгъ едва можетъ ли съ прежнимъ худымъ сравниться.

5. Старыхъ долговъ не токмо многіе тысячи не заплачены, но и въ новь беспрестанно прирастаютъ. А особливо неплаченіемъ обѣщаннаго награжденія чужестраннымъ членамъ, что имяннымъ Ея Величества указомъ особливо повелѣно было.

6. Библіотека и кунсткамера имѣетъ расположеніе такъ же худо, какъ и прежде. Не упоминаю о недостаткахъ, которые воспослѣдовали отъ пожара, крайнимъ небреженіемъ воспослѣдовавшаго.

7. Художества, а особливо грыдированіе не малое имѣетъ приращеніе. Однако не токмо приложенная на то въ регламентѣ чрезвычайно великая сумма исходитъ, но и сверхъ оной вся прибыль, что отъ художествъ собирается, употреблена бываетъ. Что по разсужденіи несравненной пользы отъ Академіи и отъ Университета ожидаемой весьма непропорціонально.

Сіи недостатки никогдабъ не были столь велики, и никакимъ бы партикулярнымъ пристрастіемъ или интересамъ желанное приращеніе наукъ не моглобъ пресѣкаться и приходить въ непорядокъ, когда бы въ Академическомъ регламентѣ узаконенія были на

всѣ случаи довольны, и утверждены толь неподвижно, чтобы ихъ никто не могъ перемѣнить или толковать по своему произволенію.

Правда, что Академической регламентъ опробованъ и подписанъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества рукою, и ради того почитать должно оной свято, и во всѣхъ Академическихъ поведеніяхъ ему согласоваться; но 1-е, многіе примѣры не токмо внѣ, но и внутрь Россіи имѣемъ, что премудрые Государи усмотрѣвъ лутчее, узаконенія свои отмѣняли; 2-е, въ послѣднемъ пунктѣ Академическаго регламента позволяется Президенту чинить отмѣны; изъ чего явствуетъ, что оной регламентъ за совершенной не признается; 3-е, что въ ономъ о учрежденіи Университетскаго регламента и Гимназіи ничего не содержится, что необходимо нужно и медленія не отнюдь не терпитъ; не упоминаю, что онъ безъ предписанія Высочайшаго титула Ея Императорскаго Величества на переди, какъ всѣ протчіе регламенты и узаконенія; 4-е, яснѣе всего доказываютъ сіе многія важныя отмѣны пунктовъ въ разныхъ случаяхъ. Сіе разсуждая, и видя, что толикое множество казны Ея Величества, безъ желаемаго успѣха исходитъ, а паче всего Высочайшее благоволеніе и матернее намѣреніе и желаніе по надлежащему не исполняется по всеподданнической моей должности и по усердной любви къ отечеству пріемлю дерзновеніе предложить: 1) недостатки Академическаго регламента, 2) какъ онъ исправленъ и въ требуемое совершенство приведенъ быть можетъ.

2.

Для всякаго предпріемлемаго важнаго дѣла должно полагать напередъ непоколебимыя основанія и предписывать неложныя правила, дабы въ произведеніи оныхъ не подвергнуться какимъ предкновеніямъ, не просмотрѣть ничего нужнаго и не употребить безполезнаго. Учрежденіе Императорской Академіи наукъ простирается не токмо къ пріумноженію пользы и славы цѣлаго Государства; но и къ приращенію благополучія всего человѣческаго рода, которое отъ новыхъ изобрѣтеній происходитъ и по всему свѣту расширяется, о чемъ внѣшнія Академіи довольно свидѣтельствуютъ. Того ради приступая къ оному, должно положить въ началѣ общія основанія, на которыхъ утвердить и расположить всю сего великаго государственнаго и полезнаго учрежденія систему. Ибо безъ оныхъ все должно быть зыблемо и къ скорому паденію и разрушенію склонно.

Оныя основанія въ слѣдующихъ пунктахъ кратко предлагаются.

(*отмѣтки на полѣ*). 1. 3. 46. 12. 20. 26. 27. 48. *Дивлюсь что и студентовъ изъ-заморя не велѣно выписывать.*

1. Регламентъ академической такимъ образомъ сочиненъ и расположенъ быть долженъ, чтобы онъ всегда имѣлъ свою силу и всякому будущему времени былъ приличенъ и согласенъ и вездѣ полезенъ. Того ради не должно смотрѣть на лицо, заслуги и недостатки тѣхъ, которые находятся въ Академіи, при нынѣш-

немъ состояніи, ниже на поведенія и поступки, или обстоятельства.

16. 19. 2. Дабы Академія не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оныхъ и распространять по всему государству.

Россійское собраніе.... 18. 23. 24, 36. 3. При сочиненіи регламента должно прилежно смотрѣть на учрежденія славныхъ Академій въ другихъ государствахъ изъ древнихъ временъ процвѣтающихъ, какъ добрыя примѣры, выключая то, что съ протчими узаконеніями Россійскаго государства не согласуется.

(4-й и 5-й *зачеркнуты*).

1. *Чиновъ нѣтъ.* 2. *Запрещ.* 9. 6. Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласіе. Отъ нижнихъ къ вышнимъ пристойное почтеніе, отъ подчиненныхъ къ начальникамъ законное послушаніе. Все сіе къ беспрепятственному приращенію наукъ и къ пріобрѣтенію отъ народа къ нимъ почтенія и любленія необходимо нужно.

14. *О награжденіяхъ и штрафахъ ничего не положено, дѣлаютъ какъ хотятъ.* 7. Дабы добрые имѣли одобреніе, а злые страхъ, должно опредѣлить по мѣрѣ заслугъ награжденіе, по мѣрѣ преступленія наказанія; но такъ чтобы излишествомъ воздаяній не привести къ высокоумію и лѣности, без-

Штрафуютъ студентовъ подло. Примѣры здѣшніе, примѣры иностранные; мой примѣръ въ студентахъ, въ совѣтникахъ штрафофанъ.

мѣрнымъ изтязаніемъ къ подлости и отчаянію.

(8. *зачеркнуть*).

9. Дабы Академической регламентъ былъ наблюдаемъ строго и порядочно, для того положить учрежденія никогда и никѣмъ неотмѣняемыя, безъ Высочайшаго Монаршескаго повелѣнія, по примѣру другихъ командъ, и предписать точно предѣлы, до которыхъ главные командиры въ потребныхъ обстоятельствахъ отмѣну учинить могутъ, и что съ общаго членовъ согласія, что сами собою.

Профессоровъ, студентовъ и школьниковъ мало.

10. Дабы въ произведеніи и содержаніи разныхъ Академическихъ департаментовъ и наукъ было полагаемо равномѣрное попеченіе и наблюдалась бы надлежащая пропорція. Въ противномъ случаѣ будетъ Академія подобна нѣкоторому безобразному тѣлу, которое отъ болѣзни, неровное питаніе въ членахъ производящей, имѣетъ тѣ части больше и тучнѣе, которыя въ здравомъ состояніи должны быть равны или еще и меньше.

3.

Сочинитель апробованнаго Академическаго регламента, о которомъ профессоры не знали, при начина-

нія онаго не имѣлъ предъ собою таковыхъ необходимо нужныхъ основаній, что изъ слѣдующихъ ясно усмотрѣть можно.

1. Большая часть штата расположена по бывшему прежде въ Академіи до прибавленія суммы по большей части испорченному состоянію. Напримѣръ:

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ.

1. Канцелярія вовсе излишня. Въ другихъ государствахъ отнюдь ихъ нѣтъ при таковыхъ корпусахъ. Однако была и затѣмъ не токмо оставлена, но и больше власти получила, къ уничтоженію профессорскаго достоинства.

2. Россійскаго собранія, нужнаго весьма учрежденія, тогда не было; слѣдовательно въ регламентѣ и не упомянуто.

ВЪ ПЕРСОНАХЪ.

1. Въ астрономическомъ классѣ положенъ калкуляторъ только для того, что былъ тогда профессоръ Вингеймъ, которой только къ тому и способенъ. Въ другихъ Академіяхъ и имени того нѣтъ.

2. Ректоромъ университета положенъ исторіографъ, то есть профессоръ Миллеръ, затѣмъ что онъ тогда былъ старшей. И естьли бы Миллеръ былъ юристъ, или стихотворецъ, то конечно и въ штатѣ ректоромъ былъ бы положенъ юристъ или стихотворецъ. Послѣ перемѣненъ и сдѣланъ ботаникъ.

3. Исторіографу приданъ переводчикъ Китайскаго и Манжурскаго языка; то есть переводчикъ Рос-

сохинъ; но естьли бы онъ зналъ вмѣсто Китайскаго и Манжурскаго языка на пр. Персидской и Татарской; то бы конечно положенъ былъ въ штатѣ переводчикъ Персидскаго и Татарскаго языковъ.

4. Въ канцеляріи члены положены совѣтники и ассесоръ, которые въ наукахъ и языкахъ нѣкоторое понятіе имѣютъ, то есть Шумахеръ и Тепловъ. Но естьли бъ оба они были люди великаго ученія, и Тепловъ бы былъ уже тогда совѣтникомъ; тобъ конечно въ статѣ положены были въ канцеляріи два совѣтника, въ высокихъ наукахъ весьма искусные.

5. Въ Европейскихъ государствахъ, которыя ради отдаленія меньшее сообщеніе съ Азіатическими народами имѣютъ нежели мы по сосѣдству, содержатся при университетахъ профессоры оріентальныхъ языковъ. Но въ академическомъ статѣ оной не положенъ: затѣмъ что тогда его въ Академіи не было.

ВЪ ЖАЛОВАНЬѢ.

1. Каждая наука въ Академіи имѣетъ равное достоинство; и въ каждой можетъ быть равенство знанія и неравенство. И такъ вообще разсуждая: должно всѣмъ положить въ штатѣ равное жалованье. Ибо для неравности положеннаго жалованья студенты больше будутъ стараться о тѣхъ наукахъ, гдѣ профессору больше жалованья положено. Что уже и примѣромъ оказалось. Ибо вѣдая что и вышшему математику жалованья положено 1800 рублевъ, а химику 860; и притомъ алгебраистъ сидя въ своей

камерѣ или въ саду можетъ свое дѣло исправлять; а химикъ напротивъ того долженъ въ дыму, въ пыли и вредныхъ парахъ обращаться, всѣ лутчія студенты къ математикѣ прилагаютъ стараніе, отъ химіи удаляясь. Причина сего что сочинитель въ опредѣленіи жалованья положеннаго въ штатѣ смотрѣлъ на тогдашнія обстоятельства. И алгебраисту положено жалованья 1800 рублевъ для Ейлера или Бернуллія; астроному 1200, чтобъ славнаго Емса приласкать въ Россію; анатомику 1000 рублевъ для Бургава; протчимъ по 860, и по 660 рублевъ, не по достоинству и трудности самой науки; но по обстоятельствамъ особъ, которые тогда оные профессіи имѣли. Однако естьли бы Ейлеръ (или Бернулій) былъ таковъ химикъ, каковъ онъ математикъ; то бессомнѣнія былобъ химику положено жалованья въ штатѣ 1800 рублевъ.

Изъ сихъ примѣровъ явствуетъ, что Академической штатъ сочиненъ по большей части взирая на персоны и обстоятельства тогдашняго времени. Слѣдовательно во всѣ будущія времена служить не можетъ, что весьма противно первому основанію.

ВЪ ПОВЕДЕНІЯХЪ.

1. Объ отсудствіи президентскомъ многократно при всякомъ случаѣ упоминается. Якобы то нужное и узаконенное было дѣло во всѣ будущія времена, чтобъ президенту въ Академіи рѣдко присудствовать.

2. Такимъ же образомъ о выписаніи профессоровъ и о контрактахъ наблюденіи узаконеніе положено, яко-

бы то всегда впредь будетъ и надежды нѣтъ, чтобъ мы могли довольствоваться своими. Временныхъ дѣлъ въ неподвижныя государственныя узаконенія вносить не должно; но на то дѣлать особливыя опредѣленія.

II. Основаніе о произведеніи и размноженіи ученыхъ людей въ Россіи не токмо весьма мало наблюдаемо было; но и совсѣмъ оному впротивность поступано быть кажется. На примѣръ:

1. Во всѣхъ Европейскихъ государствахъ позволено въ Академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьѣ, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи при самомъ наукъ начинаніи уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ Университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго Россіянина, и лутче выписывать. Довольнобъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ.

2. Профессоры въ другихъ государствахъ, не взирая на ихъ великое довольство, имѣютъ во первыхъ чины знатные и всегда выше или по послѣдней мѣрѣ равно коллежскимъ ассесорамъ считаются; второе, ободряются къ прилежному ученію не токмо произведеніемъ въ чины, но и возвышеніемъ въ знатное дворянство; такъ что нерѣдко бываютъ за особливое достоинство произведены по первому въ тайные совѣтники, по второму въ фрейгеры или въ бароны.

Здѣсь правда что ободреніе отъ произведенія, по Высочайшей милости Ея Величества съ радостію видимъ. Однако что до перваго надлежитъ, капитанскія чины профессорамъ малы, а адъюнктамъ и никакихъ нѣтъ. О семъ въ регламентѣ и въ штатѣ не токмо по прежнему оставлено; но и почти вся надежда отнята къ ихъ происхожденію въ высшіе чины по 10 пункту. Напротивъ того канцелярскимъ членамъ и другимъ чинамъ положены пристойные ранги къ униженію профессорскаго достоинства, и слѣдовательно и къ помѣшательству въ размноженіи ученія. Сіе такъ же не мало препятствуетъ, что дворяне больше записываютъ дѣтей своихъ въ кадеты, нежели въ Академію; ибо положивъ многіе труды и годы на ученіе, не имѣютъ почти никакой надежды произойти какъ только до капитана; да и то струдомъ, есть велик....

(не кончено).

3. Каждому Академику положено упражняться въ своей профессіи, а въ чужую не вступаться (16). Сіе ограничено весьма тѣсно. Ибо иногда бываетъ, что одинъ академикъ знаетъ твердо двѣ или три науки, и можетъ чинить въ нихъ новыя изобрѣтенія. И такъ весьма неправильно будетъ, ежели когда астроному впадетъ на мысль новая физическая махина, или химику труба астрономическая; а о приведеніи оной въ совершенство и описаніи стараться ему не позволяется: и для того о томъ молчать или другому той профессіи уступить, и слѣдовательно чести отъ своего изобрѣтенія лишиться принужденъ будетъ. Сіе немало распространенію знаній можетъ препятствовать,

и для того нѣкоторыми правилами изъяснено быть должно.

4. Больше всего препятствуетъ приращенію наукъ и размноженію людей ученыхъ весьма малое число студентовъ и школьниковъ, въ разсужденіи такъ великой суммы, на Академію положенной, и безпропорціональное раздѣленіе студентовъ и школьниковъ. Ибо всѣхъ ихъ только 50 человѣкъ, которыхъ число по примѣру кадетскихъ корпусовъ много больше быть должно. Сверхъ сего школьниковъ много меньше нежели студентовъ; что совсѣмъ противнымъ образомъ быть должно: затѣмъ что не всякой школьникъ произойти можетъ въ студенты, какъ не всякой студентъ въ профессоры. Посторонніе вольные школьники тому не замѣна, затѣмъ что должны быть и студенты вольные и посторонніе, безжалованные.

5. Таковые студенты числятся по Университетамъ въ другихъ государствахъ не токмо стами, но и тысячами изъ разныхъ городовъ и земель. Напротивъ того здѣсь почти никого не бываетъ. Причина сего весьма видна и явственна. Ибо здѣшней Университетъ не токмо дѣйствія, но и имени не имѣетъ. Но когда бы здѣшнему Университету учинена была инавгурація, то есть торжественное учрежденіе, какъ то въ другихъ государствахъ видится, и на ономъ бы программою всему свѣту объявлены были вольности и привилегіи, которыми Университетъ пожалованъ; въ рассужденіи профессоровъ, какую имѣютъ честь, преимущество и власть, и какія нужныя науки преподавать, и въ какія градусы атте-

стовать и производить имѣютъ; въ рассужденіи студентовъ, какія имѣютъ увольненія, по какимъ должны поступать законамъ. Какъ могутъ происходить въ градусы, и какія преимущества обученія въ Университетѣ передъ неучеными въ произвожденіи имѣть будутъ; все сіе когдабъ учинено было; то конечно Университетъ Санктпетербургской былъ бы доволенъ и вольными студентами. Которые купно съ содержащимися на жалованьѣ могли вскорѣ не токмо Академію удовольствовать, но и по другимъ командамъ распространяться.

III. Хотя изъ вышеписанныхъ уже ясно видѣть можно, что при сочиненіи Академическаго регламента и стата мало смотрѣно на достохвальныя учрежденія Академій и Университетовъ въ чужестранныхъ государствахъ; однако еще не мало другихъ есть сего доказательствъ.

1. Въ Европейскихъ государствахъ Университеты раздѣляются на 4 факультета: на богословской, юридической, медицынской, философской. Здѣсь хотя богословской оставляется святѣйшему Синоду; однако прочихъ трехъ порядочное учрежденіе необходимо нужно: 1), для обученія студентовъ праву вообще, такъ же Европейскихъ и Россійскихъ, для умноженія въ Россіи Россійскихъ докторовъ и хирурговъ, которыхъ очень мало. Для пріумноженія прочихъ ученыхъ, которые въ философскомъ факультетѣ заключаются. Для порядочнаго произведенія въ градусы, чтобы произведенной въ Санктпетербургскомъ Университетѣ порядочнымъ и обыкновеннымъ у другихъ образомъ (на примѣръ) док-

торъ медицины признаваемъ былъ за доктора во всѣхъ государствахъ. 3) Чтобы въ трудныхъ судебныхъ, медицинскихъ и другихъ дѣлахъ можно было въ другія команды изъ Академіи требовать по факультетамъ мнѣнія. Какъ то обыкновенно въ другихъ государствахъ трудныя судебныя медицинскія и другія дѣла по Академіямъ и Университетамъ для совѣта сообщаются. О семъ нужномъ и полезномъ учрежденіи въ Академическомъ штатѣ и регламентѣ ничего не упомянуто.

2. Въ Университетахъ ректорамъ какъ велика власть дается, такъ и недолго поручается. Ректоръ имѣетъ власть живота и смерти надъ студентами, и на всякую полгода перемѣняется по избранію. Здѣсь должно или имя оное оставить, или учинить по иностранному. Однако изъ сихъ ни одного не сдѣлано. Я предложу о семъ въ другой части, что и съ иностранными обыкновеніями сходствовать и Россійскимъ узаконеніямъ не противно будетъ

(отмѣт. на полѣ) *Диво, что въ Академіи музыки! ба! да Шумахеръ танцовать не умѣетъ.*

3. О произвожденіи въ градусы, о публичныхъ екзерцицiяхъ судентовъ и о лекціяхъ профессорскихъ въ регламентѣ ничего не предписано; что однако необходимо нужно, и въ другихъ государствахъ происходя порядочно, великое ободреніе наукамъ и честь приноситъ.

4. Академическій корпусъ составляется: 1) ради того чтобъ изобрѣтать новыя вещи. 2) Чтобы объ нихъ разсуждать вмѣстѣ съ общимъ согласіемъ.

Но разсужденія быть общія не могутъ, ежели о достоинствѣ изобрѣтенія одинъ только знаніе имѣетъ. Напримѣръ во всемъ собраніи только одинъ ботаникъ, слѣдовательно, что онъ ни предложитъ, то должно разсудить за благо, какъ бы оно худо ни было: за тѣмъ что одинъ только ботаникъ разумѣетъ. Слѣдовательно и собранія академиковъ тщетны. И такъ въ другихъ Академіяхъ каждая профессія имѣетъ въ одной наукѣ двухъ или трехъ искусныхъ. Чего въ новомъ регламентѣ отнюдь не упомянуто, и ни самаго дѣла, ниже примѣровъ въ разсужденіе не принято.

IV. Штатъ академической хотя самъ положенной суммы не превосходитъ; однако для недостаточныхъ узаконеній и для данной великой свободы оныя перемѣнять по произволенію, къ тому дали причину, что не токмо безъ нужды набранными людьми сумма отягощена, а годныхъ положеннаго числа нѣтъ; но и старые долги не выплачены, и новые прирастаютъ. Чтожъ до прибыли надлежитъ, которая отъ художествъ, а особливо до типографіи надлежитъ; о томъ, какъ умножить, расположить и получать великую пользу, нѣтъ въ регламентѣ никакихъ учрежденій. Коль великая государственная отъ сего прибыль, польза и слава оставлена въ небреженіи, о томъ въ учрежденіи Академіи художествъ имѣя одну типографію во всемъ государствѣ. Могло бы много остаться суммъ въ 7 лѣтъ, хотя бы по 10,000, былобъ уже 70,000.

5. Для неумедлительнаго наставленія учащихъ и учащихся должно быть надлежащее расположеніе

въ Гимназіи школъ и классовъ. Довольное и порядочное число учителей и множество школьниковъ; частые екзамены. Въ университетѣ на всякую полгода профессорскія лекціи печатнымъ листомъ объявлять, и оныя предлагать дѣйствительно; студентамъ имѣть на каждой мѣсяцъ публичный диспутъ, и протч. по примѣру Европейскихъ гимназій и университетовъ.

1. Но при Академіи наукъ, въ Гимназіи верхнихъ классовъ учителей уже много лѣтъ не было, а когда и были, то почти недостойные.

2. Напротивъ того въ нижнихъ классахъ учители за излишкомъ; а почти всѣ негодные, у которыхъ школьники время теряютъ.

3. Нѣкоторые учители приняты изъ милости, и получая не малое жалованье, никого въ Гимназіи не обучаютъ; а живутъ при дѣтяхъ у знатныхъ господъ.

4. Многіе учители были и нынѣ есть, въ латинской школѣ, которые Россійскаго языка не искусны, и учатъ школьниковъ по латинѣ съ нѣмецкаго. Для того принуждены они прежде учиться по нѣмецки. Въ чемъ ради безпорядка потерявъ много лѣтъ къ латинскому языку уже устарѣвъ приступаютъ, и затѣмъ онаго не выучаются.

5. Всего недостатка причина въ томъ состоитъ, что въ Академическомъ регламентѣ о гимназическомъ учрежденіи и поведеніяхъ ничего не упомянуто.

6. Университетской регламентъ не сочиненъ; хотя много на то трудовъ профессорскихъ и времени положено.

Противъ 6 основанія.

Для дружбы, для повелительства, для послушанія, долженъ служить 1) всегда взаимно соотвѣтствующія и общими силами производимыя труды; 2) извѣстныя каждому ранги и команды; 3) члены и другіе служители всякъ въ своемъ дѣлѣ искусные.

Въ академическомъ регламентѣ положено, что профессору одной профессіи нѣтъ дѣла до другой. Сей пунктъ разрушаетъ общество академическихъ конференцій: 1) въ совѣтахъ и разсужденіяхъ; 2) въ трудахъ тѣхъ профессоровъ, которые больше нежели одну науку знаютъ. Ибо ежели астрономъ знаетъ физику или химію или ботанику, не долженъ сочинять диссертацій физическихъ, химическихъ или ботаническихъ, хотя что новое найдетъ: затѣмъ что по сему пункту могутъ по зависти тѣхъ наукъ профессоры спорить. Отъ чего ссоры и препятствія въ распространеніи наукъ. 3) Малое число профессоровъ по одной наукѣ. Что скажетъ то и ладно, какъ бы худо ни было.

—

II.

(Переписанная, но переправленная собственною рукою).

Въ канцелярію академіи наукъ представленіе.

По примѣру другихъ государствъ весьма полезно быть разсуждаю, чтобы учредить при Академіи наукъ печатаніе внутреннихъ Россійскихъ вѣдомостей, которыя бы въ государственной экономіи и приватныхъ людей, а особливо въ купечествѣ, приносили

пользу отечеству сообщеніемъ знанія о внутреннемъ состояніи государства, въ чемъ гдѣ избытокъ или недостатокъ: напримѣръ плодородія хлѣба или недороду, вывозъ товаровъ или припасовъ и о многихъ другихъ вещахъ подобныхъ, какъ для извѣстія во всѣхъ въ государствѣ въ присудственныхъ мѣстахъ и для знанія приватнымъ людямъ, торгами и промыслами пропитаніе себѣ имѣющимъ; того ради канцеляріи Академіи наукъ представляю, чтобы о учрежденіи таковыхъ вѣдомостей учинить опредѣленіе къ опробаціи Его Сіятельству Академіи господину Президенту, въ чемъ особливо означить: 1) чтобы сіи вѣдомости печатать на одномъ Россійскомъ языкѣ; 2) къ онымъ бы припечатывать все, что къ обыкновеннымъ вѣдомостямъ припечатывается для извѣстія; 3) вмѣсто того припечатывать къ политическимъ вѣдомостямъ, о ученыхъ дѣлахъ сокращенія новыхъ книгъ и проч.; 3) представить дополненіемъ Правительствующему Сенату о присылкѣ изъ губерній и городовъ потребныхъ къ тому извѣстій, которымъ сдѣлать въ Академіи проектъ для поданія Правительствующему Сенату.

—

III.

(Собственноручная черновая).

о мозаикѣ (1764 года).

1757 года Февраля 11 дня, изъ Правительствующаго Сената посланъ былъ въ Академію наукъ указъ, коимъ повелѣно освидѣтельствовать мозаическія картины, составленныя на моей фабрикѣ, дѣланія раз-

ноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисеру, стеклярусу и протчаго. Которыя картины весьма одобрены и ко всякимъ украшеніямъ рекомендованы съ похвалою, что-де оное искуство приведено здѣсь въ краткое время до столь хорошево состоянія, до котораго въ Римѣ едва въ нѣсколько сотъ лѣтъ достигло. И посему повелѣно мнѣ отъ онаго Правительствующаго Сената о пріобрѣтеніи въ томъ вящаго искусства и обученіи учениковъ всячески стараться, о чемъ я всевозможное употребилъ попеченіе и произвелъ до совершенства, а потому пришолъ въ долги около четырнадцати тысячь, затѣмъ что прочія фабричныя дѣла и модели оставилъ для приведенія мозаичнаго художества въ надлежащее состояніе.

А 1758 года Генваря 14 дня, въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено сооружить монументъ съ мозаичными украшеніями въ славу блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, по моему изобрѣтенію и оное строеніе и сумму на то опредѣленную ввѣрить въ мое расположеніе, о чемъ и поданъ докладъ блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Потомъ 1760 года отъ 26 Октября, на оной докладъ воспослѣдовало именное повелѣнія Ея Императорскаго Величества о строеніи помянутаго монумента съ мозаикою, которое и производиться мною началось по первой выдачѣ назначенной суммы по 13,460 рублевъ въ годъ, учиненной 1761 Марта 29 дня.

Сколькожъ мозаическаго строенія произведено и что употреблено на оное суммы и по указу Прави-

тельствующаго Сената на плату долговъ, взятыхъ взайму изъ казенныхъ мѣстъ на строеніе помянутой фабрики и на приведеніе къ совершенству мозаичнаго дѣла, то все явствуетъ изъ поданныхъ мною въ Правительствующій Сенатъ доношеній.

Нынѣ же всепокорнѣйше прошу выдать мнѣ на произведеніе и строеніе протчихъ картинъ сего строенія опредѣленную годовую сумму 13,460 рублевъ, чему уже за три мѣсяца срокъ минулъ. А нынѣ мастеровые и работные люди платы неотступно требуютъ; безъ чего неотмѣнно воспослѣдуетъ остановка.

IV.

(собственноручная черновая).

Въ Правительствующій Сенатъ всепокорнѣйшее прошеніе.

1.

Ежели Божескою судьбою отъ настоящей болѣзни жизнь моя пресѣчется, то приношу оному высокому Сенату всенижайшее прошеніе о нижеслѣдующемъ:

2.

Понеже производимое мною великое * мозаичное дѣло въ самомъ своемъ лутчемъ теченіи какимъ образомъ производится и Правительствующій Сенатъ

* Было написано *славное*; но зачеркнуто.

въ сомнѣніи состоять будетъ, продолжать ли оное или нѣтъ, на то оному слѣдующее представляю.

3.

Дѣланіе мозаичныхъ составовъ не можетъ отнюдь быть остановкою долговременнымъ искусствомъ....

4.

Шуринъ мой регистраторъ Ив. Цилихъ дошелъ въ семъ искусствѣ толь довольнаго совершенства, что никто въ Европѣ лучшихъ успѣховъ показать не можетъ; имѣетъ учениковъ уже далече знающихъ. Еще большее число придано быть можетъ. Сіе пріуготовленіе инструменты и другія надобности изготовлены и * къ тому работники; всѣ цвѣты безъ меня произведены быть могутъ, ибо уже года съ три въ составленіи оныхъ мозаичныхъ цвѣтовъ я головою не вступался, а производилъ все оной мой шуринъ Ц. **

—

V.

ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО КЪ ЕЙЛЕРУ.

Ich habe mich höchst verwundert, daß E. H. als ein großer gelehrter, und schon betagter Mann, über dieß ein großer Rechenmeister in Ansehung ihrer letzten Aufführung gar zu sehr verrechtet haben. Man siehet

* Въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

** Не кончено.

es deutlich, daß die höchste Algebra in moralischen Sachen ein elendes Mittel ist, die so viele data bekannter Zahlen sind für Sie nicht zulänglich gewesen eine schon halb bekannte kleine Zahl zu evaluiren. Sie wußten genug was Schumacher in Ansehung der gelehrten für ein Schelm gewesen; und daß sein Lehrling, Schwieger-Sohn und Nachfolger noch ärger ist; daß Müller ein Ignorant, und von den aller ersten professor flagellum professarum genannt, ein lebendiger Machiavel und stetiger Stöhrer der Academicher Ruhe ist und immer gewesen. Und sie haben doch ihre falsche insinuationes in Ansehung des Taubertischen Schoßhündchen des Rumowsky nicht einsehen können. Denn der Taubert, wenn er etwa einen Hund auf der Straße siehet, der mich anbellet, so ist er im Stande so eine Bestie sich an den Hals zu hengen und stets unter dem S..... zu küssen. Und er thut es so lange bis er sein Gebelle nicht nöthig hat, da schmeist er ihn ins D.... und hetzet auf ihn andere Hunde. Was E. H. an den Erzfeind aller ehrlichen Leuten den Müller geschrieben haben, davon lege ich einen Extract hiebey, sammt meinen Anmerkungen. Uebrigens meine harte Ausdrucke werden Sie mir nicht verdenken, denn sie stammen von einen durch unerhöhrte Bosheit meiner Feinde erbitterten Herzen her, derer gottlose Anfälle will ich Ew. Hoch. kürzlich für

die Augen legen, daß Schumacherisch schelmiche principium: divide et impera ist auch noch bis dato bey seinem successor in dem größten Schwanz. Es ist E. H. sehr wohl bekannt, daß der Schumacher immer junge professores auf die Alte gesetzet hat. Ich will aber außer anderen melden, was ich ausgestanden habe. 1) So bald mich die Conferentz zum Professor erwählet und attestiret hat und die sehlige Kayserinn darzu eingesetzet, so hat der Schumacher meine schon approbierte dissertationes an Ew. Hoh. geschickt, in der Hoffnung einer schlechten testimonii, Sie haben aber damahls als ein ehrlicher Mann gehandelt. 2) Ich habe Summa Geldes zum laboratorio von Kabinet erhalten bey der Academie zu bauen; dieses alles, wie auch die Chymische Profession, wollte er dem Burhaawe zu schanzen; es gelang aber ihm nicht, und ich habe treffliche experimente auf die Mosaique gemacht, wodurch ich Ehre, Landgüter und Gnade erhalten. 3) Dieses war dem Schumacher, Müller und Taubert ein greulicher Stachel in den Augen. Sie erschnappen eine Gelegenheit, da ich auf einen Befehl die Historie schreiben sollte, und haben den elenden Salchen vor die Chymie verschrieben, um mich vom Laboratorio und vom freyen Kuartier zu vertreiben. Gott hat mir aber gleich zu eigenen Haus geholfen, daß ich mitten im Petersburg in einem geraumen nach meinem Sinn

erbaueten, mit einem Garten und Laboratorio versehene schon acht Jahr wohne, und allerhand Instrumente und Experimente nach meiner Willkühr mache. 4) Da ich schon auch acht Jahr in der Cantzeley sitze (nicht um zu commandiren, sondern unter Taubertischen comando nicht zu stechen) So suchen.... hat doch das gedachte Gesiedel mich immer davon zu bringen....

(не кончено)

VI.

(собственноручная записка).

Грыдорованіе и печатаніе сочиненныхъ картъ къ Россійскому атласу стоитъ уже два года, только за одною апробаціею конференціи. А оная тянется безъ всякой причины. Къ поправленію Россійскаго атласа больше ничево не требуется, какъ первое, чтобъ сочинитель показалъ оригиналы, изъ которыхъ онъ собралъ сочиненную имъ карту, что они самыя въ нынѣшнее время лутчіе и что положены на новую карту исправно и вѣрно. 2) Что имена были, сколько изъ имѣющихся извѣстій возможно, исправны. 3) Чтобъ расположеніе было по принятой заблаго Газовой проекціи. 4) Чтобы всѣ въ сочиненіи и изданіи употребительные знаки городовъ, деревень, дорогъ и протчаго были исправны.

Когда сочиненныя въ географическомъ департаментѣ карты имѣютъ всѣ помянутыя достатки; то должно ихъ неукоснительно отдать въ дѣло, для на-

родной пользы и для чести Академіи; будежъ явятся недостатки немедленно велѣть поправить, и отдать въ дѣло. А долѣе не коснѣть и тѣмъ не чинить ущербу казнѣ и чести академической. Августа 27 дня 1762 года. Михайло Ломоносовъ.

7.

(собст. руч. записка).

Писать 1) къ Ейлеру и къ Фармею.
2) къ Генсіусу и къ Володимеру Григорьевичу.
3) къ Вергентину.
4) къ Занотти.
5) къ Ноллету и Кондамину.
6) NB. Испанія.
7) Лондонъ.
8) къ Бернуллію и ко всѣмъ почетнымъ членамъ иностр. Парижской Академіи.

N. Фабрики объѣздить и мастеровыхъ и мастерства при командахъ осмотрѣть. Въ Адмиралтействѣ, въ канц. отстр....

Рѣчь 1 и 2 для Академіи художествъ.

8.

(Переписанная; поправки рукою Ломоносова).

Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ.

I.

1. Господинъ Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложъ и общество обманываетъ, на пр. Рычкова представлялъ почетнымъ членомъ. А какъ

его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно коль неправедны бываютъ протоколы конференцскіе, кои онъ одинъ подписываетъ.

2. Господина Брауна не токмо въ конференціи осмѣхалъ, ни вочто вмѣняя изобрѣтеніе замороженія ртути; но и согласясь съ господиномъ Епинусомъ писалъ за море отводя отъ Брауна оное изобрѣтеніе и начало онаго приписывать хотя Цейгеру, что все и напечатано въ Лейпцигѣ, яко бы то сообщено отъ здѣшней Академіи; однако ни канцелярія, ни конференція того не вѣдала.

3. Комментаріи не выходятъ повсягодно по большей части за тѣмъ, что Миллеръ не зная своей должности дѣлать на диссертаціи сокращеній не въ состояніи и принужденъ другихъ просить.

4. Какъ извѣстно, что Миллеръ выписалъ Салхова для того, чтобы меня изъ готовой квартиры вытѣснить. Но нынѣшняго лѣта подалъ въ канцелярію доношеніе, чтобъ у Салхова отнять диплому при его отпускѣ безъ моего вѣдома. И Господиномъ Таубертомъ послана въ Адмиралтейскую коллегію однѣмъ безъ общаго согласія промеморія, чтобы въ Кронштатѣ удержавъ Салхова дипломъ отнять. Сіе столько шуму, негодованія и смѣху въ городѣ сдѣлало, сколько съ начала не бывало, и Салховъ не преминетъ уповательно отмщать свою обиду ругательными сочиненіями о Академическомъ правленіи.

5. Что непозволенныя переписки Миллеръ производитъ съ чужестранными, то довольно утверждаетъ бывшая надъ нимъ вторая коммиссія для слова *phanatique*. И многія причины къ подозрѣнію имѣю, что по его отпискамъ внесены обо мнѣ неправедныя разсужденія въ ученыхъ вѣдомостяхъ; студента Арнолда старался сюда выписать академикомъ, чтобы мнѣ и здѣсь былъ соперникомъ; за тѣмъ что онъ писалъ противъ моей теоріи о теплотѣ и стужѣ.

6. Безъ вѣдома канцеляріи и конференціи выписалъ Француза для обсерваціи Венеры въ Сибирѣ, чѣмъ и при Дворѣ и въ Сенатѣ не очень довольны, разсуждая чтобы Французъ выѣхавъ не издалъ безславнаго журнала, какъ прежде бывало.

7. Посылающіеся указы въ конференцію, кои по моему особливо представленію бываютъ, отнюдь не старается исполнить, напр. уже тому больше двухъ лѣтъ, какъ требуется отъ каждаго профессора сократительное понятіе его науки, для того, чтобы выходящимъ изъ Гимназіи студентамъ имѣть о наукахъ ясное воображеніе; но оное понынѣ не исполнено. Такъ же и требуемыхъ канцеляріею ежемѣсячныхъ сочиненій никогда не сообщаетъ напередъ канцеляріи для вѣдома.

8. Семь лѣтъ имѣвъ Географической Департаментъ въ своемъ смотрѣніи, ниже начало положилъ къ сочиненію настоящаго Россійскаго атласа. А дѣлалъ по большей части карты для приватныхъ въ угожденіе, какъ и прежде сего вмѣсто Россійской Исторіи знатнымъ особамъ генеалогическія таблицы.

А какъ увидѣлъ мои труды и успѣхи, сперва все купно съ господиномъ Таубертомъ не токмо но городу ходя уничижалъ, но и въ глаза мнѣ говаривалъ, сперва что никакихъ географическихъ отвѣтовъ изъ городовъ не будетъ; а какъ стали приходить; то онъ нѣкоторымъ присовѣтывалъ, чтобы оныя извѣстія требовалъ отъ насъ сухопутной кадетской корпусъ. По справедливомъ въ томъ оному отказѣ по его жъ совѣту и какъ слышу по обѣщанію, чтобы сочинить для корпуса географію его стараніемъ, кадетской корпусъ истребовалъ по нашему примѣру, отъ Правительствующаго Сената такъ же во всѣ городы указы, и откинутые въ Академіи Миллерскіе трудные или и невозможные къ отвѣтствованію запросы прибавлены. Не явной ли подкопъ добрымъ академическимъ успѣхамъ!

9. Близъ тридцати лѣтъ будучи профессоромъ ни единой не читалъ лекціи, и надъ чтеніемъ другихъ смѣялся, а Гмелину въ Сибирѣ и заказывалъ, какъ я многократно слыхалъ отъ Крашенинникова. И тому нынѣ послѣдуя всякими ложными словами и пророчествами по городу разноситъ и порочитъ полезныя новыя учрежденія Университета и Гимназіи.

10. Ни единаго не выпустилъ въ свѣтъ сочиненія, гдѣ бы не было великаго множества пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной.

11. И хотя за негодную диссертацію о произхожденіи Россійскаго народа былъ штрафованъ лишеніемъ чина; однако не отстаетъ прежнихъ своихъ

поступковъ, доказательства тому изъ слѣдующихъ ясны.

12. Мѣсячныя сочиненія содержатъ въ себѣ толь важныя политическія ошибки, ежели ошибками назвать можно, что Миллеръ призыванъ былъ въ придворную конференцію и сильно репримендованъ не задолго предъ полученіемъ прибавки жалованья. Дѣло было о Запорожцахъ въ мѣсяцѣ (Августѣ *) листъ перепечатанъ и слѣдующіе слова выкинуты **. Иностранная коллегія и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о набѣгахъ изъ Запорожья.

13. На все не смотря и по сіе время не токмо словесныхъ отъ канцеляріи требованій, но ниже указовъ исполняетъ, и не объявляетъ матерій вносимыхъ въ сочиненія.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ сочиненій прошлаго 1760 году стр. въ примѣчаніи Андреевскихъ казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ.

14. Самовольство Миллерово такъ далече произошло, особливожъ въ печатаніи сочиненій, что недавно Еннусъ подалъ на меня и при мнѣ въ собраніе поносительное письмо и говорилъ, что оное Миллеръ можетъ въ сочиненіяхъ напечатать. Въ ономъ письмѣ жалуется, яко бы я по городу бѣгалъ и поносилъ его книжку о прохожденіи Венеры по солнцу. Погрѣшность въ показаніи пути примѣтилъ

* Замарано.

** Точки.

господинъ Поповъ, а я прежде отъ знатныхъ людей услышалъ, нежели отъ Попова и только въ канцеляріи напоминалъ о томъ моимъ товарищамъ.

15. Жалуется не рѣдко, что ему въ сочиненіяхъ помогать не кому; хотя ему двое даны студентовъ и переводчики его жъ помощники. Не смотря на то Канцелярія опредѣлила къ нему для вспоможенія адъюнкта Мотониса, которой изъ награжденія ста рублевъ и принялся добровольно; однако вскорѣ прошеніемъ письменнымъ отъ того дѣла и отъ ста рублевъ отказался, не терпя Миллерова повелительства.

16. Не токмо въ ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи, напр. описывая Чувашу, не могъ протти, что бы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть Россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ Россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія.

17. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на Нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годуновы и Растригины, самую мрачную часть Россійской Исторіи; изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ Россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?

18. Всего доказательнѣе его злоба, что онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ вмѣщаетъ свою ска-

редную диссертацію о Россійскомъ народѣ по частямъ; и забывъ свое наказаніе, хвастаетъ, что онъ ту диссертацію, за кою штрафованъ, напечатаетъ золотыми литерами. Причемъ хвалитъ превеликаго педанта Бейера превеликія въ комментаріяхъ и намъ прикрытыя ошибки; для того что Миллеръ въ помянутую заклятую диссертацію все выкралъ изъ Бейера; и ту ложъ, что за много лѣтъ напечатана въ комментаріяхъ, хотѣлъ возобновить въ ученомъ свѣтѣ.

II.

1. Изъ Правительствующаго Сената указомъ требовано, чтобы перевесть Лифляндскія права. Подлинно что у насъ такихъ людей нѣтъ, да и я въ томъ не виноватъ; однако чтобы Правительствующему Сенату не показать никакой прикрости, совѣтовалъ я моимъ таварищамъ, чтобы по возможности что нибудь въ послушаніе сдѣлать. Но господинъ Таубертъ ускоривъ пошолъ въ оной въ Сенатъ съ отказомъ, гдѣ ему по справедливости учиненъ твердой выговоръ въ чувствительное нареканіе всей команды.

2. Всегда требуетъ росчоту о росходахъ Гимназическихъ и съ трудомъ получаю умѣренное число денегъ на Гимназію и Университетъ, не смотря на то, что подаются всегда исправные счоты въ надлежащее время и деньги употребляются съ бережью. А напротивъ того отъ новой типографіи, отъ библіотеки и отъ переплетной нѣтъ ни какихъ репортовъ для отчету и сколько я ихъ ни требовалъ,

добиться не могу, что противъ регламента и противъ самой правды.

3. По примѣру своего тестя старается молодыхъ профессоровъ и адьюнктовъ вооружать противъ старыхъ. Епинуса преклонивъ на свою сторону, такъ его употребляетъ, что не токмо здѣсь, но и у Вашего Сіятельства реколендуетъ выше его знанія. Правда, что онъ изрядной физикъ; только по Астрономіи весьма малъ въ разсужденіи практики. Обсервацiи астрономическія требуютъ долговременнаго упражненія. Господинъ Епинусъ былъ года съ два въ Берлинѣ, гдѣ ни единаго нѣтъ добраго инструмента, и почти одинъ заржавелой квадрантъ, и Епинусъ не видалъ нигдѣ хорошихъ астрономическихъ инструментовъ, какъ только здѣсь у Гришева. Однако по мнѣнію господина Тауберта научился онъ такъ много, что въ столь же краткое время научилъ и Румовскаго Астрономіи и онъ уже по его рекомендаціи можетъ сдѣлать обсервацію, которой и славные астрономы не безъ осторожности ожидаютъ. Коль легкая и подлая наука Астрономія! Плоше сапожнаго дѣла. Отъ незнающаго никакой практики Епинуса Румовской выучился въ три мѣсяца. Между тѣмъ я бы весьма радовался какъ сынъ отечества Румовскаго успѣхамъ. И дай Богъ, чтобы то было правда! Да другимъ бы не обида и главной командѣ не слѣдовало бъ нарѣканія; въ ордерѣ написано, что кромѣ Румовскаго важнаго онаго наблюденія учинить нѣкому. Ежели правда, то сама главная команда Академическая виновата, что о томъ давно не старалась; ежели неправда, то жаль что изво-

лите принимать приватныхъ представленій мимо канцеляріи, что Ваше Сіятельство сами при отъѣздѣ вашемъ словесно и писменно запретили. А чрезъ оной ордеръ привели въ огорченіе и уныніе тѣхъ, кои двадцать и тридцать лѣтъ упражняются въ астрономическихъ наблюденіяхъ, и вами жъ самими въ томъ знаніи удостоены и произведены чинами. Профессоръ Поповъ услышавъ, что его отдаютъ Румовскому почти въ команду, жаловался и отъ Сената получилъ чинъ и въ наблюденіяхъ первенство, и воспослѣдовала въ отправленіи остановка хотя еще не опасна.

4. Довольно извѣстно какія отговорки подалъ писменно Профессоръ Ейнусъ, чтобы не читать физическихъ експериментальныхъ лекцій студентамъ. Я о томъ представлялъ; однако ему упущено: нынѣ жъ въ Кадетскомъ корпусѣ за то принялся. Называлъ тогда скучною работою читать студентамъ физическія лекціи, какъ видно по наущенію, чтобы Университету здѣлать въ исправленіи препятствіе. А нынѣ не токмо воробья уморить антлією, но и реестръ держать кадетскимъ въ классы приходамъ и выходамъ нескучно томужъ Ейнусу.

5. Захватавши деньги отъ книжной лавки, кому хочетъ, тому и даетъ жалованье, что должно быть за общею судейскою печатью.

6. Всего несноснѣе и справедливости противнѣе поступки господина Тауберта въ подрядахъ, о коихъ должно предложить здѣсь пространнѣе, и представить нѣсколько прошедшихъ лѣтъ соединяющихъ-

ся въ тѣхъ съ нынѣшнимъ временемъ 1) На погорѣлыя палаты академическія по указу Правительствующаго Сената, чтобы ихъ починить, выдано отъ Статсъ-Конторы 23,089 руб. и сверхъ того изъ академической суммы употреблено около полутретьихъ тысячь. Однако и по сіе число съ лишкомъ въ полпята года оныя палаты несовершены за недостаткомъ денегъ, а имянно обсерваторія и шкапы для книгъ, о которыхъ должно упомянуть особливо. 2) Обсерваторію починкою достроить подрядились нѣмцы столяры Кинтъ и Бехеръ прошлаго 1759 года, обѣщаясь построить прежде позднаго осенняго времени. И хотя я противъ того въ Канцеляріи писменно протестовалъ 1) для излишней цѣны, 2) для позднаго времени, что лутче начать весною рано, а осеннее дѣло непрочно. Однако строеніе поздно начато и не совершено, не токмо той осени, но и въ цѣлое минувшее лѣто 1760 не поспѣло, такъ чтобы утвердить можно было инструменты для обсерваціи. И все время тратится и деньги напрасно исходятъ на астрономовъ, на починки и на наемъ квартиръ. И какъ я подрядчика Кинта хотѣлъ за такую неисправность посадить подъ караулъ, то господинъ Тауберть по знакомству съ ними исполнить того не велѣлъ 3) По моему представленію и проекту здѣланъ счотъ мною и архитекторомъ, во чтобы обошелся новой каменной корпусъ равной тому, въ которомъ теперь находится канцелярія и протчее. Сумма на то потребна до 17,000 рублевъ. И какъ то господинъ Тауберть примѣтилъ, что починка погорѣвшаго корпуса многими тысячами дороже

обошлась, нежели на цѣлое строеніе немного меньшаго корпуса потребно. То онъ разсудилъ за благо не просить отъ Правительствующаго Сената прибавочной суммы на Библіотеку и Кунсткамеру, чтобы не потребовано было счоту о прежней суммѣ 25-хъ тысячь. И для того неходатайствовалъ себѣ ордеръ, чтобы положенную въ академическомъ штатѣ сумму на размноженіе Библіотеки и Кунсткамеры употребить на шкапы и протчее. И хотя я представлялъ, что и кромѣ того много употреблено суммы не на тѣ расходы, на которые опредѣлена Высочайшею Монаршескою милостію, и отъ того науки претерпѣваютъ упадокъ; однако не смотря на то чинитъ господинъ Таубертъ внѣ Канцеляріи подряды и выдаетъ на то деньги безъ общаго опредѣленія и ордеровъ. 4) На нововыстроенныхъ дворахъ Волкова и Лутковскаго дѣлаетъ оной Таубертъ всякія пристройки и перестройки безъ опредѣленія по своимъ прихотямъ и деньги выдаетъ казенныя безъ ордеровъ же канцелярскихъ.

7. При выдачѣ опредѣленныхъ на Гимназію денегъ всегда безъ притчины споритъ, только чтобы остановить какъ нибудь мои успѣхи, и не смотря иногда, что гимназисты обувью скудаются, опредѣленія подпискою продолжаетъ. Напротивъ того въ тоже время на другія совсемъ излишніе расходы выдаетъ деньги.

8. Стараясь всячески отвести отъ меня до наукъ принадлежащіе департаменты, нахально принялъ на себя дѣлать для Его Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича глобусъ и карты; и

чтобы себя рекомендовать, а мнѣ не дать въ смотрѣніи участія, далъ безъ вѣдома канцеляріи Трескоту готовую профессорскую квартѣру въ Боновскомъ домѣ, и не смотря на то, что жена и дѣти Трескотовы во фря...хъ, велѣлъ ему все на квартирѣ дѣлать. Однако оныя вещи ко Двору не приняты.

9. Мастеровыхъ людей господинъ Таубертъ заграбилъ подъ свое вѣденіе затѣмъ, чтобы дѣлать инструменты въ угожденіе нѣкоторымъ; а не для того чтобы профессоры могли пользоваться и дѣлать инструменты по своимъ изобрѣтеніямъ.

10. О профессорѣ Ботаники какихъ не дѣлалъ господинъ Таубертъ происковъ для своихъ прихотей. Спознавшись со студентомъ Кельрейтеромъ въ Тибингинѣ будучи и желая за него сестру свою выдать, призвалъ его Адъюнктомъ мимо Щепина, коего тогда нарочно перевели въ медицинскую канцелярію и чтобы Кельрейтеру дать не подостоинству профессорство ботаники, сперва присовѣтывалъ Гебенштрейту отправиться въ Германію для излеченія, а послѣ и остаться тамъ, истребовавъ отсюду абшидъ. Однако Кельрейтеръ еще сомнѣвается не лутчели домой ѣхать, нежели за себя взять дѣвку дурную, старую, безприданую.

11. Занявъ въ Академическомъ Волковскаго и Лутковскаго домѣ самъ лутчіе покои, на коштъ академической великолѣпно украшенные, роздалъ другіе по своему расположенію квартѣры; и переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что мож-

но бы умѣстить хорошаго Профессора, которой терпитъ нужду переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартѣрамъ.

12. Въ реляціи о взятіи Берлина двѣ погрѣшности въ переводѣ на Нѣмецкомъ языкѣ съ Россійскаго, которыя его нерадѣніемъ здѣланы, касались до ущербу чести Россійскаго оружія, пропустилъ безъ слѣдованія, хотя при Дворѣ весьма негодовали и больше нежели за погрѣшность почитали. Напротивъ того Барсова арестовалъ Таубертъ за опечатку въ титулѣ нѣкотораго знатнаго господина.

Кромѣ этихъ избранныхъ изъ портфеля Ломоносова бумагъ, я надѣюсь издать и другія не менѣе любопытныя.

Всѣ эти бумаги, какъ черновыя и писанныя торопливо, заключаютъ въ себѣ неизбѣжно ошибки и описки; но я считалъ долгомъ не исправлять ничего, чтобъ не сдѣлать собственныхъ ошибокъ въ отношеніи правописанія времени Ломоносова.

А. Вельтманъ.

КАРТИНЫ СТЕПЕЙ.

I.

СИБИРСКІЯ ТУНДРЫ.

Лѣса, опоясывающіе среднюю Сибирь, приближаясь къ Сѣверу, рѣдѣютъ постепенно; страна видимо бѣднѣетъ и замираетъ.... «Одно дитя сѣвера—посреди зимы цвѣтущій мохъ, покрываетъ землю за нѣсколько тысячелѣтій оцѣпенѣвшую. Безлѣсная пустыня, обыкновенно тундрою называемая, до самаго моря покрыта озерами и лужами.» [1] Многоводныя рѣки, раздѣленныя одна отъ другой обширными пространствами, пробираются къ морю медленно, неохотно, и предъ впаденіемъ въ него разливаются широкими лиманами. Рѣчки и ручьи рѣдки; нѣкоторыя озера глубоки и обширны; лужи простираются часто на многія версты въ длину и ширину. Крутые берега ручьевъ и озеръ, на нѣсколько саженъ вышины, составлены изъ перемѣнныхъ пластовъ земли и твердаго льда. [2] Въ нѣдрахъ этой почвы сохранились цѣлые остовы мамонтовъ и часто среди мертвой пустыни видите ихъ клыки выставленные изъ-

подъ земли, или цѣлыя ихъ груды лежатъ по берегамъ моря, которое волнами выкатываетъ ихъ изъ своей глубины.... Цѣлыя деревья, съ вѣтвями и корнями сокрыты въ землѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь совершенная пустыня и растительность отодвинулась къ югу слишкомъ на триста верстъ. Вездѣ слѣды жизни давно угасшей и кругомъ оцѣпенѣніе. Не слышно голоса пѣвчей птички, ни шума дерева, ни шелеста травы; кузнечикъ не кустъ, зелень не радуетъ взора — не засвѣтится огонекъ, зовущій къ пріюту.... И кажется, природа прообразовала здѣсь ту страшную вѣчность, которою подавлялъ наши чувства Байронъ, передавая ее бѣднымъ языкомъ человѣка.

«Мертвая тишина нарушается только лѣтомъ, прилетною птицею. Безчисленныя стада гусей и утокъ покрываютъ озера и лужи.» (3) Но можно ли назвать лѣтомъ нѣсколько мѣсяцовъ беззакатнаго солнца, нѣсколько недѣль утомительнаго зноя, не оживляющаго страны.—«Жары доходятъ до 38°; комаровъ необятное множество; нечистоты, скрывавшіяся въ снѣгу, наполняютъ воздухъ удушающими испареніями. Всюду грязь и вода поверхностная, потому что и въ жарчайшее лѣто земля не растаиваетъ глубже четверти аршина. Убійственно было бы продолжительнѣйшее лѣто....» (4)

«Зимою страна принимаетъ прежній, пустынный, мрачный видъ свой. Въ нѣсколько переѣздовъ едва увидишь песца, или стадо дикихъ оленей.... Ночь длится мѣсяцы, воздухъ сгущенъ и вреденъ, морозъ бываетъ выше 40°. Съ грустію въ душѣ, робко

вступаетъ въ эту мертвую страну чуждый ей, изнѣженный природою своей родины иноземецъ; только обязанность гонитъ его впередъ и невольно возбуждаетъ ослабѣвшее мужество.» (5)

Это мертвыя степи. Онѣ лежатъ отъ Тихаго Океана, по всему протяженію Ледовитаго моря и Сѣвернаго Океана до Шведской Лапландіи, на шесть тысячь верстъ въ длину. Мѣстами перерѣзаны хребтами горъ мрачныхъ и разрушаемыхъ частыми непогодами и постоянно страшнымъ климатомъ. На западѣ, по сю сторону Урала, въ нихъ болѣе жизни: по нимъ кочуютъ бѣдныя бродячія племена, но тоска все еще подавляетъ не привыкшее чувство — и человѣкъ невольно сознается въ безсиліи оживить пустыни, нѣкогда цвѣтущія.

II.

СТЕПИ ОТЪ ДУНАЯ ДО ЗАБАЙКАЛЬЯ.

На противоположномъ рубежѣ Русскаго царства отъ Охотскаго моря до границъ съ Турціею, на протяженіи почти семи тысячь верстъ, другія степи прерываютъ хребты горъ Забайкальскаго края и стелются непрерывною широкою полосою отъ Енисея до береговъ Дуная.

Съ высотъ Алтая и Хамаръ-Дабана взоръ теряется въ пространствѣ Китайскихъ владѣній, въ глубинѣ степей средней Азіи, облегшихъ предѣлы Сибири.

Посреди горныхъ хребтовъ Забайкальскаго края, между рѣкъ Аргуна и Онона, лежатъ степи, обильныя пажитями. Зимою кочуютъ по нимъ Буряты и Тунгусы. Почва ихъ черноземная, плодоносная. Пашни неудобрены, но даютъ хлѣба иногда въ сорокъ разъ болѣе посѣва.

Отъ лѣваго берега Енисея до Иртыша идутъ степи Барабинскія, плодоносныя, богатыя водами и дичью, усѣянныя групами отдѣльныхъ деревъ—и страшныя трясинами, множествомъ комаровъ и мошекъ, отъ которыхъ привыкшіе жители тѣхъ мѣстъ ничѣмъ не могутъ спастися, кромѣ насмоленныхъ сѣтокъ, завѣшивая ими лица даже во время сельскихъ работъ.

Отъ лѣваго берега Иртыша по всей Омской линіи, чрезъ Тоболъ до горъ Уральскихъ, тянутся степи, которыя по рѣкѣ Ишиму называются Ишимскими. Онѣ плодоносны и богаты многими дарами природы.

На югъ отъ нихъ къ Каспійскому морю до р. Урала лежатъ обширныя равнины, изрытыя оврагами, ручьями и рѣчками, которыя, не протекая на далекое пространство, разливаются при своихъ устьяхъ озерами. Почва сихъ равнинъ плодородна, обильна сочными травами; мѣстами вздымаются по нимъ каменные холмы и горныя возвышености; мѣстами лежатъ пространства сыпучаго переноснаго песка. Это степи Киргизскія. Сотни тысячь народа, съ многочисленными стадами, находятъ здѣсь обильное продовольствіе; выгодное хлѣбопашество начинаетъ водво-

ряться; торговыя пути въ Хиву, Бухару, Коканъ и Индію лежатъ черезъ эти степи.

Отъ р. Урала чрезъ Волгу къ Дону стелются широкія степи Волжскія, Саратовскія, Астраханскія, Моздокскія, Терскскія и др. Сѣверная ихъ полоса занята селидьбами Уральскихъ Казаковъ, Русскими и Малороссійскими переселенцами, Нѣмецкими выходцами, частію поселеній войска Донскаго. По южной, вблизи устьевъ Волги, кочуютъ Калмыки, около Терека живутъ Русскіе и инородные поселенцы, а между Кубанью и Азовскимъ моремъ поселено войско Черноморское.

Отъ Дона къ берегамъ Дуная тянутся двѣ полосы степей: Сѣверная занята губерніею Полтавскою и частями Воронежской, Харьковской, Курской и Черниговской. Эта полоса составляетъ какъ-бы переходъ отъ внутреннихъ губерній Россіи къ чисто-степнымъ. Южная занята степями: Днѣпровскими, Херсонскими, Екатеринославскими, Азовскими, Крымскими, Ногайскими, Переконскими и Буджакскими. Всѣ онѣ могутъ быть названы степями Южными или Новороссійскими.

Эти степи напояются рѣками, начавшими свою жизнь въ сердцѣ Россіи; прилегаютъ къ двумъ морямъ, оживляющимъ промышленность обширнаго края нашего отечества, быстро и сильно вызваны къ новой жизни, богаты воспоминаніями и памятниками, и могутъ быть для насъ знакомы скорѣе другихъ степей.

III.

ЮЖНЫЯ ИЛИ НОВОРОССІЙСКІЯ СТЕПИ.

Вѣрно понятія наши о степяхъ перешли съ Востока, вмѣстѣ съ фантастическими сказками, или переданы торговыми людьми, которымъ приводилось испытать бѣдствія пути по печальнымъ равнинамъ Азіи или Африки, гдѣ человѣкъ по цѣлымъ днямъ томится жаждою, гдѣ ураганъ, взметая волны песчанаго моря, топитъ въ нихъ караваны, и не рѣдко изъ нѣсколькихъ сотъ путешественниковъ не оставляетъ ни одного, который бы разсказалъ о гибели товарищей.

Нѣтъ, не таковы наши степи. Земля ихъ тучна, неистощима; живые пути торговли, величайшія рѣки Европы: Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ, Дунай, вмѣстѣ съ второстепенными рѣками и ручьями, напояютъ ихъ своими водами. Богатые лѣса идутъ по Самарѣ, Донцу, Днѣстру и по сѣверной полосѣ Херсонской Губерніи. Травы сочны, растительность богата и разнообразна; дичи и рыбы обиліе; климатъ благорастворенный; широкія равнины и луга, разнообразная ткань логовъ, скалистые овраги, гранитная полоса на протяженіи тысячи верстъ, два моря, сближающія насъ съ Европой и Азіей, обиліе каменнаго угля и алебастра, со всѣми сокровищами, перешедшими отъ великихъ переворотовъ земли, и, наконецъ памятники и прахъ народовъ, давно отжившихъ — вотъ достояніе Новороссійскихъ степей. (6)

Какъ часто среди степи, казалось, былъ я въ безпредѣльности неба и земли. Гляжу на небо—взоръ

тонетъ въ безконечной синѣвѣ: нѣтъ ни облака, только жаворонокъ распростерся въ воздухѣ и сыплетъ на землю звонкія пѣсни. Смотрю кругомъ себя, не на чемъ остановить взоры; развѣ на одинокомъ курганѣ, затаившемъ въ своемъ сердцѣ прахъ человѣка!...

Будто затихъ и не колыхнется цѣлый океанъ земли, и отливаетъ всѣми тѣнями цвѣтовъ и курится благоуханіемъ.... Но не вѣрьте тишинѣ этого океана: онъ кругомъ васъ колышется и, какъ волнами разбѣгается широкими логами и оврагами. Тамъ, по углубленіямъ, скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тамъ бѣжитъ истомленный ручей, и по сторонамъ видны въ лѣсахъ остатки весенней воды; тамъ роскошно льется рѣка, дитя сѣвера, который питаетъ ее могучею грудью; тамъ обрывъ и поднялись уступомъ берега рѣкъ; тамъ раскидываются богатые луга и по островамъ синѣютъ лѣса.... Правда, не видно ни холма, ни пригорка, кромѣ могильныхъ насыпей; но возвышенности, которыя въ другихъ мѣстахъ разнообразятъ страну, какъ будто выступая изъ земли, замѣнены въ степяхъ разнообразіемъ углубленій. Виды другихъ странъ, какъ опрокинутые отражаются въ нихъ будто въ лонѣ водъ. Однѣ степи Перекопскія, Херсонскія и Буждакскія улеглись не колыхнувшись.

Человѣкъ не успѣлъ еще овладѣть степями. Обширныя пространства земли не воздѣланы, даже не заняты кочевыми стадами овецъ. Селенія тянутся болѣе по берегамъ большихъ рѣкъ, какъ по жизнен-

нымъ жиламъ страны; въ глубинѣ степей онѣ рѣдки и спустились въ удолья логовъ, къ ключамъ и колодцамъ.

Жилье человѣка сложено изъ камня, который былъ нѣкогда дномъ Океана, и слитъ изъ несмѣтнаго множества раковинъ, этихъ опустѣлыхъ жилищъ нѣкогда живаго міра; — теперь онъ скрытъ въ землѣ или выступаетъ скалами по глубокимъ оврагамъ. Заборы, около хатъ, сплетены изъ тростника или сложены изъ неровныхъ кусковъ того же сѣраго камня. На нихъ лежатъ клочки налетѣвшей соломы и сушатся груды сѣровато-чернаго кизяка. Подлѣ выступаетъ, спокойно—будто дома, дикій аистъ: гнѣздо его сплетено изъ прутьевъ и сухихъ травъ на кровлѣ хаты, и человѣкъ боится коснуться до него по какому-то необъяснимому повѣрью. * Такіе виды, поразительные для сѣвернаго жителя, своею дикостью и бѣдностію, почти нигдѣ не оживлены — ни садомъ, ни даже однимъ кустомъ зелени. Бѣдные начатки садовъ у колонистовъ и рѣдкихъ изъ нашихъ помѣщиковъ, грустно напоминаютъ пустыню. За то приднѣпровье и прибрежья другихъ большихъ рѣкъ обильны фруктовыми садами, оживлены зеленью дикихъ деревъ, и взоръ, утомленный однообразіемъ и пустынными видами степи, отрадно отдыхаетъ на темной зелени островов и на прохладной синѣвѣ Днѣпра, Дона, Буга, Днѣстра и Дуная.

* Его почитаютъ благодѣтельной для человѣка птицей; ибо аистъ истребляетъ змѣй и гадъ, употребляя ихъ въ пищу. Гнѣздо его на хатѣ предвѣщаетъ, по повѣрью, благополучіе.

Болѣе милліона людей живетъ на степяхъ отъ береговъ Дона до Дуная и пользуется ихъ дарами. Тяжелый плугъ силою осьми воловъ браздитъ нетронутыя равнины. Тысяча плотовъ и барокъ несутся по теченію рѣкъ съ избытками сѣвера и самихъ степей. Болѣе пятнадцати милліоновъ пудовъ хлѣба передается на чужеземные корабли за наличный капиталъ или за прозведенія ихъ земли. До двухъ милліоновъ тонкорунныхъ овецъ свободно бродятъ почти круглый годъ на равнинахъ, обильныхъ травами, и наводятъ мысль на огромные успѣхи и выводы промышленности. (7) Каждое мѣсто ожидаетъ человѣка, чтобъ вознаградить его трудъ, и вызываетъ къ смѣлости предпріятій. Пароходство по морямъ и рѣкамъ; разработка каменнаго угля и замѣнъ имъ дровъ въ безлѣсныхъ пустыняхъ; разведеніе лѣсовъ и садовъ; неисчерпаемые запасы соли; винодѣліе; обширныя рыбныя ловли; овцеводство; удобство заведенія лучшихъ лошадей и рогатаго скота; удобство и быстрота сообщеній; артезіанскіе колодцы — все это великія начала жизни степей, и все на первой ступени движенія, еще въ колыбели, еще далеко отъ прочнаго устройства и совершенствованія, еще далѣе отъ возможности правильной мануфактурной дѣятельности; но все преуспѣваетъ съ неимовѣрною быстротою, если только сообразить, что за сто лѣтъ среди этихъ пустынь, поросшихъ гагантскимъ бурьяномъ и застланныхъ ковылемъ, почти не было ни жилья, ни безопаснаго проѣзда; что даже въ царствованіе Анны Іоанновны онѣ назывались Татарскою стороною и наша порубежная оборони-

тельная линія шла къ Днѣпру чрезъ губерніи Харьковскую и Полтавскую. А теперь, въ вѣнцѣ городовъ, вспоенныхъ благомъ степей и моря, растутъ и красуются: Одесса, Таганрогъ, Керчь, Севастополь, и изъ рыбачьихъ лачугъ и сараевъ, въ три года возникъ Бердянскъ и выступилъ рядами каменныхъ зданій. (8) И не даромъ древніе народы приплывали къ этимъ пустынямъ, водворялись въ нихъ, и основанные ими города однимъ прахомъ возбуждаютъ въ насъ удивленіе и приковываютъ вниманіе.

Много приволья и простора жизни среди степей.

Я видѣлъ ихъ въ Мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестію. Бѣлыя облака, какъ-то неспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись, то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга, до вершинъ деревъ залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ логамъ и оврагамъ Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы, высокіе почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, и радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатыя будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ Маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни цвѣтутъ и незримо выработываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая.... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, *какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы.*

Кажется, небо, упиваясь наслажденіемъ, едва переводитъ дыханіе, и цѣлый океанъ цвѣтовъ и зелени затихъ и курится благоуханіемъ.

Въ Сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи, и полное зерно обильно сыплется изъ-подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увядающія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада.

Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ; день коротокъ; зари почти нѣтъ: близка южная осень.

По ноябрскому небу тяжело носятся сѣрыя облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовно: едва проглянетъ и скроется на цѣлый день. Туманъ потопомъ разлился по окрестности. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы ходятъ огромными стадами; аисты сбираются на взморьѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Генварь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись какъ Сибирскія тундры. Съ Запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги; мятель бьетъ въ окно поселянина и, завывая, будто проситъ пріюта. Съ Востока набѣгаетъ ураганъ: съ свистомъ взметаетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ

степей—онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и Казаковъ; онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда — и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою, и утомленный бѣжитъ далѣе.... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ.

Буря утихла; небо безоблочно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь миріады сверкающихъ пылинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта.

Я былъ въ степяхъ, и теперь онѣ будто передо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребры рѣкъ-великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ знойнымъ солнцемъ, и темную синеву неба среди ночи, съ яркими звѣздами; ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и метелей.

Какъ часто среди тишины нежданно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи; то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и обѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль; бѣжитъ, ростетъ, вздымается къ облакамъ — и вдругъ будто выбившись изъ силъ—роняетъ все, что захва-

тилъ на пути — и добыча безобразно сыплется на землю.

Бываетъ: въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихъ зданій, окруженныя широкимъ разливомъ воды; тамъ озеро и по немъ острова, покрытые деревьями, тамъ бродятъ какія-то громадныя чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны.... приближаетесь, и все какъ очарованное удаляется отъ васъ; идете тихо—и зданія и воды отодвигаются медленно, скачете— и все бѣжитъ и измѣняется, а предъ вами таже пустыня неба и безводной степи и тѣже могильные курганы.

Не грядущую ли жизнь и благо степей прообразуютъ эти видѣнія?

Хорошъ видъ степныхъ пожаровъ; когда раннею весною выжигаютъ степи—огонь перебирается по травѣ, и сухой стебель то затлѣется, то вдругъ вспыхнетъ какъ свѣчка; пламя перебѣгаетъ, разливается; столбъ чернаго дыма встаетъ, ростетъ, и если огонь нашелъ преграду, отдѣлится отъ земли и свертываясь и развиваясь несется облакомъ. Опаленная земля, черна, какъ уголь; сухія травы сожжены; но не пройдетъ мѣсяца, и земля съ новою силою и свѣжестію убирается зеленью.

Напоминать ли о страшной годинѣ засухъ и голода? Какъ они были страшны въ степяхъ. Отъ невыносимыхъ жаровъ изсохли ручьи, изсякли источники; растрескавшая земля раскалилась; травы не доживши до лѣта засохли и помертвѣли: кругомъ

жилья не видно было запасовъ хлѣба; человѣкъ сталъ тихъ и унылъ; толпы работниковъ, зашедшихъ издалече, бѣжали на сѣверъ; стада овецъ и рогатаго скота блуждали и, не находя обычной пищи, ѣли камышъ и бурьянъ; даже соломенныя кровли хатъ служили для нихъ кормомъ, и въ ихъ ревѣ и мычаніи слышалось предчувствіе смерти.... Обезлюдѣло не одно селеніе, и теперь остатки разрушающихся домовъ въ опустѣлыхъ деревняхъ по Крымскимъ степямъ—тяжело напоминаютъ о страшной годинѣ.

Но какъ изобразить весь ужасъ и все очарованіе степей?

«Кто хочетъ понять поэта, пусть идетъ въ страну, гдѣ пѣлъ поэтъ.» *

Кто хочетъ постигнуть страну, пусть сживется съ природою страны.

Много было жизни среди этихъ степей, много приволья для кочевыхъ народовъ. Передвигавшись изъ одной части свѣта въ другую, они останавливались здѣсь; основывали свои кочевыя царства, вели тяжелыя войны съ Азіатскими и Европейскими Государствами; многіе занимались земледѣліемъ и сбывали избытокъ хлѣба Греческимъ торговцамъ; имѣли свои города и свои временныя и постоянныя кладбища.

По взморью, чужеземцы устроивали города — и слава о нихъ доходила до отдаленныхъ странъ тогдашняго міра.

* Гете.

Но безпрерывныя войны, но враждебныя племена, выдвинутыя обстоятельствами или прихотью изъ степей средней Азіи, измѣняли или лучше устроивали обычный ходъ дѣлъ, заступали однѣ мѣсто другихъ, гнали побѣжденныхъ въ пустыни Сѣвера и въ ущелія сосѣднихъ горъ и въ даль Европы.

Такъ преходили племена, и измѣняя свое настоящее, измѣнялись сами, и шли по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія. Изъ праха ихъ жизни возникала жизнь новая, и посреди нашего настоящаго лежатъ грустные остатки ихъ городовъ; вездѣ видны слѣды жилья и повсюду разбросаны могильные курганы.

1838.

Вадимъ Пассекъ.

ПОѢЗДКА

ИЗЪ ИРКУТСКА ВЪ КЯХТУ

ЧРЕЗЪ БАЙКАЛЪ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ. *

Путешественникъ, достигнувъ Иркутска, чувствуетъ непреодолимое желаніе посѣтить страны Далай-Ламы и Шамановъ, и ближе познакомиться съ Монгольскими кочующими племенами, столь страшными нѣкогда для Европы, и теперь такъ спокойно отправляющими обряды своего языческаго богослуженія, подъ скипетромъ Императора Всероссійскаго.

Отъ Иркутска до Кяхты считаютъ 550 верстъ. Лѣтомъ туда два пути: почтовою дорогою по теченію р. Ангары, вытекающей изъ Байкальскаго озера; отсюда на перевозномъ суднѣ черезъ Байкалъ, потомъ лѣвымъ берегомъ Селенги черезъ города Верхнеудинскъ и Селенгинскъ. Но должно замѣтить, что нерѣдко противные вѣтры затрудняютъ переѣздъ чрезъ озеро. ** Другая, транспортная дорога, окружая рукавъ Бай-

* Изъ книги: Wiedomosci o Syberyi ipodrroze wniej odbyte wlatach 1831, 1832, 1833, 1834. p zez I. K. w. Warszawie 837.

** Устройство на Байкалѣ пароходовъ было бы по видимому выгодно для постояннаго перевоза Русскихъ и Китайскихъ товаровъ; потому что вѣтры здѣсь такъ сильны, что далеко загоняютъ суда

кала съ правой стороны, тянется черезъ хребетъ Хамаръ-Дабанъ. Правда, что она не ровна, но довольно выгодна и хорошо устроена. Въ Усть-Кяхтѣ, послѣдней станціи передъ Кяхтою, она соединяется съ первымъ трактомъ.

Зимою еще скорѣе можно проѣхать разстояніе отъ Иркутска до Кяхты, подвергаясь за то большимъ невыгодамъ и опасностямъ, отъ того что этотъ путь пролегаетъ по льдамъ быстрой Ангары, озера Байкальскаго, называемаго Св. Моремъ, и по р. Селенгѣ.

Отправившись по этой послѣдней дорогѣ, я выѣхалъ изъ Иркутска въ покойной повозкѣ 15 Генваря 1832 года въ 4 часа утра, при 27° мороза по Реомюрову термометру.

Блѣдный свѣтъ луны освѣщалъ дорогу. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, мы спустились на Ангару, еще не вездѣ покрытую льдомъ. Теченія ея отсюда до Байкала будетъ верстъ шестьдесятъ. Она очень широка и такъ быстра, что покрываетъ своими струями ледъ, образующійся на ней; льдины кажутся выступающими изъ-подъ воды, и здѣшніе жители думаютъ, что ледъ подымается со дна рѣки. Вода въ ней чиста, но нездорова и безрыбна. Множество водопадовъ дѣлаютъ плаваніе по ней труднымъ и опаснымъ. Быстрота ея теченія 8 футовъ въ секунду.

Зная, что Ангара покрылась льдомъ только мѣстами, я находился съ безпрерывномъ опасеніи, тѣмъ бо-

отъ настоящаго направленія. Въ 1834 г. Генералъ-Губернаторъ Сулима во время поѣздки въ Забайкальскія страны, былъ занесенъ на перевозномъ суднѣ въ отдаленныя окрестности и много перенесъ трудовъ и опасностей прежде нежели доѣхалъ до Иркутска.

лѣе, что всѣ окружающіе предметы принимали ночью страшные, фантастическіе образы. Мнѣ хотѣлось разглядѣть дорогу въ окружавшемъ меня полусвѣтѣ и я безпрестанно протиралъ глаза, слипавшіеся отъ мороза. Но знаніе дороги извощиками успокоиваетъ до такой степени, что путешественникъ перестаетъ бояться даже дѣйствительной опасности. Мой извощикъ, то придерживался одного берега, то въ мѣстахъ совершенно покрытыхъ льдомъ, переѣзжалъ на другую сторону, и такимъ образомъ выбиралъ лучшую и самую безопасную дорогу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ озеру, тѣмъ болѣе тѣснились горы, оступившія Ангару, и поѣздка становилась все труднѣе и труднѣе. Сани едва помѣщались на замерзшемъ прибрежьи, опираясь о подножіе горъ и скалъ, которыхъ вершины висѣли надъ нашими головами, а съ другой стороны быстрыя клокочущія струи черной Ангары безпрестанно грозили намъ поглощеніемъ. За то какъ величественны были эти виды! Луна освѣщала снѣговыя горы и, отражая дрожащій свѣтъ о глыбы льда, повсюду выступающія изъ-подъ пѣнящихся водъ, производила на зрителя какое-то очаровательное впечатлѣніе; а противный берегъ, потонувшій въ сумракѣ, представлялъ зрѣнію черныя исполинскія массы горъ, которыя скрывали въ облакахъ свои бѣлыя снѣговыя вершины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога тянулась чрезъ просѣки акацій, которыя въ изобиліи растутъ по берегамъ Ангары. *

* Robinia Caragana, Сибирская акація — кустарникъ отъ 14 — до 16 фут. вышины. Первобытное ея отечество есть Сибирь.

Оставивъ за собою нѣсколько станцій, мы проѣхали село Никольское, гдѣ устроенъ зимній портъ, для перевозныхъ Байкальскихъ судовъ, двухъ военныхъ и 23 купеческихъ, состоящій подъ вѣдомствомъ адмиралтейства, и наконецъ приблизились къ самому озеру, изливающему массы водъ Ангары. Видъ величественный, прелестный! Не смотря на рѣзкій вѣтеръ и жестокій морозъ, я съ любопытствомъ разсматривалъ окрестности. Изъ-подъ неподвижной плоскости замерзшаго Байкала, сквозь подножіе остроконечныхъ скалъ, упирающихся въ небо, прорывается черною, широкою лентою быстрая Ангара—и скрывается въ горахъ. Я сталъ на правомъ ея берегу, на самомъ поворотѣ высокой горы, гдѣ вода съ чрезвычайною силою вырывалась изъ-подъ гнетущихъ ее льдинъ моря. Пѣнящіяся струи ея разбивались о два огромныхъ гранита, выступившихъ со дна посреди ея русла; густой паръ подымался къ небу; милліоны дикихъ утокъ качались на опѣненныхъ волнахъ; Святое море, какъ огромное ледяное зеркало, отражало ослѣпительные лучи восходящаго солнца. Трудно было бы оторваться отъ этого зрѣлища, если бы климатъ не былъ такъ жестокъ.

Продолжая путь нашъ, мы ѣхали по берегу Байкала, перемѣнивъ лошадей на двухъ станціяхъ, устроенныхъ въ небольшихъ деревенькахъ, прелестныхъ по своему положенію у подноженія высокихъ горъ, обросшихъ густымъ ельникомъ. Здѣсь находится Тальзинская фаянсовая фабрика и стеклянный заводъ, основанный Профессоромъ Лакеманомъ въ 1784 году. Выдѣлываемыя на немъ зеркала и разная

стеклянная посуда отправляется въ Китай. Отъ послѣдней станціи, называемой Лиственичною, дорога перемѣнила направленіе и мы поѣхали поперегъ озера, которое здѣсь верстъ сорокъ въ ширину. Но не смотря на такое пространство, перспектива такъ обманчива, что возвышенности противоположнаго берега, казалось, были отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Я удивился, замѣтивъ, что въ сани положили желѣзный ломъ и нѣсколько дощечекъ; но эта предосторожность, какъ увидимъ, была необходима. На Байкалѣ господствуютъ два главные вѣтра: одинъ, какъ говорятъ, разламываетъ его льды, другой скрѣпляетъ; при вліяніи перваго ледъ часто трескается во всю длину озера и раскрываются большія разщелины: тогда путникъ полагается на одну расторопность и смѣлость извощика, и на быстроту его лошадей, которыя однимъ скачкомъ выносятъ изъ опасности. На наше несчастіе вѣтеръ былъ холодный и рѣзкій; отъ него не спасла меня ни теплая шуба, ни повозка со всѣми удобствами: меня какъ будто окунули въ холодную воду. Въ близи берега видны были гранитныя скалы, взгроможденныя надъ озеромъ и подъ ними въ полыньяхъ всплывали тюлени или такъ называемые Байкальскіе теленки; держась ластами о закраины льда, они дышали свѣжимъ воздухомъ. *

Ледъ на озерѣ отъ равнообразнаго замерзанія былъ гладокъ, какъ стекло, а сухой снѣгъ, взметаемый

* Байкальскіе теленки водятся здѣсь въ большомъ числѣ. Самка рождаетъ одного и кормитъ его грудью. Буряты убиваютъ ихъ стрѣлами съ берега. Они боязливы, скоры на бѣгу и спятъ крѣпко.

вѣтромъ, несся по его поверхности, представляя видъ песчаной степи. Бѣда путешественнику, или охотнику, который рѣшится въ такое время переходить черезъ Байкалъ: гонимый по льду ужасною мятелью, онъ съ величайшимъ усиліемъ достигаетъ береговъ озера. По этой причинѣ жители окрестныхъ странъ, отправляясь черезъ Байкалъ, не забываютъ запасаться топорами, и врубивши ихъ во время опасности въ ледъ, держутся за топорища, какъ за якорь спасенія.

Дорога наша была обсажена сосновыми вѣтками, воткнутыми въ ледъ. Тройка Бурятскихъ лошадей, заложенная въ сани, бѣжала скорою и ровною рысью, искры летѣли изъ-подъ копытъ и острая подкова не оставляла слѣда на льдахъ Байкала. Противоположный берегъ болѣе и болѣе приближался, и былъ такъ ясно видѣнъ, что можно было распознать деревню, монастырь, и за нимъ высокія горы и темныя лѣса. Выведенный изъ терпѣнія продолжительною и однообразною поѣздкой, и думая согрѣться ходьбою, я было хотѣлъ пройти пѣшкомъ это небольшое разстояніе; но отдаленность обманула меня, и извощикъ, улыбаясь, сказалъ: «еще 15 верстъ до берега, а этотъ вѣтеръ ничего добраго не предвѣщаетъ.» Дѣйствительно, слова его сбылись какъ предсказанія: не проѣхали мы и ста шаговъ, какъ вдругъ раздался громъ, длившійся нѣсколько секундъ подобно выстрѣлу съ сильной батареи и мы увидѣли передъ собою вдоль озера разщелины въ нѣсколько футовъ.... Казалось, гробъ отверзся передъ нами; но привыкнувшій къ подобнымъ явленіямъ ямщикъ, остановилъ по одаль лошадей, вынулъ желѣзный ломъ, сдвинулъ, гдѣ могъ,

глыбы льда, и положившись на быстроту лошадей, рѣшился, по обыкновенію, переѣхать черезъ разщелину: сѣлъ въ сани, перекрестился, пустилъ лошадей ровною рысью, потомъ вдругъ всталъ, крикнулъ, махнулъ плетью, какъ чародѣйскимъ жезломъ, и лошади, какъ пораженныя электрической искрой, понеслись во весь духъ, разомъ оперлись задними ногами о закраину и вмѣстѣ съ санями перенеслись чрезъ разщелину. Признаюсь, я закрылъ въ эту минуту глаза, затаилъ дыханіе и осмотрѣлся уже въ то время, когда лошади побѣжали ровною рысью, оставивъ далеко за собою опасную переправу.

Байкалъ на Бурятскомъ языкѣ означаетъ котловину огня. И въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвъ внимательно окрестности, находимъ въ нихъ слѣды давняго землетрясенія: вездѣ видны остывшіе волканы, гранитныя глыбы разорванныхъ скалъ окружаютъ озеро. Горы покрыты первобытнымъ снѣгомъ и среди ихъ лежитъ Байкалъ, какъ огромная котловина на тысячу верстъ въ длину и отъ сорока до полутороста въ ширину. Все это достаточно убѣждаетъ насъ въ причинѣ его образованія. Дно Святаго моря, чтимаго Бурятами, очень неровно: въ одномъ мѣстѣ недосягаемая глубина, и опущенный лотъ иногда въ 500 аршинахъ не находитъ земли, въ другихъ отмѣли препятствуютъ судоходству. Въ чистыхъ прѣсныхъ водахъ его видны здѣсь и тамъ затопленные лѣса, изъ которыхъ добываютъ множество окаменѣлостей; а туземные судовщики показываютъ источники горячихъ водъ и асфальта или жидовской смолы. Около двухъ сотъ большихъ и малыхъ рѣкъ несутъ дань

Святому морю. Главныя изъ нихъ: Селенга, Бургузинъ и верхняя Ангара. Изъ него вытекаетъ только одна собственно такъ называемая Ангара. При помощи этихъ рѣкъ легко бы можно устроить сообщеніе отъ Кяхты во всю длину Сибири.

Байкалъ обиленъ рыбою и довольствуетъ ею здѣшнихъ жителей. Въ Августѣ и Сентябрѣ ловятъ до десяти милліоновъ штукъ разнаго рода: хайрузовъ, таймени, линей, ментусовъ, щукъ, окуней, сиговъ, осетровъ и стерлядей ловится до 1000 пудовъ.

Среди горъ, окружающихъ Байкалъ, высочайшая есть Хамаръ-Дабанъ, т. е. спино-ногъ.

На обширномъ озерѣ, или лучше на морѣ, находится множество острововъ. Изъ нихъ самый замѣчательный Ольхонъ, около 70 верстъ въ длину и слишкомъ 12 въ ширину. Здѣсь на песчаномъ грунтѣ растутъ роскошныя сосны, ели, лиственницы и березы. Сильные вѣтры, дующіе зимою, сносятъ снѣгъ съ песчаныхъ мѣстъ острова. Дикіе Буряты занимаются пастьбою скота, и подъ защитою скалистыхъ береговъ долго не знали власти чужеземцевъ; только въ 1646 году храбрый казацкій пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ, съ ватагой изъ семидесяти пяти удальцовъ, пустился по Байкалу и покорилъ островитянъ. Но увѣнчанный здѣсь побѣдой, отважный Ивановъ былъ не столько счастливъ въ войнѣ съ туземцами, обитающими при верхней Ангарѣ, и съ большимъ урономъ скрылся на островѣ Верхнеленскомъ,

При сѣверномъ мысѣ Ольхона возвышается шаманскій камень, которому островитяне приносятъ

жертву. Кажется, что одна только дикость мѣста могла побудить грубое понятіе къ созданію здѣсь храма божеству. На вершинѣ скалы видны развалины молельни; островитяне утверждаютъ, что здѣсь стоитъ желѣзный треножникъ, съ котломъ Чинхизхана, и въ немъ варится лошадиная голова. Теперь на этой скалѣ возносится знаменіе христіанской вѣры — крестъ Господень. Буряты язычники сносятъ къ шаманскому камню мѣдныя и серебряныя монеты, собольи и лисьи мѣха, и другія вещи. Сосновый лѣсъ вблизи кумирьни почитается священнымъ, и никто не смѣетъ коснуться сѣкирою до дерева, или убить водящихся здѣсь во множествѣ лосей, лисицъ и дикихъ утокъ, для которыхъ здѣсь много приволья и защиты отъ вѣтровъ. На этомъ святомъ камнѣ островитяне давали другъ другу важныя клятвы. Въ небольшомъ разстояніи отъ него находятся развалины крѣпости, разрушенной въ незапамятныя времена. Окрестные жители увѣряютъ, что въ ней имѣлъ пребываніе величайшій человѣкъ въ мірѣ: не Чингисъханъ ли?

Проѣзжая далѣе, мы наконецъ остановились на второй станціи за Байкаломъ въ селѣ Посольскомъ, расположенномъ на берегу Селенги. Зная мѣсто это по исторіи, я посѣтилъ, во время перепряжки лошадей, могилы Россійскихъ пословъ, которые пали здѣсь жертвой вѣроломства Бурятовъ, и дали этому мѣсту настоящее его названіе.

Былъ я также въ древнемъ монастырѣ, выстроенномъ въ 1651 г. при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Кельи монаховъ клонятся къ разрушенію; часовня и цер-

ковь каменная; все окружено довольно высокою стѣною. Въ небольшомъ разстояніи отъ монастырской ограды, видны семь пригорковъ: это могилы убитыхъ пословъ.

Древняя исторія Забайкальскихъ народовъ, и начало ихъ, покрыты мракомъ неизвѣстности до XIV вѣка. Только въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Московскій уроженецъ, Похабовъ, отправился за Байкалъ, гдѣ въ то время владычествовалъ надъ этою страною, обильною драгоцѣнными металлами, Ханъ Цецини. Желаніе услужить своему Государю доставило отважному Россіянину средства къ сближенію съ ханомъ, который, бывши нѣсколько просвѣщеннѣе своихъ подданныхъ, гостепріимно принялъ промышленнаго чужеземца и замѣтивъ въ немъ высокое образованіе, довѣрялъ его совѣтамъ. Смѣтливый Похабовъ расчелъ, какъ могутъ быть выгодны для Россіи сношенія съ Бурятами, и постоянно стремясь къ предположенной цѣли, описывалъ хану силу, могущество, величіе и богатство своего Монарха, и наконецъ уговорилъ его отправить въ Москву пословъ, которые и прибыли туда въ 1648 году. Царь принялъ ихъ ласково, и въ доказательство своей пріязни отправилъ къ Монгольскому хану посольство подъ начальствомъ Іерофея Заболоцкаго, сына знатнаго Боярина. Послы, твердо увѣренные въ святости народнаго права и неприкосновенности ихъ сана, переправившись черезъ Байкалъ, остановились на скалѣ, называемой теперь Посольской, въ ожиданіи гостепріимнаго и торжественнаго пріема; но вмѣсто того, толпы дикихъ Бурятъ неожиданно напали на нихъ и умертвили всѣхъ

безъ исключенія. Трупы несчастныхъ долгое время лежали не погребенными на берегу Святаго моря. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ соорудилъ монастырь въ память своихъ вѣрныхъ подданныхъ и щедро надѣлилъ его рыбными ловлями, которыя составляютъ здѣсь величайшее богатство. Этотъ монастырь называется Посольскимъ.

Въ селѣ Посольскомъ при монастырѣ считается до 20 дворовъ. Прежде была здѣсь школа для обученія Бурятскому и Монгольскому языкамъ, устроенная въ монастырскихъ зданіяхъ; теперь она соединена съ главнымъ училищемъ въ Иркутскѣ.

Въ дальнемъ странствованіи до самой Кяхты запрягали намъ на каждой станціи тройку лошадей, которыми управлялъ Бурятъ—это дивное твореніе въ образъ человѣка: изъ-подъ остроконечной шапки изъ волчьихъ шкуръ, спускается длинная черная коса; маленькіе черные глаза блестятъ какъ два горящіе въ темнотѣ угля; широкое плоское и отвратительно смуглое лице, обезображено рѣдкою бородою; рѣдкіе усы торчатъ во всѣ стороны. Одежда его таже, какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ: шуба вывернута шерстью вверхъ; у пояса ножъ и маленькая трубка страннаго вида. Погоняя лошадей, онъ безпрестанно кричитъ: чу! чу!...

Буряты смѣло управляютъ лошадьми; на всѣхъ станціяхъ ожидаютъ путешественниковъ и очень дешево берутъ за провозъ.

Выѣхавши изъ села Посольскаго, мы тотчасъ спустились на покрытую льдомъ Селенгу, и по ней, какъ по гладкому шоссе, будемъ продолжать нашъ

путь до самой Усть-Кяхты, слишкомъ четыреста верстъ. Эта рѣка вытекаетъ изъ Китайской Монголіи; вся судоходна; изобилуетъ рыбою, особенно омулями, которыхъ иногда въ одинъ разъ вытаскиваютъ до ста тысячъ. Ширина и глубина рѣки значительны; вода чиста; берега и острова служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ Бурятъ и Монголовъ. Лѣтомъ, набережные луга наполнены безчисленнымъ множествомъ верблюдовъ, лошадей и овецъ. Здѣсь же встрѣчаете много старообрядческихъ селеній; въ нихъ учреждены почтовыя станціи. Путь рѣкою Селенгою занимателенъ и разнообразенъ. Лошади неслись съ чрезвычайною быстротою, такъ что едва можно было примѣтить мелькавшіе предметы. Въ одномъ мѣстѣ нависшія скалы, казалось, то грозили путнику неизбѣжною смертію, то защищали его отъ вліянія суровой атмосферы; въ другомъ были видны юрты Бурятовъ, раскинутыя по долинѣ, окруженной горами. У прибрежныхъ прорубей тѣснились стада овецъ и маленькихъ Бурятскихъ лошадей, отыскивая водопоя въ чистыхъ струяхъ Селенги; среди ихъ, подобно великанамъ, возвышались верблюды, прикрытые войлоками для защиты отъ непогодъ.

Проѣзжая мимо обитаемыхъ островов, слышенъ былъ далеко раздававшійся по ледяной равнинѣ лай большихъ черныхъ бурятскихъ собакъ, охранявшихъ входъ въ избы мирныхъ жителей. Природа скупая во многихъ мѣстахъ, щедро излила дары на страны зайбайкальскія. Горы покрыты величественными лѣсами кедра, лиственницы, сосны, ели и березы; въ нихъ нѣдрахъ сокрыты неизчерпаемыя богатства ме-

талловъ и драгоцѣнныхъ камней: не достаетъ только рукъ, чтобъ извлечь эти сокровища. Лѣса наполнены разнаго рода звѣрями: лосями, сернами, волками, лисицами, зайцами, медвѣдями и др. Обильная жатва хлѣба вознаграждаетъ труды земледѣльца, прелестная растительность украшаетъ луга — эти превосходныя пастьбища для многочисленныхъ стадъ, которыя составляютъ дѣйствительное богатство кочующихъ народовъ.

Ночь простерла свою завѣсу надъ берегами Селенги; наша повозка быстро неслась по ледяной дорогѣ; звонъ почтоваго колокольчика неумолкаемо раздавался въ ушахъ; вмѣсто унылой пѣсни русскаго извощика, слышался только тоскливый крикъ Бурята: чу! чу!... Дикость и угрюмость страны, ломка подъ копытами лошадей верхняго слоя льда, образовавшагося отъ разлива рѣки, темнота ночи — все это наводитъ на путешественника невольную, даже не неосновательную боязнь, потому что разливы простирались иногда на нѣсколько верстъ, полыньи шли по теченію рѣки и среди ихъ безднъ клокотали волны. Однѣ вѣхи, укрѣпленныя здѣсь и тамъ, предостерегали отъ опасностей; но Бурятъ, зная безошибочно дорогу, не смотря на мракъ ночи, искусно объѣзжаетъ опасныя мѣста, въ чемъ ему не мало пособляетъ инстинктъ лошадей. Впрочемъ такая увѣренность не избавляетъ путника отъ безпокойства, и я, проѣхавши 195 верстъ отъ Байкала, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился ночевать въ городѣ Верхнеудинскѣ. О, какъ сладко благословитъ гостепріимство послѣ утомительной и опасной поѣздки, и найти

удобный и теплый пріютъ: я испыталъ это! Одинъ изъ богатыхъ здѣшнихъ купцовъ сдѣлалъ мнѣ пріемъ выше моихъ ожиданій. Каменный двухъэтажный домъ, выстроенный со вкусомъ и хорошо меблированный, былъ назначенъ къ моимъ услугамъ: почтенный хозяинъ не зналъ мѣры своему радушію. Но не смотря на это, усталость, воспоминаніе о минувшихъ опасностяхъ, разливъ рѣки и прибрежныя скалы грезились мнѣ на яву, а голосъ Бурята и звонъ почтоваго колокольчика безпрестанно раздавались въ ушахъ и не давали покоя.

На другой день я осматривалъ городъ и, къ немалому удивленію, нашелъ въ немъ зданія красивыя и совсѣми удобствами, что придавало городу наружность европейскаго заселенія, хотя онъ удаленъ отъ Урала слишкомъ на три съ половиною тысячи верстъ. Рѣка Уда впадаетъ здѣсь въ Селенгу, и вмѣстѣ съ нею окружаетъ городъ съ одной стороны, а съ другой возвышаются надъ нимъ горы, покрытыя лѣсами. Лѣтомъ мѣстоположеніе Верхнеудинска очаровательно. Окрестности его можно назвать забайкальскимъ раемъ: цвѣты изнещряютъ луга и горы, нивы даютъ богатые плоды, множество дичины водится въ лѣсахъ, однимъ словомъ, все необходимое для жизни достается здѣсь почти даромъ. Пудъ лучшей говядины стоитъ не болѣе рубля; торговыя площади наполнены Бурятами и Тунгусами, которые приносятъ на продажу плоды своей промышленности; каменныя лавки, построенныя въ центрѣ города, завалены разными товарами, купцы богаты и ведутъ значительную торговлю съ Китаемъ

и забайкальскими народами. * Въ сорока пяти верстахъ отъ Верхнеудинска лежитъ колонія Торбагтай на очаровательномъ мѣстоположеніи; жители Русскіе, переселенные старообрядцы, ** честные люди, живутъ въ изобиліи и отличаются необыкновенною опрятностію. Хозяйство ихъ можно сравнить только съ лучшимъ хозяйствомъ нѣмецкихъ поселянъ. Здѣсь считаютъ во сто десяти домахъ болѣе 700 душъ. Двѣ порядочныя часовни служатъ староверамъ мѣстами ихъ богослуженія.

Продолжая путешествіе по Селенгѣ, мы проѣхали мимо такъ называемой Разбойничьей горы, потому, что въ ея окрестностяхъ, въ страшной густотѣ лѣса, скрывалась долгое время шайка разбойниковъ, которые грабили проѣзжихъ. Теперь, по истребленіи злодѣевъ, не только въ этихъ мѣстахъ, но и по всей вообще Сибири можно странствовать, не опасаясь никакихъ нападеній.

Чрезъ нѣсколько станцій остановились мы въ бѣдномъ городкѣ Селенгинскѣ, отстоящемъ отъ Верхне-

* Южная часть Иркутской Губерніи есть самая плодоносная страна. Во время неурожая доставляется сюда изъ Томской Губерніи до 200,000 четвертей хлѣба. Майоръ Селенгинскаго полка Чечулинъ первый засѣялъ здѣсь кавказскую пшеницу. Старанія его увѣнчались успѣхомъ и по прошествіи менѣе нежели десяти лѣтъ она такъ размножилась въ забайкальскомъ краѣ, что со 100 десятинъ, засѣваемыхъ тогда въ Верхнеудинскомъ округѣ, довольствовалась вся Иркутская Губернія.

** Въ 1765 г. 40,000 старообрядцевъ повелѣно выселить изъ Россіи въ Сибирь. Въ Тобольскѣ устроено изъ нихъ два полка: Томскій и Селенгинскій. Оставшихся затѣмъ поселили одну половину на Иртышѣ, а другую за Байкаломъ.

удинска во сто верстахъ. Хотя онъ расположенъ по другую сторону главной дороги въ Кяхту, однако въ немъ не видно ни благоустройства, ни достатка: это, кажется, происходитъ отъ того, что городъ часто бываетъ опустошаемъ сильнымъ разлитіемъ рѣки Селенги. По этой причинѣ попечительное правительство предположило перенести Селенгинскъ на противоположный берегъ, по которому идетъ главная сухопутная дорога, и который гораздо выше и безопаснѣе противоположнаго.

Селенгинскій арсеналъ украшенъ нѣсколькими десятками знаменъ старинныхъ Сибирскихъ полковъ, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько орудій, примѣчательныхъ по своей древности и необыкновенному устройству, каковы напр. бронзовыя гаубицы, большаго калибра, называемыя секретными. Въ окрестностяхъ городка есть соловарни. Въ Селенгинскихъ озерахъ добываютъ глауберову соль (sal mirabilis glauberi). Озеръ считаютъ пять: четыре малыя, а пятое большое и самое прибыльное; поверхность его покрыта на 4—12 вершковъ горькою солью, которую Буряты называютъ *гунджиръ*; подъ нею лежитъ до 5 вершковъ толщины иловатая почва, а еще глубже находится еще слой сухой кристаллизованной чистой глауберовой соли, отъ двухъ до двѣнадцати вершковъ толщины.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селенгинска на противоположномъ берегу рѣки, видны два обширные деревянные дома, обнесенные стѣною и застроенные разными службами. Кто бы угадалъ, что здѣсь, среди кочевья Бурятъ, живутъ два Англійскіе миссіонера и

проповѣдуютъ Евангеліе! Ни безмѣрная отдаленность отъ мѣста родины, ни малые успѣхи въ проповѣдываніи слова Божія не отвращаютъ отъ предположенной цѣли добродѣтельныхъ мужей, посвятившихъ себя на душевное спасеніе дикихъ Бурятъ. Миссіонеры, почтенные и ученые люди, кончившіе воспитаніе въ Эдимбургскомъ университетѣ, имѣютъ небольшую библіотеку, много медикаментовъ, которые раздаются равно и Русскимъ и Бурятамъ. За то эти люди пользуются у всѣхъ особеннымъ уваженіемъ. Одинъ изъ нихъ переводитъ псалмы Давида на Бурятскій языкъ. Иногда они оставляютъ свое жилище на долгое время, отправляясь въ самыя отдаленныя страны для проповѣдыванія Евангелія Харинскимъ племенамъ, кочующимъ за Яблоновыми горами. До двадцати Бурятскихъ дѣвушекъ учатся въ миссіонерскомъ домѣ у трудолюбивыхъ и добрыхъ Англичанъ искуству плести корзинки. Миссіонеры живутъ здѣсь съ своими семействами. Не смотря на ихъ старанія, на усердную заботливость Грекороссійскихъ пастырей и нѣсколько церквей, устроенныхъ въ городахъ и селеніяхъ, кочующіе Буряты, живя въ сосѣдствѣ съ Тунгузами и Монголами, охотнѣе предаются всѣмъ чародѣйскимъ суевѣріямъ шамановъ или вѣрѣ Ламайской, нежели откровенію, и только немногіе обратились въ Христіанскую вѣру. Подобно всѣмъ Азіатцамъ, они предпочитаютъ язычество, которое болѣе соотвѣтствуетъ ихъ кочевому образу жизни. Большая часть Бурятъ, особенно изъ числа племенъ обитающихъ на границахъ Китайской Монголіи, слѣдуютъ исповѣданію Далай-Ламы, имѣютъ своего *Хамбу* или начальника, и, по ихъ

словамъ, главу Ламъ, который живетъ въ храмѣ Гунъ-геляхъ; этотъ храмъ окруженъ главными кумирнями и лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Селенгинска, въ сторону. Дорога къ нему пролегаетъ по степи, обнаженной отъ снѣга, и очень дурна и утомительна, а природа наводитъ на путешественника грусть и уныніе. Только восемь верстъ по Гусиному озеру, названному такъ отъ многочисленныхъ стадъ гусей, можно ѣхать скоро. Близь озера много плетушекъ для ловли рыбы. Буряты называютъ ихъ *Морды*.

Отъ Гусинаго озера до жилья *Хамбы* считается только 5-ть верстъ. Не далеко отъ озера поставленъ сооруженный рукою человѣка гранитный столбъ, 14 футовъ вышиною, съ рѣзнымъ человѣческимъ изображеніемъ на верху, но безъ признаковъ пола. На бокахъ столба, кажется, были какія-то украшенія, но онѣ почти совсѣмъ изглажены давностію времени. Исторія и преданія не сообщаютъ намъ никакихъ извѣстій объ этомъ памятникѣ, который свидѣтельствуетъ о пребываніи здѣсь какого нибудь неизвѣстнаго и можетъ быть несуществующаго уже народа.

На разстояніи пяти верстъ отъ Гусинаго озера начинаютъ показываться юрты, а за ними у подножія высокихъ горъ расположены кумирни Бурятъ въ видѣ павильоновъ съ остроконечными крышами, на которыхъ вырѣзано искусною рукою пламя въ чашахъ, называемыхъ *Ганджиръ*. Одна только главная кумирня покрыта бѣлою жестью, съ подобными же украшеніями. Вблизи этихъ святилищъ

разбросаны здѣсь и тамъ маленькіе домики, выкрашенные красною краскою; они назначены для помѣщенія Ламъ, которыхъ такъ много, что безъ сомнѣнія, на пять Бурятъ придется по одному Ламъ. Кельи устроены безъ всякихъ удобствъ; вмѣсто стеколъ вставлены въ окна широкіе куски слюды. Каменный полъ нагрѣвается снизу; царствующая здѣсь темнота и уныніе могутъ быть дѣйствительнымъ изображеніемъ строгаго монашескаго образа жизни. Но домъ, предназначаемый для Хамбы, гораздо выгоднѣе: большую его часть занимаетъ домовая молельня, украшенная портретами Императорской фамиліи, сдѣланными довольно неискусно. Настоящее жилище начальника религіи нѣсколько отдалено. Имя нынѣшняго Хамбы: Данзинъ-Кованъ-Ишимтямцуевъ; онъ находится подъ вѣдомствомъ Далай-Ламы Гингена, который живетъ въ Китайской Монголіи и, по мнѣнію суевѣрныхъ Бурятъ, безсмертенъ. Данзинъ-Кованъ-Ишимтямцуевъ гигантскаго роста и необыкновенно толстъ. Онъ былъ одѣтъ въ запачканный мѣховой халатъ, покрытый матеріею апельсиннаго цвѣта и опоясанъ по животу; голова была обрита; онъ сидѣлъ на землѣ поджавши ноги по Азіатскому обычаю и облокотясь на низменный диванъ, на которомъ лежали разной величины подушки; близь него были поставлены: тазъ и серебряная табакерка. Замѣтно, что онъ любилъ нюхать тобакъ, потому что очень часто открывалъ табакерку. Отъ ужасной толщины онъ сопѣлъ безъ милосердія. Ламы носятъ одежду краснаго цвѣта.

Всѣ Бурятскіе священнослужители, какъ начальники, такъ и Ламы, вообще не имѣютъ женъ, но для порядка въ хозяйствѣ держатъ ключницъ, которыя часто встрѣчаются съ связками ключей у пояса. Впрочемъ въ домѣ у Хамбы все было въ большомъ безпорядкѣ: шубы, войлоки, шапки, шляпы валялись въ разныхъ мѣстахъ, на оловянной тарелкѣ были огромныя кости; запачканный чайникъ лежалъ на боку; кое гдѣ валялись развернутыя, измятыя и истертыя книги; однимъ словомъ все говорило о кочевой жизни начальника Ламъ, даже въ собственныхъ его покояхъ. Однако домовая молельня заслуживаетъ особаго описанія. Г. Мартосъ, посѣтившій эти мѣста, разспрашивалъ черезъ переводчика отдѣльно о всякомъ предметѣ, и вотъ результатъ собранныхъ имъ свѣдѣній. Молельня имѣетъ въ длину около десяти футовъ и состоитъ изъ двухъ ярусовъ; въ верхнемъ поставлена предъ бурханомъ жертвенная посуда. Главный идолъ сдѣланъ изъ мѣди въ сидячемъ положеніи съ поджатыми ногами и держитъ въ рукахъ чашу: его называютъ *Шакья-муни*. Другая статуя одинаковой величины изображаетъ женщину и называется *Дарохе*: это мать всѣхъ боговъ, которыхъ, по словамъ верховнаго жреца, безчисленное множество. Идолы стоятъ въ деревянныхъ ящикахъ простой грубой работы. Богомольцы приносятъ имъ дары. *Ядарь* или жертвенникъ Бурятскихъ идоловъ стоитъ въ этой же молельнѣ; здѣсь же помѣщены небольшіе металлическіе сосуды: нѣкоторые изъ нихъ наполнены водою, другіе хлѣбными зернами, въ нѣкоторыхъ горитъ масло. Кромѣ того

зажигаютъ тонкія свѣчи, изъ Китайскаго пахучаго растенія *арци*. Воду въ сосудахъ перемѣняютъ ежедневно.

Буряты очень преданы своей религіи, охотно украшаютъ кумировъ разными добровольными дарами, плетеными сѣтками, особенно занавѣсками, развѣшенными на желѣзныхъ прутьяхъ и состоящими изъ разныхъ длинныхъ кусковъ шелковыхъ матерій, преимущественно полосатыхъ. За ними видны идолы. Желтая матерія, повѣшенная въ самой серединѣ, называется *Цалянъ хадахъ*, а другая близь нее, пестрая, называется *Кипъ*. Всѣ эти куски матерій или пояса, накатанные вмѣстѣ, составляютъ цилиндръ, который называютъ *Джань-цань*.

Между завѣсою и идоломъ виситъ на черномъ снуркѣ круглое стекло въ полтора вершка въ поперечникѣ, подъ нимъ стеклянная банка: все это называется *тамикъ* и служитъ для отраженія сіянія отъ горящихъ предъ идоломъ свѣчей. Въ нижней части жертвенника лежатъ кадильницы и мѣдныя тарелки—*сельнямъ;* въ нихъ ударяютъ во время моленія. Первое мѣсто между принадлежностями богослуженія занимаетъ *хурду*, т. е. хранилище, заключающее въ себѣ всѣ религіозныя пѣсни и молитвы, напечатанныя на длинной вершковъ въ 5 шириною бумагѣ, наверченной на цилиндръ. Хранилище это или ковчегъ имѣетъ видъ осмиугольнаго фонаря, вертится на желѣзномъ прутѣ, какъ на оси, и помѣщено по правую сторону молельни близь самыхъ подушекъ, на которыхъ сидитъ Хамба. Оно украшено зелеными и желтыми полосами съ рисованными изображе-

ніями разныхъ звѣрей, въ особенности слона и лошади; изображеніями костяныхъ трубъ, въ которыя трубятъ во время моленія; фигурами рыбъ, различными сосудами, наполненными творогомъ и молокомъ; разными цвѣтами, лечебными травами; зеркалами; изображеніемъ золотаго цвѣтка, называемаго *ирдыни*, который прообразуетъ вѣчность; множествомъ шелковыхъ матерій и наконецъ людей въ различныхъ положеніяхъ. Образъ человѣка означаетъ небеса. Шесть поясовъ находятся на *хурду*; изъ нихъ второй, третій, четвертый и шестой украшены исчисленными изображеніями, первый и пятый содержатъ однѣ только молитвы.

Въ назначенные часы, верховный жрецъ, ни сколько не измѣняя своего положенія, вертитъ хурду, что очень удобно, и въ тоже время перебираетъ другою рукою четки, въ которыхъ сто бѣлыхъ костяныхъ шариковъ и три желѣзныхъ. По окончаніи молитвы ставятъ ящикъ, въ которомъ хранятся духовныя книги. Ламы въ своихъ юртахъ держатъ въ рукѣ небольшой серебряный хурду, въ которомъ цилиндръ оклеенъ молитвою, состоящею изъ нѣсколькихъ только словъ, и безпрестанно оборачиваютъ его. Оборачиваніе этой молитвы служитъ вмѣсто громкаго ея произношенія, и чѣмъ кто чаще прочитываетъ въ своей жизни эту молитву, тѣмъ онъ ближе къ спасенію: такъ увѣряютъ Ламы.

Для умноженія пріятностей жизни, или можетъ быть для дрогоцѣнныхъ воспоминаній о первоначальномъ своемъ кочеваніи, Хамба часто переходитъ въ отдѣльное свое жилище. И этотъ повелитель нѣ-

сколькихъ сотъ Ламъ, верховный жрецъ языческихъ народовъ, обитающихъ отъ Байкала до Китайской Имперіи, и отъ хребта Яблоновыхъ горъ до горъ Тункинскихъ, не стыдится своей родной юрты, обтянутой войлоками и лошадиными кожами. Подлѣ небольшаго деревяннаго домика, торжественнаго жилища Хамбы, разбиты двѣ большія юрты: одна назначенная для его слугъ, другая служитъ любимымъ его мѣстопребываніемъ. Въ ней соединено все, что только можетъ привести ему на память обычаи кочевой жизни и протекшей молодости. Она похожа на соломенный улій и обита внутри войлоками. Въ ней безпрестанно горитъ огонь; для дыма сдѣлано отверзтіе въ верху, которое прикрывается войлокомъ; двери завѣшиваются полостію. *Ядарь* занимаетъ первое мѣсто въ этой юртѣ; по лѣвую сторону помѣщено *хурду*; сундуки поставлены одинъ на другомъ; подлѣ стѣнъ лежатъ подушки, и вся юрта отличается отъ юрты кочующаго владѣльца однимъ дощатымъ поломъ. Хамба живетъ въ пяти верстахъ отъ главныхъ кумирень, владѣетъ множествомъ овецъ, лошадей и верблюдовъ, которые гордо подымали свои головы на звукъ почтоваго колокольчика; Бурятскія лошади свыклись съ ними, но Русскія боятся и, фыркая, бросаются въ сторону.

Правила Далай-Ламы основаны на добродѣтели и любви боговъ. Христіанинъ пораженъ какимъ-то соединеніемъ таинствъ Вѣтхаго Завѣта съ Вѣрою Спасителя, искаженною множествомъ самыхъ нелѣпыхъ языческихъ обрядовъ. Молитвы и пословицы Бурятъ исполнены чистою нравственностію и высокою

добродѣтелію. Сочиненія ихъ писаны на Монгольскомъ языкѣ; напечатаны, кажется, вырѣзенными на деревѣ буквами, которыя очень ровны и красивы; бумага украшена по концамъ искусными арабесками. Подобную бумагу нарочно заготовляютъ для Бурятъ на большой Иркутской фабрикѣ, потому что она непремѣнно должна имѣть на себѣ разныя буквы и священныя изображенія, безъ чего не можетъ быть употреблена на книги.

При Гусиномъ озерѣ находится одиннадцать кумирень; изъ нихъ десять построены въ равномъ другъ отъ друга разстояніи и составляютъ четвероугольникъ, въ центрѣ котораго находится главный храмъ, съ четырмя башнями по бокамъ и съ одною на самомъ зданіи, что очень украшаетъ цѣлость зданій. Пять крылецъ ведутъ въ сѣни главнаго храма, въ двадцать квадратныхъ аршинъ пространства. Первый предметъ, поражающій зрителя, есть большое *хурду*, обвѣшенное шелковыми поясами *Джань-цань;* а на верху его укрѣплены колокольчики, которые при поворотѣ хурду издаютъ пріятный звукъ. Набожный Бурятъ ревностно хлопочетъ о чести оборачивать собственною рукою *Джань-цань.*

Входъ въ святыню охраняютъ два уродливые звѣря, выдѣланные долотомъ: на правой сторонѣ бѣльій левъ, съ разверзтою пастью, на лѣвой страшный тигръ; подъ ними висятъ кожи: рысьи, волчьи, медвѣжьи и жеребячьи; еще выше кольчуги, ружья, бердыши, луки, стрѣлы, палаши, копья и другіе

воинскіе снаряды; два распушенные Китайскіе вѣера прибиты надъ дверьми; стѣны сѣней украшены тремя изображеніями идоловъ, называемыхъ *Михоранзи*, среди пламени и змѣй. У одного изъ нихъ лице зеленое, у другаго черное; одинъ держитъ обоюду острый мечь, другой играетъ на инструментѣ, сходномъ съ Русскою балалайкою. Съ правой стороны льва видѣнъ рисунокъ грубой работы. Все украшеніе сѣней изображаетъ, кажется, религіозныя наказанія, и потому, можетъ быть, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ какую нибудь связь съ Библейскимъ потопомъ.

Внутри храма, хотя всѣ предметы, представившіяся нашему зрѣнію, сдѣланы безъ всякаго искуства, вкуса и соотвѣтствія; но здѣсь царствуетъ какая-то угрюмая святость, которая вѣрно имѣетъ большое вліяніе на духъ суевѣрнаго Бурята. Одинъ храмъ безъ сѣней занимаетъ 80 футовъ въ длину и 44 въ ширину; колонны поставлены въ четыре ряда и поддерживаютъ тяжелую часть верхняго строенія; два окна слабо освѣщаютъ залу; между колоннами столько развѣшано шелковыхъ матерій, что, желая приблизиться къ главному жертвеннику или алтарю, должно идти нагнувши голову. Колонны или столбы выкрашены красною краскою; въ промежуткахъ съ верху видны рѣзныя изображенія боговъ (*чашырь-таловой*), отъ которыхъ ниспадаютъ отъ каждаго по три шелковыхъ платка съ кистями; на скамьяхъ, поставленныхъ между колоннами и обитыхъ войлоками, могутъ садиться во время богослуженія одни Ламы; а народъ стоитъ на дворѣ и только по окончаніи службы желающіе подходятъ къ идоламъ для

полученія отъ жреца благословенія. Въ срединѣ храма въ самомъ узкомъ ходѣ къ алтарю всего болѣе замѣчателенъ *шухуръ* или десять разноцвѣтныхъ шелковыхъ поясовъ, свернутыхъ въ видѣ цилиндра; за нимъ на шесть футовъ ближе къ истукану привѣшены по обѣимъ сторонамъ колоннъ девять колокольчиковъ и фонарь въ деревянныхъ рамахъ *хонъгоо;* это мѣсто предназначено для *Хамбы* и старшихъ Ламъ. Верховный жрецъ сидитъ въ креслахъ по лѣвую сторону близь самаго алтаря; передъ нимъ поставленъ небольшой столъ, на которомъ находится мѣдный колокольчикъ; противъ него съ правой стороны имѣетъ мѣсто *ширетуй* или второй изъ старшихъ жрецовъ; прочіе же: *Сарфый*, *Засыкъ-шензава*, *Унзынъ*, *Даа* и *Лянсу*, располагаются на той сторонѣ, гдѣ и Хамба, а простые Ламы, которыхъ здѣсь болѣе 250, садятся по старшинству на скамьяхъ. Свита главныхъ жрецовъ и служители кумиренъ называются *Хуборакн*. Яндарь, т. е. алтарь или жертвенникъ, токого же точно вида, какъ описанный въ домовой моленьнѣ *Хамбы*, только гораздо въ большемъ размѣрѣ. Инструменты, на которыхъ играютъ во время моленія, суть: трубы, мѣдные колокольчики, китайскіе янчары, бубны, мѣдныя тарелки, что-то похожее на волторны, бубенчики и кобзы или бандуры; трубы очень длинны, состоятъ изъ пяти или шести колѣнъ и украшены, какъ и колокольчики, довольно искусною рѣзьбою.

Трудно описать дѣйствіе, какое производитъ эта нестройная музыка при отголоскѣ пѣсней или, правильнѣе, криковъ нѣсколькихъ тысячь Бурятъ, собрав-

шихся во время чествованія празднествъ *бѣлаго мѣсяца!* Хамба и Ламы читаютъ книги и по сложеніи ихъ предъ идоломъ, верховный жрецъ благословляетъ стекшійся народъ. Есть еще особенная кумирня, выстроенная въ уединенномъ мѣстѣ и посвященная зеленой лошади, — и этому истукану, какъ и прочимъ, приносятъ дары и предъ нимъ также зажигаютъ свѣчи изъ благоухающихъ травъ *арцы*. Зеленая лошадь сдѣлана изъ дерева въ гигантскомъ размѣрѣ и движется на колесахъ, невольно приводя на память покореніе Трои. На лошади Русскій хомутъ, сѣдло и чапракъ изъ волосяной матеріи; грива и хвостъ сплетены изъ зеленой шерсти, къ сѣдлу утверждена какая-то деревянная сквозная фигурка, похожая на кардинальную шапочку; къ подножію придѣланы, вѣроятно, для прочности, двѣ подпорки, выкрашенныя зеленою краскою и обвитыя цвѣтами: онѣ поддерживаютъ лошадь близь хомута. По лѣвой сторонѣ стоятъ Русскія сани, называемыя роспусками, нѣсколько побольше обыкновенныхъ; на нихъ во время процессіи ставятъ мѣдный истуканъ *Надиръ*. Эти повозки выкрашены также зеленою краскою. Въ углахъ кумирни находятся девять небольшихъ знаменъ на красныхъ древкахъ, обтянутыхъ чехлами: онѣ употребляются для приданія большей пышности религіознымъ обрядамъ.

У Бурятъ, поклонниковъ Далай-ламайской вѣры, есть еще боги низшаго разряда, подвѣдомственные старшимъ. Пенатовъ или своихъ домашнихъ боговъ они называютъ *Онгонами* и *Иргекинами*, и увѣряютъ, что *Тенгри-бурханъ* или самъ творецъ раздѣлилъ

между ними владычество надъ свѣтомъ, назначивъ каждому особенный удѣлъ. Почти у каждаго Бурята въ его юртѣ виситъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ покоятся его пенаты. Изображенія этихъ идоловъ или вырѣзаны изъ дерева вышиною въ 5 вершковъ, или сдѣланы изъ войлока, а нѣкоторыя изъ набитыхъ бараньихъ шкуръ, съ ногами, хвостомъ и человѣческими лицами. Если Бурятъ, положась на покровительство своихъ пенатовъ, будетъ обманутъ въ надеждѣ, или неуспѣшно выполнитъ свое преднамѣреніе, тогда онъ высыпаетъ ихъ изъ мѣшка, хватаетъ несчастнаго барана, сѣчетъ безъ милосердія лозой, приговаривая иногда ругательства на русскомъ языкѣ: «чортъ, дьяволъ, каторжный» и проч. Напротивъ, если Бурятъ доволенъ своими пенатами, то вытаскиваетъ снова бѣднаго барана, мажетъ ему губы смятаной и, вложивши въ мѣшокъ, вѣшаетъ его съ величайшимъ равнодушіемъ на прежнее мѣсто.

Удостовѣрясь на дѣлѣ въ справедливости всего слышаннаго мною о вѣрѣ Бурятовъ, что мнѣ казалось сначала совершенною сказкой, я спѣшилъ возвратиться въ Селенгинскъ, чтобы какъ можно скорѣе проѣхать оставшіяся до Кяхты болѣе 100 верстъ, и поспѣть къ китайскому празднику *бѣлаго мѣсяца*.

Дорога до Усть-Кяхты не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго, кромѣ одного значительнаго Бурятскаго лекаря. Слава Гальцинъ-Сахина гремитъ вездѣ въ странахъ Забайкальскихъ; его совѣтамъ и декохтамъ приписываютъ чудесныя дѣйствія. Многіе богатые русскіе купцы были его паціентами; я зналъ

даже одну благородную даму въ Иркутскѣ, которая, со времени выхода замужъ, семь разъ имѣла преждевременныя роды, и когда самые искусные доктора не могли освободить ее отъ этой болѣзни, тогда посовѣтовали ей взять нашего Бурята. Онъ не задумался, составилъ ей какое-то лекарство, которое подѣйствовало съ такимъ успѣхомъ, что у прежней больной теперь семь здоровыхъ дѣтей. Все искуство этого доктора основывается на открытіи, въ теченіи долгаго времени, спасительныхъ дѣйствій травъ и кореньевъ. Онъ вылечиваетъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ всякаго рода воспаленія, и если вѣрить разсказамъ, то и начало чахотки. Китайцы хвалятся, что имъ издавна извѣстна тайна леченія послѣдней болѣзни, и что средства ихъ въ этомъ случаѣ безошибочны.

Въ Усть-Кяхтѣ я видѣлъ Бурятскій полкъ, которымъ предводительствовалъ уже не страшный Чингисханъ и не достопочтенный Дымбыта-Тайша, владѣлецъ нѣсколькихъ поколѣній; но ѣхавшій верхомъ на Бурятскомъ аргамакѣ Иркутскій Губернаторъ, которому могущественный Монархъ ввѣрилъ управленіе этой части Азіи. Онъ ежегодно пріѣзжаетъ на это время въ Усть-Кяхту и въ другія мѣста Забайкальскихъ странъ, для раздачи наградъ, которыя Всемилостивѣйше жалуетъ Государь Императоръ вѣрноподданнымъ своимъ Бурятамъ, а также для выслушанія ихъ жалобъ, претензій и просьбъ; для оказанія имъ справедливости; для сформированія изъ среды ихъ иррегулярныхъ козачьихъ полковъ; для составленія списковъ ново-

браннымъ, и для увольненія въ отставку выслужившихъ сроки. Страненъ для зрителя видъ этой Бурятской кавалеріи, выступающей изъ-подъ разноцвѣтныхъ круглыхъ палатокъ, обшитыхъ мѣхомъ; черныя косы воиновъ придаютъ имъ еще болѣе странности и какого-то исключительнаго отличія отъ всего, что мы видѣли въ этомъ родѣ. На каждомъ воинѣ накинутъ плащь или бурка, то длинная, то короткая изъ рысьяго или другаго мѣха, шерстью вверхъ. Оружіе ихъ составляютъ: лукъ, колчанъ съ стрѣлами, сабля и пика. Изъ старшихъ почти всѣ украшены золотыми медалями; нѣкоторые носятъ черное атласное платье; многіе пользуются военными чинами и имѣютъ сабли съ серебряными темляками. Этотъ Бурятско-казачій полкъ состоитъ изъ пяти сотъ всадниковъ; имѣетъ свои собственныя знамена, и несетъ службу въ здѣшнихъ мѣстахъ. Во время смотра и ученія поданы были Губернатору и намъ, бывшимъ въ его свитѣ, славныя Бурятскія лошади въ рысьихъ чапракахъ, съ Бурятскими сѣдлами, которыя, такъ какъ и уздечки, были густо усажены серебряными бляхами. Губернаторъ командовалъ самъ, и по данному имъ знаку всѣ разлетѣлись какъ пчелы; крикъ, безпорядокъ, замѣшательство, превзошли всякое ожиданіе; не было никакой возможности удержать ихъ въ порядкѣ; никто не достигъ мѣста своего назначенія. Устройство и обученіе ихъ чему нибудь требовали необыкновеннаго терпѣнія и хладнокровія, которыми отличался Губернаторъ, и онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть при окончаніи смотра, продолжавшагося довольно

долго, что Буряты, старавшіеся выполнять его приказанія по мѣрѣ своихъ силъ и понятій, казалось, находили удовольствіе въ своихъ маневрахъ. Всѣ они очень любятъ пріѣзжающаго къ нимъ начальника и торжественно празднуютъ время его пребыванія. При выѣздѣ его въ Кяхту, обыкновенно толпы всадниковъ окружаютъ его экипажъ, стрѣляютъ изъ пушекъ, разставленныхъ по возвышенностямъ, махаютъ знаменами съ громкими кликами радости. Пріятно смотрѣть на этотъ полудикій вооруженный народъ, испытывающій благодѣяніе кроткаго правительства и почитающій Государя Императора въ особѣ его намѣстниковъ.

Въ селѣ Усть-Кяхтѣ, послѣдней станціи предъ Кяхтой, проѣзжающіе обыкновенно берутъ вмѣсто саней экипажъ на колесахъ, потому что постоянно дующіе въ этой сторонѣ вѣтры сметаютъ снѣгъ съ песчаныхъ мѣстъ, и санной путь пропадаетъ. Дорога до Кяхты въ эту пору года показалась мнѣ довольно пріятна, хотя мы ѣхали не такъ скоро, какъ прежде. Множество любопытныхъ предметовъ попадалось намъ на встрѣчу: старшіе и простые Ламы отправлялись многочисленными партіями въ Кяхту, толпы бѣдныхъ и богатыхъ Бурятъ верхомъ и пѣшкомъ поспѣшали туда же; иные для торговыхъ оборотовъ, а большая часть на праздникъ *бѣлаго мѣсяца*. Земли, прилегающія къ дорогѣ, показались мнѣ обработанными; сосновые небольшіе лѣса, совершенно обнаженные холмы, и засыпанныя снѣгомъ впадины, разнообразили окрестные виды. Наконецъ мы

пріѣхали въ Кяхту, и я не-хотя очутился въ семи тысячахъ верстахъ отъ роднаго пепелища.

КЯХТА.

Кяхта есть главное мѣсто торговли Россіи съ Китаемъ, лежитъ въ обширной песчаной долинѣ на границѣ съ Китайскою Монголіею. Основана въ то время, когда эти великія Государства открыли между собою первыя торговыя сношенія. Кяхта довольно значительный городъ, какъ увидимъ ниже; состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, а именно: Троицко-Савской крѣпости, получившей названіе отъ р. Савы. Она была нѣкогда сильною крѣпостію, но теперь видны только слѣды прежнихъ укрѣпленій, и есть небольшой арсеналъ. Эта часть города соединяется съ другою, которая называется собственно Кяхтою. Въ разстояніи четырехъ верстъ отсюда находится небольшое, но порядочное мѣстечко—*нижняя плотина* или торговая слобода, гдѣ живутъ купцы и коммиссіонеры, ведущіе торгъ съ Китаемъ. Здѣсь у нихъ прекрасные дома, магазины и обширные амбары или кладовыя для складки товаровъ. Длинная, высокая, крашеная ограда съ большими воротами, увѣнчанными гербомъ Россійской Имперіи, служитъ границею со стороны Китая. По лѣвой сторонѣ воротъ, въ каменномъ домѣ, живетъ таможенный окружный надзиратель, а на правой находятся гоуптвахта и караульня. Не далѣе 300 шаговъ за этими воротами лежитъ Китайское селеніе *Маймачы*.

Кяхта съ Троицко-Савскою крѣпостію находится, какъ было замѣчено, среди песчаной долины, окруженной небольшими возвышенностями. Небольшой источникъ, который вымерзаетъ зимою и высыхаетъ лѣтомъ, не доставляетъ жителямъ необходимѣйшей стихіи — воды, которую достаютъ верстъ за 15-ть отсюда.

Три каменныя церкви, каменные купеческіе магазины и лавки, и 474 деревянныхъ дома составляютъ всѣ зданія Кяхты. Жителей считаютъ около 4500, вмѣстѣ съ гарнизономъ, состоящимъ изъ пѣхоты, небольшаго отряда артиллеріи, казаковъ и таможенной стражи. Россія содержитъ незначительныя военныя силы на границахъ Китая, потому что въ случаѣ даже непріязненныхъ дѣйствій со стороны Китайцевъ достаточно небольшаго количества войскъ для отраженія ихъ нападеній и для успѣшныхъ наступательныхъ движеній, какъ это было доказано при осадѣ Китайцами Албазинскаго острога. «Въ 1683 г. Китайцы начали приготовляться къ войнѣ. Русское правительство, узнавъ о семъ, прислало въ Албазинъ надежнаго начальника, Алексѣя Толбузина, который прибылъ туда въ Іюнѣ 1684. Черезъ годъ послѣ сего Китайцы въ числѣ 14 или 15000, при 150 пушкахъ, осадили Албазинъ, въ которомъ гарнизонъ состоялъ только изъ 450 человѣкъ, при 9-ти пушкахъ, и острогъ укрѣпленъ былъ худо. Китайскій воевода потребовалъ сдачи и, не получивъ отвѣта, началъ канонаду. Храбрый Толбузинъ принялъ намѣреніе обороняться до крайности, надѣясь получить помощь изъ Нерчинска; но надежда его осталась

тщетною. Въ первые дни осажденные лишились слишкомъ 100 человѣкъ; деревянныя укрѣпленія недѣлю стояли противъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ; наконецъ не стало ни пороху, ни свинцу; всѣ жители просили воеводу начать переговоры о сдачѣ, съ условіемъ свободнаго пропуска въ Нерчинскъ. Китайцы уговаривали сперва Русскихъ переселиться на ихъ сторону: не болѣе 25 человѣкъ согласились на это; всѣ прочіе, гнушаясь предложеніемъ, отправились въ отчизну подъ предводительствомъ Толбузина, бывъ однако же лишены непріятелемъ всего имущества, кромѣ запаса, нужнаго для прохода до Нерчинска. Нерчинскій воевода Власовъ, видя несправедливость Китайцевъ и жалѣя о важномъ уронѣ, началъ помышлять о возвращеніи потеряннаго. Получивъ свѣдѣнія, что Китайцы сожгли Албазинъ и всѣ тамошнія Русскія селенія; но хлѣбъ въ полѣ оставили невредимымъ, онъ отправилъ туда опять Толбузина, подчинивъ ему Полковника Бейтона съ 200 человѣкъ военныхъ; къ сему отряду присоединились многіе изъ бывшихъ Албазинскихъ жителей, что все вообще составило 671 человѣка, при 5 мѣдныхъ и 5 чугунныхъ пушкахъ. Толбузинъ пришелъ на мѣсто въ слѣдствіе приказанія Власова, сперва сжалъ хлѣбъ, а потомъ заложилъ (25 Сент.) вновь Албазинъ на старомъ мѣстѣ, укрѣпивъ его земляным валомъ. Китайцы, узнавъ объ этомъ, начали сперва безпокоить жителей, а потомъ (7 Іюня 1686) явились подъ Албазиномъ въ числѣ 7000 человѣкъ съ 40 пушками, а въ Албазинѣ было не болѣе 756 человѣкъ. Перваго Сентября сдѣлали они приступъ, но были отбиты съ

большимъ съ ихъ стороны урономъ. Въ продолженіи сей осады цынготныя и другія болѣзни истребили Албазинскій гарнизонъ до того, что въ исходѣ Ноября оставалось онаго не болѣе 150 человѣкъ; но величайшее для Албазинцевъ несчастіе состояло въ томъ, что мужественный начальникъ ихъ Толбузинъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Мѣсто его занялъ Бейтонъ, который искуствомъ своимъ и храбростію умѣлъ уничтожить всѣ непріятельскія покушенія; наконецъ Китайцы, видя свою неудачу, перемѣнили осаду на блокаду, а въ началѣ Мая 1687 сняли и эту, отступивъ на 4 версты отъ города. Они были такъ учтивы, что предложили Бейтону прислать своихъ лекарей для пользованія больныхъ, если только объявятъ имъ число оныхъ. Храбрый Полковникъ, благодаря ихъ за это, отвѣчалъ, что не имѣетъ нужды въ лекаряхъ, ибо всѣ люди его въ самомъ лучшемъ здоровьи, а для доказательства, что у него и съѣстныхъ припасовъ много, прислалъ главному Китайскому воеводѣ пирогъ, вѣсомъ въ пудъ, который и принятъ отъ него съ благодарностію. Вскорѣ послѣ сего Русское правительство, желая прекратить несогласія съ Китайцами, назначило для сего Окольничаго Ѳедора Алексѣевича Головина. Пекинскій дворъ, узнавъ о семъ, послалъ къ осаждавшему Албазинъ войску приказъ возвратиться на прежнія свои мѣста, что и было исполнено 30 Августа 1687 года. Головинъ, по прибытіи на мѣсто, началъ сношенія съ Китайскимъ правительствомъ, слѣдствіемъ коихъ было то, что мѣстомъ конгресса былъ назначенъ городъ Нерчинскъ, куда прибыли и Ки-

тайскіе уполномоченные. По заключенному тутъ 27 Ав. 1689 года мирному трактату, между прочимъ Албазинъ уступленъ Китайцамъ, которые раззорили его до основанія.» *

Значительнѣйшею особою въ Кяхтѣ считается Директоръ пограничной таможни, безъ вѣдома котораго не могутъ быть заключены никакія торговыя сношенія между здѣшними купцами и Китайцами. Китайцы очень уважаютъ его. На обѣдахъ у Директора во время табельныхъ праздниковъ часто видите богатыхъ Китайскихъ купцовъ, со вкусомъ расшивающихъ шампанское.

Во время пребыванія моего въ Кяхтѣ находилась здѣсь миссія, возвращающаяся изъ Пекина. Разсказы нѣкоторымъ членовъ о Китайскихъ обычаяхъ очень любопытны. Миссіонеры, во время пребыванія въ Китаѣ, носили Китайское платье и приплетенныя длинныя косы; точно въ такомъ видѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои портреты, написанные славнымъ художникомъ, членомъ миссіи, имѣвшимъ счастіе снимать портретъ съ Богдыхана. Правительство тщательно избрало просвѣщенныхъ и способныхъ мужей для порученія имъ столь важнаго дѣла, какимъ намъ кажется собраніе статистическихъ и географическихъ свѣдѣній о сосѣдственномъ государствѣ. Астрономъ, ботаникъ, минералогъ, топографъ, хирургъ, докторъ и филологъ, даже въ самыхъ Китайцахъ возбудили величайшее уваженіе къ своимъ познаніямъ. Докторъ В.* вылечилъ отъ тяжкой и опасной болѣзни наслѣдника престола. Въ благодарность ученому

* Энцикл. Лекс. т. 1.

иностранцу, Богдыханъ приказалъ помѣстить въ своемъ Сенатѣ таблицу съ подробнымъ описаніемъ болѣзни и чудеснаго ея излеченія. О. Кавалевскій, Профессоръ Казанскаго Университета, снискалъ благорасположеніе Пекинскаго Хутухты, начальника придворнаго духовенства. Его святѣйшество, предъ которымъ тысячи Монголовъ падаютъ ницъ, принималъ ученаго Европейца въ кабинетѣ, устроенномъ по Европейски. Святой мужъ дружески разговаривалъ съ Кавалевскимъ, и въ доказательство высокой своей пріязни подарилъ ему святую книгу, писанную на Монгольскомъ языкѣ собственною рукою Хутухты. Духовенство Забайкальскихъ кумирень, узнавши объ оказанной ученому Профессору чести, старалось получить отъ него благословеніе, и самъ Хамба объявилъ, что душа Монгольскаго племени перешла въ него; назвалъ его своимъ братомъ и вручилъ ему дипломъ на это достоинство. Буряты очень удивляются, какъ можетъ иностранецъ въ такомъ совершенствѣ знать ихъ языкъ, вѣру и обычаи. Тотчасъ по пріѣздѣ его въ Кяхту, Ламы начали собираться со всѣхъ сторонъ, чтобы получить отъ него благословеніе и удостоиться прикоснуться къ священной книгѣ. Нѣкоторые изъ нихъ предложили ему даже дары, состоящіе изъ маленькой статуйки Бурхана, густо вызолоченной, и изъ небольшаго серебрянаго хурду. Почти невѣроятно, чтобы Европеецъ могъ превратиться въ такого отличнаго Монгола.... *

Орестъ Евецкій.

* Кавалевскій нѣсколько лѣтъ жилъ среди Забайкальскихъ кочующихъ народовъ.

КІЕВСКІЯ

ЗЛАТЫЯ ВРАТА.

Отъ Неводницкой пристани до дальняго края Подолья, на пространствѣ семи верстъ, раскинулся Кіевъ. То подымется бѣлыми хатами и крѣпостными окнами на крутые уступы горы; то выстроится по нагорнымъ полянамъ широкими и красивыми улицами домовъ; то перекинется чрезъ глубокіе овраги, пойдетъ въ степи и, вспомнивши свой родимый Днѣпръ, снова тѣснится къ нему и снова сбѣгаетъ, по крутизнѣ горы, къ его широкому лону. Въ немъ слились три города: *Печерскій*, *Старый* и *Подолье;* это три живые памятника его славной и бѣдственной жизни. И всѣ они, рисуясь въ воображеніи, какъ будто на картинѣ художника, такъ живо выступаютъ съ своими торжественными храмами, и внушаютъ такое благоговѣніе, какого не сильны произвесть ни самые храмы нашей Москвы. На всѣхъ ихъ такъ еще замѣтны слѣды недавнихъ усилій человѣка, всѣ они, не взирая на прекрасное устройство, какъ будто не докончены, какъ будто

съ каждымъ годомъ мужаютъ, красуются, и снова вызываютъ былую красоту и величіе Кіева. Но среди новаго и недовершеннаго устройства, невольно замѣчаете остатки минувшей жизни; среди новыхъ зданій видите развалины зданій древнихъ; подъ кирпичными надстройками соборовъ и монастырей виденъ или неправильно, но прочно положенный гранитъ, или мраморныя колонны, уцѣлѣвшія отъ вѣковъ прошедшихъ; подлѣ новой живописи подъемлются колоссальныя изображенія святыхъ, выложенные Греческимъ мозаикомъ; рядомъ съ недостроеннымъ храмомъ или домомъ обломки колоннъ, карнизовъ и груды щебня.... Кажется, что сквозь новую картину Кіева, сквозь ея живыя цвѣты и тѣни проступаетъ другая полуисчезнувшая картина общественной жизни, какъ будто время, всесильный художникъ, рисуетъ на обвѣтшаломъ полотнѣ, живитъ и сильнѣе скрѣпляетъ его своею работою.

И неужели новорожденный вѣкъ становится на развалинахъ прошедшаго вѣка? Неужели настоящій Кіевъ стоитъ на прахѣ древняго Кіева и не слитъ съ нимъ судьбою, не оживленъ его прежнею жизнію? Къ сожалѣнію, почти всѣ храмы, всѣ укрѣпленія, воздвигнутыя нашими Князьями, или погибли, или остались полуразрушенными, или передѣланы и поновлены, и въ народѣ сохранились только древнія названія *урочищъ* и память о нашихъ *первыхъ Князьяхъ:* о Владиміръ, Ярославѣ, о прежней жизни и славѣ Кіева. Жизнь въ народѣ не умерла, но правильное развитіе жизни было надолго прервано бѣдствіями; между настоящимъ и прошедшимъ втѣсни-

лись иноплеменники и вызвали другую жизнь, другое устройство. Одна Печерская обитель, какъ краеугольный камень и вѣчный свидѣтель нашей преданности къ вѣрѣ, навсегда пребыла вѣрною Православію. Даже въ нашествіе Татаръ, во времена этого потопа, сокрушившаго полміра, даже во времена страшныхъ, неутомимыхъ гоненій отъ Уніятовъ и цѣлой Польши, она уцѣлѣла и не преставала существовать ни на одинъ день. А Кіевъ, разрушенный, обращенный въ прахъ и пепелъ, долго былъ безводною пустынею, и его жители или погибли или бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ и городахъ. «Тоска разливалась по Русской землѣ, печаль какъ потокъ покрывала ее.... и на поляхъ не оратая голосъ былъ слышенъ; но карканье врановъ, дѣлившихъ бездушные трупы.» (1)

Благословленный до своего рожденія, какъ говоритъ преданье, святымъ Апостоломъ, Кіевъ основанъ слишкомъ за тысячу лѣтъ до нашего времени. Первымъ зерномъ его было мѣсто, гдѣ теперь красуется на крутомъ уступѣ горы соборъ Андрея Первозваннаго. Съ сѣвера и юга, оно замыкалось двумя оврагами; съ запада доходило за Десятинную церковь, и теперь еще замѣтны здѣсь остатки древнихъ валовъ. Это отдѣленіе называется теперь *Андреевскимъ*. При Ярославѣ предѣлы города раздвинулись далеко по нагорной части. Одолѣвши Святополка, онъ, по сказанію лѣтописца, заложилъ городскую стѣну и церковь св. Софіи; но новый успѣхъ Святополка, съ помощію Польскаго Короля Болеслава великаго, лишилъ его Кіева и не далъ окончить нача-

таго дѣла. Только въ 1037 году опредѣленно говорится объ окончаніи городской стѣны и Софійскаго собора. Эта стѣна примыкала двумя концами къ древнему Кіеву и обнимала широкое поле, почти отъ нынѣшнихъ развалинъ Десятинной церкви, до развалинъ *Златыхъ вратъ*. Весь городъ, съ древнимъ Андреевскимъ отдѣленіемъ, занималъ пространство болѣе четырехъ верстъ въ окружности и былъ въ длину отъ Днѣпровской стороны къ западу болѣе версты, и въ ширину около версты. Лучшими зданіями древняго Кіева, во времена Ярослава, были: Десятинная церковь, сооруженная святымъ Владиміромъ; церковь трехъ Святителей, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; Софійскій соборъ, сооруженный Ярославомъ; монастырь св. Ирины, церковь святаго Георгія и *Златыя врата*, находившіяся на западной сторонѣ Ярославовой стѣны. Онѣ были обиты вызолоченными листами, а надъ ними возвышалась церковь Благовѣщенія съ вызолоченнымъ куполомъ. Таковъ былъ Кіевъ за 800 лѣтъ до нашего времени, въ одинъ изъ первыхъ вѣковъ исторической жизни нашего отечества.

Остальныя части нынѣшняго Кіева, *Печерская* и *Подолье*, были также населены, хотя еще не причислялись къ городу. На югѣ отъ Андреевскаго отдѣленія, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже существовалъ Михайловскій монастырь. Въ Печерской части, покрытой лѣсомъ, были селенія, и взгорье служило убѣжищемъ для первыхъ нашихъ христіанъ, уединявшихся въ пещерахъ. Подолье было многолюдно и извѣстно какъ торговое мѣсто.

Время Ярославово было лучшимъ временемъ силы и красоты Кіева. Его великолѣпіе изумляло нашихъ соотечественниковъ. Посолъ Германскаго Императора Генриха II, посѣтившій Кіевъ въ 1018 году, когда еще не было ни Софійскаго храма, ни Ярославовой каменной стѣны, ни златыхъ вратъ, удивлялся великолѣпію, богатству и многолюдству Кіева. Онъ разсказывалъ, что въ городѣ 300 *церквей и восемь торговыхъ площадей*. Быть можетъ разсказъ этотъ преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ говоритъ за своевременное великолѣпіе и населенность города. Быть можетъ не многаго было надобно, чтобъ изумить богатствомъ и красотою города посла Германскаго Императора, потому что въ самой Германіи, по сказанію иноземныхъ писателей, отъ Рейна до Балтійскаго моря, прежде IX вѣка, едва ли существовалъ хотя одинъ *собственно Германскій* городъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, [2] и въ это же время Кіевъ былъ главнымъ городомъ своей страны и успѣлъ уже перейти къ Варягамъ изъ-подъ зависимости Хазаръ, завоевавшихъ его во времена отдаленныя. И не одинъ Кіевъ былъ у насъ городомъ; кромѣ его существовали: *Новгородъ*, *Смоленскъ*, *Любечь*, *Ростовъ*, *Муромъ*, и другіе города. Правда, всѣ они были сначала строены изъ дерева, ограждены окопами и деревянными стѣнами; но не взирая на это, *городская жизнь* уже началась въ то время, когда на пространствѣ цѣлой Германіи не было ни одного собственно Германскаго города. Въ нашихъ городахъ были посадники, которыхъ и Владиміръ избиралъ изъ людей *лучшихъ*; были торговыя пло-

щади; было средоточіе страны и племени; были постоянныя мѣста для пребыванія Князей удѣльныхъ и великихъ. А Германцы долго смотрѣли на города, какъ на темницы или убѣжища, и боялись утратить дикій, воинственный духъ посреди городской жизни. Колоніальные города Римлянъ и Норманновъ не были произведеніемъ собственно Германской жизни. Только со времени Карла Великаго и преимущественно съ Генриха, прозваннаго птицеловомъ, началось построеніе Германскихъ городовъ. И эти города устроивались болѣе на скалахъ и уступахъ горъ, которыми такъ богата Германія; ограждались камнемъ, стѣсняясь на небольшомъ пространствѣ, укрѣпленномъ и ограниченномъ самою природою, *подымались вверхъ* узкими рядами улицъ, съ домами въ нѣсколько этажей, были военными укрѣпленіями для защиты отъ набѣговъ Венгерцевъ и другихъ народовъ. Между тѣмъ какъ у насъ, вообще лишенныхъ неприступныхъ мѣстъ и камня, который бы можно было найдти, такъ сказать, подъ руками, всѣ города были деревянные, основанные нашимъ Гражданскимъ развитіемъ, не столько для защиты и военнаго дѣла, какъ для удобствъ семейной жизни; въ нихъ не было необходимости тѣсниться, въ нихъ жили даже своимъ сельскимъ хозяйствомъ, и наши города *выростали въ ширину*, и носили тотъ же характеръ растяженія, съ которымъ распространялись всѣ Славянскія племена, занимавшія почти вездѣ при небольшомъ населеніи огромныя пространства. Этотъ характеръ устроенія городовъ постоянно сохранился въ новѣйшія времена; очевиденъ въ устройствѣ

Москвы, Новгорода, Кіева и другихъ городовъ. И не знаю, перевѣсятъ ли выгоды стѣсненныхъ душныхъ улицъ, пяти-этажныхъ домовъ, выгоды нашихъ раскинутыхъ городовъ, возможности жить своей семьею не на глазахъ сотни жильцовъ, не убивая разнообразія характеровъ частной жизни, удобства широкихъ улицъ, бульваровъ, садовъ и свѣжаго воздуха? Сама природа, говоря о Россіи вообще, невольно придаетъ и всегда допускала привольное заселеніе и не лишала, принимая во вниманіе всѣ состоянія жителей, нѣкоторыхъ сельскихъ удобствъ, не отнимала возможности жить каждому своимъ домомъ, своимъ дворомъ, и часто своимъ огородомъ и садомъ, отъ чего, вѣроятно, не отказались бы жители старинныхъ Германскихъ городовъ, если бы для нихъ предстояла въ этомъ возможность.

При соображеніи этихъ обстоятельствъ, кажется не удивительнымъ богатство и приволье Кіева, изумившее Императорскаго посланника, ничего не видавшаго въ своей странѣ, кромѣ бѣдныхъ замковъ и стѣсненной Вѣны. А нашъ древній Кіевъ былъ славенъ въ то время не въ одной Европѣ: его знали и на Востокѣ; онъ привлекалъ къ себѣ всѣ искуства и богатства Цареграда, въ который и послѣ X вѣка отправлялись изъ разныхъ мѣстъ Европы, чтобы только взглянуть на его великолѣпіе. Наши зданія древняго Кіева сооружены Греческими художниками, и самыя наименованія многихъ зданій заимствованы прямо изъ Византіи. Наши Князья не жалѣли богатствъ для сооруженія церквей и монастырей. Мраморъ, мозаикъ, живопись, все, что было лучшаго

въ искуствѣ Европы того времени, все украшало наши храмы; золото и серебро блистало на церковной утвари и изображеніяхъ святыхъ, даже городскія ворота, называемыя златыми, были обиты позолоченными листами.

Но скоро миновала слава Кіева; скоро послѣ Ярослава междусобія обезсилили лучшій городъ Русской земли. Не разъ Князья, овладѣвши Кіевомъ, грабили его, снимали ризы съ святыхъ иконъ, снимали съ церквей колокола, все увозили въ свои удѣльные города и можетъ быть вмѣстѣ съ этимъ выносили изъ бѣдствующаго Кіева вооруженной рукою, лучшій вкусъ, высшее знанье общественной жизни, какъ многіе изъ нихъ выносили въ мирное время.

Пользуясь нашими внутренними раздорами и войнами, Половцы, кочевавшіе въ Новороссійскихъ степяхъ, вторгались въ наши предѣлы со всею разрушительною силою кочеваго народа, не знакомаго ни съ городами, ни съ удобствами общественной жизни, и грабили уцѣлѣвшее отъ междуусобныхъ войнъ. Князь ихъ Бонякъ дошелъ до самаго Кіева, оборвалъ позолоченные листы, прикрывавшіе златые врата, и увезъ ихъ съ собою въ степи, какъ добычу побѣды.

Но мало этихъ бѣдствій. Провидѣнію было угодно провести насъ по терновому пути для исполненія надъ нами своихъ неисповѣдимыхъ судебъ. На Русь хлынули съ востока сокрушительныя толпы Татаръ — и почти въ одну весну обратили въ прахъ и пепелъ всѣ княженія отъ Рязани почти до Нов-

города, и отъ Ярославля до самыхъ степей Половецкихъ. Рязань, Москва, Коломна, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Галичь, Тверь, Козельскъ, Курскъ все пало; все было разрушено до основанія, и послѣдними падали стѣны соборовъ и церквей, погребая подъ развалинами послѣднихъ жителей города. Ни одного города, гдѣ прошла эта нежданная гроза, не осталось цѣлымъ, ни одного жителя не оставалось въ развалинахъ: вездѣ былъ прахъ и пепелъ и трупы людей. Лѣса, болота и далекія мѣста спасали ненадежную жизнь; только оттуда выходили люди на свои пепелища. Это было въ 1238 году. Сохранилась одна Южная Русь; уцѣлѣли: Кіевъ, Черниговъ и другіе приднѣпровскія княженія. Но черезъ два года послѣ опустошенія Сѣверной Россіи, настала гибель Кіеву. Съ открытіемъ весны, передовые отряды Татаръ, подъ начальствомъ Мангу, двинулись къ лѣвому берегу Днѣпра и, остановившись близь нынѣшняго села Песочнаго, обозрѣвали мѣстность Кіева. Наши Князья одинъ за другимъ оставляли городъ; покинулъ его и Даніилъ Галицкій, передавши защиту бояриу Дмитрію, испытанному въ храбрости. Вскорѣ явился самъ Батый со всѣмъ войскомъ, которое, по приблизительнымъ извѣстіямъ, доходило до 500,000 человѣкъ: «и окружилъ градъ, и оступилъ его всею силою Татаръ, и былъ градъ въ великой осадѣ — и не слышно было въ немъ разговаривавшихъ отъ скрыпа телегъ, крика верблюдовъ и ржанія конскихъ стадъ: вся земля Русская наполнилась иноплеменными воинами». (2) Стѣсненные Кіевляне за-

хватили какого-то Татарина Торвула и допросили его о силѣ Батыя; но допросъ не отвратилъ бѣдствія. Татары подошли къ самымъ стѣнамъ съ Печерской стороны, покрытой большими лѣсами, и утвердили стѣнобойные снаряды подлѣ Лядскихъ воротъ. Съ этого часа, день и ночъ разбивали стѣны, толпы смѣнялись новыми толпами, и стѣны рухнули.... Осажденные бросились на ихъ обвалы и тутъ-то насталъ «ломъ копій, удары мечей, и стрѣлы затмили воздухъ». (3) Дмитрій былъ раненъ; жители отступили; но вѣрно тяжела была эта удача Татарамъ: они, завладѣвши стѣною, цѣлый день и ночь не начинали новаго приступа. Кіевляне воспользовались ихъ медлительностію: снова окопались и оградились около десятинной церкви Пресвятой Богородицы. На утро другаго дня началась новая битва. Одолѣваемые со всѣхъ сторонъ, многіе изъ жителей бросились въ церковь и думали скрыться въ ея надстройкахъ; но надстройки не выдержали тяжести народа, обрушились, — вслѣдъ за ними распались церковныя стѣны, и города не стало.... Раненому Дмитрію была дарована жизнь, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ уваженіе его необычайной храбрости. Послѣ онъ служилъ проводникомъ Татаръ въ Волынь и Галицію, и спѣшилъ отвлечь ихъ отъ своей земли въ землю Венгерскую.

Такъ палъ Кіевъ и это было его конечнымъ паденіемъ. Все, чѣмъ онъ красовался, чѣмъ былъ славенъ на Западѣ и Востокѣ, все погибло: храмы разрушены, дома сожжены, люди убиты; самые гробы были раскопаны рукою Татарина, и въ нихъ

искали добычи. Все стало развалинами и обратилось почти въ такую же пустыню, изъ которой вышли наши завоеватели. Во многіе города, по удаленіи Татаръ, люди немогли войдти: такъ смертоносенъ былъ запахъ отъ труповъ, покрывавшихъ пепелъ и развалины. Такъ гибла наша древняя Русь отстаивая себя и заслоняя собой Европу; а Европа страшилась гибели и молилась. Папы отправляли пословъ, и одинъ изъ нихъ, проѣзжавши къ Батыю, чрезъ Кіевское княженіе, говоритъ, что былъ въ опасности отъ Литовцевъ, которые врывались сюда для грабежа. « Отъ Руссовъ же, прибавляетъ онъ, были мы въ безопасности, имѣя вышесказаннаго служителя; да и кромѣ того большая изъ нихъ часть была побита или уведена въ плѣнъ Татарами. » (4)

А хотя въ это же время, т. е. вскорѣ по взятіи Кіева, снова были въ немъ жители и Русская власть, но онъ не поднялся до прежней славы; и послѣ того, обезсиленный Литовцами, подавленный Поляками, доселѣ хранитъ эти развалины, какъ свидѣтелей прежней славы и вѣковыхъ бѣдствій.

Златыя врата, какъ живописная развалина, невольно приковываютъ вниманіе своимъ видомъ, прочностію и воспоминаніями.

Они находятся на западной сторонѣ Кіева, за Софійскимъ соборомъ. Ихъ составляютъ два обломка стѣнъ справа и слѣва, вышиною до 3 саженъ и толщиною до 2 аршинъ. Длина большой развалины будетъ до 36 ар., а другой, южной отъ входа, вполовину меньше. Оба обломка сдѣланы изъ цѣльныхъ кругляковъ гранита, скрѣпленнаго съ мѣлкимъ кам-

немъ, известію и битымъ кирпичемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны скважины, гдѣ проходили, кажется, желѣзныя связи; замѣтны какія-то искуственныя углубленія и гладко обдѣланныя мѣста.

Съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ къ воротамъ городской валъ, насыпанный Фельдмаршаломъ Минихомъ во время войнъ съ Турками, и, кажется, подъ этимъ валомъ хранятся остатки Ярославовой стѣны, по крайней мѣрѣ сквозь обвалившуюся насыпь проглядываютъ известь и камни. Самыя Златыя врата покрыты были валомъ; отысканы учеными людьми, и по слову Царя, для нихъ снова открылся бѣлый свѣтъ.

На доскѣ, прибитой къ большой развалинѣ, написано залотыми буквами:

Вадимъ Пассекъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО КРЫМУ.

I.

ТАВРИДА.

Люблю тебя, моя красавица, Таврида. Какъ очаровательно раскинулась ты на лонѣ морей, какъ они лелѣютъ и ласкаютъ тебя, мою прекрасную! То сыплютъ къ твоимъ ногамъ сокровища, затаенныя въ ихъ глубинѣ, и носятъ предъ тобою станицы кораблей; то плещутъ живительною влагой на распаленную грудь и катятся живымъ серебромъ по твоимъ разметаннымъ членамъ. Люблю тебя, моя красавица Таврида!

Когда дыханіе весны разольетъ въ тебѣ новую жизнь, накинетъ на тебя покровы изъ цвѣтовъ и зелени, обовьетъ твое чело вѣнками легкихъ облаковъ, тогда не налюбуются тобою моря: неизмѣримымъ зеркаломъ раскинутся вокругъ тебя, и въ нихъ, какъ будто въ глубинѣ души, отражается твой образъ.... Но если небо повѣетъ на тебя холодомъ, сорветъ и размечетъ твои покровы, и твое дѣвственное лице

поблѣднѣетъ отъ испуга; какъ страшно тогда взметутся твои моря: со стономъ подъемлются и шлютъ на бой съ стихіями дружины черныхъ волнъ, однѣ свирѣпѣе другихъ....

Какъ не любить тебя, вдохновительницу поэтовъ! Ты не сурова, не грозна, какъ твой жестокій братъ, Кавказъ; твое чело не блѣдно, твоя высота не недоступна—но говоритъ о небѣ....

И скажите: есть ли мѣсто, съ котораго вы смотрѣли и не любовались Тавридой? Когда вы захотите летѣть туда на крыльяхъ парохода, и оставите Одессу, этотъ цвѣтокъ гражданской жизни среди пустынь, эту новую Ольвію, какъ будто не выстроенную на нашей памяти, а открытую среди глухой степи, какъ тогда привѣтно загорится первый маякъ Тавриды и невольно перенесетъ васъ отъ пустыни моря и неба въ среду людей, къ родной землѣ; а на утро, едва займется свѣтъ, уже бѣлѣется другой маякъ, и за нимъ Георгіевскій монастырь спускается съ своими садами, келіями и переходами къ берегу моря, которое бьется о подводные камни и плещетъ на стѣны скалъ. Когда же кругомъ васъ все потонуло въ туманѣ, и слышны одни всплески волнъ и шумъ колесъ, и вдругъ, будто изъ невѣдомой страны, донесется заунывный благовѣстъ монастырскаго колокола: какъ много онъ пробудитъ грустныхъ думъ!... Но вотъ и Ялтинская гавань и южный берегъ, какимъ-то чарованіемъ обращенный изъ дикихъ скалъ и пустыннаго взморья въ цвѣтущій садъ, оживленный дачами, бесѣдками, фонтанами, и— то миловидными и затѣйливыми домиками, то велико-

лѣпными дворцами. Подъ ними равнина моря; надъ ними скалы, то гладкія и отвѣсныя, какъ стѣна, то растреснутыя и взгроможденныя одна на другой, и по ихъ ребрамъ цѣпляется кустарникъ или одиноко растетъ южная приморская сосна, и почти изъ заоблачной высоты бьютъ ключи и водопады. Хороша Таврида, если впервые увидите ее, приближаясь къ Евпаторійской гавани, окруженной рамою песковъ; или къ Керчи, обвившей своими зданіями Митридатову гору, — къ этой таинственной землѣ, усѣянной курганами и памятниками всѣхъ народовъ, владѣвшихъ ею въ продолженіи двадцати пяти вѣковъ.

Не такокы впечатлѣнія при въѣздѣ въ Тавриду сухимъ путемъ. Далеко не доѣзжая до Перекопа, открываются на лѣво отъ дороги заливы Сиваша или Гнилаго моря, съ его мутными водами; на право, за плоскою поверхностію степи, видна узкая полоса Чернаго моря, а въ самомъ Перекопѣ, этой бѣдной деревнѣ съ нѣсколькими десятками домовъ, которые называются городомъ, остановятъ ваше вниманіе остатки Татарскихъ укрѣпленій и древній ровъ отъ моря до моря, на протяженіи семи верстъ. Теперь одинъ только мостъ соединяетъ дорогу Новороссійскаго края съ дорогою Крыма. За этимъ мостомъ идутъ два пути: одинъ на лѣво къ соленымъ озерамъ, къ этому неисчерпаемому руднику, изъ котораго каждый годъ добываютъ милліоны пудовъ соли и отсюда везутъ ее въ Новороссійскій край, на Донъ, въ Подолію, въ Малороссію и во внутреннія губерніи. Прямо дорога тянется къ Симферополю, по самой грустной степи: кругомъ глинистая и из-

вестковая земля напитана солончаками; травы тощи; мѣстами бродятъ стада овецъ или толпятся подлѣ колодезей, въ которыхъ хранится вода въ глубинѣ 50 и 80 сажень; кое-гдѣ видны Татарскія деревни съ черепичными или плоскими дерновыми кровлями; порою встрѣтится скрипучая Татарская арба, или два, три Татарина верхами. Невольно тоска овладѣваетъ душою, и не вѣрится, что это Крымъ. Отсюда на право, далеко за Тарханкутъ, тянутся почти такія же пустынныя степи; на лѣво перерѣжутъ однообразный путь едва замѣтныя рѣчьки: Салгиръ и Карасу, а за ними до Керчи почти на двѣсти верстъ опять степь, взволнованная кое-гдѣ пригорками и сжатая двумя морями, да вправо тянется вдали цѣпь горъ. Но если вы направитесь прямо къ Симферополю, тогда утомленіе непродолжительно: чѣмъ глубже въ степь, тѣмъ она болѣе оживаетъ и, вмѣсто бѣдной, тощей зелени, раскидываются поля, покрытыя густыми травами и цвѣтами. Повсюду ростутъ въ изобиліи: донникъ, царскій скипетръ, шалфей, божье дерево, дикой ленъ (linum usitatissimum), ивановъ цвѣтъ, резеда, стародубки и болѣе всего вѣтреницы: голубыми ея цвѣтами затканы всѣ ковры этихъ степей. Еще ранѣе весною, повсюду цвѣтутъ дикіе тюльпаны; а къ осени, на пожелтѣвшихъ и увядающихъ равнинахъ, во многихъ мѣстахъ бѣлѣетъ и волнуется ковыль. Но это разнообразіе, даже роскошь степей, не могутъ овладѣть вниманіемъ путешественника: онъ все смотритъ вдаль, все ищетъ тамъ, какъ будто, желанной цѣли,—онъ ищетъ того, что при-

выкли соединять съ названіемъ Крыма — долинъ, скалъ и цѣпи горъ. Смотритъ.... что-то видится, какъ синяя туча.... да, это облака синѣютъ на склонѣ горизонта; но вотъ онъ пролетѣлъ еще двадцать верстъ и снова всматривается въ глубокую даль, и снова видна таже туча, но такъ неподвижна и такъ неизмѣнна, какъ цѣпь далекихъ горъ: да, это горы, это хребетъ Яйлы, и посреди ея подъемлется Чатырдагъ, какъ престолъ Тавриды, какъ развалина, уцѣлѣвшая отъ зданія первобытныхъ людей. Верстахъ въ двадцати отъ Симферополя и въ пятидесяти отъ Чатырдага уже видны его отвѣсныя скалы, и синѣютъ лѣса, и съ обѣихъ сторонъ тянутся облака по вершинѣ Яйлы. Такъ вотъ она, Таврида! вотъ что поражаетъ такъ путешественника послѣ утомительнаго пути по равнинамъ моря и степей.

За двадцать верстъ не доѣзжая до Симферополя, равнины уже взволнованы пригорками и долинами, которыя тянутся болѣе на югъ и разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ; по нимъ разбросаны сады, рощи и идутъ строй за строемъ раины или пирамидальныя тополи. Какъ радуетъ эта зелень и разнообразіе послѣ степныхъ видовъ, гдѣ часто въ продолженіи нѣсколькихъ дней не удастся замѣтить ни одного дерева, ни куста.

Отсюда всѣ долины, всѣ возвышенности, изгибаясь и перерываясь, подымаются къ югу, и за Симферополемъ далеко на востокъ и западъ оканчиваются крутыми уступами. За этой первой цѣпью идетъ вторая, и за нею хребетъ Яйлы, который почти надъ самымъ моремъ, то оборвется отвѣснымъ усту-

помъ, то выдается огромнымъ мысомъ, и раскидывается отъ Феодосіи до Балаклавы на протяженіи полутораста верстъ. Почти по срединѣ, хребетъ Яйлы, какъ будто разорванъ, и въ этихъ широкихъ воротахъ подъемлются два здѣшнія великана, Чатырдагъ и Темирджи. Кажется, подземныя силы выдвинули изъ нѣдръ земли эти цѣпи горъ, эти огромныя массы гранита, извести, мрамора и лавы, и, дѣйствуя сильнѣе на взморьѣ, ослабѣли къ сѣверу; или, какъ будто, взволновалась земля и три ряда ея волнъ, однѣ огромнѣе другихъ, оцѣпенѣли и остались недвижимы. И конечно до этого переворота весь Крымъ былъ, если уже не дномъ моря, то ровною степью, самою грустною пустынею, утомительнѣе его сѣверныхъ степей.

Внутренности горъ такъ разнообразны, что едва переступите нѣсколько шаговъ, и открываются новые виды: здѣсь долина, богатая садами, украшенная рощами, и по ней журчитъ быстрый и холодный потокъ, перебираясь по камнямъ, или страшно мечется, если въ горахъ прошли дожди, рвется и увлекаетъ все, что встрѣтитъ на пути; тамъ видны деревни или дачи и по *взгорью* проведены каналы, въ которыхъ быстро бѣжитъ вода, уловленная человѣкомъ на возвышенныхъ мѣстахъ и проведенная чрезъ сады и табачныя плантаціи, которыми простой народъ занимается съ выгодою; тамъ обрывы скалъ или склоны горъ, поросшіе лѣсомъ, и по нимъ проложены дороги и тропинки; или сквозь ущелія видна на возвышенности деревня и за нею синѣва другихъ горъ. По теченію каждой рѣки идетъ долина

и носитъ ея названіе; такъ перерѣзываетъ долину Салгирскую рѣка Салгиръ, Бельбекскую рѣка Бельбекъ, Качинскую Кача, и почти всѣ онѣ идутъ по разнымъ направленіямъ верстъ на 10, на 20 и болѣе, подобно большимъ логамъ, или какъ Байдарская и Варнутка, почти овальны и со всѣхъ сторонъ окружены горами, покрытыми лѣсомъ.

Какъ роскошна зелень этихъ долинъ, какъ богаты фруктовые сады и виноградники! Природа не пожалѣла для Крыма своихъ даровъ: часто отъ основанія до вершины горъ онѣ покрыты растительностію разныхъ климатовъ. Въ самыхъ долинахъ и на южныхъ склонахъ найдете растительность жаркихъ климатовъ, а чѣмъ далѣе къ вершинамъ, тѣмъ болѣе встрѣчается растеній сѣверныхъ. Здѣсь найдете и простой и южный дубъ, и нашу сѣверную сосну, и южную приморскую, найдете букъ, ольху, осину, грабину или бѣлый букъ, липу, можжевельникъ, разнаго рода вербы, тисъ, гумма-трагантный кустъ, дикіе жасмины, каперсы, ландыши, розаны, шафранъ, дикую конопель, овесъ и виноградъ, разныя ягоды, особенно клубнику и землянику, и множество дикихъ фруктовыхъ деревьевъ: яблони, груши, сливы, персики, вишни; а въ садахъ всѣ утонченные роды грушъ и яблонь, абрикосы, грецкіе орѣхи, айву, миндаль, гранаты, лавры, маслины, и все это произрастаетъ безъ всякой защиты противъ зимнихъ непогодъ. Но Крымъ богатъ не одними деревьями и цвѣтами; въ немъ изобильно своими дарами и царство животныхъ; въ немъ много волковъ, зайцевъ и дикихъ козъ; а изъ

домашнихъ животныхъ, кромѣ быстрыхъ и крѣпкихъ лошадей и рогатаго скота, есть буйволы, много верблюдовъ, козъ, стада овецъ, которыя нигдѣ не водятся у насъ кромѣ Крыма и даютъ такіе прекрасные мѣха. Въ рѣкахъ есть форели; моря изобилуютъ вкусною рыбой, которою съ избыткомъ могутъ продовольствоваться окрестные жители; керченскіе сельди славятся вкусомъ; около береговъ, особенно въ Азовскомъ проливѣ, попадаются тюлени. Изъ птицъ, кромѣ множества степныхъ дрофъ и стрепетовъ, появляются весною и осенью несмѣтныя стада перелетныхъ гусей, лебедей, утокъ, куликовъ и перепелокъ.

Такія выгоды, вмѣстѣ съ торговыми удобствами, неприступностію горъ и затишьемъ страны, отдаленіемъ ея отъ степей Новороссійскихъ, отъ этой большой дороги всѣхъ переселявшихся народовъ, привлекали къ ней на житье почти всѣ племена, переходившія въ Европу, и почти всѣ онѣ оставили здѣсь слѣды своего бытія. Первыми извѣстными обитателями Крыма были Кимеріяне. За 2500 лѣтъ до нашего времени, у нихъ уже были города; имъ приписываютъ основаніе Перекопа и Перекопскій ровъ. Но ни города, ни ровъ не защитили ихъ отъ вторженія дикаго племени Скифовъ, которые вытѣснили ихъ въ горы. Почти въ это же время, то есть за долго до Р. Х., торговые виды привлекли сюда Грековъ, и на двухъ противуположныхъ сторонахъ Крыма основались два славные города: Херсонесъ и Пантикапея, нынѣшніе Севастополь и Керчь. Изъ городскихъ стѣнъ они распространили владычество на весь Крымъ и на

Тамань, или нашу Тмутаракань; сдѣлались царствами, одно Херсонскимъ, другое Босфорскимъ, и стали достояніемъ Митридата, пока онъ не палъ передъ Римлянами. Тогда всѣ его царства сдѣлались Римскою областію. А тамъ, какъ волны понеслись племена народовъ: Аланы, родоначальники нашихъ Осетинцевъ, стѣснили Римлянъ; Готы вытѣснили Алановъ; за ними нахлынули Гунны, Угры, Хазары, Печенѣги, Половцы, и наконецъ Татары; но во время владычества послѣднихъ, Генуэзцы успѣли на развалинахъ Греческихъ колоній основать города и вели славную торговлю, пока не были вытѣснены Турками.

И повсюду видны слѣды жизни всѣхъ этихъ племенъ, во всѣ двадцать пять вѣковъ ихъ власти и паденія. Въ скалахъ изсѣчены пещеры: то одинокія, въ какомъ нибудь оборвавшемся камнѣ, то по нѣскольку десятковъ вмѣстѣ въ отвѣсномъ утесѣ горы. Эти пещеры, по ихъ устройству, относятъ ко временамъ глубокой древности, когда первобытные люди не знали почти ни какихъ удобствъ и скрывались въ этихъ убѣжищахъ отъ непогодъ, враговъ и звѣрей; иные относятъ ихъ ко времени истребленія одного племени другимъ, уже на памяти Исторіи. На равнинахъ замѣтны могильныя насыпи, и въ нихъ находятъ скелеты, украшенные и Скифскими поручнями, и Египетскими изображеніями, и вещами Греческой работы. Подлѣ Георгіевскаго монастыря выдался далеко въ море высокій мысъ, гдѣ еще недавно находили остатки Греческаго храма въ честь Діаны, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ски-

фы приносили въ жертву всѣхъ несчастныхъ пловцовъ, выброшенныхъ на ихъ берега. Въ окрестностяхъ Керчи видны тысячи кургановъ, и въ одномъ изъ нихъ найдены драгоцѣнныя золотыя украшенія: вѣнцы, скиптры, щиты. Въ другомъ открыта гробница со стрѣльчатымъ сводомъ, сложенная изъ огромныхъ плитъ, несвязанныхъ цементомъ; великолѣпнѣе этой гробницы не нашли ни у одного изъ Римскихъ Императоровъ; но въ ней не было праха, вещи были похищены, и неизвѣстно кто изъ великихъ земли здѣсь погребенъ. Въ другихъ курганахъ находятъ много Греческихъ вазъ, статуйки, разной величины сосуды, часто изящной работы; былъ даже отысканъ остовъ любимой птички подлѣ остова женщины; найдены сѣти и прекрасная рабочая корзинка, сплетенная изъ дерева, а подлѣ этихъ вещей статуи и надгробные памятники съ надписями, изсѣченными до Рождества Христова.

У Севастопольской гавани сохранились еще остатки колоннъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ крестился нашъ Великій Владиміръ. По возвышенностямъ горъ, почти во всѣхъ выходахъ, видны то одинокія башни, то основанія церквей, то цѣлыя остовы полуразвалившихся крѣпостей, обросшихъ травою и кустарникомъ, совершенно покинутыхъ людьми и часто не извѣстно кѣмъ воздвигнутыхъ. А тамъ въ стѣнахъ Генуезской Кафы, полуразрушенной Турками, цвѣтетъ новый городъ, новая Ѳеодосія; на мѣстѣ древней Эвпаторіи, построенной Митридатомъ, видны Христіанскіе храмы, Татарскія мечети, хижины и Еврейскія молельни: это Татарскій Гёзловъ или нашъ

Козловъ; въ Бахчисараѣ сохранились части Ханскаго дворца, съ фонтанами и со всѣми его украшеніями; надъ самой Керчью поднялась высокая гора, съ которой открываются — большая часть прежняго Босфорскаго царства, проливъ между двумя морями, и за нимъ наша древняя Тмутаракань; здѣсь, какъ думаютъ, былъ дворецъ Митридата, гдѣ онъ погибъ, потерявши свое царство. Какъ много кипѣло жизни тамъ, гдѣ для насъ сохранился одинъ ея прахъ и остались развалины слѣдовъ ея! Вглядитесь въ нихъ въ часы свѣтлой Таврической ночи, настроенные къ грусти и думѣ стройностію чистаго, глубокаго неба, ропотомъ моря или журчаньемъ горнаго ручья; вглядитесь въ нихъ, когда улягутся люди и съ ними заснетъ шумъ суеты и всѣ мелкія хлопоты на нашей грустной поденщинѣ....

Но въ мірѣ все преходитъ.... Есть осень для цвѣтка, есть время паденья для царства; народы, какъ древесные листья, опадаютъ въ свою осень и укрываютъ своими остатками землю, которая ихъ живила, а съ новой весною дерево снова убирается зеленью.... Взглядитесь же въ это древо, зеленѣющее жизнію, богатое плодами, благоухающее надеждами,— взглядитесь въ наше прекрасное отечество!

Но достанетъ ли взора, силы мысли и воображенія обнять этотъ колоссъ человѣчества, это древо, которое напоминаетъ допотопныхъ виликановъ и такъ свѣжо, такъ полно юныхъ силъ. Какъ крѣпко обвилось оно своими корнями около хребтовъ Кавказа, Урала, Алтая, раскинуло ихъ къ Карпатамъ, горамъ Сканди-

навскимъ и къ Американскимъ Андамъ. Цѣлыя моря и океаны и тысячи рѣкъ напояютъ его живительною влагой. Чѣмъ же измѣрить его жизнь, чѣмъ считать его годы? Были страшныя годины для этого древа, когда съ обширныхъ степей налетѣлъ на него ураганъ Татарскихъ набѣговъ.... Казалось, онъ смялъ его, вырвалъ съ корнемъ, уничтожилъ—и что-же? гроза оборвала листья, опалила вѣтви, а древо укрѣпилось, разцвѣло и принесло плоды, дало: Москву, Дмитрія Донскаго, и показало свою силу и крѣпость. Казалось, смяла его буря Литвы и Польши, а оно разцвѣло, принесло плодъ и дало: Гермогена, Минина, Скопина-Шуйскаго, и показало силу души Русскаго народа. Что сломитъ его, когда всѣ усилія половины Европы, все искуство великаго генія сломить этотъ колоссъ остались ничтожными и вызвали новыя силы и средства жизни.

Какихъ нѣтъ на немъ плодовъ и какіе плоды не привьются къ нему, не сроднятся съ нимъ, не будутъ проникнуты соками его жизни.

Вотъ и теперь передъ нами одна его вѣтвь—Крымъ, вѣтвь цвѣтующая, благоухающая. Эта вѣтвь привита силою и благомъ нашей жизни. Взгляните только на Татарина—на этотъ какъ будто чуждый намъ прививокъ. Какъ спокойно сзываетъ онъ съ минарета правовѣрныхъ на молитву, когда почти подлѣ слышится звонъ колокола, призывающій въ храмъ христіанскій; какъ часто за столомъ — одинъ, поднявши передъ глазами обѣ руки, читаетъ молитву изъ Корана, а другой, крестясь, призываетъ имя Спасите-

ля. Армянинъ и Еврей ведутъ за одно съ нами торговлю, Грекъ охраняетъ наши приморскіе берега отъ чумы. Едва минуло полвѣка какъ привита эта вѣтвь къ нашему отечеству, и ея плоды видимъ на рынкахъ всей Россіи; за ними приходятъ къ намъ и Турокъ и Черкесъ и житель дальняго запада. А военныя силы? а Севостополь съ его рядами страшныхъ батарей, съ его гаванями полными кораблей и судовъ? а поэтическое чувство наслажденія и грусти, которое вдохновляетъ Крымъ,— развѣ оно не его достояніе, не богатство наше?

И все это одни начатки жизни, все это плоды и надежды одной вѣтви, одной части Россіи!

II.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ СЛЕЗЪ, И ПАМЯТНИКЪ МАРІИ.

«Мнѣ мечтается, что какой нибудь волшебникъ занесъ меня на востокъ и оставилъ посреди горъ, въ пустомъ обвороженномъ замкѣ.... Я хожу по огромнымъ заламъ, и одинъ гулъ отъ шаговъ моихъ раздается подъ высокими потолками.... Зелень древесная манитъ за ограду: вступаю, и при слабомъ мерцаніи луннаго свѣта вижу надгробные мраморы, бѣлѣющіеся подъ деревьями, между густою травою.... Все безмолвствуетъ въ обители смерти, и оглашаетъ пу-

стьиио одинъ только шумъ источниковъ, текущихъ въ каменныя чаши.»

И я по долгу грустилъ и задумывался въ опустѣлыхъ садахъ и комнатахъ Ханскаго дворца. Вездѣ видны надписи и зданія напоминающія почти всѣхъ Хановъ отъ Менгли-Гирея, друга нашего Іоанна Великаго, до Шагинъ Гирея, при жизни котораго Крымъ сдѣлался Русскою областію. Въ садахъ, огражденныхъ каменными высокими стѣнами, доживаютъ свое время огромныя грушевыя и шелковичныя деревья, и журчитъ вода, переливаясь изъ фонтана въ фонтанъ. Стѣны и потолки дворцовыхъ комнатъ пестрѣютъ разноцвѣтными украшеніями, узорчатыми надписями изъ Персидскихъ поэтовъ, живымъ изображеніемъ цвѣтовъ, фруктовъ и видами восточныхъ городовъ. Въ фонтанной комнатѣ всѣ стекла раскинуты радугою и за нею, темною сѣнью, склонились вѣтви винограда и поднялись кусты розановъ. Сквозь одно стекло все кажется голубымъ: небо, земля, листья, цвѣты, зданія; сквозь другое все розовымъ или багровымъ или мутно-желтымъ, какъ будто передъ страшнымъ переворотомъ природы. И здѣсь, какъ и въ садахъ, журчатъ фонтаны; и, въ ненарушимой тишинѣ, каждая капля воды дробится звуками и раздается въ опустѣлыхъ комнатахъ таинственнымъ, едва слышнымъ гуломъ.

Но изъ всѣхъ фонтановъ случай сдѣлалъ любимымъ *фонтанъ слезъ.*

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны

И селы мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился Ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна....
Есть надпись; ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старицы узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали....

Мечта поэта въ живыхъ, прекрасныхъ картинахъ представила нашъ востокъ, и теперь привлекаетъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ къ Бахчисарайскому фонтану.

Онъ поставленъ въ главныхъ сѣняхъ дворца. Надпись сдѣлана на мраморной доскѣ, украшенія, состоящія болѣе изъ цвѣтовъ и плодовъ, и чашечки, изъ которыхъ переливается вода, высѣчены также изъ мрамора. На верху сдѣлано украшеніе, *похожее на луну* съ *крестомъ*, *или цвѣткомъ*, въ срединѣ. *

На верхней доскѣ написано:

«Слава въ вышнихъ Богу! Бахчисарай возрадованъ благодѣтельною заботливостію лучезарнаго хана

* На прилагаемомъ рисункѣ фонтанъ изображенъ съ возможною вѣрностію.

Крымъ-Гирея. Его великодушная рука утолила жажду своей страны и стремится разлить еще болѣе благодѣяній, если угодно Богу! Своею кротостію онъ открылъ прекрасный источникъ воды. Если есть еще подобный фонтанъ, пусть онъ предстанетъ! Много хорошаго въ городахъ Дамаскѣ и Багдадѣ; но тамъ никто не видѣлъ столь прекраснаго фонтана. Эту надпись сдѣлалъ Поэтъ *Шеги*. Подобно человѣку, томимому жаждою, жаждутъ прочитать сквозь воду, струящуюся изъ трубочки тонкой, какъ перстъ, начертанія на этомъ фонтанѣ. Но что онѣ означаютъ? Пей эту прекрасную воду, истекающую изъ чистѣйшаго источника: она даетъ здоровье. 1177. »

На другой небольшой доскѣ написано: «*Дильара*,» имя женщины, любимой Крымъ-Гиреемъ. О ней сохранилось преданіе народное; она же названа нашимъ Поэтомъ *Маріею*. Это имя могло быть и собственнымъ и любимымъ названіемъ женщины; въ буквальномъ переводѣ слово Дильара значитъ *утѣшеніе сердца*.

Изъ первой надписи видно, что фонтанъ сдѣланъ по нашему лѣтосчисленію въ 1762 году; еще живы современники Крымъ-Гирея; еще не очень давно умерла старушка, которая жила въ то время при дворцѣ и лично знала *Дильара* или Марію. Передаю, что слышалъ я отъ Сеитъ-Амета, который хорошо помнитъ послѣдняго Хана, и даже Крымъ-Гирея.

« У Крымъ-Гирея было много женъ. Старшая изъ нихъ, или *ханымъ*, шла однажды мимо оконъ Хана,

а позади ее была *Дильара*, страстно любимая Гиреемъ. Въ гнѣвѣ, онъ велѣлъ ханымъ идти позади своей любимицы: эта обида такъ поразила ее, что она вскорѣ умерла съ горя. Но кто была *Дильара*, никому не извѣстно. Слышно было, что она Грузинка, другіе говорили что Полька; но послѣднему не многіе вѣрили. Навѣрное же знали, что она не Татарка. Какой она была вѣры, тоже не извѣстно, только въ ней не было замѣтно чего нибудь не мугамеданскаго, и выходила она подъ покрываломъ.» Вотъ все, что сохранилось о ней въ преданіи народномъ. Болѣе не удалось мнѣ слышать ни отъ духовныхъ ученыхъ, ни отъ старожиловъ, ни отъ почтеннаго смотрителя дворца г. Булатова, который, при знаньи восточныхъ языковъ, не пропускалъ ничего въ продолженіи двѣнадцатилѣтней службы, чтобы познакомиться съ обычаями и преданіяти народными.

Замѣчательно, что противу Татарскаго обычая, въ надписи не сказано чья она дочь, между тѣмъ какъ имя правовѣрнаго вѣрно не было бы забытымъ. Если же она была христіанкою, то или въ младенчествѣ или въ тайнѣ хранила чувство вѣры своей. Нѣсколько крестовъ или даже фигуръ въ родѣ крестовъ ничего не доказываютъ. Нѣтъ вѣроятія, чтобы Ханъ Татарскій, поклонникъ Мугамеда, рѣшился для женщины, какъ бы ни любилъ ее, осѣнить луну знаменіемъ креста. Подобный же крестъ сдѣланъ надъ каминомъ во внутреннихъ комнатахъ дворца и даже—надъ домашнею молельною Хановъ. Если это дѣйствительно кресты, а не простыя украшенія, не розаны съ

двумя листками, то я скорѣе раздѣлю мнѣніе г. Булатова, что это хитрое дѣло Греческихъ мастеровъ, которые часто занимались работами у Татаръ, нежели подумаю, что любовь къ женщинѣ заставила Хана водворить надъ мечетью крестъ. Любители Маріи отдаютъ ей и тѣ комнаты и молельню, вмѣсто домашней церкви; но въ комнатахъ было многое передѣлано во время путешествія Государыни Екатерины II, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Надъ дверями молельни написано:

«Селяметъ-Гирей Ханъ, сынъ Хаджи Селимъ-Гирей Хана.»

А Селяметъ-Гирей жилъ за долго до Крымъ-Гирея и его любимицы. Самое устройство молельни доказываетъ, что она была домашнею мечетью: окна изъ нее проведены въ главныя сѣни, которыя были проходными и полны прислуги. Могъ ли допустить Ханъ, чтобъ на виду людей молилась его любимица христіанскою молитвою, когда для мугамеданскихъ женщинъ устроены въ мечетяхъ особенные хоры или палати.

Самый фонтанъ слезъ сомнительно отнести къ столь нѣжной привязанности Хана, какъ мечталъ объ этомъ Поэтъ. Подобный же фонтанъ устроенъ въ ханскомъ саду близь купальни: устройство его, размѣры, даже украшенія очень сходны, и не отъ нѣжной любви называются подобныя фонтаны фонтанами слезъ, а отъ ихъ устройства.

Нѣтъ сомнѣнія, что *Дильара* или *Марія* нашего Поэта была любимицей Хана; но этой Маріи, созданной образованнымъ чувствомъ поэта, не должно

смѣшивать съ Дильара, и думать о любви къ ней Крымъ-Гирея съ утонченностію Европейскихъ понятій.

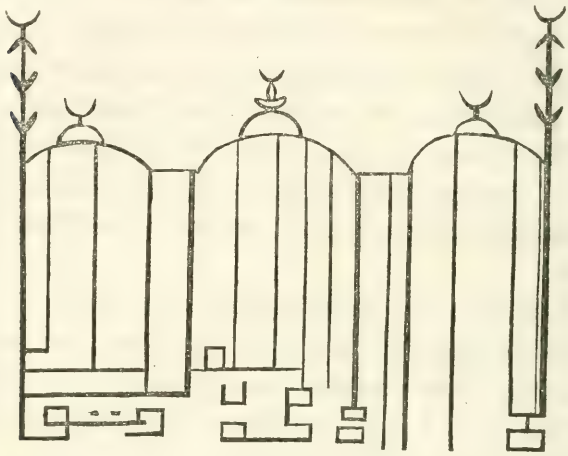
Впрочемъ, не отвергать хочу я чувствованіе истинной любви въ мугамеданинѣ и человѣкѣ образованномъ не по нашимъ понятіямъ, а говорю только о различіи формъ, въ которыхъ выражается эта любовь. Когда Дильара перешла изъ здѣшняго міра, Гирей устроилъ надъ прахомъ ея огромный памятникъ за своимъ террасным садомъ и осѣнилъ его позлащенною луною. Надъ дверью гробницы есть надпись:

«Да почіетъ въ мирѣ прахъ Дильара.»

Лѣтъ за тридцать по разсказамъ старожиловъ въ каждой изъ семи сторонъ памятника было окно, а въ осьмой устроены двери. Внутренность была убрана роскошно: стѣны обиты дорогою матеріею, куполъ покрытъ свинцомъ. Теперь уже нѣтъ свинца; видны только остатки черепицы и глины, на которой онъ лежалъ и гдѣ теперь успѣла разростись трава. Двери и окна заложены, и только въ отверстіе надъ дверьми, вѣроятно сдѣланное любопытными, можно не безъ труда заглянуть въ этотъ памятникъ и видѣть его запустѣніе при свѣтѣ факела.

Поднявшись на взгорье выше памятника, и обернувшись къ дворцу, открываются его пестрыя кровли, а на противоположной горѣ между частными домами старая мечеть съ зеленою черепичною кровлею; ее называютъ: *Ешиль Джамэ* или Зеленая мечеть. Въ ней есть надпись: «*Дильара!* Да помилуетъ ее Богъ! 1178 эджиры.»

Мечеть давно опустѣла: нѣтъ ни оконъ, ни пола. Сохранились легкія деревянныя колонны и надписи изъ корана. Буквы одной изъ нихъ представляютъ мечеть съ двумя минаретами.



СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ:

Ля-иляхъ-иль-ая-лахъ Мугамедъ ресуль-уль-лахъ.	Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Мугамедъ пророкъ его.

Въ тои весь разсказъ о Маріи. Давно ли пѣлъ ее нашъ Пушкинъ, а о немъ уже есть преданіе въ томъ же Бахчисараѣ. Извѣстно, что въ Крыму почти нѣтъ пѣвчихъ птицъ: рѣдко кому удается слышать разъ въ жизни пѣнье соловья; но разсказываютъ, что въ бытность Пушкина во дворцѣ хановъ, цѣлыя ночи пѣлъ соловей въ ханскомъ саду. И теперь путешественники, пріѣзжая въ Бахчисарай и слушая о Маріи, смотря на памятники, воздвигнутые для нее Гиреемъ, задумываются о Поэтѣ. И кажется въ слезахъ фонтана есть слезы о немъ....

III.

ПАМЯТНИКЪ КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ: ХАДЖИ-ГИРЕЯ И МЕНГЛИ-ГИРЕЯ.

Дорога изъ Бахчисарая въ Чуфутъ-Кале идетъ по каменистому ущелью. Съ обѣихъ сторонъ подымаются крутые, мѣстами отвѣсные утесы горъ и стройно взбѣгаютъ къ ихъ вершинамъ пирамидальные тополи. Въ подножіи скалъ изсѣчены пещеры; въ нихъ тѣснится на временное житье Татаринъ съ своею нищею семьею, или бродячіе цыгане, и порою путешественникъ укрывается отъ непогоды. Говорятъ, что въ старые годы, близь самаго города начинались виноградные сады; теперь уже нѣтъ ни одного: ихъ замѣнили однѣ раины и нѣсколько огромныхъ вербъ. Горный потокъ быстро перебирается по камнямъ; изъ предмѣстія Бахчисарая почти всегда слышна народная музыка; около фонтановъ и въ тѣни деревъ сидитъ Татарская молодежъ; по дорогѣ идетъ, или тихо пробирается верхомъ, Караимъ въ свой городокъ, и ребятишки ловятъ путешественника, чтобъ пропѣть ему пѣсню о живой еще красавицѣ *чепеимъ*, или тоскливое: *Бенъ буерлы*....

При поворотѣ на право въ другое ущелье, гдѣ на отвѣсной скалѣ повисъ Греческій монастырь Ус-

пѣнія Божіей Матери, встрѣчаете осміугольное зданіе, съ небольшими сѣнями, покрытое черепичною кровлею. Это памятникъ двухъ первыхъ хановъ Хаджи-Герея, основателя независимости Крымскаго царства, и Менгли-Гирея, котораго нашъ Іоаннъ великій называлъ другомъ и братомъ. Этотъ памятникъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ Татарскимъ памятникамъ. Въ сѣняхъ вокругъ дверей сдѣлана надпись изъ Корана; надъ нею, на особенной доскѣ другая, такого содержанія:

«Надгробный Памятникъ сей исправленъ милостями великаго хана, могущественнаго хакана, и повелителя вселенной Менгли-Гирей-Хана сына Хаджи-Гирей-Хана. 907 геджиры.»

Во внутренности зданія, на деревянномъ помостѣ замѣтны два мѣста, гдѣ погребены Гирен—отецъ и сынъ. Оба хана принимали столь великое участіе въ нашихъ дѣлахъ, что невольно вспоминаешь событія тѣхъ временъ, и дивишься неисповѣдимости провидѣнія.

Скоро послѣ нашествія на Россію Татаръ нѣкоторые изъ ордъ поселились въ Крыму, другія заняли широкія степи отъ Дона къ Днѣпру до самой Курской Губерніи. Главная Кипчакская орда была на Волгѣ. Литовцы быстро и сильно обложили порубежныя орды и оттѣснили ихъ къ Крыму; моровая язва, свирѣпствовавшая въ Кипчакѣ (1348), загнала сюда же толпы Татаръ. Усиленная такимъ образомъ Крымская орда стала тревожить своихъ сосѣдей,

задумала о самобытности и начала выбиваться изъ подъ зависимости Кипчакскихъ Хановъ. Съ этой цѣлію она передавалась то Литвѣ, то Россіи, то Польшѣ, билась смертнымъ боемъ съ Золотой ордою и ускорила ея паденіе и независимость нашего отечества. Хаджи-Девлетъ-Гирей, воспитанный въ Литвѣ, привыкшій уважать христіанъ и смягченный вліяніемъ святаго ученія, пользуясь примѣромъ основанія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, объявилъ себя независимымъ Ханомъ Крымской орды и сильно заботился объ устроеніи новаго царства: старался найти зоюзниковъ и выбралъ Польшу.

Въ это время развиваясь самобытною жизнію, росла и мужала Россія. Она наводила ужасъ на Гирея, и говорятъ что онъ торжественно утвердилъ грамотою отдачу нашего Отечества Польшѣ, сдѣланную еще Тохтамышь-Ханомъ, и старался поддержать тѣснѣйшій союзъ съ Поляками. Но 1469 былъ годомъ смерти Хаджія. Послѣ него осталось восемь сыновей и всѣ они вступили въ споръ за наслѣдство; началось междоусобіе; Менгли-Гирей превозмогъ своихъ братьевъ — и старался найдти помощь у Генуэзцевъ въ ихъ крымскихъ колоніяхъ: Кафѣ, Судагѣ, Чембалѣ и др. Татары, недовольные связью Хана съ иноплеменниками, сдѣлали заговоръ, избрали главою его Гайдера, и предложили корону Турецкому султану Мугамеду II. Распри султана съ Генуэзцами еще скорѣе склонили его къ согласію, и Турецкій флотъ явился съ 20,000 войска, подъ стѣнами Кафы, въ которой скрылся Менгли-Гирей. Не долго держались Генуэзскіе города; плѣнные жители были

препровождены въ Стамбулъ. Между ними находился самъ Менгли-Гирей. Прошло три года его почетнаго плѣна, три года страшныхъ смутъ и междоусобій Крыма. Татары просили Султана назначить имъ Царя, кого онъ захочетъ избрать, и тѣмъ прекратить бѣдствія страны. Мугамедъ избралъ Менгли-Герея съ тѣмъ, чтобы онъ обязался покорностію Портѣ. Вотъ главныя условія двухъ Государствъ. Султанъ не имѣетъ права на жизнь крымскаго Хана или кого нибудь изъ дома Гиреевъ. На престолѣ Крыма Государи могутъ быть избираемы изъ рода Чингисъ-Хана. Въ мечетяхъ должно всенародно молиться о Ханѣ, а потомъ о Султанѣ. Ханъ имѣетъ право на пяти бунчужное знамя. На письменную просьбу Хана Султанъ не долженъ отказывать. За каждую войну, веденную Ханомъ противъ враговъ порты, Султанъ обязывался платить условленную сумму денегъ.

Въ одной Татарской лѣтописи сказано: «по опредѣленію высочайшей мудрости чрезъ нѣсколько времени прибыло къ Султану отъ Хана большихъ владѣній письмо съ извѣстіемъ, что всѣ поколѣнія Хановъ отъ междоусобій пресѣклись и области степныя раззорены, и что для возстановленія мира между мусульманами, онъ проситъ прислать Менгли-Хана. Тогда Султанъ Мугамедъ Ханъ, давъ ему барабанъ, бунчукъ, знамя и грамоту, немедленно отпустилъ его съ великими почестями.» Прибывши въ Крымъ Мингли-Гирей былъ коронованъ со всею пышностію. Но когда народъ узналъ о согласіи его на зависимость Крыма отъ Турецкаго Султана, то начался общій ро-

потъ и новый Ханъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Турецкому войску. Но народъ отстоялъ право выбирать себѣ Хановъ изъ рода Гиреевъ. Пользуясь случаемъ и опасаясь народа, Менгли-Гирей оставилъ у себя въ Крыму Турецкія войска и старался обратить гнѣвъ народа на христіанъ, жившихъ въ Крыму. Опасаясь своихъ кровныхъ враговъ, Хановъ золотой орды, онъ съ помощію Турецкаго войска разбилъ ихъ, и дѣлалъ набѣги на Польшу и Россію. Ханъ золотой орды, Ахметъ боялся усиленія Крыма и вступилъ въ союзъ съ Поляками, чтобы дѣйствовать въ одно время противъ Гирея и противъ Россіи; но обманутый Поляками едва успѣлъ скрыться въ Кіевъ. По проискамъ Менгли-Гирея онъ былъ заключенъ въ Ковно на всю жизнь; съ нимъ пресѣкся родъ Чингисъ-Хана въ главной ордѣ, и сама орда распалась и впала въ безсиліе.

Такимъ образомъ Россія избавилась отъ страшнаго непріятеля: Татары возстали противу Татаръ—и Крымъ ускорилъ гибель нашихъ враговъ и независимость нашего отечества.

Не страшась болѣе Кипчакской орды, Менгли-Гирей нашелъ выгоднымъ союзъ съ Россіею, и Іоаннъ великій отправлялъ къ Хану посольства и ввелъ Русскихъ въ торговыя обороты съ Генуэзцами.

Близь Ханскаго памятника, устроена мечеть бѣдная и тѣсная. Въ надписи надъ дверями сказано, что она сооружена при Менгли-Гирей-Ханѣ, и что Ханъ, повелитель вселенной, приказалъ сдѣлать эту мечеть такъ, чтобы лучше ее ни гдѣ не было. Замѣчатель-

но что она строилась почти въ одно время съ нашимъ московскимъ Успѣнскимъ соборомъ и показываетъ различіе гражданской жизни въ двухъ царствахъ. Черезъ улицу отъ памятника находится *медресе* или училище; кругомъ кладбище, осѣненное огромнымъ деревомъ грецкаго орѣха; у подошвы горъ разбросаны Татарскія хижины; надъ ними отвѣсные уступы....

Вадимъ Пассекъ.

КУРГАНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ПОДЪ ПОЛТАВОЮ МИИ ШВЕДСКАЯ МОГИЛА.

КУРГАНЪ ПЕТРА ВЕЛИ

ШВЕДСКАЯ МОГИЛА

ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.

На полѣ Полтавской битвы есть могила: народъ зоветъ ее *Шведскою*. Незнаю почему дано ей народомъ такое названіе; здѣсь погребены одни Русскіе, убитые въ Полтавскомъ сраженіи: 52 офицера и и 1300 рядовыхъ. Правда, за паденіе ихъ дорого заплатили Шведы совершеннымъ истребленіемъ своихъ силъ, и можно сказать, что эта могила унесла могущество Карла XII.

Нельзя не удивляться геніальнымъ соображеніямъ Петра Великаго, исполненнымъ желѣзною волею Его, которыя дали возможность малою жертвою пріобрѣсти знаменитость русскому оружію и искупить первенство Россіи на Сѣверѣ. Въ послѣднее время Сѣверной войны, Русскіе, можно сказать, собирали плоды Полтавскаго сраженія. И эта могила можетъ служить памятникомъ славы величайшаго изъ Царей, памятникомъ Генію Петра Великаго.

1707 года Петръ Великій собралъ въ Жолкіевѣ совѣтъ, на которомъ было предложено рѣшить: какой образъ дѣйствій должно избрать при наступленіи Карла XII изъ Саксоніи на Русскую армію, расположившуюся въ Польшѣ около Дубно и Острога.

Шереметьевъ, представляя гибельныя послѣдствія, какія могутъ быть при отступленіи арміи, послѣ пораженія, въ краю, котораго жители не расположены къ намъ, предложилъ: уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія съ Карломъ XII въ Польшѣ, отступая къ предѣламъ Россіи, тревожить его отрядами, истреблять все за собою, и тѣмъ лишить жителей средствъ вредить намъ, а непріятеля способовъ быстро преслѣдовать насъ.

И мнѣніе Шереметьева было только наведеніемъ генію Петра Великаго къ развитію величайшаго военнаго соображенія въ оборонительной войнѣ, сообразно обширности и народности государства: объ чемъ иностранцы только начали писать спустя сто лѣтъ, а именно послѣ кампаніи 1812 года, и стали создавать теоріи того, что за цѣлый вѣкъ отчетливо приводилось въ исполненіе въ Россіи — и удивлять Европу своими теоріями.

1708 года, при наступательныхъ движеніяхъ Карла XII на Россію, Петръ I-й положилъ не вступать въ рѣшительное сраженіе съ непріятелемъ, а отступать въ глубину Россіи, — и при всякой возможности имѣть вѣрный успѣхъ нападать на него, останавливать его наступленіе; а между тѣмъ истреблять мосты, портить дороги, скрывать запасы и тѣмъ изнурять, ослаблять непріятеля, лишать его нравственныхъ силъ, и довести до того, чтобъ можно было съ полною увѣренностью на побѣду вступить въ рѣшительное сраженіе.

Соображеніе геніальное, и исполненіе было отчетливое, безошибочное. Оно все совершилось подъ ру-

ководствомъ самаго Петра, а въ главномъ даже личными его усиліями.

По его распоряженію Генералъ Гольцъ находился на пути Карла XII въ Малороссію и первый затруднилъ движеніе Шведовъ; самъ Петръ начальствовалъ арміей, при наступленіи Карла на Смоленскъ; жегъ, истреблялъ все по дорогѣ, даже вступивъ въ Россію; по его распоряженію Шведы потерпѣли пораженіе при С Добромъ. Онъ первый увидѣлъ важность въ томъ, чтобъ не допустить соединиться съ Шведскою арміею Левенгаупта, шедшаго съ 16,000 войскъ и съ огромнымъ обозомъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ; самъ повелъ отрядъ для рѣшительнаго нападенія на Левенгаупта, и, съ меньшимъ числомъ войскъ, нанесъ ему совершенное пораженіе, подъ Лѣснымъ, такъ, что остатки Шведовъ, разстроенные и изнуренные, сдѣлали больше вреда Карлу XII, нежели пользы своимъ соединеніемъ съ нимъ; а потеря военныхъ запасовъ была невознаградима и имѣла гибельныя послѣдствія для Шведской арміи, при осадѣ Полтавы и въ самомъ сраженіи. По приказанію Петра, Генералъ Боуръ долженъ былъ идти вслѣдъ за Карломъ при движеніи его въ Украйну, а Генералъ Ифландъ шелъ въ видѣ авангарда непріятеля и занялъ Стародубъ, первый укрѣпленный городъ Малороссіи, на пути Карла, первый, возставшій противъ измѣны Мазепы, и первый, поколебавшій надежды Шведовъ. Между тѣмъ Меньшиковъ долженъ былъ взять Батуринъ, главный опорный пунктъ Мазепы; уничтожить въ источникѣ зло отъ измѣны Гетмана и обратить каза-

ковъ противъ непріятеля. Предупредивъ Шведовъ въ Украйнѣ, Меншиковъ взялъ Батуринъ и истребилъ часть магазиновъ, приготовленныхъ для Шведовъ.

По распоряженію Петра Великаго, непріятель въ Украйнѣ нуждался въ продовольствіи, въ порохѣ, не имѣлъ покоя на зимнихъ квартирахъ, и, ослабленный къ веснѣ цѣлою третью всей арміи, принужденъ былъ ограничиться осадою Полтавы, чтобъ только скрыть свою слабость для настоящихъ наступательныхъ дѣйствій, въ ожиданіи союза съ Турціей. И наконецъ, изнуренный при осадѣ Полтавы, доведенъ былъ до крайности искать спасенія своего въ Полтавской битвѣ.

Петръ Великій, имѣя полную увѣренность на побѣду, и желая спасти Полтаву, перешелъ черезъ Ворсклу съ 55 тыс. регулярныхъ войскъ, приблизился къ городу и въ ожиданіи казаковъ Скоропадскаго, и 37 тыс. Калмыковъ, расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ. Въ день Петра и Павла, 29 Іюня, рѣшено было напасть на Шведовъ.

Положеніе Карла XII было самое бѣдственное. Съ 30 тыс. войскъ, уже упадшихъ духомъ, безъ артиллеріи за недостаткомъ пороху и снарядовъ *, въ краю, гдѣ жители съ жаромъ возстали противъ него, могъ ли онъ думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ на Россію, имѣя противъ себя арміи вдвое сильнѣйшую, устроенную, испытанную и предводительствуемую самимъ Петромъ.

* Въ Полтавскомъ сраженіи Карлъ XII имѣлъ всего 4 орудія; остальная артиллерія оставалась въ лагерѣ подъ Полтавой, находившемся подъ прикрытіемъ Запорожцевъ.

Ожидать нападенія Русскихъ, по соединеніи всѣхъ ихъ силъ, было явно гибельно: Карлъ XII былъ бы подавленъ превосходствомъ Русскихъ.

Отступленіе было единственнымъ средствомъ для спасенія; но отступленіе становилось невозможнымъ по соединеніи Калмыковъ и казаковъ съ Русскою арміею. Преслѣдуемый самимъ Петромъ съ 55 тыс. регулярныхъ войскъ, и окруженный со всѣхъ сторонъ 60 тыс. иррегулярной кавалеріи, онъ былъ бы безъ боя совершенно истребленъ на пути отъ Украйны до великой Польши, гдѣ находились его резервы.

И Карлъ XII избралъ лучшее: онъ рѣшился, не смотря на все превосходство силъ Петра Великаго, дать сраженіе до соединенія его съ казаками и Калмыками, чтобъ побѣдою обезпечить свое отступленіе.

Слишкомъ ясно, что не для торжества надъ Россіею, а для спасенія своего, Карлъ XII вступилъ въ сраженіе подъ Полтавою. Побѣда, по малочисленности Шведовъ, не могла быть рѣшительною, и не давала возможности продолжить ему свои успѣхи и особенно наступательныя дѣйствія; а пораженіе, при многочисленности Русскихъ и въ краю непріязненномъ, было бы гибельно для Шведовъ.

И только это опасное средство оставалось испытать для спасенія своего Карлу XII: до такой крайности была доведена Шведская армія соображеніями Петра Великаго.

Настало 27 Іюня, и совершилось торжество генія Петра: армія Шведская была истреблена и истребленіе было искуплено 1400 Русскихъ, погребен-

ныхъ подъ курганомъ, называемымъ народомъ Шведскою могилою.

Чувство благоговѣнія къ необъятности генія Отца Отечества, проникаетъ душу при взглядѣ на этотъ могильный курганъ, священный великими воспоминаніями.

Въ 4 часа утра, 28-го Іюня * по повелѣнію Государя начали дѣлать 2 могилы: одну для офицеровъ, другую для унтеръ офицеровъ и рядовыхъ. Къ 6 часамъ могилы были готовы, войска были выстроены кареемъ около могилъ, и самъ Царь вышелъ на поле. Въ присутствіи его сложили тѣла въ могилы и началась погребальная панихида. Петръ Великій присоединилъ голосъ свой къ голосу клироса; но часто пѣнье его было прерываемо слезами, и тогда плакало все окружающее. И кто не умилится слезами при одномъ воспоминаніи этого событія — не слабый, не безсильный мужъ плакалъ здѣсь надъ могилой; но мужъ желѣзной воли, Геній, Преобразователь Россіи.

По окончаніи панихиды, Царь обратился съ прощальнымъ словомъ къ убіеннымъ, сдѣлалъ 3 земныхъ поклона, и первый началъ ихъ засыпать землею.

Когда насыпали курганъ, Царь своими руками водрузилъ на немъ крестъ съ надписью: «воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.»

28 и 29 Іюня происходило погребеніе Шведовъ плѣнными, и надъ ними также совершили священный обрядъ плѣнные пасторы. Шведовъ погребено было болѣе 9000, а по Голикову 13,281.

И тогда же издалъ указъ о вѣчномъ поминовеніи убіенныхъ во вѣки. И каждый годъ 27 Іюня совершается изъ города крестный ходъ на могилу, и народъ тысячами стекается съ окрестныхъ мѣстъ и молитъ Господа о вѣчной памяти ихъ и виновника славы Россіи подъ Полтавой.

Теперь уже на курганѣ стоитъ другой крестъ и на немъ другая надпись: «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога: была бы жива Россія, вѣра и благоденствіе ваше.» И кромѣ словъ Петра читаете на крестѣ: «Я, съ береговъ Дона, приходилъ поклониться могилѣ, тогда-то.» «Я, сынъ Украйны, поклонился кургану, тогда-то. «Я, съ Сѣвера, пришелъ поклониться Генію Великаго Царя.» Одна мысль, одно чувство, и чувство высокое, благоговѣйное, одушевляетъ всѣхъ приближающихся къ кургану. Самыя надписи на крестѣ показываютъ, какъ народъ чтитъ эту могилу.

Слава Великому совершителю славы отечества!

Сравнивая Петра I-го съ современными ему полководцами: Карломъ XII, Мальборугомъ и Принцемъ Евгеніемъ, которыми такъ гордится Европа, открывается вся высота въ военномъ отношеніи и превосходство надъ своими современниками преобразователя Россіи. Въ этомъ убѣждаетъ строгое изученіе военныхъ событій, и выводы свои я постараюсь передать въ слѣдующихъ книгахъ Очерковъ Россіи, гдѣ представлю со всею отчетливостію дѣла Петра Великаго.

Д. Пассекъ.

САРАЙ-ОРДА БАТЫЯ

НА ВОЛГѢ.

Если человѣчество есть одно цѣлое, одно тѣло, развившееся отъ единаго сѣмени, и всѣ части его совокуплены духовными и вещественными узами взаимныхъ необходимостей; то всѣ частныя событія въ нѣдрахъ его составляютъ или благодѣтельный процессъ общей жизни тѣла, который совершается безъ потрясеній, или нарушенное нормальное, здоровое состояніе, приливомъ и отливомъ крови, порожденное какою нибудь частною страстію. Въ первомъ случаѣ руководитъ событіемъ Провидѣніе, во второмъ человѣкъ. Слѣдовательно событіе, подобное нашествію Монголовъ, парализировавшее на долгое время все пространство древней Руси, мы не осмѣлимся назвать волею благодѣтельнаго Провидѣнія; ибо въ противномъ случаѣ должно было бы принять фатализмъ за истину, отвергать частную волю и существованіе зла.

Начальную причину нашествія Монголовъ должно искать въ насильственномъ распространеніи магометанства въ 7 столѣтіи на Востокѣ, гдѣ преобладало вѣрованіе Будды. Омаръ I, Бенъ-эль-Китабъ, второй Калифъ послѣ Магомета, первый назвавшій себя «Эмиръ-эль-Мумениинъ»—повелитель правовѣрныхъ, съ мечемъ и огнемъ прошелъ Сирію, Халдею, Египетъ, Мессопотамію, Персію, Бактріану и даже, по нѣкоторымъ писателямъ, проникъ въ Индію, и въ продолженіи пути своего овладѣлъ 36,000 городовъ, истребилъ четыре тысячи храмовъ Христіанъ и Маговъ (Буддистовъ), основавъ вмѣсто ихъ 1400 мечетей Исламизма. Здѣсь началась борьба между двумя религіями: между Магометанской, упрощенной до однѣхъ молитвъ и отвергающей всякое изображеніе божества, и Ламизмомъ, или Буддизмомъ Могольскимъ, изтекшимъ изъ древней религіи Маговъ, [1] признававшихъ изображенія. Могущество и фанатизмъ Калифовъ преодолѣлъ; но Чингисъ-Ханъ, (род. 1164 — ум. 1227), произходящій изъ племени *Моголъ*, [2] сталъ вождемъ своего вѣрованія, освободилъ весь Востокъ, по сю сторону Гималая, отъ владычества Калифовъ Магометанскихъ, и возстановилъ первенство Ламайской религіи. Вскорѣ однакожъ въ Тамерланѣ явился новый представитель торжества Магометанства. При немъ Татарскія племена приняли Исламизмъ, или возвратились къ нему. Съ этого времени внутренніе раздоры за наслѣдіе Калифатства ослабили силы единства и Колоссъ Востока распался на части.

Чингисъ-Ханъ, совокупляя, такъ сказать, всѣхъ по-

клонниковъ Будды, и распространяя свое вѣрованіе, распространилъ и свои побѣды до береговъ Волги, границы населенія Славянскаго, или Русскаго. *Команія*, имѣвшая къ сѣверу: Русь, Мордву и Белировъ (Булгаровъ), Бастарковъ (Великую Унгарію), Парозитовъ (Боруссовъ?) и Самогитовъ (Самоѣдовъ); а къ югу: Алановъ, Черкесовъ и пр. принадлежала безъ сомнѣнія къ *хозрету* (владычеству) Торковъ, и хотѣла избѣжать отъ власти Чингисъ-Хана, надѣясь на помощь Князей Русскихъ. Но Чингисъ-Ханъ, *вступившій на конѣ въ главную мечеть Бухары, и потоптавшій Алкоранъ ногами*, въ 1223 году отрядилъ военачальниковъ Судая-Багадура и Чепновіана для побѣдъ по Каспійскому морю [3] и Волгѣ. Команы или Половцы, отъ которыхъ Чингисъ-Ханъ требовалъ покорности, какъ отъ *единоплеменниковъ*, воспротивились силамъ Монголовъ, и были разбиты, истреблены ими. Въ 1246 году, во время проѣзда Плано Карпини чрезъ Команію, были видны еще слѣды этого истребленія. Народъ бѣжалъ въ Кіевскую область, и тесть Мстислава Галицкаго, Половецкій Ханъ, взволновалъ всю Русь вѣстію о нашествіи Монголовъ. «Пріиде неслыханная рать, безбожии Моавитяне, рекоміи Татаре» говоритъ Волынская лѣтопись. [4] Галицкій Князь, въ защиту тестя, возстановилъ многихъ Князей Русскихъ; но сраженіе при Калкѣ, въ 1224 году, распахнуло только двери Монголамъ въ Русь.

Въ это время Русь была раздираема междоусобіями Ольговичей и Мономаховичей за право на наслѣдіе Великокняженія, и за отчее гнѣздо Кіевъ. Родъ Моно-

маха, въ лицѣ Андрея Боголюбскаго, основалъ новую столицу во Владимирѣ, и усиливъ себя Сѣверомъ, требовалъ отъ Кіева, какъ отъ своего удѣла, покорности; но Ольговичи боролись. Въ 1227 году Чингисъ-Ханъ умеръ, и завѣщалъ сыну Октай-Хану (5) давать миръ только побѣжденнымъ народамъ. Посреди дворца въ Каракурумѣ, (6) украшеннаго Китайскими художниками, Октай спокойно уже властвовалъ надъ народами, побѣжденными отцомъ. Для управленія Каспійскими и Приволжскими странами, и для новыхъ побѣдъ, отправилъ Бату-Хана, любимца своего, съ 300,000 войска. До 1237 года, Батый утверждалъ власть свою за Волгой; а въ этомъ году проникъ лѣсами въ южную часть Рязанской области, и потребовалъ отъ Князей десятины. Великій Князь Георгій отказалъ въ помощи Рязанскимъ владѣтелямъ, и—слабое сопротивленіе разъединенныхъ Русскихъ силъ, на первомъ шагу, поразило народъ ужасомъ, а въ Монголовъ внушило смѣлость безбоязненно вносить разрушеніе въ глубь Руси, и дарить миръ за подданство.

Въ томъ же году пала Рязань, Москва сожжена; а въ 1238 году Батый овладѣлъ Владимиромъ, Переяславлемъ, Юрьевымъ, Дмитровымъ и другими городами Великокняженія; потомъ проникъ къ Твери и Торжку, и почти изъ-подъ стѣнъ Новгорода возвратился въ Половецкую землю, *для усмиренія Половецкаго Хана Котяна.* Но въ слѣдующемъ и 1240 году подпала подъ иго его вся южная часть Россіи, съ матерію градовъ Русскихъ—Кіевомъ. Завоевавъ области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сербію, дунайскую

Болгарію, Молдавію и Валахію, Батый, *по причинѣ внезапной смерти Октая, возвратился на берега Волги*, и надменно принималъ владыкъ покоренныхъ странъ и посольства съ дарами посреди Сарай-орды, и отправлялъ ихъ далѣе, въ Китайскую Татарію, на поклоненіе и утвержденіе въ правахъ, къ наслѣднику Хана Октая, сыну его Куяку, или къ правительницѣ Моголіи ханшѣ Толи Гайханэ, матери Куякъ-Хана.

Первый изъ Русскихъ Князей, бившій челомъ великому Кагану Монголіи, въ 1246 году, былъ Ярославъ. Онъ прибылъ къ возшествію на престолъ Куякъ-Хана, (7) гдѣ его видѣлъ Плано Карпини, посолъ Папы Иннокентія IV.

«По прибытіи ко двору великаго Хана, пишетъ Плано Карпини, онъ приказалъ намъ дать палатку и угощать насъ; но мы не могли представиться ему; ибо избраніе его еще не совершилось и онъ не входилъ въ управленіе. По прошествіи пяти дней насъ представили его матери, гдѣ и были торжественныя пріемы, въ шатрѣ изъ бѣлаго бархата, въ которомъ могло помѣститься до 2000 человѣкъ. Вокругъ была деревянная ограда, украшенная различными фигурами и изображеніями. Тутъ мы увидѣли множество воеводъ и вельможъ, которые съѣхались со всѣхъ сторонъ съ своими людьми; всѣ они были верхами и расположены вокругъ. Въ первый день они явились въ бархатной бѣлой одеждѣ, во второй въ красной. И въ этотъ день самъ Куякъ прибылъ въ шатеръ. Въ третій день они были одѣты въ бархатъ фіолетоваго цвѣта; а въ четвертый

яркаго пунцоваго. У нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ на конской сбруѣ было не менѣе 20 маркъ серебра.

Главныя лица, владѣтели удѣловъ, (Ханы, Беи, Султаны, Тайцзи [8]) совѣщались въ палаткѣ о избраніи Кагана; остальной народъ толпился вокругъ ограды, въ ожиданіи. Потомъ они начали пить кумысъ, что продолжалось до вечера; и наконецъ ввели насъ въ палатку и угощали брагой. Внѣ палатки были: Князь Ярославъ Суздальскій изъ Россіи, и многіе другіе владѣтели Китайскіе и Селенгскіе (Solangues) [9], два сына Царя Грузіи, посолъ Калифа Балдагскаго, и многіе другіе Суданы и Эмиры Сарацинскіе. По разсказамъ, всѣхъ владѣтелей, пословъ и разныхъ лицъ, пріѣхавшихъ съ дарами и покорностію, простиралось до 4000. Всѣхъ ихъ также поили; но оказывали всегда предпочтеніе намъ и Князю Ярославу.

Когда Каганъ Куякъ входилъ въ палатку, его сопровождали пѣніемъ; когда выходилъ, то склоняли передъ нимъ бунчуки (virgis speciosis, in summitate lanam coccineam habentibus). Этотъ дворъ Кагана называли Сарай-Орда (Cyra-Orda); но въ разстояніи трехъ или четырехъ часовъ ѣзды, въ прекрасной долинѣ, былъ другой шатеръ, который они называли *Золотой Ордой* (Orda aurea). [10] Здѣсь долженъ былъ Куякъ вступить на тронъ. Этотъ шатеръ былъ великолѣпенъ, основанъ на колоннахъ, покрытыхъ листами золота. Верхъ былъ парчевой, а полы изъ другихъ тканей.

Въ день Св. Варфоломея свершилась церемонія. Все собралось передъ шатромъ, и послѣ совершенія молитвъ къ полудню [11] съ колѣнопреклоненіемъ, что продолжалось долго, всѣ возвратились къ шатру, возвели Куяка на тронъ, и склонились передъ нимъ на колѣна. Мы были представлены Кагану въ томъ же шатрѣ, гдѣ совершалась церемонія возшествія на престолъ. Здѣсь приняты были и всѣ послы съ безчисленными дарами, состоящими изъ кусковъ бархата, пурпура, парчи, поясовъ тканыхъ изъ шелка и золота, богатѣйшихъ мѣховъ и пр. Въ числѣ даровъ были также: осыпанный драгоцѣнными камнями щитокъ отъ солнца, верблюды подъ парчевыми попонами, сѣдлы, кони и мулы въ уборахъ кожаныхъ и кованыхъ изъ желѣза; на холмѣ, въ отдаленіи отъ шатровъ, стояли пять сотъ возовъ наполненныхъ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. И все это составило дары Кагану и его окружающимъ.

Послѣ сего мы были въ другомъ мѣстѣ, гдѣ также былъ богатѣйшій пурпуровый шатеръ, подаренный Китайцами. Насъ угощали брагой, виномъ и вареньмъ мясомъ. Внутри, на возвышеніи, стоялъ престолъ Кагана, изъ слоновой кости, съ рѣзьбою, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. Около престола были скамьи; съ лѣвой стороны сидѣли жены, а съ правой никого не сидѣло. Вельможи Кагага сидѣли на скамьяхъ ниже, и другіе ряды младшихъ за ними.

Описанные нами три шатра были очень обширны; но жены Кагана имѣли особенные столь же кра-

сивые и просторные, сдѣланные изъ бѣлыхъ войлоковъ.

Отсюда Каганъ разъѣхался съ своей матерью, для совершенія суда надъ пойманной ея любимицей, которую уличили въ отравѣ Октая, отца Кагана, *въ то время, когда находились войска его въ Венгріи; что и было причиной возвращенія войскъ изъ сей страны.* Виновная и нѣкоторые изъ ея сообщниковъ были казнены смертію.

Въ это самое время умеръ внезапно Ярославъ Суздальскій. Онъ былъ приглашенъ къ матери Кагана, и она изъ своихъ рукъ угощала его. Едва возвратился онъ въ свое жилище, заболѣлъ и умеръ на седьмой день. Тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, что и заставило всѣхъ вообще говорить, что онъ отравленъ, для того чтобъ легче овладѣть его землями.»

Рубрукъ или Рубруквисъ, посолъ Людовика IX въ Татарію и Китай, въ 1253 году, описываетъ слѣдующимъ образомъ прибытіе его въ Сарай-Орду Батыя, на Волгѣ:

«Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы приблизились къ Волгѣ (Etilia), было новое зданіе, устроенное Татарами при переправѣ для пословъ, которые ѣдутъ ко двору Батыя и возвращаются. Тутъ въ числѣ Татаръ, при переправѣ, есть и Русскіе. Дворъ Батыя находится на берегу, отъ этого мѣста къ востоку; а города и селы великой Булгаріи въ 5 дняхъ ѣзды къ сѣверу. Мы спустились по рѣкѣ въ суднѣ, и прибыли къ двору Батыя. Станъ Батыя походилъ на огромный

городъ, а тьма юртъ (12) была разсѣяна вокругъ на пространствѣ 3-хъ и 4-хъ *ли* *. Шатеръ двора, находящійся посрединѣ, называется Сарай-Орда; его двери обращены на югъ, и съ этой только стороны никто не смѣетъ селиться.

На другой день по прибытіи, мы были представлены ко двору, гдѣ былъ раскинутъ особенный огромный шатеръ: ибо тотъ, въ которомъ жилъ Батый, не могъ помѣстить всѣхъ собравшихся тутъ мужчинъ и женщинъ съ босыми ногами и открытой головой. Мы были введены въ шатеръ. Батый сидѣлъ на возвышеніи трехъ ступеней, на обширномъ, позолоченномъ мѣстѣ. Близь него сидѣла одна изъ его женъ. Разныя лица и женщины сидѣли вправо и влѣво за нею. При входѣ въ шатеръ была скамья (13) на которой стоялъ *кумысъ* (cosmos) и большія золотыя и серебряныя, осыпанныя драгоцѣнными камнями, чаши.

При ордѣ находятся маркитанты, и слѣдуютъ всюду при перекочеваніи.

Татары не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія: они кочуютъ на всемъ пространствѣ Скиѳіи, отъ Дуная до предѣловъ Востока. Во время лѣта поднимаются къ сѣверу, на зиму удаляются въ теплыя южныя страны. Ихъ домы (*юрты* или *гыръ*) устроены на колесахъ, и составляютъ плетень, (14) покрытый цвѣтными узорчатыми войлоками, съ отверстіемъ въ вершинѣ для дыма: нѣкоторыя до 30 фут. въ длину (въ діаметрѣ?) (15), и для перевозки ихъ употребляется болѣе десяти паръ воловъ. Входы

* *Ли* — мѣра пути, равна $271\frac{1}{14}$ саж.

завѣшены войлоками, и при постановкѣ всегда обращаются къ югу. Богатѣйшіе изъ Татаръ, или *Мугаловъ* (Moals) имѣютъ до 200 подобныхъ юртъ. Въ головахъ надъ хозяйскимъ мѣстомъ виситъ всегда изображеніе въ родѣ куклы, сдѣланной изъ войлока, которую они называютъ *братомъ хозяйскимъ*. Надъ ложемъ хозяйки виситъ на стѣнѣ подобное же изображеніе: это ея *братъ*; тутъ же помѣщается баранья шкура, набитая шерстью, или чѣмъ нибудь другимъ, и при этомъ маленькое изображеніе—*домохранитель*. Близъ дверей, съ женской стороны, изображеніе съ соскомъ коровьимъ, а съ другой стороны съ соскомъ кобылицы. Когда Татары собираются въ юртѣ на пиръ, то прежде всего они окропляютъ своимъ питьемъ изображеніе *брата хозяйскаго;* потомъ выходитъ юноша съ чашей кумыса въ рукахъ, и преклоняя колѣна, плещетъ по три раза на югъ во имя огня, на востокъ во имя воздуха, на западъ во имя воды, и на сѣверъ во имя умершихъ.

Что же касается до одежды, то всѣ ткани шелковыя, золотыя, серебряныя, и бумажныя, получаютъ они изъ Китая и Персіи, и другихъ восточныхъ странъ; а драгоцѣнные мѣха изъ Россіи, изъ (Moxel) изъ Великой Булгаріи, Паскатира или Великой Венгріи, изъ (Kersis), и другихъ подвластныхъ имъ странъ, изобилующихъ лѣсами.

Мужчины выбриваютъ макушку, и волосы висятъ отъ верха по вискамъ; они также обриваютъ виски, шею и лобъ до затылка, *оставляя на макушкѣ пучекъ*. На затылкѣ оставляютъ они волосы и плетутъ изъ нихъ косы.

Одежда женщинъ отличается отъ мужской только тѣмъ, что она длиннѣе. По выходѣ замужъ, дѣвушкѣ обрѣзываютъ спереди волосы до половины головы. Женскій головный уборъ называется *ботта*.»

Вообще описанія Рубруквиса и Плано-Карпини въ отношеніи обычаевъ, обрядовъ и одеждъ довольно смутны. Они не могли тщательно отличить одного народа отъ другаго; но сравнивая эти описанія жизни древнихъ Монголовъ съ современными, кажется, что они ни сколько не измѣнились: таже у нихъ *юрта* или *гыръ*, (15) тѣже *хиты*, (16) тоже *шаманство* или *шагмунизмъ*, тѣже идолы, тѣже обряды; разница только въ томъ, что прежняя Русь чествовала *Басму* великаго Хана Монголіи; а теперь ликъ Россійскаго Императора въ *Бурхани-Орьгё* между ликами ихъ божествъ.

А. В.

ГРАНИЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ

ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

Гдѣ были границы южной Руси до нашествія Татаръ? гдѣ начиналась наша Русская земля и гдѣ земля Половецкая?

Въ XII вѣкѣ, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Полтавской и Харьковской, были у насъ города: Переяславль, Олтава, Лукомля, Каневъ, Ромны, Донецъ и др. На приложенномъ чертежѣ означены всѣ эти города, существовавшіе до прихода Татаръ. Принимая во вниманіе хлѣбапашество городскихъ жителей и окрестныя селитьбы, на что есть указанія у лѣтописцевъ, становится ясно, что граница Русская была еще южнѣе городовъ и, вѣроятно, шла живыми урочищами, преимущественно рѣками.

Обозрѣвая на мѣстѣ древнія городища и курганы въ Украйнѣ и Малороссіи, я обратилъ особенное вниманіе на городище Каганово, которое названо такъ по ошибкѣ въ наше время, и есть собственно древній

городъ *Донецъ*, гдѣ Игорь Святославичь, бѣжавшій изъ плѣна Половецкаго, нашелъ вѣрное убѣжище отъ погони.

Лѣтописецъ разсказываетъ о побѣгѣ Князя такимъ образомъ:

«Игорь послалъ конюшаго сказать Лавру, чтобъ онъ переѣхалъ на ту сторону съ поводнымъ конемъ... Половцы упились кумысомъ.... Конюшій увѣдомилъ, что Лавръ ждетъ его. Игорь, полный страха, вставъ поклонился образу Божіей Матери, надѣлъ на себя крестъ и снялъ со стѣны икону.... Стража полагая, что Князь спитъ, пировала и веселилась, а между тѣмъ Князь ушелъ изъ шатра. Это было въ Пятницу вечеромъ; и шелъ онъ одиннадцать дней до города *Донца*, оттуда въ свой Новгородъ—и обрадовались ему [1]»

Достовѣрность этого разсказа подтверждается пѣснію о походѣ Игоря. «Игорь сверкнулъ горностаемъ въ тростникъ, какъ гоголь чрезъ воду пронесся... взлетѣлъ на коня.... соскочилъ, и помчался вдругъ волкомъ босымъ къ лѣсу Донца.... И летѣлъ какъ соколъ сквозь туманъ и билъ лебедей и гусей на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ [2]»

Городъ Донецъ, куда прибѣжалъ Игорь, былъ на правомъ берегу р. Уды, верстахъ въ восьми отъ Харькова. И теперь совершенно сохранились окопы и рвы городка, который принадлежитъ уже помѣщику Щербинину. *

* И здѣсь я не могу не повторить моей признательности М. А. Щербинину за участіе и пособія въ моихъ изысканіяхъ. Въ его образованномъ семействѣ я нашелъ полное радушіе, которое ис-

Въ книгѣ большаго чертежа сказано: *На лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, выше Хорошаго городища, Донецкое городище, отъ Хорошаго верстъ съ пять.* *

Теперь на мѣстѣ *Хорошаго городища*, отъ котораго уцѣлѣли съ сѣверной стороны рвы и валы, красуется надъ уступами горы дѣвичій *Хорошевъ Вознесенскій монастырь.* Народныя преданія относятъ Донецкое городище къ незапамятнымъ временамъ; разсказываютъ, что подъ водою, противъ самаго городка, отъ берега до берега р. Уды, проведена цѣпь, для прегражденія непріятелю хода водою. Въ самомъ городкѣ найденъ былъ ножъ или короткій мечь съ желѣзною рукояткою, нѣсколько кусочковъ листовой красной мѣди, небольшое глиняное украшеніе съ пронизкой; а во рвахъ множество черепковъ и костей. Принимая во вниманіе незначительность городка, который въ длину по вершинѣ своей будетъ не болѣе 80 шаговъ, кажется не возможно предположить, чтобъ онъ не былъ вблизи нашихъ Русскихъ селеній или не поддержанъ цѣлой цѣпью другихъ укрѣпленій. И дѣйствительно, почти отъ самаго Посемья, куда часто врывались Половцы, идетъ *цѣпь городищъ*, которыя были въ XII вѣкѣ вѣроятно *дозорными*

тинно можетъ оцѣнить одинъ только путешественникъ. Не льзя не желать, чтобы на высотѣ городища былъ воздвигнутъ какой нибудь памятникъ Игорю Святославичу, который нашелъ здѣсь безопасный пріютъ, и безсмертному пѣвцу его, которымъ мы можемъ гордиться предъ цѣлой Европой.

* Древнія версты были болѣе нашихъ. Теперь Донецкой городокъ отъ Хорошева монастыря отстоитъ верстъ на 6.

укрѣпленными городками для охраненія границъ и наблюденія за движеніемъ Половцевъ. Такъ во времена набѣговъ Крымской Орды устроены были въ тѣхъ же мѣстахъ Чугуевъ, Царево-Борисовъ, и сдѣланы на большомъ протяженіи рвы и валы для прегражденія пути непріятелю.

По Донцу видны городища: *Бѣлогородское*, *Нежегольское*, *Салтановское*, гдѣ теперь слобода верхній Салтовъ, ниже его *Колковское*, еще ниже: *Гумнинья* городище, за нимъ *Чугуево*, еще далѣе *Мохначево*; на усть-Уды *Баново* или *Кагайское* (Нагайское?) за Удою при устьѣ р. Можи *Зміево*, далѣе *Каменное;* вверхъ по Удѣ *Хорошее* и выше его древній *Донецъ городокъ*. Отсюда, сѣвернѣе р. Можи, впадающей въ Донецъ, до рѣки Коломака, впадающей въ Ворсклу, извѣстны два огромныя городища: одно принадлежитъ помѣщику Кукулевскому и извѣстно подъ названіемъ собственно *Городища*; другое *Хозаревское* городище *. Всѣ онѣ идутъ по нагорной сторонѣ рѣкъ и большая часть расположены по правому высокому берегу Донца; очевидно были въ связи между собою; всѣ обращены главною боевою стороною не противъ Руси, но за рѣку, въ степи и далеко озирали окрестности, особенно низменныя мѣста луговой стороны. Городище Кукулевскаго обхватываетъ двойными и тройными валами пространство версты на три. На вершинахъ валовъ ростутъ огромные дубы, и одинъ изъ нихъ, срубленный, имѣлъ

* Городища, находящіяся при вершинахъ р. Коломака, кажется, древнѣе изслѣдуемыхъ и принадлежатъ другому племени.

въ поперечникѣ болѣе сажени. Пень его еще видѣнъ. Случайно были находимы мѣдные оконечники стрѣлъ и ножи. *Хозаревское* городище обнесено также двойными и тройными валами, но такъ заросло лѣсомъ, что не было вомножности осмотрѣть его и сдѣлать какія нибудь наблюденія безъ особенныхъ усилій, и потому не могу сказать о немъ ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго Что же касается до цѣпи другихъ городищь, то всѣ онѣ, какъ правильнымъ взаимнымъ расположеніемъ, такъ и способомъ укрѣпленія, совершенно отличны отъ тѣхъ городищь, которыя находятся въ неразрывной связи съ курганами, всегда круглыя, расположены болѣе на равнинахъ и относятся къ глубокой древности. Вся цѣпь укрѣпленій идетъ по берегамъ рѣкъ, какъ по живымъ урочищамъ, и указываетъ на границы древней Руси до прихода Татаръ. Эта граница шла, кажется, отъ вершинъ Донца, внизъ по его теченію къ рѣкамъ Удѣ и Можи; отсюда къ ихъ вершинамъ и къ верховью р. Коломака, по томъ по теченію ея до Ворсклы, Ворсклою до Днѣпра. Названіе р. Мжи или Межи, кажется, указываетъ также на древнюю нашу границу: вѣроятно она была нашимъ рубежемъ съ землею Половецкою, а кочевыя становища Половцевъ были *еще глубже въ степяхъ, на нѣсколько дней ѣзды отъ Руси.*

Обращаясь къ лѣтописямъ, находимъ въ нихъ подтвержденіе нашихъ наблюденій. Сдѣлаемъ нѣсколько указаній. «Задумалъ итти проклятый Кончакъ на Русь; хотѣлъ плѣнить Русскіе города и спалить ихъ огнемъ.... и сталъ на *Хоролѣ* (3) «. Слѣдовательно р. Хороль, протекающая въ Полтавской Губерніи въ

Лубянскомъ уѣздѣ, находилась въ предѣлахъ Руси; потому что Кончакъ остановился на *Хоролѣ*, уже вышедши изъ своего становища. Далѣе:

Когда Святославъ и Рюрикъ ходили на Половцевъ, Игорь желалъ участвовать въ ихъ успѣхахъ, призвалъ къ себѣ брата своего, и дѣтей Святослава, и сына своего Владиміра, и сказавъ имъ: Половцы *пошли на Русскихъ Князей*, а мы пойдемъ и ударимъ на ихъ становища. И какъ перебрался за *Мерло*, то встрѣтился съ Половцами, которыхъ числомъ 400 велъ на Русь Обавлько Стуковичь. [4)]

Слѣдовательно Половцы, встрѣтившись на рѣкѣ *Мерло*, (которая протекаетъ въ Харьковской Губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ), уже вышли изъ земли своей, потому что Игорь шелъ на ихъ оставленныя вежи, и встрѣтился за Мерломъ съ ихъ шайкою, *выступившею* на Русь. Далѣе:

Когда Игорь шелъ въ Половецкую землю, то простоялъ два дни на берегахъ Оскола, въ ожиданіи брата и вспомогательнаго войска. Изъ этого видно, что даже за Донцомъ или за нашей цѣпью укрѣпленныхъ городковъ, до Оскола, земля не принадлежала Половцамъ — и оставалась, вѣроятно, не занятою, потому что и для нихъ было бы безпокойно и опасно жить въ виду нашихъ укрѣпленій.

Когда Игорева дружина была окружена Половцами, то всѣ воины сошли съ коней, и надѣялись

нѣшіе *пробиться къ Донцу, за которымъ вѣрно они считали себя безопаснѣе.*

Когда, въ 1191 году, Игорь съ братьями снова пошелъ на Половцевъ, то остановился у Оскола. «Половцы же *услышавши* объ этомъ, отодвинули свое кочевье глубже въ степи, а сами собрались въ ожиданіи непріятелей.» (5) Слѣдовательно, и въ этотъ разъ, до Половцевъ дошла вѣсть о нашемъ походѣ только въ то время, когда мы уже были на берегахъ Оскола, *а они кочевали еще далѣе.*

Изъ другихъ мѣстъ лѣтописей замѣтно, что Половцы занимали мѣста по берегамъ Дона, около устья Донца, по взморью и далѣе къ Дунаю.

Кіевское княженіе раздѣлено было отъ ихъ кочевьевъ р. Росью, гдѣ еще Великій Владиміръ строилъ города. Но вѣроятно и здѣсь между Русью и землею Половецкою находились земли не занятыя ни тѣмъ, ни другимъ народомъ, и граница южной Руси шла отсюда берегомъ Роси до Днѣпра, и Днѣпромъ до устья Ворсклы.

Дальнѣйшія изслѣдованія древнихъ укрѣпленій и собраніе мѣстныхъ народныхъ преданій, могли бы пролить новый свѣтъ на отношенія южной Руси съ кочевыми племенами.

И если насъ занимаетъ открытіе древней вещи, или римскаго вала, гдѣ нибудь, въ странѣ невѣдомой, и составляетъ продолжительный предметъ журнальныхъ толковъ, то безъ сомнѣнія открытіе, или положимъ только указаніе на *цѣлый рядъ уцѣлѣв-*

шихъ укрѣпленій нашей древней Руси противу набѣговъ кочевыхъ племенъ, не можетъ не обратить вниманія и не возбудить живаго участія и готовности къ пособію для дальнѣйшихъ изслѣдованій.*

Вадимъ Пассекъ.

* Безъ сомнѣнія, при разчисткѣ рвовъ нашихъ древнихъ городищъ, и разрытіи самихъ городищъ, найдутся Русскія монеты, выбитыя до прихода Татаръ, и нѣкоторыя изъ нашихъ древнихъ вещей. Здѣсь наши запасные музеи.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Портфель служебной дѣятельности Ломоносова.
II. Картины степей.
III. Поѣздка изъ Иркутска въ Кяхту, чрезъ Байкалъ или Святое море.
IV. Кіевскія златыя врата.
V. Отрывокъ изъ путешествія по Крыму.
VI. Шведская могила подъ Полтавой.
VII. Сарай-Орда Батыя, на Волгѣ.
VIII. Границы южной Руси до нашествія Татаръ.
IX. Смѣсь. I. Грамота Царя Алексѣя Михайловича, Аѳонскому Иверскому монастырю. II. Красногорскій монастырь. III. О рыболовствѣ по берегамъ Чернаго моря, въ Одесскомъ карантинномъ округѣ. IV. О рыболовствѣ на Дунаѣ и по берегамъ Чернаго моря до Днѣстровскаго Лимана. V. Венгерская Легенда о Царѣ Аквилѣ. VI. Остяцкій праздникъ Яляня. VII. Татарскія поземельныя мѣры и вѣсы въ Крыму. VIII. Малороссійскія повѣрья. IX. Харьковская Троицкая ярмарка. X. Сибирскія народныя примѣты и повѣрья. XI. Малороссійскія размывки, или повѣрья при рожденіи младенца.

СМѢСЬ.

I. ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. АѲОНСКОМУ ИВЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ. Божіею милостію, мы Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ.

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новогородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Черемисскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ Государь, и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣверныя страны пове-

литель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и инымъ многимъ Государствамъ и землямъ Восточнымъ, и Западнымъ, и Сѣвернымъ отчичь и дѣдичь, и Наслѣдникъ и Государь, и Обладатель: пожаловали есмя Аѳонскія горы Иверскаго монастыря Архимандрита Діонисія съ братіею, что билъ челомъ намъ Великому Государю, Нашему Царскому Величеству онъ, Архимандритъ Діонисій, въ прошломъ де во 162 году: по Нашему Царскаго Величества указу данъ имъ въ Иверскій монастырь въ подворье и для отправленія службы Божіи Греческаго языку Никольской монастырь, что за конимъ рядомъ. А нашей Великаго Государя жалованной грамоты имъ на тотъ Монастырь и по се время не дано. И намъ бы Великому Государю Нашему Царскому Величеству пожаловать его, Архимандрита, велѣть ему дать Нашу Великаго Государя жалованную грамоту почему имъ тѣмъ Никольскимъ монастыремъ владѣть, и по сколько человѣкъ братіи изъ ихъ Иверскаго монастыря въ Никольскій монастырь для церковной службы и монастырской потребы приезжать. И мы, Великій Государь Царь, и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ Наше Царское Величество, Иверскаго монастыря Архимандрита збратіею, или хто по немъ въ томъ монастырѣ иные Архимандриты будутъ, пожаловали, велѣли имъ тѣмъ Никольскимъ монастыремъ, что за конимъ рядомъ, для отправленія службы Божіи владѣть и вниемъ жить. А приезжать

имъ въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе въ четвертый годъ четыремъ человѣкомъ старцомъ да слушке, и какъ истого Иверскаго монастыря Архимандритъ или старцы съ сею Нашего Царскаго Величества грамотою въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе пріедутъ, и Нашего Царскаго Величества Украинскихъ городовъ бояромъ и воеводамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ того Иверскаго монастыря Архимандрита и старцовъ къ Намъ Великому Государю къ Москвѣ, такъ же и смосквы пропущать безъ задержанія, и подводы и кормъ и приставовъ давать противъ иныхъ такихъ какъ мочно поднятся, и пошлинъ и мыту, и перевозу, и мостовщины, и тамги съ нихъ не имати. А кто на нихъ и на ихъ слугахъ что возметъ или чемъ изобидитъ, и тѣмъ отъ Насъ Великаго Государя быти вопале, а взятое велимъ отдать въ двое Архимандриту и старцамъ того монастыря въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе, и изъ Нашего Россійскаго Царствія и иныхъ монастырей старцовъ и слугъ и лошадей и товаровъ чужихъ и заповѣдныхъ за свое и за своихъ людей не провозити, и тѣмъ имъ на себя Нашея Государскія опалы не наводити. Дана сія Наша Царскаго Величества жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ великѣмъ градѣ Москвѣ. лѣта отъ созданія міра 7,107 мѣсяца Маія 19 дня.»

Въ подлинной грамотѣ Государственная печать привѣшена на золотомъ шнурѣ. Писана киноварью и золотомъ. На копіи, вмѣсто засвидѣтельствованія, при-

ложена въ заголовкѣ перваго листа, съ лѣва, монастырская черная печать, вершка въ полтора въ поперечникѣ. Въ 1767 году состоялся Высочайшій указъ, подтверждающій эту грамоту. Вотъ копія, данная по приказанію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, Московскаго Николаевскаго Греческаго монастыря Архимандриту Іоанникію съ братіею, съ состоявшагося имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Указа, въ слѣдующей силѣ:

УКАЗЪ НАШЕМУ СѴНОДУ.

Поданнымъ Намъ, Сѵнодъ Нашъ докладомъ представляетъ: 1-е, чтобъ состоящему въ Москвѣ Николаевскому Греческому монастырю быть въ собственномъ Сѵнодальномъ вѣдомствѣ; 2-е, въ сходственность жалованной въ 7,177 году отъ Царя Алексѣя Михайловича Аѳонскія горы въ Иверскій монастырь грамоты, какъ нынѣ находящихся въ томъ Греческомъ монастырѣ изъ Греческой націи монашествующихъ оставить, такъ и впредь высылающимся на перемѣну ихъ быть на прежнемъ основаніи: то есть не опредѣлять къ нимъ изъ Великороссійскихъ монастырей монашествующихъ; и 3-е положенную по штату на тотъ монастырь денежную сумму изъ Коллегіи Экономіи въ оной монастырь отпускать въ надлежащее время всю сполна, не требуя отъ неполнаго монашествующихъ и протчихъ служителей числа остатковъ, и не чиня въ той штатной суммѣ по иностранству ихъ и незнанію Великороссійскихъ обрядовъ ни какихъ щетовъ. Мы оной Сѵнода Нашего

докладъ по прописаннымъ въ немъ резонамъ, симъ Всемилостивѣйше конфирмуемъ, повелѣвая о исполненіи по сему, куда надлежитъ, дать знать.

У подлиннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Екатерина.

Оберъ Секретарь Михайло Остолоповъ.

Секретарь Аполлосъ Наумовъ.

17 Іюля. 1766 г.
Петергофъ.

Съ подлиннымъ читалъ Регистраторъ Петръ Осиповъ.

II. КРАСНОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. На правомъ берегу быстрой и прозрачной Исёлы — пески и боръ, изрѣдка перемежающіеся роскошными лугами; надъ лѣвымъ берегомъ возвышаются крутыя горы, покрытыя частыми лѣсами.

На одной изъ этихъ горъ, изрытой дождевыми промоинами, Гадячь разсыпалъ чистыя и бѣлыя, съ темными соломенными кровлями, хаты своихъ гражданъ, и, въ тревожныя времена Гетьманщины, еще болѣе изрылъ эту гору своими рвами, и какъ наростами опоясалъ ее земляными валами, недавно стертыми во времена новой жизни новаго поколѣнія, для большаго удобства *перекупокъ*.

На одной изъ этихъ горъ, въ частыхъ и темныхъ лѣсахъ, верстахъ въ четырехъ отъ Гадяча, видна почернѣвшая отъ дождей и отъ старости обветшавшая церковь: это монастырь Красногорскій.

Но не ищи путешественникъ въ этомъ монастырѣ ни игумена, ни монаховъ; ты не найдешь ихъ.... найдешь только темныя и печальныя, осиротѣвшія иконы, томныя и печальныя стѣны.... Окрестъ тишина монастырская. Также далеко, какъ и въ прежнія времена, въ бору и по горамъ, и надъ прозрачными водами быстрой Псёлы слышится гулъ колокола; но къ вечернѣ и къ заутренѣ, вмѣсто монаховъ, собирается только изъ окольныхъ деревень и хуторовъ нѣсколько бѣдныхъ поселянъ. А церковь все еще слыветъ въ народѣ монастыремъ, и св. Николай, во имя котораго основана была обитель, считается покровителемъ ея молельщиковъ. Вотъ почему въ храмовый праздникъ церкви, въ день лѣтняго Николая (9 Мая), изъ ближнихъ и дальнихъ селъ стекаются въ него богомольцы, и вся окрестность въ это время усыпана народомъ всѣхъ возрастовъ и состояній.

Объ основаніи и существованіи этого Гадяцкаго Николаевскаго Красногорскаго, нѣкогда бывшаго монастыря, можно сказать вотъ что: извѣстно, что Всероссійскій Митрополитъ Исидоръ, послѣ Флорентинскаго Собора, склонился нѣсколько на сторону Католическаго исповѣдаванія, что онъ тщетно покушался распространить свои мнѣнія въ Россіи, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ нея. Въ это самое время образовался въ Польшѣ зародышъ Уніи, которая стоила столько крови Украйнѣ и Польшѣ, такихъ войнъ, обезсилившихъ ту и другую. Начались преслѣдованія, и нѣкоторые изъ православныхъ бѣжали въ отдаленныя отъ Польши мѣста и слѣдственно не столько подверженныя ея вліянію. Въ числѣ такихъ были,

по преданію лѣтописцевъ, и два монаха, избравшіе себѣ жительство въ Гадяцкихъ лѣсахъ, и тамъ, на правомъ берегу рѣки Псёлы, на горѣ Красной (отъ чего и названіе Красногорскаго) основали обитель, что случилось около 1482 году (см. Ист. Россійской Іерархіи). Отшельники болѣе и болѣе присоединялись, и современемъ число братіи значительно умножилось. Іеромонахъ Пименъ, съ благословенія Кіевскаго Митрополита Іоны (въ началѣ XVI вѣка), устроилъ церковь во имя св. Іоанна Предтечи; начальникъ монастыря Іеромонахъ Тортикъ, въ 1556 году, на иждивеніи Шляхетства и гражданъ Гадяцкихъ, построилъ большую деревянную церковь во имя св. Николая. Гетманъ Выговскій, осаждавшій Гадячь, раззорилъ было монастырь, но Гетманъ Самойловичъ, въ 1687 году, опять его возстановилъ, устроилъ и оградилъ землянымъ валомъ, котораго остатки и донынѣ замѣтны.

Въ 1692 году Гадяцкій Полковникъ Михайло Бироховичъ построилъ также во имя Николая новую церковь. При Гетманѣ Даніилѣ Апостолѣ, поверхъ вала, монастырь былъ обнесенъ еще палисадомъ.

Касательно монастырскаго устройства должно замѣтить, что настоятели его, съ 1482 по 1632, именовались просто начальниками; въ 1632 году, Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила учредилъ въ немъ настоятельство Игумена, которое продолжалось до самаго времени уничтоженія монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

По разсказамъ сторожиловъ, существованіе монастыря прекратилось не безъ пролитія крови. Когда

при сочиненіи штатовъ о духовныхъ имѣніяхъ, Гадяцкій монастырь положено было уничтожить, имущество его и казну отобрать, и дѣло дошло до исполненія этого; то окрестные жители собрались, кто съ чѣмъ могъ, и соединенными силами препятствовали мѣстному начальству исполнить законное предписаніе, пока не прислано было достаточное число солдатъ для вразумленія своевольныхъ защитниковъ своего мнимаго права.

Амвр. Метл.

III. О РЫБОЛОВСТВѢ ПО БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ, ВЪ ОДЕССКОМЪ КАРАНТИННОМЪ ОКРУГѢ. Рыбная ловля есть одна изъ отраслей промышленности приморскихъ жителей Херсонской губерніи; сверхъ того изъ другихъ мѣстъ приходятъ сюда для того же занятія многіе промышленники. Производится она *партіями* и преимущественно посредствомъ неводовъ и сѣтей. Ловятся здѣсь слѣдующія рыбы: камбала, скумбрія, бычки, осетры, иногда луфаря и паламида, — изрѣдка бѣлуга и весьма рѣдко карпы и севрюга; въ 1838 г. въ Кинбурнѣ ловились въ большомъ количествѣ сельди. Сбытъ производится преимущественно въ ближайшихъ городахъ, какъ свѣжею рыбою, такъ и соленою. Вотъ свѣдѣнія о рыболовствѣ въ Одесскомъ Карантинномъ округѣ, произведенномъ по берегамъ моря, подъ надзоромъ пограничной стражи, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.

	Отъ Овидіополя до Одессы.	Отъ Одессы до Очакова.	При Очаковѣ.	При Кимбурнѣ и побережамъ моря.	Итого.
1836 г.					
Число партій	29	10	9	47	95
Число въ нихъ рабочихъ	228	108	102	530	968
Прибыль	въ 8 пар. 940 р.	въ 3 пар. 1,220	6,540	43,300	52,000
Убытокъ	въ 21 п 7308	въ 7 пар. 1,333	—	—	8,641
1837 г.					
Число партій	23	13	9	44	89
Число въ нихъ рабочихъ	202	114	70	361	1,447
Прибыль	въ 9 п.—4,700	свѣдѣнія не отобрано *	4,760	11,199	20,659 отъ 21 же партіи свѣдѣнія нѣтъ.
Убытокъ	6 п.—2,290 От остальныхъ же 8 пар. свѣдѣнія не отобрано *		—	—	2,290
1838 г.					
Число партій	22	9	6	36	73
Число въ нихъ рабочихъ	152	91	45	339	627
Прибыль	3 п.—750	4 п. 413	1,550	1,291	4,004
Убытокъ	19 п.—5,500	5 п. 2,000	—	1,330	8,830

* Свѣдѣнія сіи не отобраны, по случаю бывшаго въ 1837 г. оцѣпленія Одессы, куда содержатели артелей, для спроса объ этомъ, вызываемы не были.

Изъ этого видно, что рыболовство отъ Овидіополя до Очакова было болѣе убыточно; при Очаковѣ же и Кинбурнѣ принесло значительныя выгоды. Причиною убытковъ преимущественно бываетъ недостатокъ опытности и умѣнья пользоваться временемъ, что въ этомъ промыслѣ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій.

Л. У—цъ.

Генв 1839.
Одесса.

IV. О РЫБОЛОВСТВѢ НА ДУНАѢ И ПО БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ ДО ДНѢСТРОВСКАГО ЛИМАНА. Между многими отраслями народнаго богатства въ Бессарабіи, рыбная ловля въ Дунаѣ и въ заливахъ, имъ образуемыхъ при впаденіи въ Черное море, также по берегамъ сего послѣдняго, составляетъ немаловажную вѣтвь промышленности и доставляетъ казнѣ доходъ, въ настоящее время хотя незначителнный, но обѣщающій впередъ большія выгоды.

Ловли эти находятся въ Измаильскомъ Градоначальствѣ, на образуемыхъ рукавами Дуная островахъ: *Лети*, *Четалъ*, *Георгіевскомъ*, и въ Аккерманскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ ловятся: осетры, севрюга, бѣлуга, стерляди, сомы, коробы, сельди, судаки и щуки, и многія другія, но только не въ большомъ количествѣ. Количество же всей вообще рыбы, ежегодно здѣсь ловимой, простирается, — съ добываемыми изъ нея икрою и клеемъ, до 65 т. пудовъ, на сумму, примѣрно, отъ 300,000 до 350,000

рублей, не включая въ этотъ счетъ рыбы, оставленной промышленниками для собственнаго употребленія. Сбытъ производится, кромѣ продажи въ самой Бессарабіи и сосѣднихъ мѣстахъ, въ Польшу, Австрію и Молдавію, откуда пріѣзжаютъ для закупокъ тамошніе промышленники. Ловъ производится неводами, вершами, т. е. сѣтями, дѣлаемыми изъ лозы и толстой пряжи, на подобіе мѣшка, и другими дозволенными снарядами, содержаніе которыхъ съ лодками стоитъ въ годъ да 40,000 руб. * — Промысломъ этимъ занимается до 2000 человѣкъ, большею частію изъ жителей прибрежныхъ мѣстъ.

Казна, отдавая здѣшнія ловли на откупъ, получаетъ теперь дохода 15,730 р. въ годъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что при каждомъ изъ слѣдующихъ откуповъ сумма эта будетъ возрастать болѣе и болѣе. Это основывается на томъ, что рыбныя ловли на островахъ: *Лепи*, *Четалъ* и *Георгіевскомъ*, поступили въ завѣдываніе Бессарабской Казенной Палаты только съ 1835 г.

А У — цъ.

Одесса 1839.

V. ВЕНГЕРСКАЯ ЛЕГЕНДА О ЦАРѢ АКВИЛѢ. **

Былъ Король Гунгарскій, именемъ Аквила. Былъ онъ богатъ и золотомъ и серебромъ и драгоцѣнны-

* Предусмотрительное Правительство наше запрещаетъ ловъ рыбы крюками при устьяхъ рѣкъ, дабы не пугать рыбы, которая періодически идетъ отъ моря къ верховью рѣкъ.

** Помѣщая этотъ переводъ въ Очеркахъ Россіи, издатель желаетъ познакомить нѣкоторыхъ читателей съ завоеваніями Аттилы, какъ о нихъ говоритъ легенда.

ми камнями, былъ богатъ и подданными, и стадами, и птицами и лѣсными звѣрями; могъ наслаждаться всѣми радостями міра; и возгордился, вознесся сердцемъ, такъ что вздумалъ всѣ царства земли, всѣхъ народовъ побѣдить и покорить своей власти. И далъ онъ приказъ, чтобы всѣ народы, ему подвластные, приготовлялись и вооружались къ сильной войнѣ, и, вооружась, собрались бы къ нему. Когда же собрались они и покрыли собой безмѣрныя поля, Аквила выбралъ изъ нихъ дружину самыхъ храбрыхъ и отважныхъ; а чтобы кто, по любви ли къ богатствамъ и родинѣ, или по горю жены и дѣтей, не отвлекъ его отъ замышленнаго дѣла, то онъ не открылся никому, и самъ, совѣтуясь только съ своей собственной отвагой и силой, повелъ свое войско противъ Литвы.

И покорилъ не медля Литву, и всю страну опустошилъ.

Покоривъ Литву, пошелъ въ Скутію, туда гдѣ покоится св. Брандамъ, и Скутію повергъ подъ стопы власти своей.

Оттуда вторгнулся въ Дакію, жестоко сразился съ Даками, бѣжавшихъ умертвилъ, остальныхъ покорилъ.

И собравши въ Дакіи корабли, Аквила пошелъ моремъ къ устью Рейна, и Рейномъ на веслахъ въ Тевтонію, и пришедши къ славному городу Колоніи, сталъ станомъ.

Тогда вышли противъ него одиннадцать тысячь дѣвъ. Тѣ дѣвы, посѣтивъ градъ святыхъ Апосто-

ловъ Петра и Павла, возвращались изъ Вероны. Стражи Аквилы ихъ увидали, устрашились, и поспѣшно извѣстили Царя; потому что съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ Аллеманію, еще не встрѣчали врага. И Царь и дружина, въ испугѣ, поспѣшно вышли противъ дѣвъ Христовыхъ, и стали ихъ поражать. Когда онѣ почти всѣ были убиты, самъ Царь подошелъ къ Христіанской дѣвѣ Урсулѣ, и, увидя что она дѣва, а не мужъ, такъ говорилъ ей:

— О, если бы твоя благородная дѣвственность прислала посла къ нашему царскому величію, еслибъ увѣдомила насъ о твоемъ счастливомъ приходѣ, никогда бы твоя дружина не погибла отъ ярости нашихъ воиновъ. Но поелику убійство совершено по невѣдѣнію, не печалься о подругахъ своихъ, утѣшься, соединись со мною бракомъ, и будешь царицею всѣхъ царствъ.

— Злой песъ, отвѣчала благословенная Урсула, жестокій и дерзкій! Я невѣста Царя Царей, и гнушаюсь тобою какъ дьяволомъ, нечестивый драконъ, пожирающій Христіанъ!

Обиженный предъ лицемъ всей дружины, Аквила вознегодовалъ, и приказалъ умертвить Урсулу и остальныхъ дѣвъ. Одна только, именемъ Кордула, сохранила жизнь между трупами. Въ полночь нисшелъ въ сіяньи Іисусъ Христосъ и вознесъ въ царство небесное душу святой Урсулы и души святыхъ дѣвъ. Святая Кордула видѣла это, и стала горько плакать, разлученная съ подругами. На разсвѣтѣ она встала изъ-за труповъ. Одинъ изъ поганыхъ увидалъ ее и мечемъ отсѣкъ голову.

Изъ Колоніи двинулъ Аквила свой станъ въ Австрію, сразился тамъ съ Царемъ Тевтонскимъ, и, поразивъ его, вошелъ въ *Апулію*. Тутъ онъ сразился съ Нормандами и Францигенами, и побѣдивши, покорилъ ихъ своей власти.

Потомъ, перешедъ горы, вошелъ въ Ломбардію, землю ровную, застроенную многими городами, украшенную стѣнами и очень высокими башнями; и землю опустошилъ, и стѣны разбилъ, и башни разрушилъ. За такое нечестіе онъ названъ бичемъ Божіимъ.

Желая обойдти весь свѣтъ и покоритъ себѣ Имперію Римскую, онъ двинулъ свое войско на Римъ и, вооруженный духомъ ярости, самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ.

На первомъ ночлегѣ, когда спалъ въ опочивальнѣ, къ нему явился въ сновидѣніи Ангелъ Святой.—Повелѣваетъ тебѣ Господь Богъ Іисусъ Христосъ не входить съ твоимъ звѣрствомъ въ святой городъ Римъ, гдѣ почиваютъ тѣла моихъ Апостоловъ; но возратись назадъ и накажи измѣнниковъ, которые, восклицая: да не будетъ надъ нами никогда царя, но сами собой управлять будемъ! умертвили Казимира, моего избраннаго царя Славянъ и Кроаціи, служившаго мнѣ во всю жизнь вѣрно всѣмъ сердцемъ и душой. Твоему потомству послѣ тебя позволю съ покорностью посѣтить Римъ и владѣть вѣчною короной. —

Сказавши эти слова, Ангелъ исчезъ.

И когда наступило утро, царь повелъ свое войско въ городъ, именемъ Венецію; оттуда пошелъ къ бе-

регу моря, и построилъ тамъ новый городъ, назвавши его Аквилеей, по имени Аквилы, царя Гунгаровъ, въ честь свою и память потомства.

Потомъ пошелъ съ войскомъ чрезъ Альпы Каринтійскія, и пришелъ къ границамъ Крваціи и Славоніи, между рѣками Савой и Дравой. Туда сошлись Князья Крваціи и Славоніи, и устроили войско, «и возсія солнце на щиты златые и мѣдяные, обсіяли горы отъ нихъ.» Сильный бой длился восемь дней, и предалъ Богъ князей въ руки царя Аквилы за царя ихъ Казимира, котораго они измѣнники убили: одни изъ Славовъ и Хрватовъ убиты, иные бѣжали, иные въ плѣнъ отведены.

Когда-же послѣ побѣды царь перешелъ рѣку, именемъ *Драву*, то увидѣлъ землю ровную и плодоносную. Уже прошло двадцать пять лѣтъ со времени его исхода изъ его отечества Восточной Унгаріи. Онъ чувствовалъ себя усталымъ отъ войнъ и побѣдъ, и сталъ думать, что долженъ дѣлать: воротиться ли въ отчизну, или поселиться въ этой завоеванной землѣ. Много дней провелъ онъ въ думахъ и скорби, и наконецъ ему пришла благая мысль, что если возметъ онъ для своихъ воиновъ женъ Славскихъ и Хрватскихъ, то можетъ владѣть землею въ мирѣ и покоѣ. И разсказалъ онъ свою мысль воинамъ, и всѣмъ она понравилась. Аквила обошелъ страну, и радовался ей, какъ нѣкогда народъ Израильскій землѣ Обѣтованной. Тогда послалъ онъ пословъ къ Князю Славовъ, и получилъ отъ него дочь племени ихъ, и женился на ней; его воины также нашли себѣ женъ въ этомъ племени.

Перешедши Дунай, онъ нашелъ страну ровную, степную, зеленѣющую буйными травами, изобильную пастухами, стадами, конями и дикими жеребцами; ибо тамъ обитали только пастухи и земледѣльцы. Самъ же царь Славоніи и Крваціи жилъ у моря въ городѣ Сиплеѳъ, гдѣ св. Павелъ пять лѣтъ былъ епископомъ, пока не обратилъ весь городъ къ вѣрѣ и не далъ епископа. Тогда-же онъ отошелъ въ Римъ.

Потомъ Аквила пошелъ далѣе за рѣку Хизу, и тамъ нашелъ страну ровную и обширную, которая ему понравилась. Тогда онъ созвалъ войско, въ честь и славу его назвалъ эту землю Унгаріей, роздалъ обширныя помѣстья князьямъ и баронамъ, и съ общаго согласія завѣщалъ, что если жена родитъ ему многихъ сыновей, первородный будетъ владѣть всѣми.

И потомъ родила ему жена сына, именемъ *Колуммана*. Онъ нашелъ себѣ жену въ Крваціи.

И состарѣвшись, Аквила, славный побѣдитель свѣта, созвалъ всѣхъ князей и вельможъ земли своей, и передалъ царство въ руки сыну *Колуммана*, и умеръ *.

VI. ОСТЯЦКІЙ ПРАЗДНИКЪ ЯЛЯНЯ. Въ пяти верстахъ отъ Обдорска, Остяки праздновали въ честь ихъ бога Яляня. Обрядъ начался въ осьмомъ часу вечера и продолжался до двухъ ночи. Сначала дѣти, сзывая къ богомолью, подбѣгали къ юртамъ и какъ испуганныя кричали дикими голосами. Понемногу

* Переведено изъ Хроники Богемской.

собирались Остяки въ особенную юрту, назначенную для богослуженія. Каждый, войдя, вертѣлся три раза передъ кумиромъ и потомъ садился на правой сторонѣ отъ входа на полу или нарахъ, разговаривалъ и занимался чѣмъ хотѣлъ. На лѣвой сторонѣ, за завѣсою сидѣли Остячки; онѣ также вертѣлись, при входѣ, предъ кумиромъ. Когда всѣ собрались, шаманъ загремѣлъ саблями и копьями, лежавшими предъ кумиромъ на шестахъ, нарочно устроенныхъ. Каждому далъ онъ саблю или копье; самъ взялъ по саблѣ въ обѣ руки и обернулся къ кумиру спиною. Женщины были закрыты занавѣскою. Взявши сабли и копья, Остяки выстроились вдоль юрты рядами, и всѣ вдругъ обернулись по три раза. Шаманъ зазвенѣлъ своими саблями и въ слѣдъ за нимъ всѣ закричали и начали качаться изъ стороны въ сторону. Крикъ то прерывался, то раздавался часто, и при каждомъ повтореніи *гай*, всѣ перекачивались на право и на лѣво, сперва осаживая сабли и копья къ низу, потомъ подымая ихъ къ верху. Чѣмъ болѣе они кричали и качались, тѣмъ сильнѣе становилось ихъ изступленіе и лица ихъ дѣлались все страшнѣй и страшнѣй, такъ что безъ ужаса я не могъ смотрѣть на нихъ.

Нагайкавшись, вдругъ всѣ замолчали, перестали качаться, обернулись, отдали сабли и копья шаману, который сложилъ ихъ на прежнее мѣсто, и сѣли на полу и нарахъ. Тогда поднялась занавѣсь, скрывавшая Остячекъ; заиграли на *домрѣ*, инструментѣ въ родѣ гуслей или цимбалъ, и началась пляска, то

дикая, то смѣшная, то слишкомъ неблагопристойная. Между тѣмъ входили шуты въ разныхъ смѣшныхъ нарядахъ и говорили, или представляли, что приходило на умъ. Послѣ того шаманъ снова роздалъ сабли и копья; получа ихъ, Остяки снова обернулись, загайкали, перевернулись еще, ударили три раза концами сабель и копій въ землю, отдали ихъ шаману и разошлись по своимъ юртамъ.

Шавровъ.

VII. ТАТАРСКІЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ МѢРЫ И ВѢСЫ ВЪ КРЫМУ.

Мѣры:

Занъ — участокъ земли 600 саж. въ длину и 12 въ ширину. Площадь его заключаетъ 3 десятины.

Билюкъ или Кайтымъ — третья часть *зана*, такъ что каждый *занъ* дѣлится на три *билюка* или *клина*. Той же мѣры *ярымъ* и *тохта*.

Бостанъ—участокъ 100 саж. въ длину и столько же въ ширину. Площадь его заключаетъ четыре десятины, четыреста саженъ. На участкахъ этого названія разводятъ *бакши* или собственно *баштаны*, т. е. огороды, на которыхъ сѣютъ болѣе арбузы и дыни.

Пай — участокъ неопредѣленной мѣры. У насъ слово это употребляется въ томъ же значеніи. *Паекъ*, вѣроятно происходитъ отъ этого же корня.

Арканъ — мѣра въ длину.

Кисекъ — заключаетъ $32\frac{2}{3}$ квадратныхъ сажени.

Вѣсы:

Бакла — четверть или 9 пудовъ, обыкновенно употребляется когда дѣло идетъ о хлѣбѣ. *Бакла* хлѣбнаго зерна засѣвается въ Крыму на $1\frac{1}{2}$ десятинахъ земли.

Демерлея — $\frac{1}{8}$ баклы или 45 фунтовъ.

VIII. МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОВѢРЬЯ. *Заговоръ противъ укушенія змѣи*: «Заклинаю васъ, гадюки *, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и всѣми небесными силами; заклинаю васъ три Царицы: *Куфію*, *Невію* и *Полію*, чтобъ не вредили младеньцу Петру **: волосомъ чернявому!»

Послѣ заклинанія читаютъ молитвы: *Пресвятая Троица*—пять разъ, *Отче нашъ*— семь разъ. Если змѣя очень ядовитая, то заговоръ повторяютъ три раза.

Заговоръ отъ глаза:

«Помогаешь бо вода явленая, очищаешь ты вода явленая и луга, и берега, и середину! Очищай ты вода явленая моего нарожденаго отъ прозора подумана, и погадана, и встрѣчена, и водянаго и вѣтрянаго,

* Гадюка — змѣя.

** Или старцу, или паробку, называя его по имени, прибавляя, смотря по цвѣту волосъ: билявому, рудому и пр.

и жиноцька, и мужицька, и парубоцька, и дивоцька. Подити вы уроки на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря!»

При этомъ заговорѣ даютъ пить святую, или заговоренную воду. Нѣкоторые только вспрыскиваютъ водою.

Средство отъ грызи:

Грызью называется въ Малороссіи ломъ въ рукахъ или ногахъ. Его вылечиваютъ такимъ образомъ: призываютъ мальчика или дѣвочку, но чтобъ они были *первенцы* или *послѣрожденныя* у отца и матери, у которыхъ уже не можетъ быть дѣтей. Даютъ такому ребенку слегка три раза кусать колѣно или локоть больной руки или ноги. Послѣ каждаго укуса ребенокъ долженъ плюнуть. Отъ этого, по видимому страннаго средства, по увѣренію людей просвѣщенныхъ, болѣзнь проходила въ самомъ скоромъ времени. Но противъ какого лома употребляется это средство или противъ всякаго, объ этомъ я не могъ дознаться навѣрное.

Точно также унимаютъ боль въ животѣ младенца, кусая слегка три раза пупочикъ и, послѣ *каждаго* укуса, сплевывая по *три раза*.

Оба эти средства пользуются въ Малороссіи повсемѣстнымъ употребленіемъ и довѣренностію.

В. Пассекъ.

IX. ХАРЬКОВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЯРМОРКА. Овцеводство въ Губерніяхъ Харьковской, Полтавской, Таврической, въ Новороссійскомъ краю и Бессарабіи составляетъ если не первую, то одну изъ самыхъ важ-

ныхъ отраслей хозяйства. Правда, что для разведенія тонкорунныхъ овецъ, въ каждой Губерніи есть свои неудобства: избытокъ солончаковъ, недостатокъ прѣсной воды, частыя засухи, эпидемическія болѣзни; но выгоды отъ этой отрасли хозяйства такъ значительны и опыты разведенія овецъ такъ удачны, что заводы быстро распространяются съ каждымъ годомъ. Доставляя зимнюю одежду, овцеводство даетъ обувь, значительные запасы продовольствія, шерсть для мужскаго и женскаго платья, и составляетъ важный предметъ заграничной торговли.

На югѣ Россіи назначены два главныя мѣста для торга шерстью: *Харьковъ* преимущественно для внутреннихъ губерній, и *Одесса* для заграничной торговли.

Вотъ *итоги* торговли шерстью и скотомъ на Харьковской Троицкой ярмаркѣ:

пуды и *штуки*.	*цѣна за пудъ.*	*выруч: сумма.*	
1834.			Каждый годъ вся привезенная шерсть продавалась почти безъ остатка: небольшая часть шла на другія ярмарки, немногіе помѣщики увозили обратно.
Шерсти.. 39,018	»	1,429,303	
Лошадей.. 4,365	»	91,665	
1835.			
Шерсти...60,038	»	2,319,612	
Лошадей.. не извѣстно	»	14,000	
1836.			
Шерсти 77,748	»	3,009,966	
Лошадей.. 600	»	56,680	
Рогатаго ск. 450	»	18,700	
1838.			
Шерсти...88,000	отъ 22 до 50 р.	3,000,000	
Лошадей.. 492	»	до 42,000	
Рогатаго ск. 212	»	до 6,200	
Овецъ.... 378	»	27,000	

Съ каждымъ годомъ торговля шерстью увеличивается, а торговля лошадьми упадаетъ. Овцеводство поддерживается выгодами разведенія тонкорунныхъ стадъ и вѣрностію сбыта; конскіе заводы значительно пали послѣ страшныхъ засухъ и неурожая въ 1833 году, и послѣ постановленія брать для конныхъ полковъ *степныхъ* лошадей. Значительное число лошадей, приведенныхъ на ярмонку въ 1834 году, объясняется, кажется, тѣми же обстоятельствами, и по всей вѣроятности, заводчики большею частію перейдутъ къ овцеводству. Но должно замѣтить, что врядъ ли удастся владѣльцамъ въ Губерніяхъ Харьковской, Воронежской, Курской и даже Полтавской выдержать соперничество съ Новороссійскимъ краемъ. Въ Харьковской Губерніи есть уѣзды, въ которыхъ десятина земли отдается въ наемъ подъ посѣвъ отъ 5 до 25 рублей, въ то время, какъ въ Новороссійскомъ краю десятина земли въ *продажѣ* стоитъ вообще отъ 7, до 25 рублей, даже при самомъ Днѣпрѣ продается десятина земли отъ 20 до 35 р. Притомъ же, здѣсь, особенно ближе къ морямъ, овцы, въ продолженіи года, ходятъ на подножномъ корму два лишнихъ мѣсяца, противу овецъ въ Харьковской, Воронежской и Полтавской Губерніяхъ.

Болѣе *полутора милліона* тонкорунныхъ овецъ находится въ Новороссійскомъ краю, Бессарабіи и въ Губерніи Таврической. Въ остальныхъ же Губерніяхъ, т: е: въ Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской считается не болѣе милліона.

Отпущено шерсти черезъ Одесскій портъ:

Въ 1836 г.	107,076 пуд. на	6,163,775 р.
Въ 1837 г.	99,630 пуд. на	5,359,870 р.
Въ 1838 г.	107,189 пуд. на	6,597,266 р.

Изъ этого видно, что въ 1838 году на Одесскій рынокъ было привезено шерсти почти 20,000 пудами болѣе, нежели въ Харьковъ. Въ послѣдній поступило, въ числѣ всего количества шерсти (88,000 пуд), изъ Новорос. края: слишкомъ 20,000 пудовъ; изъ уѣздовъ Харьковской Губерніи, преимущественно изъ Изюмскаго: болѣе 45,000; остальные, слишкомъ двадцать тысячь пудовъ, изъ Губерній: Полтавской, Воронежской и Курской.

В. Пассекъ.

X. СИБИРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ. Въ Тобольской Губерніи замѣчаютъ, что лѣто дѣлится на три части: жаркое и постоянное продолжается съ перваго Іюня по Іюль; дождливое съ Іюля по 15 Августа; свѣтлое и съ утренниками по 15 Сентября. Съ 8 Сентября начинается *бабье лѣто*. Первые жестокіе морозы бываютъ въ половинѣ Ноября и называются *Введенскими*, по имени праздника (21 Ноября), за ними слѣдуютъ *Екатерининскіе* (24 Нояб), *Рождественскіе*, *Крещенскіе*, *Афонасьевскіе* (18 Марта), и послѣдніе *Стрѣтенскіе*. По этому ходу годовыхъ временъ есть поговорки: *Покровъ не лѣто Срѣтеніе не зима*. Бываетъ иногда, что къ 1 Апрѣлю земля обнажается отъ снѣговъ, а въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца идутъ снѣга и бываютъ морозы. Это время называется *отзимками*. Если око-

ло солнца или мѣсяца бываютъ ложные солнцы и мѣсяцы, то говорится: *солнце*, или *мѣсяцъ*, въ *рукавицахъ*. Послѣ этого явленія ждутъ морозовъ или непогоды. Названія праздниковъ имѣютъ свои особенныя добавленія:

Евдокея плющиха, 1-го Марта. Замѣчаютъ, что если солнце грѣетъ такъ сильно, что подъ порогомъ избы растаетъ снѣгъ, и въ этой лужѣ можетъ купаться курица, то въ сей годъ не будетъ огурцовъ.

Василій капитель, 7 Марта. Въ это время обыкновенно капаетъ съ кровель.

Арина Урвиберега, 16 Апрѣля. Около этого времени показываются заберегі.

Георгій съ водой, (23 Апрѣля), *Никола съ травой* (9 Мая). Въ этотъ день обыкновенно выгоняютъ въ поле скотъ. Около Георгіева дня вскрывается Иртышь.

Еремея запрягальника, 1 Мая; выѣзжаютъ въ поле съ сохою.

Арина разсадница, 5 Мая; сѣютъ капусту для разсады.

Лукерья комарница, 13 Мая; если въ этотъ день покажутся комары, то ягоды родятся въ большомъ изобиліи.

Сидора, 20 Мая; если сѣверный вѣтеръ свѣваетъ съ повѣтей сѣно, то будетъ неурожай на сѣно.

Акулина задери хвосты, 13 Іюня; это странное названіе дано по виду, съ которымъ коровы, не находя покоя отъ оводовъ, бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто.

Аграфена купальница, 23 Іюня; въ этотъ день боятся купаться.

Ивана гулящаго, 24 Іюня; обыкновенный народный праздникъ.

Никола обыденный, 27 Іюня; въ самомъ Тобольскѣ приводятъ въ этотъ день *лошадей* къ церкви Рождества Богородицы, служатъ молебенъ о сохраненіи ихъ и кропятъ водою.

Авдотья сѣногнойка, 4 Августа; въ это время идутъ мѣлкіе дожди.

Димитріевъ день перевоза не ждетъ, — 26 Октября.

Димитрій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ

Замѣчаютъ, что если на рябинѣ листья завянутъ и останутся на зиму, то будутъ сильные морозы. Если молоко скиснется безъ особенной причины, то ждутъ грозы. Если молоко, во время доенія, сильно пѣнится, то навѣрное будетъ дождь.

XI. МАЛОРОССІЙСКІЯ РАЗМЫВКИ, ИЛИ ПОВѢРЬЯ ПРИ РОЖДЕНІИ МЛАДЕНЦА. При рожденіи младенца нареченная кума беретъ изъ печи уголь, идетъ съ нимъ на перекрестокъ и бросаетъ уголь черезъ себя, для предохраненія новорожденнаго отъ недобраго глаза. Потомъ беретъ отъ матери дитя, а кумъ хлѣбъ и вино (водку) въ гостинцы священнику, отъ котораго оба отправляются въ церковь. Послѣ крещенія несутъ младенца обратно въ домъ матери. Здѣсь у дверей встрѣча-

етъ ихъ бабка и рядомъ съ нею кто нибудь изъ мущинъ, чтобъ всѣхъ было *четверо*. Перецѣловавшись одинъ съ другимъ, кумъ и кума, отдавая дитя, приговариваютъ: «вы *дали намъ рожденнаго, а мы вамъ отдаемъ молитвеннаго и крещенаго*». Послѣ сего бабка кладетъ дитя на черной тулупъ, *чтобъ у него водился скотъ*. Съ тулупа передаютъ его матери, и садятся за столъ. Первые куски съ своей тарелки кума перекладываетъ на тарелку матери. Бабка, вмѣсто Русской каши, подноситъ взваръ изъ грушъ, и ей кладутъ на подносъ, или на тарелку деньги; а кто не можетъ ничего дать, тотъ кланяется и говоритъ: «*я завтра, бабушка, приду къ вамъ петрушку полоть*.» Послѣ бабушкинаго взвара, кума подноситъ водку за здоровье родильницы и всѣ, кто можетъ, кладутъ ей деньги. По окончаніи угощенія всѣ остатки со стола и деньги высыпаютъ въ колѣна матери.

На другой день рано утромъ приносятъ ведро воды, и никто не починаетъ, кромѣ бабки, которая наливаетъ ее въ кувшинъ, насыпаетъ туда овса, ржи и проса; на полъ ставитъ топоръ остріемъ вверхъ, на него кладетъ вѣнокъ изъ травъ, приступаетъ на него ногою и выдергиваетъ топоръ, которымъ послѣ того надсѣкаетъ вѣнокъ три раза въ трехъ мѣстахъ, и подаетъ родильницѣ сквозь него умываться. Спустивши воду съ локтя каждой руки въ горсть, родильница выпиваетъ ее. Этой же водою омываютъ ей крестообразно грудь для прибавленія молока или *покормки*, и даютъ отереться полотенцемъ. Послѣ того родильница подаетъ бабкѣ руки, чтобъ она ихъ

умыла — и одѣвшись, садится за столъ съ ребенкомъ на рукахъ, и вмѣстѣ съ отцемъ новорожденнаго; поподчивавъ бабку водкой, даютъ ей хлѣбъ - соль, и деньги, на которыя она покупаетъ водки и угощаетъ отъ себя. Это называется *размывки*. Здѣсь вѣрятъ, что приготовленною такимъ образомъ водой родильница и бабка очищаются отъ всего нечистаго; а вѣнокъ прячутъ какъ предохранительное средство *отъ урока*, и какъ помощь въ болѣзняхъ младенца и самой матери. Молитву берутъ обыкновенно по настоянію священника.

Кромѣ этихъ средствъ, для предохраненія ребенка отъ *глаза*, мать третъ себя рукою подъ мышкой и тою же рукою отираетъ лице младенца. Иногда, замѣтивши недобрый взглядъ на младенца, или услышавъ недоброе противъ него слово, мать, выпроводивъ гостя, садится на порогъ и смотритъ пристально на потолокъ, а потомъ на свои ногти. Во всемъ, даже въ этихъ повѣрьяхъ, видно нѣжное попеченіе матери о младенцѣ и сердечная забота о сбереженіи его.

Не буду говорить теперь о дѣйствіи недобраго глаза, что можетъ быть, не шутя, испытывали нѣкоторые изъ читателей; но со временемъ, передамъ многіе случаи, извѣстные въ разныхъ мѣстахъ Россіи, на югѣ и на сѣверѣ, случаи страданія младенца отъ *недобраго глаза*, отъ этого злаго духа зависти и недоброжелательства, который временемъ смущаетъ даже взрослаго, сильнаго человѣка. Я бы могъ указать на образованныя, извѣстныя семейства,

которыя убѣждались въ этой истиннѣ тяжелымъ опытомъ, и часто, истощивши всѣ средства, предлагаемыя наукою, были обрадованы неожиданнымъ исцѣленіемъ младенца чрезъ дѣйствіе вѣры простаго человѣка, облеченной въ бѣдную, грубую форму.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. ПОРТФЕЛЬ ЛОМОНОСОВА.

На стр. 47. Послѣднія строки 4-го параграфа напечатаны такъ какъ въ оригиналѣ; но въ нихъ нѣтъ смысла вѣроятно по опискѣ, и кажется должно читать: «за тѣмъ, что опасается отдать на разсмотрѣніе иноземецъ природнымъ, ученикъ учителямъ, начавшій многотрудившимся.»

2. КАРТИНЫ СТЕПЕЙ.

1. Геделштрома, отрывки о Сибири. Книга богатая фактами и наблюденіями.
2. Тамъ же.
3. Тамъ же.
4. Тамъ же.
5. Тамъ же.
6. Кромѣ значительныхъ рѣкъ, протекающихъ чрезъ южныя или новороссійскія степи, замѣчательны: *Самара*, *Сура*, два *Ингула*: большой и малый, *Конскія воды*, *Молочныя воды*, *Берда*, *Калміусъ*, *Міусъ*, *Волчьи воды*, *Сугоклея*, *Грамоклея*, *Синюха*, *Тилигулъ*, *Кадома*, *Быкъ*, *Торъ*, и др. Въ крымскихъ степяхъ: Салгиръ, Карасу, Зуя и др. Вообще мѣстъ безводныхъ не много, и то болѣе по близости къ морямъ, между лиманами большихъ рѣкъ.

7. Каменный уголь добывается по берегамъ Донца, и въ степяхъ около Азовскаго моря. Алебастръ находятъ въ изобиліи въ сѣверовосточной части Екатеринославской Губерніи. Хлѣба отпущено за границу изъ одного Одесскаго порта въ 1838 г. ржи 44,341 четв., пшеницы 991,061 четв., гороху 8873 чет., овса 7197 чет., ячменю 63,708 чет., кукурузы 53,419 чет., сѣмени льнянаго 141,481 чет., коноплянаго 3836 чет. — Итого болѣе 10,000,000 пудовъ, на сумму слишкомъ 25,000,000 рубл. — Шерсти въ томъ же году отпущено изъ Одесскаго порта слишкомъ 107,189 пудовъ, на сумму болѣе 6,597,000 р. О выгодахъ разведенія овецъ въ Новороссійскомъ краю сравнительно съ Малороссіей см. въ смѣси статью о Харьковской Троицкой ярмаркѣ.

8. Бердянскъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, близь устья р. Берды. Здѣсь прежде были рыболовныя заведенія, но выгоды торговаго мѣстоположенія навели на мысль открыть здѣсь портъ, чтобъ удобнѣе и ближе было сбывать окрестнымъ жителямъ свои запасы хлѣба. Въ три года существованія своего, Бердянскъ обстроился хорошими каменными зданіями.

Кизякъ употребляется въ безлѣсныхъ мѣстахъ вмѣсто дровъ, приготовляется изъ навоза и рѣжется на кирпичи.

3. ЗЛАТЫЯ ВРАТА.

1. Пѣснь ополченію Игоря Святославича, переводъ А. Вельтмана; 1833. Москва.
2. Robertson, L'histoire de Charl V. Introduction.
3. Софійскій Временникъ — 247—249.
4. Собраніе путешествій къ Татарамъ ст. 9.

4. ТАВРИДА.

Описывая Крымъ Авторъ желалъ передать впечатлѣнія, какія онъ испыталъ здѣсь подъ вліяніемъ природы, развалинъ прошедшаго и жизни настоящаго, соблюдая строгую истинну въ статистическихъ фактахъ и замѣчая отличительныя черты этой страны. Во второмъ отрывкѣ, помѣщены выписки изъ путешествія Муравьева по Тавридѣ, и Татарской рукописи подъ названіемъ: «Начало владычества Крымскихъ хановъ и проч. *Алія.* 1007 г. Геджиры.» За доставленіе рукописи Издатель обязанъ Г. Курляндцову, драгоману въ Яссахъ.

За переводъ надписей надъ памятниками Авторъ статьи приноситъ благодарность Чиновнику служащему при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Г-ну Борзенку.

5. ШВЕДСКАЯ МОГИЛА.

Эта статья служитъ только общимъ приготовительнымъ очеркомъ къ слѣдующимъ статьямъ, въ которыхъ Петръ Великій будетъ представленъ, *какъ полководецъ*, сравнительно съ первѣйшими полководцами его времени во всей Европѣ.

6. САРАЙ-ОРДА БАТЫЯ НА ВОЛГѢ.

1. Вообще это поклоненіе составляетъ секту Зароастра—отдѣльное поклоненіе *Агни*. Основой ему служитъ мнѣніе, что начало всего есть огонь, между тѣмъ какъ противное понятіе, извѣстное въ Сиріи подъ названіемъ. Менде-Яхія (Секта Іоаннитовъ, Pretre Jean Монголіи) полагаетъ началомъ всего воду. Отсюда символъ перваго солнце, символъ втораго луна.
2. Moal. муаль пѣснь. соотвѣтс: Готскому mael. Отсюда *Мулла*—духовный пѣвецъ, и *Моголъ*—племя или кости духовныхъ, подобно Браминамъ Индіи, Друидамъ Британіи, Халдеямъ Вавилона и пр. Буддизмъ составлялъ власть духовенства, направленіе монастическое, напротивъ Магометанизмъ — власть силы.
3. Въ Бакинской провинціи были древнѣйшія святыя мѣста Маговъ. Названія уѣздовъ *Магалъ*, безъ сомнѣнія есть еще слѣдъ монастырскихъ округовъ.
4. Карамз. Т. 3. Прим. 294.
5. По Китайскому и Монгольскому названію Угэдэ, Угэдай. — Зап. о Монг. Іакинѳа.
6. По Рубруквису. По Кит. Монг. лѣтоп. Хара-Хоринъ.
7. По Плано-Карпини Gogcham Cuyné — Кахань Кюинэ.
8. Китай. назв. Гунъ, Бэйлэ, Цинь-ванъ; Тайцзи знач: принцъ княжескаго дома.
9. Область Селенга.
10. Мы увѣрены, что близкое значеніе къ этому имѣли *золотыя врата*, существовавшіе въ Константинополѣ, въ Кіевѣ и во Владимирѣ.
11. Агни управляетъ полуднемъ.
12. Юрта и Орда значатъ *шатеръ* и имѣютъ одно значеніе.

13. Юрты по сіе время состоятъ изъ рѣшетчатыхъ складныхъ стѣнокъ, скрѣпленныхъ вмѣсто шпеньковъ сырымъ ремнемъ; съуживая можно повышать ихъ, расширяя понижать. Остовъ облекаютъ войлоками, и обтягиваютъ шерстяными тесьмами. Дымное отверстіе въ серединѣ намета накрываютъ особливымъ войлокомъ.

14. На рисункахъ Рубруквиса нѣкоторыя юрты изображены четвероугольными.

15 У нынѣш. волжскихъ калмыковъ Куря (Курень), ставка главнаго Хурума, слово близко къ Cour — дворъ, дворецъ; ставка владѣльцевъ Улуса называется также Орьге, тоже что Орда. Рубруквисъ называетъ ставку Батыя: Curia-Orda, а Плано-Карпини Syra-Orda — Сарай-Орда.

16. Скитъ — монастырь.

7. ГРАНИЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

1. Кіевск. Лѣтопись. См. И. Г. Р. Т. 2. примѣч. 73.
2. Пѣснь ополченію Игоря Святославича.
3. И. Г. Р. Томъ 2. примѣч. 68.
4. Тамъ же.
5. Тамъ же. Примѣч. 74. Занимавшись болѣе семи лѣтъ обозрѣніемъ и изслѣдованіемъ городищъ и кургановъ, издатель на мѣстѣ обозрѣлъ большую часть укрѣпленій по рѣкамъ Донцу, Удѣ, Можи и при вершинахъ Коломака. Краткій отчетъ изслѣдованій доставленъ въ Императорское общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кромѣ того имъ же составлены карты расположенія насыпей, и привезены для Музея Императорскаго Московскаго Университета три статуи или *каменныя бабы* изъ степей Украйны. Онѣ обращаютъ вниманіе своею величиной и цѣлостію, въ какой сохранились до нашего времени.

ОЧЕРКИ

РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА III.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1840.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книжки. Февраля 16 дня 1840 года.

Цензоръ, *М. Каченовскій.*

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя?

Жуковскій.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

«Une vue de la litterature, isolée de l'histoire des nations, créerait un prodigieux mensonge.»

Chateaubriand.

Въ обширномъ смыслѣ литтература или словесность [1] въ народномъ тѣлѣ есть *органъ слова*, выражающій его дѣятельность матерьяльную и нравственную изустно, или письменно.

Если для человѣка необходима память о прошедшемъ, законъ и правила для настоящаго, и мысль о будущемъ; то для народа столь же необходима литтература, ибо въ ней отражается вся жизнь народа: его дѣла, его понятія, его думы, желанія и надежды, радости и печали. Если человѣку необходимо *слово*, или способность передавать законъ Бога, условія общества, свои мысли, чувствованія и дѣла другому; то и народу необходима таже способность, чтобъ отъ поколѣнія къ поколѣнію передавать завѣтъ, опытъ и познанія. Слѣдовательно литтература въ отношеніи къ тѣлу народному, есть неоспоримо голосъ прошедшаго къ настоящему, и настоящаго къ будущему.

Начало литтературы относится можно сказать къ временамъ первой семьи людей. Въ патріархальномъ, или *семейномъ* обществѣ людей, чувства были природными писцами и живописцами, а память природной хартіей. Не человѣкъ училъ чувства свои начертывать въ памяти звуки словъ изображеніями предметомъ, и рисовать самые предметы, а Божество, создавшее человѣка и заключившее въ немъ узелъ тайны созданія. Но, обиліе труда утомило органъ памяти; этой дивной хартіи недоставало уже на всѣ начертанія, которыя должны были сохраняться для потомства, и — человѣкъ, въ необходимости, долженъ былъ замѣнить природу искуствомъ: тѣже начертанія, которыя изображались въ памяти, чувства его перенесли на бумагу. Эти начертанія однако же были бы понятны для каждаго; потому что первый языкъ, и первыя буквы были *предметные*; но человѣкъ желая таить свои мысли, долженъ былъ изобрѣсти буквы условныя, или гражданскія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли преимущество для скорописанія.

Такимъ образомъ, покуда не было изобрѣтено письмо, литтература, какъ потребность нравственнаго сообщенія, существовала въ памяти. Въ памяти отпечатывались законы, опытъ и мысли, и передавались живыми вѣстниками въ *словахъ*, *думахъ*, сказкахъ, пѣсняхъ и пословицахъ.

Разсматривая литтературу въ обширномъ смыслѣ, мы должны раздѣлить ее на всѣ тѣ періоды, которые она, какъ органъ народнаго слова выражаетъ, развиваясь и совершенствуясь съ возрастомъ его.

Развитіе литтературы народа предупредившаго прочихъ въ просвѣщеніи, могло имѣть только два періода:

Въ первомъ періодѣ она была *литтературою памяти*, или *изустною*, естественно развиваясь во всѣхъ родахъ, свойственныхъ жизни народа: или свободной пѣснію любви, или обрядной *славой* самой жизни и *силъ природы*.

Въ этомъ первоначальномъ своемъ бытѣ, литтература чуждалась прозы, и была неразлучна съ голосомъ: этого требовала память; ибо мѣрный стихъ легко отпечатывается въ памяти, имѣетъ отъ природы какую-то наружность, какъ плодъ одушевленнаго чувства, которое не просто говоритъ, но рисуетъ.

По изобрѣтеніи письма, литтература письменная должна была начать дѣятельность свою съ собранія священныхъ, или прославляющихъ божество пѣсенъ, и въ этомъ смыслѣ безъ сомнѣнія и приняла названіе *изящной* (Isiaca), или восхваляющей *мать природу* (2).

Совершенствуясь, она образовала священный языкъ, или *языкъ боговъ* — поэзію (пѣснопѣніе) — возвысившійся надъ *разговорнымъ* живымъ языкомъ, или прозой, которая составила со временемъ другую вѣтвь литтературы, какъ необходимое орудіе дѣятельности гражданской, обнимая собою всю прозу жизни; словомъ, языкъ чувствъ, принялъ названіе поэзіи; а языкъ ума — прозы.

Преданіе объ изобрѣтеніи письменъ у всѣхъ народовъ одинаково: повсюду письмо изобрѣтено *ми-*

ѳомъ гражданской жизни и торговыхъ сношеній. Въ Индіи *Ганезой*, божествомъ торговли, искуствъ и наукъ; въ Египтѣ *Тautомъ* (ѳоѳ), или *Гермесомъ*, который училъ людей всѣмъ полезнымъ знаніямъ и изобрѣлъ священныя письмена (Іероглифы) и гражданскія. Это тотъ же Эрмій, Гермесъ Грековъ и Меркурій Латинъ. Не возможно опредѣлить, гдѣ пало семя изобрѣтенія письменъ; но такъ какъ въ природѣ все развивается отъ единаго семени, то и изобрѣтеніе письма имѣло одинъ истокъ и было распространено тѣмъ народомъ, который предупредилъ прочихъ дѣятельностію торговой и гражданской жизни. Миѳическія имена его: у Китайцевъ *Ѳо*, сходное съ Египетскимъ Ѳоѳ (*а-ѳоѳ* — Египетское названіе *Эѳіоповъ*) (3); у Индѣйцевъ *Ганеза*, сходное съ съ Вавилонскимъ *Оанесъ* (4) (*Азаконъ*) или *Уанъ*; у Грековъ миѳическое имя уже изчезаетъ и ихъ законодатели *Атланты* и Финикіане (настоящее назв. Фана-х); но сѣвернымъ преданіямъ основатели гражданской жизни *Азы* (Aesir); въ библейскихъ преданіяхъ Іу-валъ изобрѣлъ пѣвницу и гусли; а Ѳовелъ кованіе мѣди и желѣза, и слѣдовательно искуства гражданскія.

Судя по ближайшимъ къ намъ образцамъ, поэзія всегда принадлежала патріархальному быту народовъ; а проза развитію гражданственности: такъ ученіе Друидовъ Галлійскихъ или Цельтійскихъ, заключалось въ пѣсняхъ. Древніе народы населявшіе Германію, по словамъ Тацита» Celebrant carminibus antiquis (quod unum apud illos memoriae et annalium genus est) Tuisconem deum, ... т: е:

«воспѣваютъ бога Тунскона древними стихами, которые у нихъ составляютъ единыя меморіалы и лѣтописи.»

Основываясь на этомъ, на древнюю литтературу Индѣйцевъ можно смотрѣть, какъ на единственный образецъ самобытнаго развитія и перехода изъ изустной въ письменную. *Пураны* (древнѣйшія писанія), заключающія въ себѣ полный курсъ ученія и познаній, писаны мѣрными стихами, равно какъ и *Веды* — книги богословія, *Магабарата* и *Рамайяна*— историческія преданія.

Вообще изустныя преданія были основой, храненіемъ и распространеніемъ древней Индѣйской литтературы. Въ сборникахъ священныхъ гимновъ и обрядныхъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ *Ведъ*, названіе *срута*, т: е: *слышанное*, ясно подтверждаетъ это. Въ томъ же смыслѣ и названіе древнихъ законныхъ уставовъ *смрити*, т: е: *памятованіе*.

Всѣ древнія творенія Индѣйцевъ *передавались* изустно: (5) сочинитель заставлялъ учениковъ своихъ учить наизусть свои творенія; ученики становились въ свою очередь учителями и передавали новому поколѣнію; такимъ образомъ твореніе переходило изъ устъ въ уста, въ духовномъ потомствѣ браминовъ или ученыхъ.

Къ первобытной гражданской, прозаической литтературѣ, кажется должно отнести книги Таута, или Гермеса Трисмегиста, въ которыхъ, по преданію, заключались первые законы Египтянъ, обряды жертвенные, гармонія, астрологія, медицина, ис-

кусство военное и музыка. Оригиналы не сохранились; но по крайней мѣрѣ, они были кладеземъ изчерпаннымъ Греками, во время ихъ владычества надъ Египтомъ.

Грековъ и должно принять первымъ народомъ, принявшимъ свое ученіе отъ другаго.

Ходъ литтературы у народа принявшаго ученіе отъ другаго, можетъ быть вдвое скорѣе; но за то удвояются и періоды ея развитія.

Послѣ періода изустной литтературы, свойственной даже дикарю, съ воспріятіемъ просвѣщенія отъ другаго народа наступаетъ *второй періодъ*, который можно назвать *учебнымъ*, или хрестоматическимъ. Въ это время народъ, волею и неволею твердитъ первыя правила гражданской жизни, живетъ чужимъ умомъ, чужими чувствами, и чуждыми условіями. Передъ нимъ три пути: *забыть свое хорошее и худое, и принять чужое добро* и *худо; оставить свое худое, и къ своему доброму присоединить чужое хорошее; или забыть свое доброе, и къ своему недоброму перенять все чужое зло.* Въ этомъ періодѣ народъ заучиваетъ наизусть чужую исторію и литтературу, какъ данные ему образцы.

Третій періодъ, составляетъ литтературу *изящную классическую*, или подражательную образцамъ литтературы народа учителя, или народа совершившаго со славой кругъ жизни своей и литтературы.

Въ слѣдъ за этимъ наступаетъ *періодъ классической ученой литтературы.* Водворяется философія и науки, но безъ примѣненія къ потребностямъ народа; ибо это уже составляетъ преимущественно

собственную заботу каждаго *стремиться къ самобытности*, когда кончится наука и народный разумъ выйдетъ изъ опеки и періодовъ слѣпаго подражанія.

Періоды самобытности: пятый и *шестой*. Въ первомъ изъ нихъ народъ начинаетъ жить собственнымъ сердцемъ и чувствами, и отражать себя въ собственной *изящной литтературѣ*; во второмъ начинаетъ жить своимъ умомъ и высказывать свой умъ и опытъ въ собственной *ученой литтературѣ*. Но самобытность его преимущественно основывается на наслѣдіи отъ отцовъ: чѣмъ болѣе *добра* оставили они ему, тѣмъ скорѣе онъ будетъ господиномъ въ дому своемъ. Прошедшее есть гранитъ, на которомъ зиждется зданіе новое.

Всѣ сказанныя степени литтературы развившись вмѣстѣ съ возрастами народа, остаются въ немъ, и совершаютъ свой кругъ такъ сказать отъ посѣва до жатвы, отъ поколѣнія до поколѣнія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ литтературы развивается и языкъ народа, во всѣ тоны гармоніи звуковъ. Возмемъ въ примѣръ полный кругъ развитія Латинскаго языка. «Изъ Греческаго Дорическаго нарѣчія, Этрускихъ и Осскихъ *самическихъ гимновъ* и законовъ извѣстныхъ подъ именемъ 12 *скрижалей, которыхъ стихиры распѣвали дѣти* еще во времена Цицерона, образовался жесткій языкъ Дуиллія, Цецилія и Эннія, живой языкъ Плавта, сатирическій Луцилія, исполненный грецизма языкъ Теренція, философическій, задумчивый, медленный и спондеическій Лукреція, краснорѣчивый Цицерона и Тита

Ливія, ясный и правильный Цесаря, нарядный Горація, блестящей Овидія, поэтическій и точный Кутулла, гармоническій Тибулла, очаровательный Виргилія, чистый и мудрый Федра.» (6)

«Языкъ образованный, развернувшійся изъ языка народнаго, отличается въ основаніяхъ своихъ отъ языка народнаго, произтекшаго изъ языка образованнаго» замѣчаетъ очень справедливо Шатобріанъ. «Первый сохраняетъ въ себѣ всю самобытность; ибо онъ развивается самъ собою, и только развертываетъ свой зародышъ; второй же, какъ прививокъ къ языку образованному, теряетъ собственный свой сокъ и приноситъ плоды чуждые.

«Образецъ перваго Латинскій языкъ, развернувшійся изъ наречія народнаго; образцы втораго всѣ языки Европы, произшедшіе отъ Латинскаго образованнаго языка.

«Живой языкъ, порожденный живымъ языкомъ, сохраняетъ въ себѣ жизнь; живой же языкъ возникшій изъ мертваго языка, заключаетъ въ себѣ что-то мертвенное, и множество словъ отжившихъ: эти слова столько же неспособны выражать жизнь, сколько тишина неспособна выражать звука.»

Не возможно выразиться безпристрастнѣе на счетъ Французскаго, Англійскаго и прочихъ языковъ Латинскаго поколѣнія: это кустарники возникшіе на пнѣ огромнаго дерева. Въ Европѣ только двѣ семьи языковъ, которые могутъ гордиться своей породой: семья Готическая и Славянская. Они сохранили сердцевину и сокъ своихъ корней; а слѣдовательно и всю силу жизни и плодотворности. Въ

первой замѣтно болѣе происхожденіе Еврейское, во второй Индѣйское; въ первой замѣтна давность гражданственности, а во второй первобытный патріархализмъ и слова первоначальныхъ понятій, звуки, которымъ учила человѣка сама мать природа; ибо человѣкъ не сочинялъ первобытнаго языка, но, одаренный способностію произносить всѣ звуки природы, онъ перенималъ ихъ у нея, какъ младенецъ у матери, и изъ нихъ развилъ, по сравненію, языкъ, высказывающій жизнь.

Какой же языкъ ближе къ чистотѣ первобытной и къ способности выражать жизнь и природу, кратко, ясно и живо? — разумѣется, тотъ, котораго слова возрастали на живыхъ звукахъ самой природы, составляющихъ понятныя чувствамъ корни изустнаго развѣтвенія. У кого заняты подобныя слова кромѣ подражанія звукамъ самой природы: громъ, трескъ, трепетъ, свистъ, шумъ, стукъ, грохотъ, гулъ, шипеніе, сипѣніе, брань, буря?

Изъ названій видимаго міра образуются по сравненію названія внутренняго: отъ гаръ, горѣніе — го́ре (*печаль*), отъ гора — *гор*дость и пр. Отъ звука выражающаго въ самой природѣ остановку: *сстъ*, *ста* — племя словъ: станъ, стѣна, столъ, стопа, ставъ, и пр. Отъ слова *жаръ*, выражающаго шипеніе и трескъ огня — *шаръ* идея о кругѣ (солнца); *гаръ*, гора, городъ, ограда, горе́ (высота), груда, грудь.

Тьма (по Санскр., *тама*) — *тум*анъ, дымъ, домъ, и по сравненію внутренняго міра съ наружнымъ — *дума*.

Такимъ образомъ природные звуки, составляя основу языка, облекаются въ идеи, образуются въ глаголы и всѣ прочія части рѣчи, соединяются свободно съ другими словами для выраженія новыхъ понятій, на пр. громогласный, громоносный, и расположаются свободно, безпредѣльно, не нуждаясь въ займѣ словъ отъ чуждаго языка.

Всѣ основы Славянскаго языка есть природные звуки.

Разсмотрите же языки произшедшія отъ мертваго Латинскаго. Какъ развиваются и растутъ они?— принятіемъ чужихъ словъ въ условную общину своего языка: Французъ, изобрѣтая средство писать на камнѣ, по неволѣ долженъ назвать свое открытіе Греческимъ словомъ *лито-графія*, т: е: *камнеписаніе*; потому что слова pierre и écrire — произшедшіе отъ Латинскихъ petra (πέτρα) и scribere,— мертвы, не совокупляются другъ съ другомъ, не двигаются съ мѣста безъ помощи рычаговъ — членовъ, которые, какъ кажется, есть вѣрнѣйшій признакъ языковъ, составившихся изъ развалинъ другаго: народъ, принявъ чуждыя слова, и не зная формъ ихъ измѣненій, долженъ былъ по неволѣ замѣнить падежи членами.

Въ 9-мъ столѣтіи Славянскій языкъ былъ уже столько могучъ и полонъ разума, что въ состояніи былъ воспріять все величіе и духъ священнаго писанія, не заимствуясь ни чѣмъ, кромѣ именъ религіозныхъ, непереводимыхъ; и слѣдовательно, для этого необходимо было, чтобъ изустный языкъ Сла-

вянскій отразилъ уже въ себѣ всѣ фазы бытія и разума.

I.

ИЗУСТНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Прежде нежели законы, событія, хвала божеству и героямъ, были написаны, они пѣлись; по этой причинѣ, говоритъ Аристотель, въ Греческомъ языкѣ *пѣснь* и *законъ* составляютъ одно слово: νομος значитъ законъ, обычай и пѣснь.

Во всѣ времена было три первозаконныхъ обряда жизни, постановленныхъ самой природой: рожденіе, бракъ и смерть; посѣвъ, жатва и пиръ. Въ нихъ и прославлялись разумомъ благой духъ бытія и свойства его; а чувствами самая жизнь и свойства ея. Такъ какъ каждый человѣкъ рожденъ быть по душѣ представителемъ преимущественно одного изъ свойствъ божественныхъ, или добродѣтелей: смиренія, милосердія, величія, мужества. и пр.; а равно одного изъ свойствъ жизни, или способностей организма; почему у древнихъ каждый, посвящаясь на служеніе одному изъ свойствъ, носилъ и его имя. Отсюда главнѣйшимъ обрядомъ древнихъ было *воспѣваніе имени* (7).

Прославленіе имени свойства божественнаго или генія, составляло въ тоже время и славу геніальнаго человѣка, заключившаго въ себѣ полноту генія. Эта хвала составляла его апоѳеозъ и высочайшую награду, которую только могло воздать человѣчество

человѣку. Вообще въ глубокой древности этотъ апоѳеозъ совершался уже при гробѣ. Это былъ пиръ во славу, и всѣ присудствующіе на трапезѣ воспѣвали божество и генія хоромъ, каждый съ миртой въ рукахъ. Въ послѣдствіи стали пѣть по очереди; а наконецъ пѣли только избранные пѣвцы.

Эти круговыя пѣсни у Грековъ назывались *τὸ σκολιὸν*, безъ сомнѣнія отъ Санскр: *сакала*, skalle, *чаша* (заздравная), *звукъ* (отъ ударенія въ чашу), Scalo (по Гот.), *ψαλλο*, zalal (по Евр.); [8] откуда и еврейское слово *школа* (домъ ученія, воспѣванія, молитвы).

Всѣ эти обряды *прославленія*, составлявшіе *изящную* литтературу древнихъ, переселились съ народами и въ Европу; но въ глуши новосельяя, цвѣтущая жизнь одичала, пересаженное плодоносное дерево стало безплоднымъ, и ждало покуда новое просвѣщеніе замѣнитъ природную теплоту искуственной.

Однакоже въ Европѣ нравы и обычаи древняго патріархальнаго востока болѣе нежели гдѣ либо сохранялись въ горахъ. Въ Шотландіи и Ирландіи уцѣлѣли они отъ рушительнаго вліянія Римлянъ. Уцѣлѣли въ горахъ при-Дунайскихъ, и въ лѣсныхъ трущобахъ Руси, куда поздо достигли перевороты Европейскихъ судебъ. Славянскія племена болѣе прочихъ сберегли въ себѣ семя патріархализма.

Древнѣйшею изустною литтературою Европы, должно безъ сомнѣнія почесть *диваны* (Duan), или

думы [9] Цельтовъ (Cael) или Галлійцевъ [10], сохранившіяся до нынѣ въ памяти народа, населяющаго Шотландію и Ирландію, собранныя и переведенныя Макферсономъ. Это думы патріархально-религіознаго племени, составившагося изъ первонаселенцевъ Бретаніи: Камбровъ, Лѣгровъ (Лигуровъ?), Бритоновъ и пришельцевъ Каледонянъ, безъ сомнѣнія Халдеевъ, которые вынесли съ собою и Вавилонское поклоненіе. Владѣтельное же поколѣніе, или воинственное, между ними въ послѣдствіи составляли Ирландцы — Ярлы (Eriles — Heriles). [11]

Римляне тщетно хотѣли ихъ покорить, и принуждены были оградить себя отъ набѣговъ ихъ валомъ Адріана (Hadriani murus), отдѣлявшимъ Каледонію отъ остальной части острова. [12]

Думы Цельтовъ относятся преимущественно къ времени завоеваній Римлянами Британіи. Очистите эти думы отъ пышности и красокъ перевода на Англійскій языкъ, не способный выражать древней простоты, подобно Французскому, и вы невольно сознаетесь, что въ созданіяхъ бардовъ нѣтъ той премудрости, которая заставляла бы подозрѣвать плохаго сочинителя Макферсона, въ томъ что это его вымыслы.

Выскажемъ простыми словами напримѣръ начало поэмы подъ названіемъ Картонъ:

«Запою про старыя времена, вспомяну великіе подвиги падшихъ Витязей. Журчатъ потоки Лоры память былому. Шумятъ лѣса Гермаллатскіе пріятное слуху. Смотри Мальвина [13] берегъ поросъ мохомъ, съ темной вершины приклонились три ста-

рья сосны на зеленую долину. На горѣ цвѣтъ цвѣтетъ, клонитъ голову по вѣтру, степной ковыль стелетъ сѣдыя космы надъ двумя камнями, что вросли въ землю, поросли мохомъ; дикая коза прочь бѣжитъ отъ духа, что стережетъ мѣсто святое.

«Кто таковъ возвращается изъ чужихъ странъ *съ своей тысячью?* Стягъ Морвенской передъ нимъ развѣвается, густыя кудри съ вѣтромъ борются. На челѣ утихла гроза военная. Миренъ взглядъ его, какъ заря вечерняя на тихой долинѣ *Коны.* Кому быть кромѣ славнаго Царя Фингала, сына Комгалова? Радостно смотритъ онъ на родные берега, велитъ своей дружинѣ пѣсни пѣть, и грянула *тысяча голосовъ:*

«Бѣжали враги, бѣжали въ свои далекія степи!
Сидитъ *царь земной* (Рима) во своихъ во палатахъ,
Прослышалъ онъ, что тылъ дала храбрая его дружина,
Мечетъ грозные взоры, выхватилъ мечь отцовскій.
Бѣжали враги, бѣжали въ далекія степи.

«Такъ пѣла дружина; и пришли они въ палаты Сельмы, и зажгли тысячу свѣточей во славу побѣды Фингала надъ иноземцами, и былъ пиръ великій, и веселье во всю ночь.»

Въ подобномъ переводѣ, очищенномъ отъ высокопарности выраженій перевода Макферсона, слѣпецъ Оссіанъ будетъ не болѣе какъ слѣпецъ гуслистъ; а его поэмы явятся въ своей безхитростной народной простотѣ, ни чѣмъ не выше думъ Малороссійскихъ, только пусть переложутъ ихъ на новѣйшія языки тономъ Макферсона, и вы усумнитесь въ достовѣрности ихъ, и прочтете въ какой нибудь discours

préliminaire къ ихъ переводу: «Est il vraisemblable qu'un sauvage, un barbare, soit l'auteur des poemes, tels que les chant de Paliy, Chmelnitsky etc. où tout respire la generosité, la grandeur d'ame, le véritable heroisme, où le mérite de la composition répond à la beauté des sentimens? Est-il possible que sans le secours de l'écriture, ces poëmes se soient conservés jusqu'à nous, chez un peuple ignorant et privé de tous les art?...

Разыграйте простую, полную души народную пѣснь вмѣсто рожка на фортопьянахъ, и варьируйте ее всѣми украшеніями музыки, переведите переливы голоса въ переходы аккордовъ, и вся вѣра въ простоту темы изчезнетъ.

Всѣ поэмы Оссіана и прочихъ бардовъ Галлійскихъ составляютъ разсказы въ мѣрной прозѣ. Риѳму они употребляли только въ лиризмѣ, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прерывая разсказъ, они брались за гусли, или арфу, и сопровождали голосъ звуками.

Пѣвцы и музыканты Цельтовъ, называемые *бардами*, какъ народные ученые и поэты, составляли низшее сословіе *друидовъ* или духовныхъ, и воспѣвали боговъ, царей и героевъ. Это были живыя книги преданій, передавая другъ другу изустно событія народныя въ пѣсняхъ; словомъ они были тоже что поэты Индіи, принадлежащіе къ сословію *Брахмановъ*.

По Санскритски *бъарата* значитъ: божество слова, преданій, и также: актеръ, мимикъ; *бъарата* сверхъ того есть общее названіе актеровъ, плясуновъ, мимиковъ; значитъ также *горца*, и есть прозваніе

младшаго брата Рамы и одного славнаго сочинителя драмматическихъ произведеній. (14)

Въ древнемъ Норманскомъ языкѣ *Bara* значитъ *прославленіе*, beraetta — разсказъ.

По древнимъ преданіямъ Британіи, первонаселенцы острова «пришли *изъ страны жаркой, называемой Дефробани*, пришли чрезъ море Гази на островъ Бретанію и въ Арморику, гдѣ и основались.»

Дефробана есть *Тапробанъ*, древнее названіе острова Цейлана, куда проникъ *Рама*—десница Религіи.

Основываясь на этомъ можно полагать, что древней религіей переселенцевъ былъ законъ Рамы, и Цельтическое названіе *бардъ* есть тоже что и Индѣйское *бъарата*; тѣмъ болѣе что изъ числа ихъ были и комедіанты (bouffons satirique) — jouglar—фигляры.

Барды Галлійскіе учились искуству своему 16 и 20 лѣтъ. Кампіанъ, историкъ Ирландіи, видѣлъ, въ 16 вѣкѣ, бардовъ въ ихъ школахъ, человѣкъ по десяти въ одномъ покоѣ, лежавшихъ на соломѣ надъ книгами.

Brompton говоритъ, (15) что наука бардовъ, въ Ирландіи, преподавалась тайно, и повѣрялась только памяти; и было три разряда пѣвцовъ: панегиристы знатныхъ, пѣвцы на праздникахъ народныхъ, и упомянутыя нами музыканты и фигляры.

Барды, сопровождавшіе начальниковъ Клановъ (колѣнъ) (16) на войну, составляли вмѣстѣ и охранную ихъ стражу, и столько уважались, что присутствовали на пирахъ царскихъ, имѣли земли и слугу, который носилъ за ними инструментъ.

Въ значеніи тѣлохранителей, ихъ названіе у Норманновъ образовалось въ *ward*, сходнымъ и съ Санскритскимъ *варни* — garde — стража.

Странно, что Славяне, бывшіе при дворѣ Греческихъ Императоровъ, были также въ одно и тоже время тѣлохранителями и музыкантами:

«Въ день народныхъ игръ, во времена Константина Багрянороднаго, чиностроитель долженъ былъ каждаго наряжать къ своему дѣлу, и приказать *Славянамъ*, которые употреблены были при инструментальной музыкѣ, чтобъ оставили *входы* (т: е: сторожу при входахъ), и шли на театръ. [17]»

Патріархальное племя Камбровъ (первыхъ населителей острова, сперва прозваннаго *Медовымъ*, а потомъ получившаго названіе Бретаніи по имени родоначальника ихъ Придана (Prydain) сына Эдда (Aedd), было прозвано *мирнымъ*; ибо оно не хотѣло занимать земли битвой и побѣдой, но справедливостію и миромъ.

Этотъ характеръ племени, изъ котораго образовались барды Цельтическіе, такъ соотвѣтствуетъ Славянамъ, пришедшимъ отъ края западнаго Океана въ Грецію въ царствованіе Маврикія (въ 691 году), что невольно чувствуешь родство между *бардами* и *бандуристами* Славянами. Гусли замѣняютъ намъ оружіе — говорили они; — ибо мы незнаемъ войны, и музыку почитаемъ лучшимъ упражненіемъ.

Выходъ *Камбровъ* изъ Тапробана [18] сближаетъ ихъ имя съ Гумрами или Гомеритами, жившими на берегахъ Ерпорейскаго моря; названіе Cael съ Кольхами [19], по имени которыхъ и заливъ между Цей-

ланомъ и мысомъ полуострова Индѣйскаго, назывался Кольхійскимъ, и можетъ быть выходъ этихъ народовъ соотвѣтствуетъ времени страшнаго гоненія Буддистовъ въ Индіи.

Датчане, вступивъ въ Британію, привели съ собою *Скальдовъ*, которые составляли также сословіе пѣвцовъ, подобное бардамъ, получившее свое названіе отъ *Skal*—звукъ. Скальды (Skaldrar) назывались также *Гальдами* (galdrar), отъ *gala* — пѣть (гулять, гулить) и göl—гулъ, голосъ [20]; galldr, galdor—incantatio — чарованіе посредствомъ пѣсней, (заговоръ, наговоръ), какъ на примѣръ чары Одина:

Знаю я пѣснь отъ стрѣлы отъ меча.... и. т. д.

«Скальды, поэты сѣвера — пишетъ Далинъ въ Исторіи Швеціи, — были столько уважаемы, что ни одинъ король, или вельможа, не могъ обойтись безъ Скальда, который былъ обыкновенно въ числѣ знатнѣйшихъ чиновниковъ двора, и всегда находился при особѣ государя. Его пѣснопѣнія служили къ ободренію, а совѣты и отважность помощью. При каждомъ важномъ происшествіи онъ сочинялъ *Скальде-Квидъ* — оду, пѣснопѣніе, или *Сага-ліодъ*—поэму, которыя удобнѣе прозы впечатлѣвались въ памяти. Римляне упоминаютъ, что древнія пѣсни Германцевъ замѣняли имъ лѣтописи. Короли такъ заботились о преданіи подвиговъ своихъ вѣчной памяти, что во время сраженія Скальды должны были стоять въ оградѣ изъ щитовъ храбрѣйшихъ воиновъ, посреди пыла битвы, чтобъ быть близкими свидѣтелями подвиговъ. . . .

«По божеству краснорѣчія *Браге*, у древнихъ Готовъ, Скальды назывались также *Брагерами*, названіе сходствующее съ *Бардами* древнихъ Галловъ и Британцевъ. [21] »

«Германцы воспѣваютъ [22] — пишетъ Тацитъ, — древними пѣснями (которыя составляютъ у нихъ единственный родъ памятниковъ и лѣтописей) бога Тунскона, творца міра, и сына его Манна, какъ родоначальниковъ и основателей своего племени.»

Послѣ Цельтическихъ памятниковъ изустной литтературы, занимаетъ мѣсто Скандинавская. Время процвѣтанія ея въ Европѣ не льзя опредѣлить; но сборникъ 12-го столѣтія, подъ названіемъ *Едда*, представляетъ глубокую древность.

Овидій въ заключеніи своемъ на границахъ Скиѳіи зналъ поэтовъ Готическихъ и Сарматскихъ, учился этимъ языкамъ и даже сочинялъ на нихъ:

«Nam dedici Getice Sarmaticeque loqui,
Nec te mirari, si sint vitiosa, decebit
Carmina que faciam penè poeta Getes.
de Ponto. lib. III. 2.
Threicio Scythicoque ferè circumsonor ore,
Et videor Geticis scribere posse modis. . . .
Trist. III ult.

Сравнивая начало *Метаморфозъ* Овидія съ первыми строфами Волюспа, ясно видно близкое сходство; даже вся идея Метаморфозъ основана на Gilfa-ginning — превращенія Гильфа т. е. Одена.

Помѣщаю здѣсь первыя строфы Волуспа, или премудростей Воли (Вила, Бела, Ваала).

Пѣсни молю я
О всѣхъ событьяхъ
Въ великой природѣ:
Подай, творецъ міра
Высказать повѣсть
Отъ древнихъ временъ
До временъ настоящихъ!

—

Доколѣ стихіи
Истокъ возъимѣли,
Все во Вселенной
Было безъ лика;
Не было тверди,
Не было моря,
Единое цѣлое
Во всемъ пространствѣ:
Вездѣ пучина,
Въ пучинѣ омракъ.

—

Ни жара солнца,
Ни хлада ночи;
И не висѣла
Земля подъ небомъ:
Вездѣ смѣшенье,
Нигдѣ зерна.

—

Но дѣти Бора
Воздвигли сферу
И отдѣлили
Отъ неба землю.
Свѣтъ озарился
Въ *солнце-стояньи*:
И въ нѣдрахъ тверди
Возникло семя.

—

На югѣ солнце,
И въ ликѣ полномъ
Луна стояла
У вратъ небесныхъ.
Не знало солнце
Гдѣ его западъ.
Не знали звѣзды
Мѣстъ постоянныхъ,
Луна не знала
Своихъ ущербовъ.

—

Собрались Силы
Передъ престоломъ
Благаго Бога
На совѣщанье,
Чтобъ ночь и вечеръ,
Заря и полдень,
Востокъ и западъ,
Дѣлили время

—

Собрались Азы
Въ долинахъ Иды
Создали храмы,
Дворы воздвигли;
Уставивъ жертвы,
Устроивъ власти,
Жрецовъ избрали;
Всему учили,
Судъ основали —
Всему ограду. и. т. д.

Но священныя пѣсни (Dämo-saga), или священныя сказанія Скандинавскія, кажется составляютъ слѣды древнихъ Халдейскихъ *Залиль* (Zalal). священныхъ пѣсенъ Бабеля; это должны быть отрывки уцѣлѣв-

шія въ рунахъ и въ памяти переселенцевъ Готовъ.

Древнѣйшія историческія преданія Тевтоновъ, со временъ перехода этого племени изъ Задонья къ сѣверу, гдѣ было уже населеніе Кимвровъ или Камбровъ, племени Индѣйскаго, основаны на собранныхъ изустныхъ *сагахъ* Скальдовъ Тіодольфа, Гвинверске, Эйвинда и пр.

Этимъ и ограничивается древнѣйшая изустная литтература Европы, можетъ быть изсякшій слѣдъ древней письменной литтературы восточной, сохранившейся въ памяти переселенцевъ, полной одушевленія и силы. Восточная роза переродились на новосельѣ въ шиповникъ, лавръ замѣнился дубомъ, кипарисъ елью.

Къ изустной Германской литтературѣ можно отнести также abenteuere (aventures) *Нибелунговъ*, поэму въ стихахъ съ риѳмами, составленную въ 13-мъ столѣтіи изъ разновременныхъ народныхъ думъ; но это сочиненіе письменнаго уже Европейскаго міра, которому образцомъ служило направленіе *Романскихъ* поэтовъ.

Новая эпоха изустной литтературы проявляется не прежде времени Крестовыхъ походовъ, которые и были могущественной причиной возрожденія народной поэзіи. Здѣсь уже походные пѣвцы являются подъ именами Трубадуровъ, Труверовъ, Миннезенгеровъ, Минстрелей; и эта изустная, походная и распѣваемая литтература можетъ назваться преимущественно *Романской*, какъ внушенной Римомъ; но обычай путешествующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ извѣстныхъ

въ Греціи, на Эолійскомъ языкѣ, подъ названіемъ *омировъ* (слѣпцовъ), а въ Россіи *гудочниковъ*, *бандуристовъ* и *слѣпцовъ*, * (не смотря на то, что большая часть изъ нихъ зрячіе), очень древенъ. У древнихъ Галлійцевъ Арморійскихъ, по словамъ Юлія Цесаря, поэзія составляла народную науку, и съ малолѣтства преподавалась въ школахъ общественныхъ; но со времени Юлія Цесаря, Латинскій языкъ обратился въ привилигированный, и сталъ подавлять народные языки во всей западной Европѣ. Повсюду основались школы, и юношество училось подражать твореніямъ Виргилія, Тита Ливія, и пр. Народная поэзія и барды преданы были презрѣнію. Но подраженіе было безобразно. Поэзія Галловъ, перерожденныхъ въ Римлянъ, въ 8, 9 и 10-мъ столѣтіяхъ представляетъ искаженный Латинскій языкъ и невѣжество версификаціи. Могучее вліяніе Готическаго языка на Цельтическій, а потомъ Латинскаго на это смѣшеніе, образовало языкъ *Романскій*, или такъ называемый *Провансальскій;* а между тѣмъ могущество Рима сперва ослабѣло отъ раздѣленія на восточную и западную Имперію; а потомъ пало отъ меча Аттилы, *предводителя восточныхъ Готовъ* изъ рода *Бальдера*, и основателя *Восточной монархіи* (Austerreich). Но вмѣстѣ съ смертію Аттилы, его преобладаніе перешло въ руки западныхъ Готовъ изъ рода *Амальскаго*. Въ лицѣ Карла великаго об-

* Въ Малоросіи по сіе время ходячіе пѣвцы съ *лирами* (по другому нарѣчію *Рыле*) называются *слѣпцами*, хотя они по большой части зрячіе.

разовалась Имперія Германская, и замѣнила собою колоссъ западной Римской Имперіи.

Но Римъ еще былъ центромъ духовнаго владычества Папъ; втайнѣ они вели подкопы подъ всѣ Гражданскія власти. Однако же народность, или гражданственность, уже возросла, и была въ силахъ противустать монастическому направленію владыкъ Рима. Послѣднее усиліе совокупить распавшіяся части подъ знамя креста и отклонить общую вражду къ Риму, враждой къ обладателямъ Святыхъ мѣстъ, было не только тщетно, но еще болѣе раздробило цѣлость и усилило части. Въ это-то время поэзія, какъ двигатель духа, возбуждала Европу на возстаніе противъ Османовъ; но тутъ нужна была уже не поэзія привилигированнаго языка, а народныя пѣсни и припѣвъ: dieu el volt!—*то Божья воля*. Вотъ обстоятельство, которое мы полагаемъ причиною обращенія къ нарѣчіямъ народнымъ; но, и здѣсь наречію Романскому, какъ посреднику между Латинскимъ языкомъ и наречіями вассалами, которые жили на его хлѣбахъ, дана была привилегія. Рыцарство и поэзія вошли въ моду. Потребность времени была на героевъ и прославителей геройства: они и народились повсюду, скоплялись въ крестовую тучу и разсѣивались. Рыцари-Паладины путешествовали и искали славы верхомъ; а пѣвцы Труверы, Трубадуры, Юглары, Музары, Минстрели и Миннезенгеры — пѣшкомъ. Одни ревновали другъ друга къ славѣ на турнирахъ; а другіе на подмосткахъ. Страсть къ стихамъ обратилась въ *манію*; даже короли считали за честь украшать чело свое вѣнкомъ

Трубадуровъ, и это столь же было необходимо, какъ въ старину быть побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ и взять скаковой призъ.

Пространство между Альпами и Средиземнымъ моремъ, населено было первоначально Лигурами — Цельтами, въ послѣдствіи названо было *Римской провинціей*. Здѣсь и хранилось издавна народная способность къ поэзіи, родная Цельтамъ Шотландскимъ. Здѣсь они и возникли снова, но уже на языкѣ переобразованномъ вліяніемъ ученаго Латинскаго.

Во Франціи первое проявленіе Провансальскихъ поэтовъ было въ XI вѣкѣ, когда Констанція (Blanche), дочь Вильгельма Графа Провансальскаго, вышла замужъ за Роберта Короля Французскаго, въ 1001 году. Вмѣстѣ съ нею прибыли Трубадуры, научившіе въ послѣдствіи и Франковъ сочинять стихи. Но еще въ XII вѣкѣ языкъ Французовъ былъ однообразенъ съ Провансальскимъ:

Bele Idoine se siet desous la verde olive
En son père vegier à soi tence et estrive. . .

До Филиппа Августа (Conquerant, или Dieu-donné), поэты Франковъ употребляли Латинскій языкъ; вступивъ на престолъ, онъ изгналъ изъ своего королевства жидовъ и богохульниковъ комедіантовъ и фарсеровъ, разсадникомъ которыхъ также были жиды, (вѣроятно италіанскіе). Съ этого времени возникли на народномъ языкѣ *lais*, въ родѣ елегій, и *водевили* — vaudevilles — сатирическіе куплеты, которыхъ начало изтекаетъ изъ Италіанскихъ (про-

вансальскихъ) маскерадовъ, арлекинадъ (Har-leikin — чарованій Одина, или волшебныхъ игръ *Хара.*) *

Въ Англіи переворотъ литтературный также былъ послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ. Когда Великобританіей овладѣли Норманны подъ предводительствомъ Вильгельма завоевателя — все приняло новый видъ. Тамъ первоначальный Галлійскій языкъ бывъ заглушенъ нарѣчіемъ Тевтоническимъ; книжнымъ и ученымъ языкомъ былъ Латинскій. Норманны принесли съ собою превилигированный языкъ того времени Романскій. При Вильгельмѣ и его первыхъ преемникахъ, въ Англіи писали и пѣли на Латинскомъ и на народныхъ нарѣчіяхъ: Галлійскомъ и Англо - саксонскомъ. Трубадуры, Минстрели **, сказочники (contéors), побасенщики (fabléors); паяцы (gestéors), гудочники (harpéors), возникли и въ Англіи, и поэзія развилась также подъ названіями: *Лей* (lay, lais, leudi, liod отъ lay, laique — въ значеніи мирской, несвященной); *балладъ* (ballade — bal-liod — пѣснь героическая); *застольныхъ пѣсенъ* (rotruénges); *хвалебныхъ пѣсенъ* (sirventes); и хоровыхъ (chanson à carole). Здѣсь также начало *романовъ* (roman), т: е: романскихъ сочиненій любовныхъ и рыцарскихъ; *мадригаловъ* (madra-göl — хвалебная пѣснь божеству любви); *мартингаловъ* (хвалебная пѣснь божеству войны), драммъ (*tenson*), и комедій.

* Отсюда слово *харя* — маска, vaudeville отъ Bau — шутъ, шутка, и *devil* — дьявола.

** *Minstrel* — (ministerial — въ первомъ значеніи: совершающій службу священную, пѣвецъ храма) — Kirmis - fiedler отъ kirchmesse, сокращенно kirmse.

Подобно какъ теперь въ Бельгіи, простой народъ говоритъ по Фламандски, а дворянство и литтература употребляютъ Французскій языкъ, такъ и въ Англіи, съ XI-го столѣтія до Едуарда III, народнымъ языкомъ былъ Тевтоническій, а языкомъ дворянства, правленія и литтературы, языкъ Франковъ (Frenck); народная пословица говорила: «недостаетъ Якову Французскаго языка, чтобъ сыграть роль барина.» Народность однако же превозмогла. Едуардъ III, постановилъ актомъ парламента, чтобъ судопроизводство совершалось на Англійскомъ языкѣ; а между тѣмъ сей же актъ былъ писанъ по Французски. Но въ 15 столѣтіи, литтература обратилась по языку народному, и первый *билль* парламента былъ написанъ на Англійскомъ языкѣ при Ришардѣ III, въ 1483 году, вмѣсто употреблявшихся прежде Латинскаго и Французскаго.

«Англійскій языкъ въ Англіи былъ на волоскѣ — «говоритъ Шатобріанъ» — легко могло случиться, что три Королевства Великобританіи, говорили бы по Французски и Шекспиръ писалъ бы на языкѣ Рабеле.» Подобное заключеніе болѣе блистательно, нежели справедливо: собственно народный языкъ искореняется только съ народомъ.

Чауцеръ (Chaucer) первый воскресилъ народную поэзію, и былъ прозванъ Гомеромъ Англіи.

Въ первое время Трубадуровъ [23], вся упомянутая нами народная литтература была еще изустной. Письменнымъ языкомъ былъ Латинскій. Народная же письменность образовалась въ Европѣ съ 12-го столѣтія, и преимущественно развилась въ 13-мъ и

14-мъ вѣкѣ, языкъ Провансальскій становился общимъ. Онъ не только употреблялся въ Провансѣ, Дофинэ, и на всемъ пространствѣ древней земли Асковъ, между Альпами и Пиринеями; но процвѣталъ въ Италіи, Испаніи, Англіи и даже Германіи. На Провансальскомъ языкѣ сочиняли стихи: Робертъ Король Неаполитанскій, Альфонсъ Аррагонскій, Ричардъ Львиное сердце, Императоръ Фридрихъ I-й, Марія Стуартъ и пр. Ученый Бембо въ Италіи и славный Дриденъ (Dryden) въ Англіи, сознавались, что Провансальскій языкъ есть самый образованнѣйшій и превосходящій всѣ языки запада.

Словомъ, языкъ Провансальскій, или Романскій, простонародный языкъ Римскихъ провинцій, достигъ до высокой чести быть общимъ придворнымъ и поэтическимъ языкомъ, какъ нѣкогда Зендскій языкъ былъ придворнымъ (*хозварешъ*) въ древней Персіи. Греческій у Римлянъ, Арабскій у Турокъ, и Латинскій у западныхъ народовъ, до передачи правъ своихъ языку Романскому. Самое названіе его: langue d'oc — *языкъ Азовъ*, значитъ *языкъ господъ;* ибо Готты, по Іорнанду, называли владѣтелей своихъ *Азами*. — Въ этомъ распространеніи Романскаго языка должно искать и причину универсальности языка Французскаго.

Между тѣмъ въ великой Греціи, на почвѣ переселенцевъ изъ Лидіи, сложилось искуственно бытіе Рима, изъ разныхъ племенъ и народовъ; между тѣмъ, какъ идея искуственнаго отечества пала, и вдругъ замолкъ языкъ его, ни одному существу не родной, не природный, — языкъ Славянскій росъ вмѣстѣ съ

обширнымъ племенемъ, которое говорило на немъ отъ колыбели.

Славянское племя принадлежитъ неоспоримо къ коренному Индѣйскому племени, котораго жизнь представляетъ высокое развитіе поэзіи, и отдѣлилось отъ него во время религіозныхъ войнъ, возникшихъ, кажется, отъ распространенія Сивизма *, за долго до Р. Х. Филологія раскрываетъ близкое родство Славянъ съ Индѣйцами, какъ въ отношеніи древней религіи, такъ и въ отношеніи языка; но Исторія ограничилась свѣденіями Византійскихъ писателей, Іорнанда и Прокопія, и вообще свѣденіями о племени подъ именемъ Славянъ.

Въ ея глазахъ вообще Славяне до 9-го столѣтія, а Славяне-Руссы, до прибытія Князей Варяжскихъ, не болѣе, какъ грубые, прозябавшіе дикари, которые въ невѣжествѣ своемъ покланялись истуканамъ, и что удивительнѣе: рѣкамъ и озерамъ. Не только разсудокъ, но и чувства начинаютъ уже не вѣрить подобнымъ несообразностямъ; потому что и надъ мракомъ древней Исторіи поднимается заря.

Не переступая за первое извѣстіе Византійскихъ писателей о Славянахъ 6-го столѣтія, мы однако же узнали изъ Прокопія, что они въ это время управлялись древними законами, имѣли вѣру въ Бога, и приносили жертвы; по Нестору Поляне, Древляне, Сѣвера, Радимичи, Вятичи, Хорваты,

* Гражданства — Civitas. Секта *Сиваитовъ* составляетъ отпаденіе Сивы, или Шивы отъ *тримурти*. Въ Греціи Сива — Зевсъ, у Римлянъ *Шива-Питаръ* — Jevo, Jovis pater — сокращенно Jupiter — отецъ Сива.

Дулебы, Лутичи и Тиверцы, «*имѣли свои города, обычаи, законъ отцовъ своихъ и преданія.*»

Прокопій упоминаетъ также, что Славяне и Анты не подлежали въ его время единодержавной власти; но *издревле* имѣли общенародное правленіе, о пользѣ и вредѣ совѣщались на общихъ собраніяхъ.

Этотъ патріархальный бытъ Славянъ ничто лучше не объяснитъ, какъ легенда о Любушѣ. Славяне жили въ то время еще племенами, и имѣли правленіе *отчинное*:

«Всакъ отъ свеи челеди воеводъ;
Мужье пашу, жены рыбы строя.
И умре ли глава челедина,
Дѣти всѣ ту збожьемъ въедно владу,
Владыку се зъ рода выбернуце,
Къ плезне дле снемы славны ходи,
Ходи съ кметьми, лѣхи, владыками.
Встаху кмети, лѣси и владыкы.
Похвалиху правду по закону.
.....
Кда се снеху лѣси и владыкы
.....у Вышеградѣ,
Прокны ступи роженья для свего;
Ступи княжна въ бѣлествуци ризѣ
Ступи на *столъ отень* въ славнѣ снемѣ.
Двѣ въгласне дъвѣ выучене
Вѣстьбамъ.
У едней су дески правдодатне,
У вторѣй мечъ кривды карайче,
Противъ има пламень правдозвѣстенъ.
И одъ нима сватосудна вода.»
т: е:
Каждый своимъ сынамъ * воевода,
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду.
И умретъ ли глава сыновъ,

* Челедь—сыны, семья, племя. — одно слово съ *Child* — сынъ.

Всѣ дѣти за одно владѣютъ имѣньемъ,
Избравъ себѣ владыку изъ рода,
Который для ихъ пользы на славные сеймы ходитъ,
Ходитъ съ кметами (воинами) *, людьми, ** и Владыками (духовенствомъ).
Встали кмети, люди и владыки,
Возхвалили правду по закону (по обряду).
.....
Когда сошлись люди и владыки въ вышеградѣ (въ столицѣ)
И по рожденью каждый занялъ мѣсто,
Вступила княжна въ бѣлѣйшей ризѣ,
Вступила на *отчій престолъ* въ славномъ сеймѣ.

Двѣ благогласныя дѣвы, изученыя провѣщанью,
У одной *Правдодатныя доски* ***
У другой мечь карающій неправду.
Противъ нихъ пламень правдовѣстный,
Передъ ними вода святосудная и, т. д.

Начало легенды составляетъ безъ всякаго сомнѣнія статью древнѣйшаго изустнаго закона о наслѣдіи семейнаго владычества; ибо, какъ видно, на немъ основывались и народные законы Славянъ, которые жили племенами, и главу племени считали не иначе какъ отцомъ своимъ.

Самое слово *сеймъ*, *снемъ*, *соимъ*, происходитъ отъ слова *семья*, а *семья* отъ *сѣмя*, слова употребляемаго въ священномъ писаніи почти вездѣ въ значеніи *семьи*, *потомковъ*. Какими буквами были писаны законы на дскахъ правдодатныхъ рѣшить трудно; а тѣмъ болѣе подтверждать мнѣніе Прагскаго Профессора Юнгмана, что Славяне изъ отчизны своей Индіи вынесли и свое письмо; но что

* *Кметре* - кметъ-воинъ;

** *Leuśi* — лѣси-люди, народъ.

*** Законы древнихъ писались на доскахъ. Такъ на примѣръ *Decem tabularum Leges* — десять таблицъ законовъ Римскихъ.

оно истреблено Католическими священниками. Это требуетъ усиленныхъ доказательствъ, хотя очеркъ Санскритскихъ буквъ частію и сходенъ съ Славянскими, особенно въ начертаніяхъ скорописныхъ, что представится ниже.

Предоставляя времени прояснить отдаленную древность, мы однако же можемъ основываться на фактѣ, что Славянскіе трубадуры или путешествующіе музыканты, предупредили появленіе трубадуровъ Провансальскихъ, и имѣютъ какое-то родство съ Бардами Цельтовъ, жившихъ на оконечностяхъ западнаго Океана.

«Въ 591 году, — говоритъ Ѳеофилактъ, современный историкъ воинъ Императора Маврикія противъ Персовъ, Аваръ и Славянъ,—пришли трое походныхъ музыкантовъ, во Фракію, съ береговъ западнаго океана. Въ 9-е лѣто царствованія Маврикія, Авары готовились сдѣлать новый побѣгъ; почему Императоръ выступивъ изъ Константинополя собиралъ во Фракіи войско. Въ это время царскіе тѣлохранители привели трехъ человѣкъ, не имѣвшихъ при себѣ оружія, но только инструменты въ родѣ гуслей. Царь спросилъ ихъ, что они за люди, и откуда пришли въ Греческую землю? — Мы Славяне, отвѣчали они, и живемъ на самомъ краю западнаго океана; Аварскій Ханъ прислалъ Князьямъ нашимъ великіе дары, съ тѣмъ, чтобъ дали помощь противъ Грековъ. Хотя Князья и приняли дары; но помощи прислать не рѣшились, по причинѣ далекаго и труднаго пути; почему и отправили насъ съ извиненіями къ Хану. Въ дорогѣ пробыли мы 15 мѣсяцевъ.

Хаканъ противузаконно задержалъ насъ у себя и не отпускалъ, представляя разныя причины. Узнавъ о великомъ богатствѣ и человѣколюбіи Грековъ, мы нашли случай уйдти во Фракію. Гусли замѣняютъ намъ оружіе, котораго мы не носимъ, да и желѣза въ нашей землѣ нѣтъ; живемъ въ тишинѣ и мирѣ, играемъ на гусляхъ, и не умѣемъ играть на трубахъ; не вѣдая войны, мы почитаемъ музыку лучшимъ упражненіемъ.» — Императоръ, выслушалъ ихъ, и подивившись дородству и крѣпости тѣла, приказалъ угостить и потомъ отправилъ ихъ въ Ираклію.»

Переселенцы изъ странъ Индіи на берега западнаго океана и потомъ въ Бретанію, были, какъ уже мы упомянули, Камбры или Гумры. По народному преданію, извѣстному подъ названіемъ *тріадъ Бретаніи*, племена Камбровъ *не хотѣли занимать земли битвой и побѣдой, но справедливостію и миромъ*, и потому носили названіе *мирныхъ*.

Какъ это патріархальное направленіе Камбровъ, такъ и объявленное тремя Славянскими гуслистами Маврикію, можно примѣнить и къ настоящему народному свойству Славянскаго племени: оно могуче, мужественно; но его нельзя назвать въ сущности и въ его сельскомъ быту воинственнымъ, исключая южныхъ славянъ, которые по неволѣ привыкли къ вооруженію. Русскіе селяне по сіе время не знаютъ употребленія оружія, и почитаютъ пѣсни и пляску любимымъ занятіемъ въ праздное время. Въ ихъ смыслѣ война есть защита вѣры и царствъ. По лѣтописямъ, Славяне повсюду являются преимуще-

ственно войскомъ наемнымъ: Греки, Римляне и Готты пользовались всегда ихъ тѣлесною силою и мужествомъ. Составляя издавна разселившееся по Европѣ племя семьями, они подпадали частями подъ зависимость иноплеменцевъ, добывающихъ землю мечемъ, и должны были волею и неволею служить въ ихъ рядахъ. Вотъ кажется причина, по которой изъ названія Сербъ (Serbi, Servi) образовалось латинское слово *Servus;* изъ слова *людъ, люди* — lid, leute; и изъ Славовъ, Славянъ — slaf — mancipium e-sclave, sclavi — les esclavons. Но такъ какъ прозваніе *Славянъ*, это племя получило по принятіи христіанской религіи, какъ доказано мною въ статьѣ о значеніи окончаній *славъ* и *миръ* въ именахъ, и о значеніи самаго прозванія *Славяне;* то въ древнихъ латинскихъ писателяхъ (до Р. Х.) и известно было только слово *Servus*; * но *Sclavus* было еще не употребительно; и безъ сомнѣнія Паннонійскіе Славяне издавна уже носили названіе *Сербовъ*, которое въ лѣтописяхъ измѣнялось въ Сорабы, Сабиры, Споры, Северы, Савро-маты, Унны-Сабиры или Саберы и пр.

Не имѣя никакихъ слѣдовъ письменности Славянъ, до составленія грамоты славянской Константиномъ и Меѳодіемъ, мы однако же можемъ утвердительно сказать, что этотъ живой, изустный языкъ не былъ уже въ это время въ младенчествѣ.

«Въ Болгарѣхъ дунайскихъ,— пишетъ Несторъ,— Словеномъ живущимъ крещенымъ и Княземъ ихъ

* Σκλαβαυνειν, σκλαβον — въ рабство приведенный, покоренный, покорный. Joann: Meursi-Gloss. Graeco-barbarum.

Ростиславу, и Святополку и Коцелу, послаша къ Царю Михаилу, глаголюще: «земля наша крещена, и нѣсть учителя, иже бы наказалъ насъ, и поучилъ насъ, и протолковалъ святыя книги: не разумѣемъ ни греческу языку, ни латинску; óни бо ны инако учатъ, а óни инако: тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: да послете ны учителя, иже намъ можетъ сказати книжная словеса, и разумъ ихъ.»

Михаилъ послалъ въ Славянскую землю двухъ ученыхъ мужей изъ Г. Селуня, братьевъ Константина и Меѳодія, *разумѣвшихъ Славянскій языкъ*. Они составили *письмена азбуковная Словенски*, перевели на Славянскій языкъ *Апостолъ* и *Евангеліе*, потомъ *псалтырь* и *октоихъ* и прочія книги. Константинъ отправился учить въ Болгарію, а Меѳодій, утвержденный Епископомъ въ Моравіи «посади два попа борзописца зело» и *въ шесть мѣсяцевъ перевелъ весь новый* и *ветхій завѣтъ сполна*. По сказанію Іоанна Екзарха Болгарскаго, современника Меѳодія, всѣхъ книгъ уставныхъ переложенныхъ Меѳодіемъ на Славянскій языкъ было шестьдесятъ. Если слово есть выраженіе жизни, то надо Славянскому языку 9-го столѣтія быть очень *старымъ и бывалымъ*, чтобъ съ такимъ вліяніемъ, полнотою и вѣрностію передать сокровища святыни, въ которыхъ обнята вся жизнь человѣческая. Еслибъ этотъ языкъ былъ сочиненъ вмѣстѣ съ азбукою, народъ не понималъ бы его и трудъ былъ бы лишній и безсмысленный. Сравните переводъ съ подлинникомъ и вы увидите сходство только въ словахъ непереводи-

мыхъ, на пр. Апостолъ, Херувимъ, Серафимъ, Евангеліе, и прочихъ подобныхъ. Но Славяне имѣли слово *пророкъ* и переводчикъ не нуждался въ словѣ *профитисъ*; слово *законъ* не замѣнилось словомъ *номосъ*; *вѣра* словомъ *πιστις*, и *невѣденіе* словомъ *агносіа* и т. д.

Законы и правила каждаго языка, заключаются въ самомъ языкѣ, а не внѣ его; слѣдовательно Меѳодій, зная языкъ, пользовался его собственными условіями, а не условіями Греческаго языка; иначе его никто бы не понялъ. Самъ Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, современникъ Меѳодія, переведя съ Греческаго языка на Славянскій Богословію Дамаскина, говоритъ, что при переводѣ должно наблюдать правила того языка, на который переводишь.

Но вотъ что странно: Славянъ учили письму; а между тѣмъ они, не умѣя писать, имѣли уже слово выражающее это искуство; ибо слово *письмо*, *писаніе* не Греческое, и вмѣсто его учитель письменъ не нуждался въ Греческомъ *графи*, и Божественное, Священное писаніе не названо *Зіа Графи*-Δεια γραφη; слѣдовательно соотвѣтственное выраженіе было уже въ языкѣ. *

Мы слишкомъ мало цѣнили языкъ свой, полагая, что всѣ сходныя слова съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, Татарскимъ, взяты изъ этихъ языковъ. По этому правилу можно всѣ языки разобрать по

* Слово *писать* происходитъ отъ Санскритскаго पिज —*пиджа*, что значитъ рисовать, писать, красить. *пиджати*—писати (печатать). Отъ того у насъ слово *писать* и значитъ также *рисовать*; напр. *писать иконы*.

частямъ, и въ каждомъ неостанется ни одного собственнаго слова.

Но, на права Славяно-Русскаго языка и на родовую собственность всѣхъ основныхъ словъ врядъ ли посягнетъ какой бы то ни было изъ древнихъ Европейскихъ языковъ. Всѣ основныя слова выражающія существенныя потребности жизни, и именно: существованія, Богопознанія, родства и семейности, возрастовъ, чувствъ, свойствъ, времени, стихій, пищи, движенія, величины, количества и мѣстоимѣній, такъ сходны съ языкомъ Санскритскимъ (*деванагари* — языкомъ боговъ, священнымъ), что ни Латинскій, ни Греческій, ни Готскій, не заключаютъ въ себѣ подобнаго кореннаго родства съ однимъ изъ древнѣйшихъ языковъ, развившихся отъ началъ стихійныхъ.

Предлагаемъ случайно встрѣтившіяся намъ слова, при поверхностномъ только занятіи Санскритскимъ языкомъ. Судя по нимъ можно подумать, что Славянское *просторѣчіе* въ недавнемъ времени отдѣлилось отъ древняго Индѣйскаго просторѣчія, и повѣрить что *чехъ Брезовскій* * въ самомъ дѣлѣ могъ разговаривать на первобытномъ Славянскомъ языкѣ съ Индѣйцами.

СЛОВА ПОНЯТІЯ О БОЖЕСТВѢ И СУЩЕСТВОВАНІИ.

Бъгу—быть; отсюда идея понятія о Богѣ.
Бъгути—бытіе.
Джива—живый.
Дживъ—жизнь.
Дыо—духъ (dieu).
Дева—дивъ, диво.
Диеья—дивный (небесный).
Набасъ—небеса.
Тридаса—троица.
Ади—одинъ, азъ первый.

* Юнгманъ.

СТИХІИ.

Уда—вода
Агни—огонь.
Сама, или *Сома*—названіе стихіи земли, земе.
Дыо—духъ, *ваю*, вѣяніе, воздухъ.

РОДСТВО И СЕМЕЙНОСТЬ.

Тата—тятя.
Пати—батя, батюшка.
Мата-р—мать, матерь.
Брата-р—братъ.
Снуша—сноха.
Свасру—свекровь (сестра).
Ятри—ятровь
Сута, *Суну*—сынъ (зять).
Кравыя—мясо, плоть (кровь).
Видава—вдова.
Свака—свойскій (своякъ).

ВОЗРАСТЫ.

Юванъ—юный
Джара-с и *Стъаваръ*—старый.

ЧАСТИ ТѢЛА.

Мурдъ—лицо, морда.
Наса—носъ.
Оштъа—уста.
Астъи—кость (ὀστέον)
Капала—голова (κεφαλή).
Акша—очи, око.
Хридъ—сердце (грудь)
Грива—шея (грива)
Пада—пята, нога.
Дакшина—десная, десница.

ЧУВСТВОВАНІЯ.

Чай—чаяніе (чаю).
Прійя, *прійс*-—пріязнь любовь.
Байямъ—боязнь.
Санведа—совѣсть.

СВОЙСТВА.

Махатъ—мощный, могучій.
Тану—тонкій.
Пурна—полный.
Чару—прекрасный (очаровательный)
Нава—новый.
Навина—новина, новый.
Сваду—сладкій.

ВРЕМЯ.

Брама (идея времени) время.
Дина—день.
Нача—ночь.

ЦВѢТА.

Света—свѣтлый, бѣлый
Чарви—чермный, червонный, прекрасный
Тама—тьма.

ПИЩА.

Адми—ѣмъ, ядимъ.
Гьясъ—яства.
Адана—яденье.
Маду—медъ.
Пи—пить.
Сара—сыръ

МѢСТОИМЕНІЯ.

Ахамъ—(я самъ), я, азъ; по зендски *аземъ*.
Аси—еси.
Твамъ, по зендски *тумъ*—ты.
Ма—мя, меня.
Тва—тя, тебя.
Майя—мною.
Твая—тобою.
Ме—ми, мнѣ.
Ию—ихъ.
Санти—суть.
Майи—мои.
Твайи—твои
Ка—кой, кто.
Каа—кой, который,
Та—той, сей, этотъ
Ви—вай, ваю (древн.) вы
Уба—оба.
Насъ—насъ.
Васъ—васъ.
Асмъ—есмы, мы.

НАРѢЧІЯ.

Када—когда.
Тада—тогда.
Иядa—егда.
Сада—всегда.
Прати—противъ.
Тавасъ—столько.
Таджаджа—тотчасъ.

ПРЕДЛОГИ И ЧАСТИЦЫ.

Пра—пре.
Упа—по.
Не—не, нѣтъ.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ ПЕРВЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ПОНЯТІЙ.

Дваръ—дверь, (дворъ).
Гата—ходь.
Гари—гора
Стъана—станъ.
Парага—порогъ.
Звана—звонъ, звукъ.
Луча—капля, отрѣзъ, лучь.
Луджа—блескъ, лучь.
Пена—пѣна.
Дру—древо.
Сакъа—сукъ.
Смайя (смѣю) смѣлость, гордость.
Сми—смѣхъ, улыбка, (smile).
Клесъ—гласъ.
Мна—мнить.
Мрити—смерть, умрети.
Мантри—мудрый.
Матри—совѣтникъ.
Мануджа—мужъ, мужикъ.
Ганза—гусь.
Саранга—сорока.
Сьона—солнце.
Маасъ—мѣсяцъ.
Сіана—отраженіе (сіяніе).
Дварака—дворецъ (Кришны).
Дара—дыра, впадина, пещера.
Парага—прахъ.
Іога-с—иго, союзъ, связь.
Дивъ—давъ, давленіе.
Пата-с—птаха, птица.
Стъагъ—стягъ.
Падъ—путь.
Стана—стонъ,
Пачи—огонь (печь, печька).
Кабила—кобыла.

Бахута—богато, множество.
Тьяга—дань, даръ (тягло), уходъ бѣгство, (утекъ, напр. *далъ тягу*.
Даса—servus (душа—въ значеніи данникъ десятины?).
Нара—человѣкъ, отсюда народъ.
Вачана—вѣщанье.
Пратыовача—противовѣщаніе, противорѣчіе.
Правекшана—(Foresseing) провѣщаніе.
Правека—правитель.
Правачана названіе Веды, правовѣщаніе, краснорѣчіе.
Ведена—вѣданіе.

ГЛАГОЛЪ ЕСМЬ.

ЕДИН:

Асми—есмь.
Аси—еси.
Асти—есть

ДВОЙСТВЕННО ЧИСЛО

Свасъ-есва.
Стасъ—еста.
Стасъ—есте.
Смасъ—есмы.
Ста—есте.
Санти—суть.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА.

Пурва—первый.
Ека, *иди*—одинъ, азъ (разъ).
Два—два.
Двс (женскаго рода)—двѣ.
Уба—оба.
Три—три.
Чатваръ—четыре, четвертый. *имен. чатварас. вин. чатурасъ* и т д.
Панча—пять
Шашъ—шесть
Сапта, *Саптама*—седьмь.
Аштанъ, *Аштанамъ*—восемь.
Наванъ—девять
Дасанъ (винитель пад: *даса*) десять.
Екадаса—одинадцать.
Двадаса—двѣнадцать.
Трайодаса—тринадцать.
Чатурдаса—четырнад. и т. д.
Винсати—двадцать.
Тринсатъ—тридцать.
Сата—сто

ГЛАГОЛЫ ПОНЯТІЙ ОСНОВНЫХЪ.

Да—дать.
Дадати—давати, давать, дать.
Званта—звѣнѣть.
Причшати—вопрошать.
Бадъ—бить.
Трасти—трясти.
Грабъ—брать, грабить.
Ветси—вѣси, вѣдаеши,
Пиваси—піеши.
Смаясе—смѣешся.
Васи—вѣешь.
Джанаси—знаешь.
Бибъеши—боишся.
Дадъаси—дѣеши.
Дживаси—живеши,
Патаси—падаеши, падаеси падаешь.
Ста—стать.
Вахаси—вещаши.

Свапиши — спишь, (сапишь).
Вагаси — вѣчаешь.
Трасаси — трясешь.
Видъяси — бѣдуешь.
Наяси — несешь.
Хваяси — зовешь.
Дринаси — дерешь.
Причшаси — просишь.
Гадаси — гадаешь, говоришь.
Званаси — звѣнишь.
Вартаси — вертишь.
Бодаяси — будеши.
Мишаси — мѣшаешь.
Параврить — поворотить.
Пиджъ — раскрашивать, писать.
Плава — плавающій.
Шивъ — шитью (шью).
Спада — спѣть (посѣвать).
Ситья — стыть.
Сушъ — сушить.
Шивъ — (сѣвъ) сѣяніе.

Въ приведенныхъ здѣсь словахъ, составляющихъ можетъ быть малѣйшую часть совершенно сходствующихъ съ Санскритскимъ, заключается почти все требованіе начальнаго языка, и всѣ коренныя понятія. — Сверхъ того одно изъ ближайшихъ сходствъ Славянскаго языка съ Санскритскимъ, есть отсутствіе членовъ, звуки *ч*, *щ* и существованіе безгласныхъ *ъ* и *ь*; ибо буквы ख, ग, घ, ध, फ, भ, въ произношеніи суть ничто иное какъ *къ*, *гъ*, *тъ*, *дъ*, *пъ*, *бъ*, т: е: произносимыя безъ паденія на гласную выражаемые иностранцами посредствомъ: kha, gha, tha, dha, pha, bha; хвостикъ, который ставится въ концѣ словъ, подъ согласными, также замѣняетъ безгласную Ъ.

И такъ древняя самобытность Славянскаго языка не опровергаема, корни родословнаго древа его въ глубокой древности; сходство съ священнымъ языкомъ (*деванагари*) доказываетъ благородство происхожденія. Судьба племени, говорящаго на этомъ языкѣ, была патріархализмъ, или естественное развитіе семейности въ общество, между тѣмъ какъ общины Греціи и Рима, какъ скороспѣлые плоды да-

ли понятіе о вкусѣ, но были жертвами червоточи. Міръ Славянскій прозябалъ для прочнаго созрѣнія. Древо даетъ уже цвѣтъ, и въ почкахъ зараждается плодъ, и — да не повредятъ ему ни хлады, ни засуха!

Когда Греція кончила свое бытіе и смоклъ языкъ Еллинскій предъ грознымъ голосомъ Рима; когда одряхлѣлъ и Римъ, и затихъ предъ криками своихъ плебеевъ, тогда *Славянскій языкъ* просилъ Грековъ передать ему слово Божіе, принялъ его и вмѣстѣ съ этимъ началъ эпоху своей письменности.

Принявъ письменность отъ самой религіи христіанской и руководимые единственно духовными учителями, Славяне приняли и въ литтературѣ своей духовное направленіе. Ея образцами были священныя письмена: книги Моисеевы, а не поэмы Гомера; псалмы Давыда, а не оды Анакреона; каноны Іисусу, Божіей матери и святымъ, а не панегирики именитымъ; молитвы, а не пѣсни разгульныя. Поприщемъ литтературы сталъ храмъ, а не площадь, и она уклонилась отъ жизни народной къ обители отшельниковъ. Этому направленію способствовало у насъ преимущественно и иго Монголовъ. Все стало искать спасенія въ Богѣ: представители народной дѣятельности монашествовали; а народная литтература, почитаемая священствомъ за принадлежность язычества, должна была замолкнуть, и такъ называемые *слѣпцы*, [24] Славянскіе трубадуры: гусляры и бандуристы, вмѣсто прославленія подвиговъ и геройства, стали пѣть *лазаря* и иныя *притчи* (Legende) минея-четья. Только въ ихъ памяти отпечатыва-

лась литтература народная, и слѣдовательно съ тѣхъ поръ, какъ они стали пѣвцами крылоса и паперти, поэзія жизни гражданской заглохла, народныя воинственныя поэмы и пѣсни вышли изъ употребленія у путешествующихъ поэтовъ, и вся новая литтература, соотвѣтственно эпохѣ времени облеклась въ одежду священную; а прежняя, древняя, большею частію позабылась, или обратилась въ вциркуляры, въ которыхъ бездарные пѣвцы выставляли произвольное имя, какъ въ пѣсняхъ свадебныхъ.

Должно замѣтить, что въ правильномъ развитіи литтературы, образцы лирическихъ или хвалебныхъ пѣсней образовались изъ Гимновъ Ѳеургіи; такъ на примѣръ, у Грековъ Гимны Орфея предшествовали всей Греческой поэзіи; и безъ сомнѣнія принадлежатъ тому времени, когда древній Вавилонскій Сабеизмъ, или Сивизмъ, основанный въ Греціи Кадмомъ, соединился въ лицѣ новаго законодателя Мелампія съ Буддизмомъ Египетскимъ или *поклоненіемъ* Бахусу — Озирису; выразимъ иначе: Кадмъ основалъ изъ патріархальнаго населенія Греціи гражданственность; а Мелампій — патріархальное вѣрованіе замѣнилъ торжественными обрядами Вакха. Здѣсь начало храмовой литтературы Орѳея, Каллимаха и клироса составленнаго изъ 9 музъ. Этотъ переходъ отъ патріархализма къ гражданству и потомъ къ религіи, можно сказать, естественъ: такъ гражданскую власть, посреди Латинъ, основалъ Ромулъ, прообразуя въ лицѣ своемъ *Раму* — т: е: побѣду; а религіозную *Пума*, прообра-

зуя νομος — законъ; такъ основатель гражданской жизни Руссовъ *Рюрикъ*, а воспринявшій религію и Номоканонъ Владиміръ. Но, какъ въ Греческомъ мірѣ, до принятія христіанской религіи, существовала литтература гражданская (письменная)—Θеургическій плодъ временъ языческихъ, такъ и между Славянами, до принятія христіанской религіи, существовала уже литтература, но патріархальная—изустный истокъ язычества Славянъ. Письменность Грековъ была причиною, что большая часть литтературы ихъ дошла до потомства, не смотря на истребленіе, вмѣстѣ съ слѣдами язычества. Древняя же изустная литтература Славянъ, по той же причинѣ не могла уцѣлѣть въ памяти; а если частію и сохранилась, то невѣжество такъ перепутало имена и событія, такъ измѣнило языкъ, что къ древнѣйшимъ памятникамъ ея теряется довѣренность, и они кажутся поддѣльными или сочиненными недавно, какъ на примѣръ: *судъ Любуши, слово о полку Игоревѣ, пѣсни о Владимирѣ* и пр.; хотя по заключающимся въ нихъ признакамъ неподдѣльной древности, поддѣлка совершенно не возможна.

Героическія пѣсни народной литтературы относятся почти всегда и преимущественно къ какой нибудь великой эпохѣ народнаго быта. Такъ народная, *гомерическая* поэзія Греціи относится по эпохѣ «покореніе Трои» въ которой участвовалъ весь народъ Еллады. Дуаны Цельтовъ воспѣваютъ Фингала, и относятся къ временамъ возстанія Галлійцевъ противъ побѣдоноснаго Рима. Такъ Тевтоническая поэма «Нибелунги» воспѣваетъ

Зигфрида, и можетъ быть принадлежитъ Миннезенгерамъ временъ побѣдоноснаго Аттилы, представителя Восточныхъ Готовъ. [25] Поэмы Труверовъ Франконскихъ сливаются въ имени Карла Великаго. Такъ и думы Руссовъ избрали апоѳеозомъ имя Владимира, и темой богатырское его время, и время величія Новгорода и Кіева.

Передъ подобными историческими именами, основателями славы народной и любимцами народа, изчезали въ пѣсняхъ имена и слава предшественниковъ, и почти всегда дѣянія многихъ относились къ одному имени, какъ къ *итогу*, *къ суммѣ дѣяній* по части какого нибудь свойства божественнаго; и это тѣмъ легче дѣлалось, что личныя имена героевъ изчезали предъ именами апоѳеоза. Подобный апоѳеозъ Греціи составляютъ подвиги Александра, въ Индіи Рамы, въ Ассиріи Нина и Семи*рамиды* въ Египтѣ *Рам*сеса или Сезос-ра (Сезостриса).

Но подобныя апоѳеозы могли совершаться только во времена изустныхъ преданій, когда *тему*, заданную очевидцами подвиговъ, *молва* украшала варіаціями и воображеніемъ. Съ водвореніемъ письменности очарованіе стало изчезать; а съ водвореніемъ печатанія кончилось совершенно. Чудеса молвы, какъ призраки ночи, пропали съ восходомъ истины. Каждый человѣкъ сталъ человѣкомъ, и, апоѳеозъ изчезъ.

Переходъ изъ устъ въ уста, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, отъ поколѣнія въ поколѣніе, языкъ Легендъ и пѣсенъ измѣнялся и обновлялся; но это

однако же не значитъ, что Легенды и пѣсни новы: въ нихъ не изчезаетъ древность, не смотря на то, что каждое время кладетъ на нихъ свою печать, и каждый вѣкъ приспособляетъ ихъ къ своему выраженію, до тѣхъ поръ, пока письмо не остановитъ бродящаго преданія, и не сдѣлаетъ его такъ сказать осѣдлымъ. Но и начертаніе каждый вѣкъ произноситъ по своему, и даже понимаетъ по своему; полное же постиженіе преданія принадлежитъ только тому вѣку, который въ спирали временъ лежитъ на соотвѣтственной событію точкѣ окружности.

Вотъ причины, по которымъ мы полагаемъ должнымъ возстановить право на древность нѣкоторыхъ памятниковъ изустной литтературы Славянъ и Руссовъ. Обратимъ прежде всего вниманіе на *думы* Чеховъ временъ языческихъ, сохранившіеся въ отрывкѣ сборника, найденнаго въ *Кенигинхофѣ*, и названнаго по сей причинѣ *рукописью Краловдворской*. Вліяніе Рима на Чеховъ, заставило ихъ принять вмѣстѣ съ христіанской религіею и Латинскія письмена; а потому сборникъ думъ и пѣсенъ Чешскаго народа также написанъ Латинскими буквами.

Между малымъ числомъ сохранившихся *думъ*, которыя составляли исторію народа, древнѣйшею должно почесть *думу* подъ заглавіемъ *Честмиръ и Влаславъ*; она составляетъ 27-ю главу *третьей книги* сборника, «*о побѣдѣ надъ Влаславомъ*,» и въ языкѣ ея нѣтъ еще того различія, которое въ послѣдствіи проявилось въ нарѣчіяхъ Славянскаго языка.

Неклaнъ каже встати къ войнѣ,
Каже княжескими словы,
Противъ Власлaву.
Встаху вои, встаху къ войнѣ
Противъ Власлaву.
Хвалидьбашесе Влаславъ князь
Витязьствомъ * надъ Неклaномъ,
Надъ славнымъ княземъ;
Пущаше мечь и огнь
Въ краины Неклaнины,
И гласяше надъ грабивыми
Мечи своихъ воиновъ
Поганенье Неклaну:
«Въ бой Честмиръже веди ми сборы.
Гадливый ны позыва
Надуты Влаславъ!»
И вста Честмиръ и возрадовася,
Радостне сня свой щитъ черны,
Двузубу, и сня со щитѣмъ и млaтъ
И не проникавый шеломъ.
Подъ всѣ древа
Взложе обѣты богомъ.
Буйно зволаше Честмиръ на вои.
Вскоръ се вои въ ряды иду,
И тяжеху подъ солнцемъ жахе (жгучимъ),
И тяжеху про весь день и по солнце.
Тамо къ погребу **.
«Ай та се вали дымъ по дѣдинахъ,
И по дѣдинахъ стѣнанье жалостныхъ гласовъ.
«Кто сожже дѣдины?
И кто росплaка ваши глaза, кто? Влаславъ!
Послѣднее буде его вражство!
Помсту и пагубу
Вои мои, нань несу!»
Отвѣчаху воеводѣ Честмиру:
«Крувой, Крувой, скаредъ!
Отогнаше стада и сдѣяше горе,
Въ дѣдинахъ огнiе и мечiе,

* Vicestuiem — Witaztwi побѣда; нов. Бог wjtezstwi.
** Pahrbu, Pahrbek — могила, конецъ.

*

Все чіе полезно бяше
Потреше его злоба крута,
И заѣ (заѣлъ) воевода намъ!»
И озлися Честмиръ на Крувоя.
Широки перси
Злоба уже ему разоврена
По всѣхъ путѣхъ. и т. д.

Вотъ образецъ возстановленнаго текста Славянскаго языка 8-го столѣтія: Латинское произношеніе, въ которомъ нѣтъ ш, ж, щ, совершенно измѣнило древнее произношеніе Славянъ-Чеховъ, которое совершенно сходно было съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которое переведены священныя письмена.

Второй памятникъ историческихъ пѣсней Чеховъ относится къ 894-му году, когда Король ихъ Буривой *, принявъ Христіанскую религію Католическаго исповѣданія, изтреблялъ языческихъ боговъ; что вѣроятно и было причиною общаго возстанія на него и его низверженія.

Эта дума называется: «*Забой, Славой и Людекъ*» (вѣроятно Людовикъ, Людвигъ), и мы возстановимъ ее сполна.

(Починa се о велике побѣдѣ).

Съ черна лѣса выступае скала,
На скалу вступи сильны Забой,
Обзира краины на всѣ страны,
Замутися отъ краинъ ото всѣхъ,
И застена плачемъ голубинымъ
Сѣдя долго и долго ся мути,

* Козьма Прагскій, единственный достовѣрный Историкъ Богеміи: «Borzivogii primus dux catholicus» Онъ писалъ кронику на латин. языкѣ въ половинѣ 11-го столѣтія, и безъ сомнѣнія онъ же былъ первый собиратель Легендъ народныхъ, на которыхъ и основалъ первыя преданія Исторіи Богемской, начиная съ Крока, суда Любуши, и пр.

И всхопися въ гору яко елень,
Доломъ, лѣсомъ, лѣсомъ долгопустымъ,
Быстро спѣшаше отъ мужа къ мужу,
Отъ сильна къ сильну по всякой Власти,
Кратко слово ко всѣмъ скрыто рече;
Поклоняся богомъ отсюдъ къ другу спѣша.
И мину день первы и мину день вторы,
И кдажъ за третьимъ луна въ ночи быша,
Сняхуся мужіе семо въ лѣсъ чернъ.
Къ нимъ здѣ Забой: отведя ихъ въ увалъ,
Въ пониженный увалъ глубокаго лѣса,
Ступи Забай наинизше доловъ,
Взя *Варито* звучно:

«Мужіе братскихъ сердецъ,
И искреннихъ зраковъ!
Вамъ пою найниже съ дола пѣснь,
Иде съ сердца моего,
Съ сердца наинижѣе,
Погруженна въ горе.
Отче сойде къ отцемъ,
Остави въ дѣдинѣ дѣтки своя
И свою любицу,
И не рече ни кому.
Батя! ты молви къ нимъ
Отецкими словы!
И приде чужи
Усильно въ дѣдину,
И чужими словы заповѣда,
И какъ се сдѣе, въ чужей Власти
Отъ утра по вечеръ,
Тако бы ся сдѣяти
Дѣткамъ и женамъ;
И едину дружу намъ имѣти,
По пути всей съ весны по *морану*, *
И выгони съ *хаевъ* (Hain—лѣсъ) вси крагуи (грачи),
И каки бози въ чужей Власти,
Такимъ же кланяти и здѣ;

* Осенній праздникъ капалы.

И имъ обѣчати обѣтъ,
И не смѣху ся бити
Въ чело предъ боги,
Ни въ сумерки имъ давати ясти,
Камо отче даваше кормъ богомъ,
Камо къ нимъ гласить ходяше;
Посѣкаху всѣ древа,
И разрушиху вся боги!»

— Ай ты Забой! ты поешь сердце къ сердцу,
Пѣсню съ среды горя, яко Люмиръ.
Къ словы и *пѣнію* бяше погибалъ (гнулъ, склонялъ)
Вышеградъ и всѣ Власти,
Тако ты мя и всю братью.
Пѣвца добра милуютъ бози.
Пой! тобѣ отъ нихъ дано
Въ сердцѣ противъ врагомъ! —

Зряше Забой на Славоева
Запалены зраки,
И пѣньемъ даде сердце имаше:

«Два сыны ею гласы,
Прихожаста въ муска (въ мужество)
Выхаживаста въ лѣсъ;
Тамо мечемъ и млатомъ
И оцѣномъ учиста пази (мускулы).
Тамо покрыста
И врачястася роскошемъ,
Когда пази ею бѣста доростлы
И ею умы прати враговъ.
И доростаху друзи братцы,
А и тѣ всѣ выразиху съ враги.
И бы крутость ихъ бурюще небо,
И въ дѣдины вратишася бывше благость.»

Ай, скочиху вси же въ долъ къ Забою,
И тищеху еи въ пресильна пази,
И съ перси на перси вси кладеху руце.
Возгласно даваху слова къ словомъ
И прихожаше ночь предъ утро.

А и выступиху изъ вала розно;
Вездъ ко всѣмъ древомъ,
Ко всѣмъ странамъ брахуся лѣсемъ,
И мину день и мину день вторы,
И по третьемъ дни когда же затемнися ночь,
Брася Забой въ лѣсъ
Лѣсомъ за Забоемъ *сборы*.
Всякъ имѣя вѣру къ воеводѣ,
Всякъ сердце упорно Королю;
Всякъ собранъ быстро на Краля.
— Ай, Славой, братецъ!
Тамо къ модру (свѣтлому) верьху!
Верьхъ тенъ по всѣхъ по краинахъ,
Тамо сумерками ходи,
Отъ верха къ раннему солнцу;
Тамо лѣсъ теменъ,
Тамъ же подами руце.
Нынѣ берись лисьими скоки,
И язъ тако пойду туды.»
— Ай, Забой, братецъ!
Чѣму на ся брань имати перво,
Отъ верха спытати крутость!
Отсюда бурасми (бросимся) противъ Кралевымъ врагомъ.
— Славой, братецъ,
Кда-жъ гаду потрѣти хочеши,
На главъ на ея стой;
Тамъ глава его. —
Разступися множество лѣсемъ,
Разступися вправо влѣво,
Туды тяже Забоевымъ словомъ.
Онамо словомъ прытка Славоя,
Глубинами лѣсовъ къ модру верьху.
И когда бяше пять солнцевъ,
Подаста се пресильные руце
И позриста лисьима зракома,
На королевы вои.
— Срази ты намъ, добры Людекъ вои,
Вои всѣ подъ едину рану!
Ай, Людиче ты же паробъ (паробокъ)
На паробы Краля!

Ты рцы своему укрутнику;
Же (что) дымомъ есть намъ веленье его.»
И разлютися Людекъ
Ражимъ (Ruciem) гласомь зволя всѣ вои.
Поднебесье бе полно свѣта,
Отъ солнца во свѣтѣ полно блеска
Съ Кралевыхъ воевъ.
Готовы всѣ же ногу въ крокъ (шагъ),
И руку въ брань Людекова для слова.
— Ай, Славой, братецъ,
Туды спѣй лисьими скоки,
И азъ пойду встрѣчу имъ въ чело! —
И вырази Забой въ передъ, яко крупобитье.
И вырази Славой въ бокъ имъ яко крупобитье.
— Ай, братцы, ти же намъ крушиху боги,
Ти же намъ сѣчеху древа,
И плашиху (всполошили) крахове съ лѣсовъ.
Бози намъ витяжство даю!
Ай. прыткость вырази Людекомъ,
Счетныхъ враговъ противъ Забоя,
Вырази Забой горючими очима въ Людека;
Мѣряся дубъ противъ дуба,
Зразита (выдаваясь) изо всего лѣса.
Забой гна противъ Людека,
Надъ вся вои.
Людекъ удари сильнымъ мечемъ,
Противъ три кожи въ щитъ;
И удари Забой млатемъ,
Отскочи хбито Людекъ,
Въ древо врази млатъ.
И скатися древо на вои
И тридесять ихъ отъиде къ отцемъ.
И злютися Людекъ:
— Ай, ты съ говяды ли!
Ты велико потвора гадовъ,
Мечемъ се потыкати со мною! —
И маше Забой мечемъ,
Кусъ щита врагу отрази.
И тяжи Людекъ мечь,
Мечь ся смычи по кожене щитъ;

И запалистася оба къ ранамъ (къ ударамъ),
Ранами все по собѣ стесаста,
И все колемъ (вокругъ) оросиста кровью,
И кровью обрызгаху. Мужіе
Коло ихъ вездѣ въ прелютой сѣчѣ.
Солнце приде полудню
И отъ полудни ужъ на полквечеру.
И валено (бились) еще, ни семо ни тамо уступено;
И валено здѣ и валено тамо отъ Славоѣ.
— «Ай, ты враже, бѣсъ въ тѣ!
Чему ты нашу кровь пьеши?»—
И хопи Забой свой млатъ,
И отскочи Людекъ.
Напряже млатъ Забой высь въ гору,
И верже по вразѣ,
Летѣ млатъ, росскочиста щитъ,
За щитемъ же росскочиста Людекова перси,
И улетѣша душа тяжка млата.
И млатъ и душу вырази
И занесе пять шаговъ въ войску.
Страхъ врагомъ вырази изъ горла съ крики.
Радость зазвѣни изъ устъ воиновъ Забоевыхъ,
И заискрися зрадостну зраку.
— Ай, братцы, бози ны витяжствомъ дариху!
Разступися на сей день хлукѣ вправо и влѣво,
Изо всѣхъ удолей семо свельте коніе!» —
Кони ржахучи *вескенъ* (?) тень лѣсъ.
— Забой, братецъ, ты удаты льве!
Не пущай ихъ, бори враги! —
Ай, да отверже Забой щитъ,
И въ руцѣ млатомъ и въ другой мечемъ
Тако и впросѣчь прораже дорогу въ вразехъ.
И би въ пяты врагомъ, и би вступы врагомъ.
Трясе гнаше съ бонща,
Страхъ изъ горла ихъ выраже съ крики.
Кони ржуче *вескенъ* лѣсъ.
— Въ гору на коней! съ кони за враги,
Чрезъ всѣ Волости
Ражіе кони несите,
Въ пятахъ за ними нашу крутость!

И вскочиху хлучи (толпы, хлопки, хлопцы) на ражіе коніе.
И скокъ на скокъ по вразѣхъ се гнаху.
Рану на рану соптаху, круту крутость
Имѣяху ровни и горы и лѣса:
Вправо и влѣво, всѣ убѣга взадъ.
Гуче (гукаетъ) дива рѣка,
Волна за волну се вале,
Гучеху вси вои скокъ на скокъ,
Всѣ же гнаше прес (чрезъ) бурившу рѣку.
Воды ухватиху множество чужихъ,
И пренесеху всѣ вѣсти на другій брегъ,
И по краинахъ вездѣ вширь и вширь.
Люты острецъ (ястребецъ) оцѣпи свои крылья долгіе,
Быстро лети за птахами,
Забоевы вои разогнахуся вширь
Вездѣ по волостѣхъ,
Гнаху люто по вразѣхъ,
Вездѣ сражаху ихъ и ступаху кони,
Ночью подъ луну за ними люто,
Днемь подъ солнцемъ за ними люто,
И опять темною ночью,
И по ночи сѣдымъ утромъ.
Гуче дива рѣка,
Волна за волну се вале,
Гучаху всѣ вои скокъ на скокъ,
Всѣ же гнаше чрезъ бурющу рѣку;
Воды ухватиху множество чужихъ
И принесеху всѣ вѣсти на другій брегъ.
— «Тамо къ сѣдымъ горамъ,
Тамо добурися наша помста! —
— Ай, Зобой, братецъ,
Ужъ намъ не далеко горы,
Ай, ужъ клочекъ враговъ,
И тѣ жалостливо просе.
Вратно краинами туды ты, и азъ туды,
Выгубить все Кралево!
Вѣтръ бурися чрезъ волости,
Войски буряше чрезъ волости,
Чрезъ волости вправо и влѣво.
Вездѣ ширятъ силу войски

Въ радостнемъ гласѣ:
— Ай, братцы, ай сѣры верьхъ,
Бози ны тамо витязьствомъ дарили,
Тамо и веле душъ тека,
Семо тамо по древахъ,
И ихъ бояся птахи и плохи звѣри,
Едно совы не бояся.
Тамо къ верху погребать умершихъ
И дать покормъ боговомъ.
И тамо богомъ, спасамъ,
Дать множество обѣты,
Ай, имъ глашать милыхъ словъ!
Ай, имъ оружіе побитыхъ враговъ!» —

Третья дума относится уже къ временамъ Христіанства: она составляетъ *главу* цѣлаго сборника, которая, «*починая о великихъ бояхъ Храстіанъ съ Татары*». Герой этой главы Ярославъ, Князь Власти (области) *Оломецкой*; онъ побѣдилъ Татаръ и самъ поразилъ Кублаева сына. Это событіе совершилось послѣ уже того времени, когда Татары «два Королевства собѣ подманиху: старый Кіевъ и Новиградъ пространъ, роспряну вси вои Угровъ и поплениху все че (что) въ земѣ ихъ бяше; въ Польщѣ разложиху, поплѣниху вси волости и додрахуся люто къ Оломцу.»

«Бѣда встане тужша по краинахъ»

И Христіане взмолились къ Богу жалостливо, *бы спасалъ ихъ Татаръ злочестивыхъ:*

«Встань, о господине, въ гнѣвѣ своемъ!
Спаси ны врагомъ, спаси ны стягающихъ
Потлочити хотя ю душу нашу,
Оключивше ны внужъ волци овце.

Встань, о господине, въ гнѣвѣ своемъ!
И повысь ны въ краинахъ надъ враги,
Услышь гласы къ тобѣ волающе!
Оключени смы лютыми враги
Выпрость ны (выпраздни) изъ узъ (z-osidl — осилъ, узелъ, узда), крутыхъ Татаръ.
И дай увлаженіе утробамъ нашимъ!
Гласоносный обѣтъ тобѣ воздамы,
Потри въ земехъ нашихъ непріятели,
Сгладь ихъ въ вѣки и вѣки вѣкома!

Кублай, или Хубилай Ханъ, вступилъ на престолъ въ 1260-мъ году; по смерти его въ 1204 году, наслѣдовалъ преобладаніе Монголіи внукъ его *Тэмуръ*. Событіе, относясь къ царствованію Хубилая, безъ сомнѣнія также относится и къ пораженію Татаръ въ Польшѣ, въ 1267-мъ году.

Легенда о Неклапѣ современна прибытію Константина и Меѳодея въ Моравію, и можетъ служить образцомъ тогдашняго народнаго языка Славянъ, и доказательствомъ, что переводъ священныхъ книгъ не далъ инаго направленія языку, и что всѣ Славянскія нарѣчія въ то время были близки другъ къ другу. Въ послѣдствіи уже, когда Чехи и Поляки приняли религію и письмена отъ Рима, недостатокъ буквъ Латинскихъ, для выраженія звуковъ Славянскихъ, измѣнилъ произношеніе словъ, и письменное J сталъ выговариваться какъ ж; на пр. drjewo — вмѣсто древо—држево; и стало писаться: drsewo; братрје—братрже — bratrsie; wietrji — вѣтры — вѣтржи — wietrsi; rjechu — рѣху — rsiechu — ржеху; horje — горе — horsie горже; вѣра — вјера — вжера и т. д.

На ряду съ упомянутыми нами древними памятниками изустной литтературы при-Дунайскихъ Славянъ мы можемъ поставить Русскіе, и именно сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Кирилы Данилова. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ неоспоримо героическимъ временамъ Руси, хотя языкъ къ несчастію приспособленъ уже къ позднѣйшимъ временамъ. Изустное преданіе могло перепутать событія и имена, могло старца нарядить юношей, но не могло обратить въ юношу: онъ невольно проговорится и обличитъ себя.

Богатырская или геройская эпоха Русскихъ относится къ временамъ величія Кіева и процвѣтанія Новгорода. Языческая, торжественная жизнь Владимира, его полеванья, пиры, музыка и пѣсни, составляютъ послѣдній періодъ боевой и пѣвучей жизни народа, и это время не могло не остаться въ памяти:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя у Владимира,
Было пированье, почестный пиръ,
Было сталованье, почестный столъ,
На многи Князи, Бояры,
И на русскіе могучіе богатыри,
И гости богатые....

Это не вымыслъ, а изустное народное преданіе, которое не возможно придумать, точно также какъ разсказъ о кораблѣ гостя Соловья Будимировича:

«Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья * зеленаго,

* Безъ сомнѣнія тоже значитъ что и *Лукоморье*.

Отъ славнаго города Леденца, *
Отъ того де царя вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей.
Тридцать кораблей — единъ корабль,
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича. **
Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому вѣдь Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
И два горностая два зимніе,
У того было сокола корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
Два мѣдведя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по Турину,
Бока взведены по звѣ; иному.
Бѣгутъ ко городу ко Кіеву ***

* Лейденъ (Lagdunum) древній торговый городъ Голландіи, или можетъ быть Lindes-nâs, на южн: оконечности Норвегіи.

** Славой, Славуй древ. Слав имя, равно какъ и Будимиръ у южныхъ славянъ по сіе время въ употребленіи.

*** Изъ Варягъ лежалъ прямой путь (водный) на востокъ и въ царьградъ. «Днѣпръ бо течетъ изъ Волковскаго лѣса и потечетъ на полудень; а Двина изъ того же лѣса потече, и идетъ на полуночье, и внидетъ въ море Варяжское, изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечетъ семьюдесятью жерелы въ море Хвалимское (Хаварезмское, Каспійское). Тѣмъ же изъ Руси можно

Къ ласковому князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда, дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ. и. т. д.

Въ этой пѣсни слова новыя, но смыслъ старый. Описаніе корабля не стоило бы вниманія, еслибъ оно не было вѣрнымъ очеркомъ древнихъ кораблей. Подобно какъ теперь усовершенствованные корабли почти повсюду строятся на одинъ образецъ, такъ и въ древности весельные корабли Римлянъ, Грековъ, Норманновъ и Руссовъ были безъ всякаго сомнѣнія однообразны. «*Носъ и корма по туриному*,» т: е: на подобіе *овна*. На носахъ и кормахъ кораблей Римскихъ также было преимущественно изображеніе *овна*. Нижняя часть носа (Rostra, éperon) также выводилась клыками, или *желѣзными ножами*, которые, при быстрой встрѣчѣ, пронзали бока непріятельской ладьи.

«На томъ на соколѣ кораблѣ,
Сдѣланъ *муравленъ чердакъ*.

У древнихъ, на корабляхъ военныхъ * также строили башни (turres).

«Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню по яхонту.»

идти по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы и на востокъ дойти въ жребій Симовъ въ Азіи.» *Несторъ*. Сообщеніе Двины съ Волгой можетъ быть, судя по картѣ, было около города *Бѣлаго* (Смоленской губ.) посредствомъ рѣкъ *Общи* и *Осухи*.

* Торговыя, или перевозныя суда у грековъ назывались χέδια, по латинѣ *Schedia*; изобрѣтеніе ихъ приписываютъ *Лидійцамъ*

На изображеніяхъ древнихъ кораблей также видны съ боковъ глаза, какъ у огромныхъ животныхъ, вмѣсто усовъ пики и пр. *

Откуда могъ взять Кирша Даниловъ подобное описаніе, какъ не изъ изустнаго преданія? Древніе пѣвцы не знали вымысла: что глазъ видѣлъ, а сердце чувствовало, то они передавали безъ украшеній и даже безъ прибавленій; и мы вѣримъ, что богатые корабли Руссовъ были похожи на описываемый корабль Славоя Будимировича, и это описаніе было *типическимъ* того времени: гдѣ нужно было воспѣть корабль героя пѣсни — оно вставлялось въ пѣснь, какъ формула великолѣпнаго корабля.

Не времени и не понятіямъ Кирши Данилова принадлежатъ и подобные стихи:

«И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати,
Сыгрышъ ** сыгралъ Царяграда,
Танцы *** навелъ Ерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ *Еврейскій стихъ*. ****

Не упоминая многихъ другихъ мѣстъ въ пѣсняхъ Кирши Данилова, изобличающихъ древность ихъ, мы обратимся къ великому творенію неизвѣстнаго пѣвца Русскаго, *къ слову о полку Игоря Князя Нов-*

* «Is autem aries habuerat de ferro duro rostrum, ita ut naves longae solent.» Vitruvius. 10. 21.» Rostra illa aere ferroque ad ictus armata» Plinius. 32. 1.

** *Сыгрышъ* сходное съ греческ: Συγκρουσι; — аккорд, согласованіе.

*** *Танцы* здѣсь значитъ *Tenson* — драматическаго рода пѣснь.

**** *Еврейскій стихъ* — *псаломъ*.

городъ-Сѣверскаго, есть образецъ высочайшаго совершенства народной изустной поэмы. Если подобныя пѣсни были рапсодіями, изъ которыхъ составилась Иліада, какъ сборникъ хвалебныхъ пѣсенъ событіямъ подъ Троей; то ни одна пѣснь Греческаго Гомера не сравнится по достоинству поэзіи, съ *Гомеромъ* окропившимъ слезами поэзіи Русь, раздираемую усобицами Ольговичей и Мономаховичей, и уже готовившуюся пасть подъ иго Монголовъ.

«Усобица Княземъ на поганыя погыбе,
Рекоста бо братъ къ брату:
Се мое, а то мое же;
И начяше князи про малое се великое молвити;
А сами на себѣ крамолу ковати.
А поганы съ всѣхъ странъ прихождаху
Съ побѣдами на землю Русскую.»

Здѣсь начало внутренней причины нашествія Монголовъ на Русь. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1186 года рать Русскихъ была разбита на берегахъ Каялы, и съ этихъ поръ «поганіи нарицуще на Русскую землю емляху дань по бѣлѣ отъ двора»; въ 1207 году Половцы взяли и опустошили Кіевъ: «Иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя и ссуды (сосуды) священныя книги и порты (одежды) блаженныхъ первыхъ Князей, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ.» Въ 1224 году совершилась несчастная битва при Калкѣ; а въ 1236 году Русь стала данницей Хановъ Монгольскихъ. Пѣснь о полку Игоревѣ есть послѣдняя пѣснь героическихъ временъ Руси. Съ этой эпохи замолкла *слава;* устрашенный народъ, не находя уже защиты въ градахъ, сталъ прибѣгать подъ защиту стѣнъ мона-

стырскихъ; ибо обители монашествующихъ чтились и самими Монголами. Русь, какъ изрубленный на части витязь, лежалъ бездыханенъ; стаи черныхъ врановъ носились надъ нимъ, рвали бѣлое тѣло; но Іоаннъ I-й, собралъ въ *калиту* всѣ части его; Димитрій Іоанновичъ полилъ мертвой водой, и они срослись — витязь воспрянулъ и вступилъ въ новую борьбу съ врагомъ; воскресла съ нимъ и *слава*. Первая пѣснь ея была «*сказаніе о Мамаевомъ побоище*,» но уже на ладъ стихиръ священныхъ; это поетъ монашествующій пѣвецъ, безъ созвучія бандуры; иногда только невольно отзовется въ разсказѣ его звукъ стародавней *славы*. Вскорѣ однакоже забряцала и бандура «*о взятьѣ Казанскаго царства*»; потомъ великія эпохи возникающей Руси начали отзываться снова въ пѣсняхъ слѣпцовъ - гудочниковъ и бандуристовъ; народъ стекался и слушалъ пѣсни ихъ, изустную исторію, *про Скопина Шуйскаго:*

«Какъ бы во ста двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося,
Кругомъ сильна царства Московскаго,
Литва облегла со всѣ четыре стороны;
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукчи со Люторами, и т. д.

или *какъ Ермакъ взялъ Сибирь:*

«Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,

Донскіе славны Атаманы казачіе
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андрѣевичь, Анофрей Степановичь.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума, и т. д.

Покуда еще отпечатлѣвалась народная жизнь въ памяти, а не на бумагѣ, врядъ ли хоть одно значительное событіе, стоющее славы, не воспѣвалось народомъ.

Такъ въ Сербіи, во дни борьбы за первенство съ Булгаріей, и въ побѣдные дни, со временъ Симеона, который именовался уже «*Краль Сербіе, Рассіе, Триваліе, Зохолміе, Діокліе*, и *све Далмаціе*»; при Стефанѣ Урошѣ, который женатъ былъ на Еленѣ дочери Французскаго Короля; при сынѣ его Милутинѣ Урошѣ, владычествовавшемъ надъ Рассіею, Діоклеей, Албаніей, Булгаріей и всѣми приморскими странами отъ Адріатическаго моря до р. Дуная, — народныя событія, привязанныя къ именамъ Королей и *юнаковъ*, передавались въ *думахъ и пѣсняхъ*. Послѣ паденія подъ иго Турецкое, голосъ народный замолкъ; но едва возникла надежда избавиться отъ ига, едва мечь заблисталъ — и пѣснь загремѣла.

Такимъ же образомъ и у Руссовъ Украинцевъ, возникла *дума* — воинственная пѣснь, когда южная Русь стала освобождаться изъ подъ ига Поляковъ.

«О, бывали въ нашей славной Украйнѣ, бывали
Страшные, черные годы, бѣдовыя времена,
Бывали моры и военныя грозы!
Никто не былъ щитомъ Украинцамъ,

*

Никто за нихъ не возсылалъ молитвъ къ Богу!
Только Святой Богъ не забывалъ ихъ,
Хранилъ въ великихъ усильяхъ, и въ защитѣ.
Только Богъ святой зналъ, что думалъ, гадалъ и замышлялъ,
Когда посылалъ невзгоду на Украинскія земли.
По его волѣ и прошли, минули невзгоды:
Нѣтъ теперь никото кто бы насъ одолѣлъ;
Не день и не два Ляхи раззоряли Украйну,
Не давали ни на часъ ей отдыху,
День и ночь на готовѣ держали коней.
Изъ за горы туча встаетъ — встаетъ, выступаетъ,
До Чигрина громомъ гремитъ,
На Украинскую землю молньями блещетъ, и т. д.

Изустная литтература часъ отъ часу изчезаетъ и въ Славянскихъ племенахъ, изчезаетъ вмѣстѣ съ патріархальнымъ бытомъ ихъ: память передаетъ трудъ свой письменности. Въ Великороссіи, въ народѣ, почти нѣтъ уже преданій; но Великороссія неистощимо богата еще обрядными пѣснями и голосами: это достояніе древности, наслѣдство, какого не имѣетъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Думы или народныя поэмы сохранились преимущественно въ Украйнѣ и въ Сербіи. Въ первой вы еще найдете слѣпцовъ — *гомеровъ*, которые раскажутъ и пропоютъ вамъ, сопровождая голосъ звуками лиры, какъ «*сила, сила, сила силу одолѣла*», пропоютъ про казачество, гайдамачество и чумачество, про Гетмановъ, про набѣги Татаръ, Турокъ, Поляковъ, про притѣсненія, которыя претерпѣла Украйна отъ ксензовъ и жидовъ:

Память не умретъ, не поляжетъ,
Рыцарство казацкое всѣмъ перескажетъ

Вы услышите думы про Наливайку, Самку-мушкета, Степана Кукурузу, Повтора-Кожуха, Барабаша, Нечая, Хмельницкаго, Желѣзняка, про Сагайдачнаго,

Що промѣнявъ жинку,
На тютюнъ, да люльку.

про Ивана Коловченку, про Ивана Свирговскаго, что

Сизымъ орломъ леталъ,
Тополемъ гнулся.

Про Богдана Ружнаго, который врывался съ удалыми казаками въ малую Азію и громилъ Константинополь.

Про Гайдамака Перебійноса, и вообще про гайдамацкую жизнь тѣхъ временъ, когда народъ, притѣсненный Поляками, бѣжалъ въ лѣса тысячами и предавался гайдамачеству.

Въ лѣсу только волки да лисицы,
Вотъ мои братцы и сестрицы!
Одинъ только черный воронъ крячетъ:
Здравствуй, здравствуй братъ Гайдамаче!

При умиренной жизни, пѣснь народная не забывала и славныхъ чумаковъ; на примѣръ чумака Макара, который сорокъ лѣтъ чумаковалъ и сложилъ голову посреди степи на пути изъ Крыма въ Харьковъ. Говорятъ, что по сіе время могила его растетъ и высится: кто ни идетъ изъ чумаковъ мимо — остановится, поклонится и броситъ горсть земли.

Въ Сербіи же вы можете еще видѣть сохранившуюся тѣнь древнихъ бардовъ — бандуристовъ, которые съ *гадлье* (гудкомъ), или съ *гусле*, поютъ про былыя времена, про *юнаковъ*, на примѣръ про Марко Кралевича, про *айдуковъ* (гайдуковъ) или

свободныхъ воеводъ, которые, скрываясь съ своими шайками въ лѣсахъ, постоянно ведутъ войну съ внѣшними властями, преобладающими Сербіей; но не трогаютъ *своихъ*, какъ на примѣръ Айдукъ — Велька Петровичь и пр.

Война съ Турками есть эпоха почти всѣхъ *думъ* Сербскихъ, распѣваемыхъ *гадлярами*; * описанія битвъ *юнаковъ* (молодцовъ), и *гайдуковъ* съ пашами, и любовь составляютъ темы. Но и эпоха, предшествовавшая паденію Славянъ при-Дунайскихъ подъ иго Турокъ, еще не забыта. Пѣсни о Краляхъ Славянскихъ: Радославѣ, Павлимирѣ, Тешимирѣ, Владимирѣ, Доброславѣ и многихъ другихъ, сохранились еще, и изъ нихъ можно видѣть тогдашнія отношенія Славянъ къ Греціи и Риму, а равно и взаимныя отношенія Славянскихъ Королевствъ—Болгаріи, Сербіи, Далмаціи, Босніи, и другихъ.

Мы уже замѣтили что истокъ изустной, народной, литтературы, имѣетъ начало свое въ патріархализмѣ народовъ, тамъ, гдѣ чистая кровь родства не охладѣла отъ смѣшенія, и гдѣ чувства любви къ Божеству, къ родной землѣ и къ своему ближнему не изсякли отъ притворныхъ изліяній. Заключимъ желаніемъ, чтобъ гражданская наша литтература кончила періодъ подражанія и вступила въ періодъ самобытности. Первымъ трудомъ ея будетъ сборникъ литтературы народной, покуда еще не изсякла она въ памяти, и народъ не занѣлъ октавъ какой нибудь поэмы.

А. В.

* Названіе сходное съ Датскимъ Galdrar.

МАЛОРОССІЙСКІЯ СВЯТКИ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ.

Дѣвушка и молодая женщина, наканунѣ Рождества, убирали хату и заботливо приводили въ порядокъ свое хозяйство. Одна пересматривала наряды и любовалась разноцвѣтными лентами, красивыми ожерельями или *монистами* изъ коралловъ, янтаря, синяго, краснаго, желтаго и бѣлаго стекляруса, съ тяжелыми *дукатами*, съ серебряными крестами и сердечками. Уложивши украшенія въ пеструю бумажную коробочку, она начала пересматривать свое платье: *запаски*, *плахты*, *кафтаны*, рубашки шитыя красною бумагою и позументомъ: корсеты или кофты съ рукавами и безъ рукавовъ, съ красными *мушками* по зеленому, или голубому полю, и съ голубыми и зелеными, по красному полю.

Сестра дѣвушки, Оксана, стояла на лавкѣ и украшала иконы вѣнками изъ цвѣтовъ: *стоголова*, пахучихъ *васильковъ* и *ласковца*, съ круглыми большими зернышками; отерла пыль съ зеленыхъ крылышекъ Св. Духа, поставила новыя свѣчи, спусти-

лась съ лавки, поправила еще разъ вѣнокъ на иконахъ — и весело сказала про себя:

— Вотъ теперь хата, какъ хата: свѣтленька и бѣленька. И солнышко смотритъ въ окно будто лѣтомъ; и на полу желтый песочикъ будто на бережку...

— Сестра? а сестра? — спросила дѣвушка.

— А что?

— Какую мнѣ плахту надѣть завтра?

— Какую? да *колесчатую*, что съ зелеными, да червоными клѣтками: ты въ ней такая пышная, хорошая.

— А я, сестра, хочу надѣть ту, что *мережкою*.

— А хоть и ту, что мережкою. — И дѣвушка, прикинувши къ сестрѣ плахту, посмотрѣла на нее и сказала рѣшительно:

— Да я эту надѣну. А ты сестра какую?

— Да *крестовую*, что отецъ купилъ въ городѣ, въ лавкахъ.

— И *очипокъ* парчевый!

— И очипокъ парчевый!

— То-то люди будутъ смотрѣть на тебя сестра. Только у тебя, да у Стехи парчевые очипки. А какъ поразскажетъ отецъ, такъ бывало на святое Рождество всѣ молодицы въ парчевыхъ очипкахъ. А что сестра, будетъ ли у меня парчевый?—И дѣвушка, засмѣявшись, закрыла лице рукою.

— Будетъ? стало быть будетъ, если Богъ надѣлитъ долею, да мужъ полюбитъ. Вотъ какъ наше-

му отцу далъ Богъ счастья — такъ и люди знаютъ да почитаютъ и всякаго добра много!

И въ самомъ дѣлѣ, вся слобода почитала Павла́, отца Гали и Оксаны. Человѣкъ онъ былъ набожный, грамотный, зажиточный. Бывало на праздникъ только что ударятъ въ колоколъ къ заутрени, а онъ уже встаетъ и прямо въ церковь. Войдетъ, перекрестится и поклонится добрымъ людямъ на обѣ стороны; а какъ запоютъ на клиросѣ и онъ про себя поетъ. Пойдутъ ли сбирать на церковь — кто положитъ грошъ, кто копѣйку, а онъ пятакъ. Вынесутъ ли на тарелочкѣ просвиру, всѣ какъ будто пережидаютъ, чтобъ старый Павло́, первый подошелъ, а онъ и подходитъ первый, и знаетъ какъ взять и какъ поклониться батюшкѣ, все знаетъ. Да и какъ ему не знать: и дѣдъ его и отецъ были добрые козаки, а прежній священникъ, что умеръ лѣтъ двадцать назадъ, былъ его крестнымъ отцомъ, любилъ его и научилъ грамотѣ; самъ онъ въ старые годы чумаковалъ: ходилъ за рыбой на Донъ, въ Бердичевѣ бывалъ съ товаромъ, въ Крымъ разъ десять ѣздилъ за солью, съ купечествомъ знался. За то, кто ни пройдетъ ни проѣдетъ по слободѣ—и смотритъ на хату стараго Павла, что на углу противъ церкви: такая бѣлая, какъ будто къ празднику убралась, три окна на улицу, ставни зеленыя и завалинка желтая, гребень на соломенной кровлѣ выложенъ камышемъ; надъ трубой вырѣзанъ деревянный пѣтухъ. Есть загоны и для скота, и для овецъ, и для гусей особый сарайчикъ. А за дворомъ токъ — съ рожью, пшеницей,

овсомъ, просомъ, гречкой: хоть и по немногу всего, а все достанетъ до новаго хлѣба и останется что продать. За токомъ тянется огородъ и садъ съ яблонями, грушами, сливами; тутъ же и цвѣтникъ. Да что и расказывать про цвѣты и сады, когда все занесено снѣгомъ и на деревьяхъ нѣтъ ни листочка. Богъ дастъ доживемъ до лѣта, такъ все увидимъ, хоть нарочно пріѣдемъ въ гости къ старому козаку Павлу. Да не хотите ли пойдемъ теперь къ нему въ хату, посмотрите какъ она бѣла и чиста, пятнышка не найдете, земляной полъ какъ будто вылитъ — такой гладкой, а по немъ разсыпанъ песокъ желтый какъ золото. Въ переднемъ углу божница: въ ней среди другихъ иконъ, замѣчательна икона Божіей Матери, писанная простымъ маляромъ. Ликъ Святой Дѣвы, какъ живой, выступаетъ изъ сумрака тѣней; всѣ иконы увѣнчаны и переплетены вязью цвѣтовъ, передъ ними разпростерлось изображеніе Св. Духа. На стѣнѣ картина, писаная маслеными красками, и предметъ ея близокъ сердцу украинца: на ней Запорожецъ въ красныхъ шараварахъ, въ бѣлой сорочкѣ, въ шитой курткѣ, сидитъ поджавши ноги; чупрына закинута за лѣвое ухо, самъ перебираетъ платье да что-то ищетъ въ немъ, подлѣ него бандура; за нимъ стоитъ конь и бьетъ копытомъ землю. Эту картину подарилъ ему на память батюшка, отецъ Кандратій. Подлинная запорожская картина. Около двухъ стѣнъ идутъ лавки, не такія широкія какъ въ русской избѣ, за то всѣ дубовыя; въ углу, наравнѣ съ лавками, выстланъ *полъ* или кровать; на ней спитъ мальчикъ лѣтъ трехъ, подъ

ею стоятъ двѣ *скрыни* или сундуки; палатей нѣтъ; а то на печкѣ много простора, и въ стѣнѣ вдѣлано маленькое окошечко, такъ что не сходя съ нее можно видѣть что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Кругомъ печка вся въ узорахъ, у припечки бѣлые столпики, вокругъ нѣсколько печурокъ и около каждой желтые обводы.

Старый Павло́ очень любилъ отдыхать на печкѣ. Бывало постелетъ войлокъ, закуритъ трубку, а тамъ лежитъ да смотритъ въ окошечко, и вдругъ проситъ старшую дочь:

— Оксана? знаешь что?

— А что *тату*?

— Вотъ видишь: добрые люди еще не ѣли, а Ткандиха изъ шинка идетъ. Видишь какъ плететъ ногами. Ахъ она канальская баба! — Глядитъ, за бабой выходитъ изъ шинка Петро́, братъ нашего старика, и тоже плететъ ногами.—Вотъ такъ. спасибо!—шепчетъ про себя старикъ, и задумается.

— Пройдетъ ли по дорогѣ чумачество, а старикъ и вспоминаетъ о прежней удали, какъ бывало разгуляется чумакъ, угоститъ весь божій міръ, всѣхъ кого встрѣтитъ на базарѣ, и виномъ и музыкой и веселыми пѣснями; угоститъ, отгуляетъ и бухъ въ дорогомъ платье въ кадку съ дегтемъ. Вспоминаетъ какъ ѣзжалъ въ Крымъ за солью и научился говорить по Татарски, умѣлъ спросить почемъ хлѣбъ, почемъ яблоки: да какъ разгуляется и пристанетъ къ дѣвчатамъ:

— А ну, дѣвчата, скажите: *качь копекъ истесенъ?*

— Ни, я не умѣю!—Я не скажу!—И я не скажу!

— А ну, Галю, ты скажи?

— Ни, и я не скажу.

— Ну такъ спойте такую пѣсню, и Повло́ запѣваетъ:

Кара кушунъ минегенъ терекэ.

Дѣвчата хохочутъ; а Павло улыбается, и важно поправляетъ сѣдые усы. Бывало смотритъ съ печи въ окошечко, и видитъ: паробокъ манитъ къ себѣ изъ сосѣдняго огорода дѣвчину; а ея мать поливаетъ бураки, и не замѣчаетъ что дѣлаетъ *доня.* * Тогда старикъ Павло́ про себя смѣется и хитро покачиваетъ головой.

Онъ и теперь на печи. Пришелъ отъ обѣдни и прилегъ отдохнуть, а Оксана стала убаюкивать дитя; пропѣла ему про *котика*; запѣла про *голубковъ*:

Э! э, э, люли!
Налетѣли гули; **
Сѣли на воротѣхъ,
У червонныхъ чоботѣхъ;
Воротечки скрипъ, скрипъ,
Дитя мое спить, спить....

Смотритъ, а они оба уснули и старикъ и дитя. Старикъ какъ-то снова полюбилъ эту пѣсенку: бывало приляжетъ отдохнуть и говоритъ Оксанѣ:

* *Доня* — дочька.
** *Гули* — голуби.

го, Оксана, твой Ивасю не спитъ? пусть его ло-
ится, убаюкай его.

Оксана запоетъ, а Ивасю да старый Павло и за-
ыпаютъ подъ пѣсню.

Но на этотъ разъ какъ-то не спалось дитяти.

— Мамо! ѣсть хочу! — закричалъ Ивась.

— Молчи! ужо тебя дѣдушка! спи! молчи!

— Мамо, ѣсть хочу! — и ребенокъ закричалъ
льнѣй прежняго.

— Кто тамъ кричитъ? — спросилъ проснувшись
авло́. — Чего ты плачешь, Ивась? Оксана! что вы
разните дитя!

— Да кто его дразнитъ? Онъ ѣсть хочетъ.

— Ѣсть? ни, братику, еще рано. — И старикъ
шелъ съ печи. — Еще рано! повторилъ онъ. Еще
ѣзда не взошла.

— А скоро взойдетъ звѣзда? — спросила Галя?

— Какъ Христосъ родится, такъ и звѣзда взой-
етъ. —

Однакожь дитя не переставалъ плакать; крупныя
лезы катились по его круглому личику.

Оксана достала сухую грушу и хотѣла дать ее
ебенку.

— Не льзя! сказалъ старикъ. Еще звѣзда не всхо-
ила! Слышите, вы, звѣзда не всходила.

— Дайте ему хоть поиграть, просила мать, у
его, моего голубчика за слезами и глазъ не видно.—
она дала ему грушу и взяла его на руки.

— Ну! поиграть дай, да чтобъ не ѣлъ, развѣ такъ *посмакуетъ* да и только. Можетъ скоро и звѣзда взойдетъ.

Небо занесено облаками. Не видно ни звѣздъ, ни мѣсяца, а день уже меркнетъ. Старикъ началъ поглядывать на небо; Галя молча смотрѣла въ окно; Оксана вынимала изъ печи кушанье и ставила на припечку.

— Вотъ теперь должно быть взошла звѣзда!—сказалъ старикъ, и перекрестился.

Дочери также перекрестились.

Галя поторопилась накрыть на столъ. Для *вечери* приготовлена по обычаю *кутья* или отвареный ячмень, облитый грушевымъ взваромъ; а какъ у Павла были свои пчелы, то въ кутьѣ разведенъ медъ; поданъ *квасокъ* или постныя щи, вареныя изъ кислой капусты на грушевомъ квасу; поставленъ *взваръ* грушевой и яблочной; подана отвареная рыба *тарань*.

Вскорѣ послѣ *вечери*, вошелъ въ хату мальчикъ лѣтъ десяти; перекрестился, поставилъ на столъ миску, завязанную въ платкѣ, и поклонившись старику и всѣмъ домашнимъ, проговорилъ:

— *Батько да мамо прислали вечерю тоби тату, тоби мамо! вечеряйти на здоровье!*

— *Спасиби, сынку!* сказалъ старикъ развязывая платокъ.

— Спасиби! повторили Оксана и Галя.

По обычаю, въ мискѣ было отвареное ячменное зерно, облитое взваромъ; на немъ лежали два *пи-*

рога и одинъ *книшъ*; впрочемъ, все равно если бы и два *книша* и одинъ пирогъ, только необходимо, чтобъ всего было *три*; сверху всего лежалъ кусочекъ соленой рыбы.

— Спасибо! — повторилъ крестный отецъ.—Оксана поподчивай Николу! — и Оксана подала Николѣ ужинать; его вечерю оставила у себя, а ему положила своего отвару, два *пирога*, *книшь* и кусочикъ рыбы.

— Спасиби, тату! спасибо мамо! — сказалъ мальчикъ, вставая изъ-за-стола.

— На здоровье! — отвѣчалъ старикъ, и подалъ ему приготовленную *вечерю*.

— Теперь иди къ *бабушкѣ*, что принимала тебя на свѣтъ Божій. Пусть вечеряетъ чѣмъ пріемный сынъ подчуетъ и чѣмъ крестный отецъ даритъ. Будь здоровъ сынку! учись Богу молиться, отца и мать слушать. Да не шали! Вотъ тебѣ! — прибавилъ онъ, давая ему гривну.

Мальчикъ не опомнился отъ радости, повторилъ еще: спасиби, тату, спасиби мамо, и отправился къ бабушкѣ.

На улицѣ долго былъ слышенъ скрыпъ снѣга, бѣганье и говоръ дѣтскій. Крестные сыновья носили *вечерю* своимъ отцамъ и бабушкамъ. Даже паробки и дѣвчата лѣтъ въ двадцать должны исполнять обычай, если они не женаты и не замужемъ. Кумы ходили къ кумовьямъ, дарили ихъ платками; шитыми, узорчатыми полотенцами, чѣмъ нибудь съѣстнымъ, и тѣмъ *выкупали себѣ* крестнаго сына

или дочь, а кумовья подчивали ихъ и платили за подарокъ поцелуемъ и ласковой рѣчью.

— Въ каждой хатѣ было все приготовлено для святаго праздника.

Всѣ хаты чисты и бѣлы. У каждаго отложено нарядное платье, чтобъ завтра идти къ обѣдни: у кого сорочка шитая шелкомъ, у кого бумагою; иной надѣваетъ послѣднюю; у одной серебряные дукаты и настоящіе корольки, у другой оловянные кресты и сердечки, стеклянныя бусы или даже крашеный горохъ. У всѣхъ напечены *паляницы*, *пироги* съ творогомъ или кашей, приготовлены *колбасы*, какъ необходимая принадлежность праздника. А завтра, Богъ дастъ воротится народъ отъ заутрени, и хозяйкѣ останется только сварить борщь. *

Тихо кончается вечеръ предъ Рождествомъ Христовымъ; еще тише рождественская ночь; нѣтъ ни пѣсенъ, ни говору, ни вечерницъ. Село спитъ. Небо прояснилось, и въ глубинѣ его дивно горитъ хоръ звѣздъ и теплится луна, какъ лампада земли предъ престоломъ Божіимъ. Все полно тишины и святой тайны.

* Замѣчательно, что вареникъ не готовятъ на рождество: а во всѣ другіе праздники готовятъ.

КОЛЯДКИ

или

СВЯТЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Только что народъ возвратился отъ Рождественской заутрени, нищіе — старцы и дѣти пошли по хатамъ *славить* Христа. Пѣли стихи на голосъ херувимской молитвы и говорили *вирши*.

Иногда съ голосомъ сливались звуки скрипки.

День проходитъ тихо, семейно.

Настаетъ рождественскій вечеръ. По хатамъ начали собираться гости; поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ, а хозяева ставятъ на столъ водку, подогрѣтую съ перцемъ, и простую водку, а кто побогаче и позапасливѣе, у того есть и *сливянка*. На тарелкахъ или въ чашкахъ стоятъ орѣхи, на платкѣ положены пряники. Тихо льется разговоръ; медленно и съ поклонами обноситъ хозяинъ гостей чаркою вина — гости становятся веселѣе и разговорчивѣй. Рѣчь переходитъ отъ Саввы Чалаго къ исправнику, и отъ окружнаго къ запорожью.

Задумался и молчитъ одинъ старый Павло. Куда, думаетъ онъ, заѣхалъ братъ Петро? или не успѣлъ онъ продать хлѣба, или загулялся, а кажется ему

бы должно еще утромъ воротиться изъ города. Правда, Петро любитъ погулять, да человѣкъ онъ — такъ ничего, и старшаго брата почитаетъ.

— А что, Оксана, гдѣ-то теперь Петро? куда это онъ заѣхалъ?

— Да развѣ не видите, тату, что за мятель поднялась, такъ и бьетъ въ глаза. Вотъ можетъ поѣхалъ, да и остоновился на постояломъ. А можетъ и пріѣдетъ скоро.

Въ самомъ дѣлѣ безоблачное небо залилось туманомъ; мѣсяцъ, обхваченный радужнымъ вѣнцомъ, свѣтилъ тускло, порывистый вѣтеръ налеталъ на деревья и хаты, свистѣлъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ и съ шумомъ приподымалъ на кровляхъ тростникъ и солому. Окрестность струилась бѣгущими полосами снѣга; степь волновалась *сухой мятелью*.

— Тьфу ты канальская мятель! — кричалъ Петро посреди поля. Онъ былъ уже съ версту отъ своей деревни. Вотъ, вотъ еще немного — и дома, такъ нѣтъ: то дорога выскользнетъ изъ подъ ногъ; то конь завезетъ въ сугробъ; то вдругъ завоетъ вѣтеръ, засвиститъ, да цѣлой тучей снѣга и льда прямо въ лицо, такъ что свѣта не взвидишь, даже конь остановится и ни съ мѣста. Измучился Петро, прозябъ Петро; не помогъ ему ни *кожухъ*, ни *свита* съ *видлогой*: * вѣтеръ пронизалъ его; снѣгъ пробился за одежду.

* *Кожухъ* — тулупъ; *свита* — армякъ, верхняя суконная одежда; *видлога* — капишонъ на свитѣ, который надѣвается въ мятель и морозъ на голову сверхъ шапки.

— Ахъ ты канальская мятель! А что, Микита, видалъ ты такую *завирюху*? — закричалъ Петро своему работнику.

— Ни, не видалъ! не дай Господи!

— А мы видали! — и онъ остановился; досталъ водки, далъ выпить работнику, выпилъ самъ, поѣхалъ и запѣлъ сколько было силы:

Якъ кто бѣды не знае,
Не хай мене пытае!
Бо я у бѣды обѣдавъ,
Бо я бѣду развѣдавъ:
Така бѣда лихая,
Якъ горѣлка гирка́я!

— А? Микита? хочешь горѣлки! — и Петро вылезъ изъ саней и подчивалъ Микиту.

— Ни, нехочу! страшно!

— Страшно? чего страшно? мнѣ не страшно! — и онъ выпилъ еще, и пробираясь къ своимъ санямъ заплясалъ и запѣлъ:

Ой мете, мете метелица!
Чому старый не жениться.....
.....
Ой, горежь мини
Не женатому,
Якъ тому горщечку
Да й щербатому.
Въ горщечку кипить,
Въ щербину бѣжить:
Якъ мене серденько
Безъ тебе жить!

Ноги его грузли въ снѣгу, вѣтеръ развѣвалъ и срывалъ платье, и разносилъ слова пѣсни; клубы снѣга засыпали его.

— А что, Микита? чего тутъ страшнаго, дурень? — прокричалъ Петро, выбившись изъ силъ; сѣлъ на сани, ударилъ по лошади; но лошадь не съ мѣста: сани загрузли. Кругомъ нѣтъ признака дороги; нѣтъ примѣтъ жилья, не свѣтитъ огонь, не доносится лай собаки. Кругомъ пустыня поля и бурнаго неба. Микита крестился и читалъ молитву; Петро не былъ трусомъ и шутя переживалъ жизнь; бывало выпьетъ, такъ море по колѣно; но теперь видѣлъ что дѣло плохо. Приходилось ночевать въ полѣ, а ночевать страшно: вѣтеръ сильно прохватываетъ; тѣло стынетъ!... Вдругъ послышались голоса...

— Слышишь Микита! вскрикнулъ Петро. Пойдемъ искать дороги! деревня близко. Слышишь, наши поютъ.

— То не наши, то нечистая сила поетъ.

— Ни, наши! слышишь! — они стали оба прислушиваться. Въ самомъ дѣлѣ донеслись голоса пѣсни: деревня была подлѣ. Оба путника перекрестились и смѣлѣе начали выбиваться изъ снѣжнаго моря....

Мятель не помѣшала народному обычаю. Толпы поробковъ и дѣвчатъ бѣгали отъ хаты къ хатѣ и *колядовали*. Только что Павло разговорился про старину и завелъ рѣчь о томъ какъ прежде все было лучше на свѣтѣ: и паробки веселѣе и дѣвчата красивѣй, вдругъ послышался шумъ у окна, кто-то

стукнулъ въ ставень и спросилъ звонкимъ голосомъ:

— *Чи колядовати!*

— Вотъ и калядовщики! — сказалъ Павло — калядуйте!

— А кому колядовать, дѣвчинѣ или хлопцу?

— Да хлопцу! — и старикъ, приосамившись погладилъ усы, прислонился къ стѣнѣ и началъ накладывать трубку.

Десятки женскихъ голосовъ раздались подлѣ окна:

Ой, рано, рано куры запѣли,
Ой, дай Боже, куры запѣли,
Святый вечеръ!
А еще ранѣйше Ивасю вставъ,
Ой, дай Боже, Ивасю вставъ,
Святый вечеръ!
Ивасю вставъ, лучкомъ забрязчавъ,
Ой, дай Боже, лучкомъ забрязчавъ,
Святый вечеръ!
Лучкомъ забрязчавъ, братья пробужавъ:
Ой, дай Боже, братья пробужавъ,
Святый вечеръ!
Ставайте, братця, коній сѣдлайте,
Ой, дай Боже, коній сѣдлайте,
Святый вечеръ!
Коній сѣдлайте, хортивъ скликайте, *
Ой, дай Боже, хортивъ скликайте,
Святый вечеръ!
Да поидемъ, братця, у чистое поле,
Ой, дай Боже, у чистое поле,
Святый вечеръ!

* *Хортивъ* — собакъ борзыхъ.

Ой, тамъ я назнавъ куну въ деревъ, *
Ой, дай Боже, куну съ деревъ
Святый вечеръ.
Куну въ деревъ, дѣвку въ теремъ,
Ой, дай Боже, дѣвку въ теремъ,
Святый вечеръ!
Ой, вамъ же, братця, куна въ деревъ;
Ой, дай Боже, куна въ деревъ,
Святый вечеръ!
А мнѣ братця, дѣвка въ теремъ!
Ой, дай Боже, дѣвка въ теремъ,
Святый вечеръ!

— Дай Боже вечеръ добрый! Будь хозяинъ здоровъ! съ праздникомъ, съ Рождествомъ Хрисовымъ!

— Спасибо! а ну еще!

И за окномъ шумнѣе прежняго раздались голоса:

— У мосту, мосту войско стояло;
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Войско стояло, ладу незнало
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Вывели ему коня у нарядѣ;
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Онъ коника взявъ, шапочки не знявъ,
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
— У мосту, мосту войско стояло,
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный
Василько!

* *Назнавъ* — узналъ, развѣдалъ. *Куна* — куница.

Войско стояло, ладу не знало;
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Вынесли ему блюдо червонцевъ
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Онъ червонци взявъ, шапочки не знявъ;
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
— У мосту, мосту войско стояло,
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Войско стояло, ладу не знало,
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Вывели ему дѣвку у нарядѣ,
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Онъ дѣвочку взявъ шапочку знявъ,
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный,
Василько!
Шапочку знявъ и подяковавъ!
Соколъ, соколу ясный,
Молодець красный
Василько!

Добре, добре дѣвчата! слышишь хлопчикъ! А ну еще! Да идите въ хату: я васъ *до-лиха* угощу!

И цѣлая толпа Колядовщицъ въ пестрыхъ нарядахъ, въ большихъ чоботахъ, въ шубахъ и свиткахъ, занесенныхъ снѣгомъ, ввалила въ хату. Десятки голосовъ проговорили:

— Здравствуйте! будьте здоровы! съ праздникомъ!

— Спасибо! Оксана, водки! Давай имъ водки. А что много накалядовали?

— Нѣтъ еще! къ вамъ, *дидусю*, къ первымъ пришли!

— И за то спасибо! Оксана давай водки! кушайте, будьте здоровы. А это кто?—спросилъ старикъ, увидивши высокаго парубка, который молча стоялъ у дверей и держался обѣими руками за пустой мѣшокъ, повѣшенный черезъ плечо.

— Да то нашъ мѣхоноша, *дидусю*! Мы на колядуемъ и пироговъ, и паляницъ, и сала, а онъ носитъ за нами.

— Чтожь вы сами не носите?

— Да не дѣвичье то дѣло! на то онъ паробокъ!— отвѣчали дѣвчата.

— А поди сюда, мѣхоноша! можетъ водки выпьешь!

— Да выпью! — отвѣчалъ мѣхоноша, и протерся сквозь толпу колядовщицъ.

— Это Степанко? сказалъ старикъ.

— А тожь! — отвѣчалъ паробокъ.

— Вышій добрый человѣкъ!

— А табаку дадите, дядюшка, трубку закурить?

— Вотъ тебѣ и табакъ, кури на здоровье.—Паробокъ вынулъ изъ запазухи трубку въ мѣдной оправѣ, закурилъ, и сѣлъ на лавку.

— А, ну, еще колядку да веселъе! ну, дѣвчата!

Ой славенъ козакъ да старый Павло;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Хвалився конемъ передъ Королемъ;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Хвалився лучкомъ передъ Гайдучкомъ;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Хвалився мечемъ передъ паничемъ;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Хвалився стрѣлкою передъ дѣвкою:
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Не мае у короля такого коня;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Не мае у Гайдучка такого лучка;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Не мае у панича такого меча;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Не мае у дѣвки такои стрѣлки;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Якъ я схочу, Дунай перескочу;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Якъ я схочу, весь лѣсъ потопчу;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Якъ я схочу, море переплыву;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Море переплыву ноги не вмочу;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Море переплыву сѣдельца не замочу;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Море переплыву стременечка не вмочу!
Ой, дай Боже святый вечеръ!

Будьте здоровы, старый козакъ Павло! Дай Боже вечеръ добрый!

— Вотъ спасибо! ай, дѣвчата! славно! Оксана, подноси имъ! — Да! когда-то Павло былъ славный козакъ! Бывало выйдешь на улицу — и молодицы и

дѣвчата сами напередъ здороваются: «здравствуй-те Павло! здравствуйте, здоровы ли?» — Да здоровъ, спасибо! вы здоровы ли! —И въ парубкахъ былъ вожакомъ; и на сѣнокосѣ бывало всѣ станемъ рядомъ, а я съ краю, да какъ махнемъ разъ, два, три, — смотрятъ, а я ужь впереди....

— Да! да! — говорили гости; — да! повторялъ за ними старикъ.

— Татусю! пустите меня съ дѣвчатами! — просила Галя.

— За чѣмъ съ дѣвчатами?

— Да колядовати!

— Колядовати?

— Пустите, татусю! проговорили вдругъ нѣсколько дѣвчатъ. Пустите!

— Ну, пусть идетъ! да скорѣй приходи!

— Скоро, скоро!

Спасибо за хлѣбъ, за соль, и за винцо, и за доброе словцо, и за ласку! кричали дѣвчата и стали выходить изъ хаты.

— Куда вы, постойте! Оксана дай имъ паляницъ, давай имъ пироговъ, давай грошей.

И старикъ снова завелъ рѣчь про старину. А на улицѣ свистѣлъ вѣтеръ и сливался съ звонкими голосами колядовщицъ.

Онѣ уже пѣли у окна сосѣдней хаты *колядку на дѣвчину*:

Ясна красна въ лузъ * калина;
Ой, дай Боже, въ лузъ калина,
Святый вечеръ!
Еще краснѣйша у Семена дочка;
Ой, дай Боже, у Семена дочка,
Святый вечеръ!
До церковки шла убиралася;
Ой, дай Боже, убиралася,
Святый вечеръ!
Убиралася, наряжалася;
Ой, дай Боже, наряжалася,
Святый вечеръ!
Луданы ** брала, платья надѣвала;
Ой, дай Боже, платья надѣвала,
Святый вечеръ!
У церкву прійшла, якъ зоря зійшла;
Ой, дай Боже, зоря зійшла,
Святый вечеръ!
Изъ церкви шла паны стрѣчали;
Ой, дай Боже, паны стрѣчали,
Святый вечеръ!
Паны стрѣчали шапки знимали;
Ой, дай Боже, шапки знимали,
Святый вечеръ!
А что жь то идеть, за паняночка?
Ой, дай Боже, за поняночка,
Святый вечеръ!
Ой чи попивна, чи Короливна?
Ой, дай Боже, чи Королевна,
Святый вечеръ!
Ой, то не попивна, не короливна;
Ой, дай Боже, не короливна,
Святый вечеръ!
Ой, то дѣвочка Семенова дочка!
Ой, дай Боже, Семенова дочка,
Святый вечеръ!

Едва кончилась эта каляда уже запѣли другую:

* *Лугъ*—лѣсъ; въ лузъ—въ лѣсу.
** Цвѣтныя или шитыя башмаки.

Ой въ лѣску въ лѣску, да на жовтемъ песку,
Святый вечеръ!
Тамъ пава ходить, перьячко ронить;
Святый вечеръ!
За нею ходить молода Марьечька;
Святый вечеръ!
Перьячко збира, въ рукавець кладе;
Святый вечеръ!
А изъ руковця бере, на скамью кладе,
Святый вечеръ!
А зъ скамьи бере вѣночикъ плете;
Святый вечеръ!
Да сплевши вѣночикъ пишла у таночикъ; *
Святый вечеръ!

Дай Боже вамъ вечеръ добрый, а намъ пирогъ долгій!

За пѣснею послышались крики, хохотъ и раздались голоса ребятишекъ, у которыхъ колядовщицы, насмѣхъ, отнимали мѣшокъ съ колядкой, т: е: со всѣмъ что они успѣли собрать по деревни пѣснями. Но на этотъ шумъ и крики нагрянула толпа паробковъ, и дѣвчата съ визгомъ и крикомъ разсыпались по улицѣ. Однѣ падали на сугробы снѣга, другія жались къ заборамъ и просили пощады, между тѣмъ ребятишки обѣгали хаты и пѣли:

Якъ у городѣ да на торговѣ,
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Тамъ Якивко ходить,
Коника водить,
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Съ коникомъ говорить:
— Ой коню мій коню,
Продамъ я тебе!
Ой, дай Боже святый вечеръ!

* Въ *кругъ*, въ *хороводъ*.

— Пане мій пане!
Гадай, погадай;
А мене коня да не продавай!
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Якъ тебе нагнали
Турки съ Татарами;
Ой, дай Боже святый вечеръ!
Я въ Дунай вскочивъ,
Стременъ не вмочивъ,
Ой, дай Боже святый вечеръ!
И твоей збруи козацкои
Да й не замочивъ!
Ой, дай Боже святый вечеръ!

— Добре! спасибо. Вотъ вамъ гроши, да и бѣгите.

Дѣти пошли къ другой хатѣ. Звонко раздавались ихъ голоса, но слова колядки разносилъ вѣтеръ....

Между тѣмъ миръ скоро былъ заключенъ и толпы паробковъ и дѣвчатъ пошли въ разныя стороны. Вдругъ одна изъ дѣвчатъ пропѣла въ слѣдъ парубкамъ:

Поѣхали наши паробки на ловы *
До зеленои дубровы,
Да уловили комаря;
Стали суды судити,
Стали камаря дѣлити....
Ивъ!... Ивъ!...

Паробки остановились, и не много позамявшись отвѣчали:

Чи у васъ челядь ** дорога,
Дорога?

* На охоту.
** *Челядь* — дѣти, мелкота.

А у насъ челядь дешева!
Дешева!
По три копы * дѣвочка!
Дѣвочка!
По четыре кисочка!
Кисочка! **

Общій смѣхъ прервалъ пѣсню. Слышите дѣвчата что они поютъ.... А знаете что? пойдемте калядовать вмѣстѣ съ паробками! — И двѣ толпы гуляющихъ заняли всю улицу, на встрѣчу имъ показались двое саней.

— Дѣвчата? видите сани! а знаете что? сядемъ въ сани!

— Здравствуйте дядюшка! здравствуйте! здравствуйте!— и дѣвчата и паробки посыпались въ сани, кому какъ удалось.

Лошади остановились.

— Чего вы, дѣвчата! эй, хлопцы! ну, васъ! насъ не много не замело съ Микитой!

— Да это вы дядюшка, Петро! какъ можно чтобъ васъ занесло! ни, не дай Боже! Станемъ лучше колядовать!—и онѣ потащили его изъ саней.

— А, ну-те, дядюшка: *гопъ, гопъ! гоцъ, гоцъ!* — и одна изъ дивчатъ начала выплясывать козачка.

Петро былъ навеселѣ и любилъ поиграть съ дѣвчатами; но на этотъ разъ у него не гнулись какъ-то ноги, и удаль оставила его.

* *Копа* — полтина.

** *Кисочка* — косочка, косонька.

— *Гопъ, гопъ!* кричала дѣвушка и брякала подковками, и весело запѣла:

Ой черезъ рѣчку,
Черезъ болото,
Дай мини рученьку,
Мое золо́то!

Петро, перебирая ногами на одномъ мѣстѣ, отвѣчалъ:

Ой черезъ рѣчку,
Черезъ быструю,
Дай мини серденько
Хоть и другую....

Славно Петро! ай, да Петро!
И Петро, разшевеливаясь запѣлъ:

Ой не виттиль мѣсяцъ свѣте *
Виткиль ясны зирки. **
Унадився *** Петрусенько,
До чужои жинки.
Унадився, унадився
Якъ кабанъ у жито!

— Да что вы дѣлаете? кричалъ Микита расталкивая дѣвчатъ. Пора до дому! говорилъ онъ Петру, таща его въ сани. А Петро запѣлъ:

— Ой жена до дому,
до дому!
— Бѣсе муже не пиду,
не пиду!

Не пиду! какъ не пиду! Будетъ тебѣ не пиду.

* Не оттуда мѣсяцъ свѣтитъ.
** Отколь ясны звѣзды.
*** Унадився—повадился.

— Пиду, пиду! отвѣчалъ Петро, но Микита уже свалилъ его въ сани и повезъ домой.

Толпа повалила вдоль улицы и дружно запѣла:

Ой заказано и зарадано,
Святый вечеръ!
Всѣмъ козаченькамъ у войско идти,
Святый вечеръ!
Пану Ивану хоругвь * нести,
Святый вечеръ!
А его ненька ** ще не старенька,
Святый вечеръ!
Выпровожала и научала:
Святый вечеръ!
Ой сыне мій сынку!
Саятый вечеръ!
Не попережай у передъ войска,
Святый вечеръ!
И не оставайся позади войска;
Святый вечеръ!
Держися войска, все середняго
Святый вечеръ!
И козаченька все статечнаго!
Святый вечеръ!
Мододый Иванко не послухавъ нени,
Святый вечеръ!
У передъ войска конемъ играе,
Святый вечеръ!
А позадъ войска мечемъ махае,
Святый вечеръ!
Якъ гляне, то самъ Царь на креслѣ:
Ой, колибъ я знавъ
Чій то сынъ гулявъ,
За его бъ я дочку отдавъ,
Полъ-царства подаровавъ!
Святый вечеръ!

* Хоругвь.

** *Ненька, неня*—мать, матушка.

— Зайдемте еще къ Стехи, проколядуемъ ей. И онѣ подошли къ первой хатѣ и запѣли:

Ой умна, умна каменна гора,
Святый вечеръ!
Что не уродила шовкова трава,
Святый вечеръ!
Да й уродило зелене вино.
Святый вечеръ!
Якъ налетѣли райскія пташки,
Святый вечеръ!
Да и позобали зелене вино,
Святый вечеръ!
Якъ проснулась дѣвка, Катинька:
Святый вечеръ!
— Ой шуги, шуги райскія пташки
Святый вечеръ!
Да не зобайте * зелена вина,
Святый вечеръ!
Ще мини вина богато треба:
Святый вечеръ!
Брата женити, сестру давати,
Святый вечеръ!
Сама молода зарученая!
Ой, дай Боже, зарученая,
Святый вечеръ!

— Дай, Боже, вечеръ добрый!

Отвѣта не было. Колядовщики съ пѣснями пошли вдоль улицы.

— Прощайте дѣвчата, пора домой! сказала Галя.

* Зобать - клевать.

— Еще не пора, останься Галя! говорили дѣвчата и паробки.

— Нѣтъ, пора, пора! а то и на вечерницу нельзя будетъ придти.

— Приходи Галя! сказали поробки. Приходи мое серденько! прибавилъ Грицъ.

— У стараго Павла́ ложились спать. Ивась давно спалъ. Петро, выпивши горѣлки съ перцемъ, согрѣлся и не помнитъ какъ уснулъ.

— Поздно доню! поздно Гало!—сказалъ отецъ вошедшей дочери.

— Еще дѣвчата колядуютъ, татусю; только я пришла домой!

— Чего они колядуютъ, когда люди спятъ! — А у его оконъ вдругъ раздалась колядка:

Ой на горѣ яворъ зеленый, кудрявый!
Радуйся, ой, радуйся земле,
Веселися Боже нашъ,
Что породивъ насъ!
.....
.....

Не кончивши колядки, паробки поздравляли хозяина съ праздникомъ:

Дай Боже вечеръ добрый!

Изъ хаты отвѣту не было. — Пусть ихъ идутъ! говорилъ про себя старикъ!

— Дай Боже вечеръ добрый! раздались десятки голосовъ.

— Чего вы кричите! дѣтину разбудите! отвѣчалъ старикъ.

Колядовщики побѣжали отъ окна, и снова доносились ихъ пѣсни. Въ хатѣ Павла долго не могли убаюкать Ивася. Старикъ самъ принимался разсказывать ему сказки, но дитя затихъ только подъ колыбельную пѣсню:

Коте, коте, кото́сю!
Займи мою телусю,
На поповій на толоки,
Тамъ травы по-боки!
Конь бѣжить,
Трава шумить;
Бѣжи, бѣжи коню
До бѣлыя хатки,
До дѣвчины Гапки.
А дѣвчина Гапка
Сидить на виконьци,
Прядеть волоконьци:
Что выведе нитку
То пошіе свитку
Что выведе полтора,
То пошіе рукава;
Что выведе *нитушокъ*,
То пошіе кожушокъ. *

* т. е. Какъ выведетъ *ничего*, то сошьетъ шубку.

Оксана затихла, дитя уснуло!

— Чтожь ты Оксана не поешь, дитя проснется; Оксана знала, что старикъ любилъ самъ засыпать подъ колыбельныя пѣсни и запѣла:

Э, э, люлéчки!
Шовковыя вервéчки!
Малеваны билица! *
Пишли до Кирильца:
Что кирилець робить?
А Кирилець робить:
Черевички строить,
Да не дорогіе
По два золотые!

Старикъ дремалъ. Оксана смѣшала пѣсни и пѣла:

Э, э, котку
Не лезь на колодку....
Разибьешь головку!...
А ты котя сѣрый
Да вымети сѣни....
Э, э, э, коточикъ,
Да унесъ клубочикъ!
Э, э, э, люли....
Налетѣли гули,
Гули.... Гули....
Гу.... ли....

Живо хлопцы! живо ребята! музыка! живѣе! кричалъ Грицко выплясывая гопака. Музыка играла, поробки припѣвали:

* Здѣсь говорится о колыбели: шелковыя веревочки, крашеныя распорочки.

На курьячки перьячко рябое,
Любимось, кохаемось обое.
Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на его,
Будто любить его,
Будто дъвка его,
Будто пиде за него!

И Грицко взявшись за кушакъ, выдѣлывалъ такія штуки ногами и въ бокъ и прямо и назадъ, и мелкой дробью, и въ присядку, и такъ ловко и важно поправлялъ смушковую шапку, что и разсказать не возможно...

У Гали такъ билось сердце, что она не могла заснуть. Только задремлетъ, а оно: токъ токъ. Только закроетъ глаза, а Грицъ зоветъ ее на вечерницу: «пойдемъ Галя, пойдемъ скорѣе»!... привстанетъ, начнетъ одѣваться, и боится: неравно, батько, не спитъ. Но въ хатѣ тихо — и Галя одѣлась, перекрестилась и пошла.

— Пошла таки на вечерницу! подумалъ старикъ. Я зналъ что пойдетъ. Да пусть идетъ, толькобъ боялась что батько узнаетъ. Видишь, думаетъ что я сплю, такъ и не слышу. Ни, не тотъ человѣкъ.

— Галя! Галичка! Серденько! А ну, музыки! вскричалъ Грицъ, и не давши ей какъ должно поздороваться, уже танцовалъ съ ней козачка. А на селѣ никто лучше Грица не танцовалъ козачка, да и Галя не отставала отъ него: что за узоры выдѣлываетъ

ногами; а перебираетъ ими такъ складно, такъ скоро, что глазамъ больно; а подковками въ разъ, да въ разъ: *щелкъ, брякъ; щелкъ, брякъ.* Боже мой Господи, какая мастерица!...

МЕЛАНКИ, БОГАТЫЙ ВЕЧЕРЪ

или

ЩЕДРОВКИ.

— Нѣтъ, Оксана, такъ страшно! право страшно!

— Чего жь тутъ страшнаго?

— А какъ онъ закричитъ, такъ меня и поймаютъ. Тогда-то наберусь стыда: нельзя будетъ на улицу выдти... смѣяться станутъ.

— Да ты возьми его, да скорѣй въ мѣшокъ, чтобъ некогда было кричать.

— Какъ же я найду его сестра? вѣдь я не знаю гдѣ онъ сидитъ. Нѣтъ, Оксана, страшно, право страшно!

— Ну, какъ хочешь, Галю... А когда я гадала какой у меня будетъ женихъ, такъ все узнала, и страшно было да узнала. И ты узнаешь какой будетъ у тебя женихъ?

— У кого жь я сестра возьму?

— Да у кого хочешь, у того и возьмешь.

— Нѣтъ, скажи, Оксана, у кого лучше?

— Да за кого хочешь за мужь идти, у того и возми.

— Да у кого же, Оксана? скажи мнѣ сестра; скажи голубушка. Скажи, такъ я и послушаюсь тебя, и пойду.

— Пойдишь ты къ Грицю, тамъ и возьми свою долю, либо недолю! А знаешь что, Галю? ты скажись Настусѣ: ужь какъ она захочетъ, такъ оно и будетъ.

Но можетъ быть еще не всѣ знаютъ Настусю, сестру Грица. Она дѣвушка добрая, бойкая и очень любила Галю. Ей нечего и некого дѣлить съ Галей. Она знала что Галю любитъ Грицъ, стало быть Галя не мѣшала ни одному паробку быть женихомъ Настуси. За то другимъ дѣвчатамъ было досадно за чѣмъ Грицъ и говоритъ больше съ Галей и танцуетъ больше съ Галей. Вотъ онѣ и выдумаютъ что нибудь на нее: то она вечеромъ долго за воротами одна стояла, то разговаривала съ кѣмъ-то какъ ходила за водой, только нельзя было разсмотрѣть что-то былъ за паробокъ.... Выдумаютъ да и начнутъ смѣяться, а за Галю и вступится Настуся. Нѣтъ, говоритъ это не паробокъ былъ, а я; а вотъ ты Евдоха, лазила черезъ плетень, помнишь? а что? И ты, Приська, помнишь какъ съ поля шли? что забыла! А ужь объ Гали нечего говорить: никто ни чего не скажетъ.... А что?...

— И пойдутъ толки, а Галя все останется правой. Очень любила ее Настуся. Отъ того-то Оксана и говорила сестрѣ: какъ захочетъ Настуся такъ

оно и будетъ. — А Пастуся легка на поминѣ, тутъ и есть.

— Здравствуйте, Оксана, здравствуй Галю! — и дѣвушки поцеловались. — Знаешь, Гало, будемъ сегодня гадать!

— Я сама думала, да боюсь, какъ возмешь его, а онъ закричитъ, люди и услышатъ.

— Кто закричитъ?

— Да пѣтухъ!

— Пѣтухъ! если ты хочешь пѣтухомъ гадать, такъ возьми у насъ: я дамъ тебѣ такого пѣтуха, что во всей слободѣ не найдешь другаго.

— А какъ узнаетъ Грицъ, да поймаетъ?

— Не бойся! я сдѣлаю такъ что и Грицъ не узнаетъ. Пойдемъ же Галя!

— Нѣтъ теперь рано, посиди у насъ.

Между тѣмъ въ другой хатѣ, соперница Гали, Одарка — сбиралась съ подругами также на промыслъ за пѣтухомъ и выборъ палъ также на Грица.

— Ужь я знаю, дѣвчата, говорила она, какъ его взять; я и прошлаго года брала, и вчера зашла къ Грициной сестрѣ, да будто не нарочно и узнала гдѣ спитъ пѣтухъ, а онъ съ самаго краюшка къ дверямъ.

Пока дѣвчата толкуютъ и сбираются на охоту за пѣтухами, нашъ старый знакомый, Степанко, что былъ *мѣхоношей* у дѣвчатъ, когда онѣ колядовали, сидитъ и учитъ *щедровать* ребятишекъ.

— Слушайте, мелкота, пойдемъ вмѣстѣ со мною, только учитесь какъ пѣть; а кто не умѣетъ, пусть молчитъ. Ну, начинайте:

Прилетивъ сокилъ * зъ Кіева на Динъ; **
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Да и сѣвъ же сокилъ да на виконечку,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

— Грицко не отставай!

Да поглядае да у свѣтлоночку;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А тамъ Настуся свѣтлоньку мете,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Свѣтлоньку мете кисоньку плете;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Ее батинько суконьку кроивъ,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ.
Кроили сукню да и укоротили
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Шили башмачки да и помалили;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ;
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А остаточки на пидпяточки,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А обрѣзочки на привязочки!
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

* *Сокилъ* — Соколъ.

** *Динъ* — Донъ

— *Добре хлопци! добре дѣтвора!* Только не тяните, а такъ ровненько:

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ...

— Знаете какъ?

— Знаемъ! знаемъ!

— А ну:

Ой, ясна красна у лузѣ калина,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

— Ну, пойте одни, а я буду слушать! и Степанко вынулъ ситцевый кисетъ съ табакомъ и трубкой, наложилъ, высѣкъ огня и закуривши слушалъ, что поетъ его мелкота.

А еще краснѣйша у Василька дочка,
Щедрый вечеръ....

— Стой! не надо щедрый вечеръ, пойте одну пѣсню; а какъ станемъ щедровать, тогда и щердый вечеръ пойте!

До церквонци ишла зь яснымъ мѣсяцемъ,
Тамъ Паны стояли, шапки знимали;
Шапки знимали, мужикивъ пытали *
— Чи се царевна? чи королевна?
— Се жъ не царевна, не королевна;
Василькова дочка мóлода настуся.
По двору ходить макъ рожу ** садить
Пидишовъ къ викню батенько ее.

* *Пытать* — спрашивать.
** *Макъ—рожа*, макъ—роза.

— На чтожь донько тоби сей макъ и рожа;
Что ты у меня дононько и такъ хороша,
Что тоби паны всѣ дивовались,
Что тоби паны и шапки знимали!...

— Ну, *щедрый вечеръ*....

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

— Такъ! ай ребята! А эту знаете:

Чи дома панъ господарь.

— Знаемъ! знаемъ! какъ можно, эту всѣ знаемъ!
— А эту всѣ знаете:

Ой на рѣчцѣ на Іорданѣ...

— И эту всѣ знаемъ! — Знаете эту хлопцы? — знаемъ, знаемъ!

— Пойдемъ же щедровать! ну, гайда! вы чего отстаете! и Степанко шелъ какъ великанъ посереди ребятишекъ; черезъ плечо перекинутъ у него мѣшокъ; одной рукой держался онъ за кушакъ, другая была на волѣ; шагъ широкій, поступь медленна; смушковая шапка, будто сей часъ изъ лавки.

— Къ кому же идти сперва, дядюшка? — спрашивали его ребятишки.

— Идите сперва къ Павлу! — А Павло отдохнувши въ своемъ любимомъ уголкѣ сидѣлъ на лавкѣ, подлѣ стола, и игралъ съ внучкомъ. Мальчикъ тянулъ его за посѣдѣлые усы, бралъ его за чуприну — старикъ смѣялся и тѣшилъ ребенка.... давалъ ему пряниковъ

и разбивалъ орѣхи, которыми Галя угощала Настусю.

— Помогай Богъ!—раздалось за окномъ.

— Спасибо! отвѣчалъ Павло!

— *Чи щедрувати?*

— Щедруй!

И хоръ ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, запѣлъ:

Чи дома панъ Господарь?
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Ой, я знаю, что онъ дома,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Сидить онъ въ концѣ стола;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ.

— Какъ будто знаютъ гдѣ я сижу! проговорилъ старикъ, а Ивась и поймалъ его за усъ. — Слушай хлопчикъ, слушай Ивасю!

На немъ шуба соболева,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ
А на шубочцѣ шовковый поясочикъ;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А на поясочку шовкова калиточка! *
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на веcь вечеръ!

* Кошелекъ

А въ калиточцѣ семь шелягивъ;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Тому, сему по шелягу,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А намъ, братця, па перижечку.. *
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ.

Дай Боже хозяину вечеръ добрый, а намъ пирогъ довгій! На всю лопату! такій — съ твою хату!

— И мнѣ! закричалъ дитя. И мнѣ пирогъ такой большой!

— Дамъ, дамъ! — Спасибо хлопцы!.

— А еще, хотите?— спросили щедровщики.

— Хочешь Ивасю?

— Хочу! дай мнѣ! — и протянулъ рученки.

— Ну, щедруйте!

— Ой, на рѣчцѣ, на Іорданѣ;
Щедрый вечеръ, добрый вечерь
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

Но Ивась не слушалъ пѣсни, кричалъ, просилъ у дѣдушки пирога; и когда старикъ далъ ему пряникъ, то колядовщики уже допѣвали:

.....
....

Дай Боже хозяину вечеръ добрый и съ дѣтками и съ хозяйкою!

* По пирожку.

— Съ хозяйкою! — сказалъ про себя Павло, и на лицѣ его выступило горе! — Съ хозяйкою! — тихо повторилъ онъ. Да! когдабъ жива была моя Маруся... нѣтъ теперь не живутъ такъ на слободѣ... а внучатъ не привелъ Богъ видѣть... и онъ крѣпче прижалъ къ себѣ Ивася, и выпавшая изъ глазъ слеза катилась по стезѣ, пробитой лѣтами и горемъ. Послѣднее время, старикъ какъ-то чаще вспоминалъ про Марусю — и даже плакалъ. Дитя не сводилъ съ него глазъ и тоже не зналъ играть ли ему или плакать...

— А что щедровать? — спросили за окномъ.

— Нѣтъ, спасибо! Оксана дай имъ чего нибудь.

— Знаете ли вы — спросилъ старикъ у дочерей, что каждая звѣздочка на небѣ — душа человѣческая?

— А у меня, отецъ говоритъ, отвѣчала Настуся, что это Ангелы смотрятъ въ окошечки.

— Да, оно такъ и будетъ. Чья душа на небѣ, та и Ангельская. Вотъ, кто жилъ на землѣ праведно, тотъ въ царствѣ небесномъ живетъ Ангеломъ, и какъ настанетъ ночь — душа и смотритъ опять на родное мѣсто: что дѣти думаютъ, что отецъ съ матерью дѣлаютъ, какъ мужъ вѣку доживаетъ. Вотъ такъ и думаю! Можетъ и моя Маруся смотритъ на меня! А люди говорятъ что это звѣзды... нѣтъ это не простыя звѣзды.. Вотъ какъ встоскуется душа— по роднымъ своимъ, и полетитъ на землю.... Видали вы какъ звѣзды летаютъ? это не звѣзды, а души праведныя. Знаете: когда у человѣка станетъ

весело на сердцѣ, это душа прилетаетъ съ неба, да и расказываетъ про небо, а человѣку и весело... За то не дай Господи кому на горе посылается душа, кто обидѣлъ или погубилъ человѣка: такъ и сосетъ, вотъ здѣсь, у самаго сердца.... Не дай Богъ!— И старикъ началъ расказывать разныя исторіи, какія слыхалъ еще отъ дѣда, а дѣдъ его жилъ на бѣломъ свѣтѣ лѣтъ сто и много зналъ и видалъ.

Между тѣмъ щедровщики ходили отъ хаты къ хатѣ и пѣли разныя пѣсни:

Бери сынку райскіе ключи;
Да отпирай же рай и пекло;
Да выпускай праведны души;
Только тои не пускай
Что въ пятинку проспѣвала *
Отца и неньку поругала!
Еще и родиноньку прогнѣвила!
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

Щедрикъ ведрикъ,
Дайте вареникъ,
Грудочку кашки,
Кильце ковбаски!
Дайте ковбасу
До дому донесу!

И припѣвая ребята прыгали, и танцовали, и толкались; но изъ хаты вынесли палянницу — и Степанко, принявъ ее въ безконечный мѣшокъ, повелъ команду далѣе.

— Пора, Гало, пойдемъ гадать! говорила Настя.

— Пойдемъ! А что, страшно... Настуся?

* Пятницу проспѣла.

— Ничего не страшно! —

Онѣ вышли изъ хаты и остановились у воротъ.

— Знаешь что, Галю? отгадаемъ въ которой сторонѣ наша доля! и снявши съ правой ноги черевикъ, бросила его черезъ ворота.

— Вотъ такъ! это что за штука? кто-то проговорилъ за воротами.

Галя то же сняла и бросила.

— Это что за *кумедія*? проговорилъ тотъ-же голосъ.

Дѣвчата выбѣжали за ворота, а Петро стоитъ и держитъ въ обѣихъ рукахъ по башмаку.

— Вотъ, спасибо дѣвчата! Теперь мнѣ есть въ чемъ танцовать.

Черевички, невелички
Золотомъ шиты!
Полюби мене дѣвчинонька,
Что я домовитый...

И Петро выплясывая, хотѣлъ увернуться отъ дѣвчатъ; но дѣвчата поймали его за руки: отдайте дядюшка! чего вы смѣетесь! отдайте! — и отняли свои черевички, невелички.

Смотришь Галю, какъ придешь къ насѣсти, такъ и бери крайняго, а я буду сторожить, чтобъ не увидѣлъ кто нибудь.

Галя отворила двери, подошла къ насѣсти и схвативши пѣтуха, такъ что онъ не успѣлъ порядкомъ закричать, спрятала его подъ полу.

— А что Галю?

— Ничего! поймала.

— Ну, пойдемъ же гадать.

Только что онѣ со двора, а Одарка съ дѣвчатами на дворъ.

— Смотрите, дѣвчата! смотрите! если увидите кого — такъ спрячтесь! слышите.

Тихо прокралась Одарка въ сарай. Но распуганныя куры разлетѣлись какъ удалось. Только что она въ двери — вдругъ что-то вспрыгнуло изъ подъ ногъ и поднялось хлопанье, крикъ; и на право и на лѣво вездѣ летаютъ, кричатъ; одна курица со всѣмъ было сѣла ей на голову. Одарка къ насѣсти, схватила что-то, да и въ мѣшокъ.

— Ну, дѣвчата, насилу поймала. Только что я отворила дверцы, а куры и всполошились, и подняли крикъ! Да, нѣтъ! я свое взяла. Слышали вы, какъ онѣ кричали.

Между тѣмъ Галя и Настуся сидѣли въ камóрѣ у стараго Павла и гадали. На опрокинутой кадкѣ стоялъ свѣточь или *кагнецъ*; на полу ходилъ пѣтухъ, представитель Грица, и курица — Галя, снятая съ домашней насѣсти. На полу насыпано ячменное зерно; въ черенкѣ поставлена вода. Галя и На-

стуся молчали. Долго пѣтухъ смотрѣлъ на свѣточь, вытягивая шѣю на всѣ стороны. Вдругъ взмахнулъ, запѣлъ, раскинулъ крыло, сдѣлалъ кругъ — и началъ клевать зерна и кликать къ себѣ курицу.... она что-то тихонько проговорила, подбѣжала къ нему, и они дружно стали подбирать ячмень и запивать водою.

— Ну, Гало! быть тебѣ за мужемъ, и мужь будетъ человѣкъ веселый, славный! Вотъ прошлаго года Ивочька гадала, такъ пѣтухъ началъ бить курицу; это не хорошо, не къ добру. А тебѣ къ счастию Галя.

— Давай его скорѣй, давай, Одарка! кричали дѣвчата вбѣжавши къ ней въ хату.

Одна дѣвушка выпустила на полъ курицу — не доставало пѣтуха!

— Давай его, Одаря!

Одаря встрехнула мѣшокъ, и изъ него выпрыгнула курица...

— Ахъ, ахъ! закричали дѣвчата и давай смѣяться. То-то было смѣху. И теперь вотъ ужь скоро Святая, а какъ вспомнятъ про курицу, такъ и расхохочутся....

— Не хочу такъ гадать! — закричала Одарка. — Чтобъ ты пропала, проклятая курица! Гоните ее дѣвчата, вотъ такъ! еще! вотъ такъ!... Пойдемте на улицу да станемъ подъ воротами и будемъ слушать что скажутъ, какъ мимо насъ пойдутъ.

— Будьте здоровы хозяинъ съ хозяйкою! — кричалъ у сосѣдней хаты Степанко съ толпою ребятишекъ.

— Вотъ видите дѣвчата! это хорошо! право хорошо.

Но не такъ думала гадать Галя: она хотѣла узнать все что будетъ.

— Что еслибъ, Настуся, еще погадать, будетъ ли любить мужъ? добрый ли онъ будетъ, не будетъ ли браниться!

— Какъ же ты хочешь гадать?

— Да такъ! знаешь... на снѣгу.

— На снѣгу! ну, ты гадай, а я не буду!

Обѣ дѣвчины пошли по колѣно въ снѣгу черезъ токъ, въ садъ. Галя остановилась; осмотрѣлась кругомъ: нѣтъ никого. — Вотъ здѣсь, Настуся! А что можно?

— Да можно! отвѣчала Настуся.

Галя сняла кафтанъ и отдала его подругѣ; сняла корсетъ; развязала поясъ — и плахта упала на снѣгъ, и сорочка, подобранная подъ кушакъ, сбѣжала до полу.

— Смотришь, Настусю! Хорошенько смотри.

Тихо легла она на снѣгъ. Снѣгъ обхватилъ и запечатлѣлъ всѣ формы ея тѣла. Черезъ минуту она уже была одѣта и загадывала:

«Если будетъ у меня мужъ доброй и богатой, тогда *тѣнь* моя будетъ чиста и не помята; а если сердитый, то и звѣри тѣнь мою потопчутъ и птицы разгребутъ и вѣтромъ замететъ.»

— Что-то будетъ, Настуся! Посмотримъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Едва занялся свѣтъ, въ хатахъ топятся печи: огонь блеститъ на окнахъ; дымъ легко вьется въ воздухъ.

Галя стоитъ въ саду и смотритъ на свою *тѣнь*! кругомъ трескочутъ сороки, прыгая по деревьямъ и съ вѣтокъ валится снѣгъ. Кажется все хорошо: ни одинъ звѣрь не проложилъ слѣда на ея *тѣни*, ни птица не разгребла ногами; правда какой-то звѣрокъ раза два обошелъ кругомъ, да не переступилъ: почуялъ ли онъ близость человѣка, или такъ не хотѣлъ помѣшать счастью Гали, не знаю — только не переступилъ. Но чтожь это значитъ? за чѣмъ на ея *тѣни* лежитъ прутикъ? видно сороки прыгали и обломили вѣтку. Чтожь онъ значитъ? Должно быть ничего, такъ! — Еслибъ встала по раньше, такъ не было бы прутика, говоритъ Галя, и задумавшись идетъ въ хату.

Старикъ уже всталъ и помолился Богу. Петро только что умывался. Дверь отворилась и въ хату вошли трое дѣтей. Въ пиполкахъ были у нихъ пшеничныя, ячменныя и просяныя зерна! Еще не

здороваясь съ хозяиномъ, они пошли кругомъ хаты, разсыпáли зерна по оконкамъ, по лавкамъ, на полу и пригѣвали:

На счастье! на здоровье!
На новый годъ!
Роди, Боже, жито, пшеницу,
И всяку пашницу!
Жита копку
И горошку мѣрку!

— Будьте здоровы! съ праздникомъ, новымъ годомъ!

Оксана дала имъ по пшеничному хлѣбцу, испеченому нарочно для этого случая. Они пошли въ слѣдующую хату; а къ Павлу вошли новые поздравители. Такъ ходили по хатамъ дѣти и сыпали зерна и пѣли до самой обѣдни.

А у Гали все одно на умѣ: что это значитъ прутикъ? вѣрно Настуся знаетъ что онъ значитъ.

Но мы теперь промолчимъ о томъ, что говорила ей Настуся о сорокахъ и о прутикѣ. Богъ дастъ доживемъ до Галиной свадьбы, такъ все узнаемъ. Весь праздникъ дѣвчата ходили на вечерницы, и въ гости, и гадали, и наряжались, и пѣли, и танцовали съ паробками.

За то какъ пришла *голодная кутья* или крещенскій сочельникъ — всѣ притихли, какъ будто и праздника не было. Опять сварили кутью, сдѣлали изъ листьевъ лапушника крестъ, поставили его въ кутью. А послѣ вечери Павло помолился Богу цѣ-

лой семьею; взялъ мѣлъ и назначилъ имъ крестъ на божницѣ, потомъ на окнахъ, на каждомъ по кресту; надъ дверями крестъ; надъ сараями, надъ загонами — вездѣ назначилъ кресты, даже на посудѣ. Накурилъ въ хатѣ ладономъ. А на другой день, какъ пошли съ водосвятія, Петро набралъ святой воды, а Павло, какъ хозяинъ, окропилъ сю всю хату, даже платье, и клѣть, и дворъ, и сараи, и ворота, и токъ, и садъ — все окропилъ.

Тѣмъ и святки кончились!

В. Пассекъ.

Примѣчаніе. Передавая Рождественскія святки въ Малороссіи, я старался описать вмѣстѣ съ обычаемъ самый бытъ народа, а потому святки представлены въ живыхъ картинахъ. Пѣсни собраны мною въ Губерніяхъ: Харьковской, Воронежской и Полтавской: во всѣхъ Губерніяхъ онѣ поются почти безъ измѣненія; сцены я *списывалъ* болѣе съ тѣхъ, какія мнѣ доводилось видѣть самому, присутствуя не разъ на празднествѣ народномъ.

При этомъ считаю необходимымъ замѣтить: 1. Въ трехъ упомянутыхъ Губерніяхъ и въ новороссійскомъ краѣ, вездѣ гдѣ доводилось мнѣ видѣть святки, въ сочельникъ *не колядуютъ*, а проводятъ его тихо и семейно. 2. Колядуютъ болѣе дѣвчата, а поробки рѣдко, и болѣе для шутки, чтобъ поиграть съ дѣвчатами. 3. Мѣшки, въ которые сбираютъ колядку, рѣдко носятъ сами дѣвчата, а выбираютъ поробка, который и называется на это время: *Михоноша*. 4. *Щедруютъ* болѣе дѣти: дѣвочки и мальчики; взрослые очень рѣдко. 5. Крестные дѣти ходятъ съ поклономъ къ крестному отцу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ первой день праздника: а кумы выкупаютъ крестниковъ и крестницъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на второй день. 6. Кромѣ описанныхъ гаданій еще загадываютъ смотря въ зеркало въ пустой комнатѣ, но рѣдко. Вобще гаданій менѣе, нежели въ губер-

ніяхъ чисто Русскихъ. 7. *Сухой мятелью* называется вьюга, когда взволнуется на степяхъ снѣгъ, бурно взвевается, ломитъ и засыпаетъ все что встрѣтитъ. Въ это время обыкновенно довольно морозно, и снѣгъ нейдетъ. Простая или мокрая *мятель* называется, когда идетъ сильный снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ. Она не столь опасна и страшна, какъ первая.

КОЗАКИ-ГАЙДАМАКИ

УНІАТСКОЙ ВОЙНЫ.

1595—1654.

«Пріемше во власть свою Поляки Кіевъ и всю украинскую землю, изволили въ работѣ имѣти живущихъ людей; а иже бяху отъ сихъ воинскаго чину во бранныхъ дѣлѣхъ упражняхуся, а не работнымъ промысломъ живяще, около рѣки Днѣпра ниже пороговъ въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ луґахъ, и рѣчными рыбными и звѣриными ловы. Егда же Король Польши Степанъ Батори, хотяще войско козацкое устроити и въ наилучшій порядокъ привести, соизволи позволити на разселеніе козацкихъ воиновъ по всей Украйнѣ ажъ за Кіевъ, то вся Украйна Русская и по ту сторону Днѣпра, како и посю, раздѣлена сталась на десять козацкихъ полковъ, а за порогами оставшись Запорожцы и вольные льщари, и въ Лугахъ имѣли своихъ Атамановъ.»

Такъ разсказываютъ мѣстныя лѣтописи о первобытномъ состояніи козаковъ въ XVI вѣкѣ. И если сообразить эти расказы съ расказами историковъ

Польскихъ и со свѣдѣніями, почерпнутыми изъ актовъ дипломатическихъ и записокъ иностранцевъ; то увидимъ, что, къ концу XVI вѣка, завися частію отъ короны Польской, частію отъ удѣльныхъ помѣщиковъ, и вообще терпя притѣсненія подъ властію Поляковъ, Украйна старалась освобождаться изъ подъ этаго ига сколько могла, и находила утѣшеніе въ бытѣ козацкомъ. Тутъ же надобно вспомнить и безпрестанныя нападенія Татаръ на Украйну, отъ которыхъ она могла защищать себя тѣмъ-же бытомъ козацкимъ. Мало по малу число козаковъ чрезвычайно распространилось. «Воинства же козацкаго, говорили современники, никто изчести не можетъ: сколько бо конныхъ, столько и пѣшихъ, и сколько на Украйнѣ и Малороссіи людей (свободныхъ, или освободившихся), столько и козаковъ. Речетъ только «на охотника» региментъ держащій, абіе сколько требе воинства соберется. Не требе нуждою собирати яко по иныхъ чужеземныхъ странахъ творятъ, не требе великаго найму обѣщавати: речетъ старшій слово, абіе войска числомъ аки трава будетъ. И добре это-сь рекъ Турського царя на вопросъ о количности козацкаго войска: въ насъ — рече — Турській царю, що коза, то козакъ, а де кракъ, або байракъ, то по сто и по двѣсти козакивъ.» Тако и вси ти зѣло храбры». Нужда открывала Украинцу путь къ козачеству; а жизнь разгульная, жизнь добычью и войною, веселая и беззаботная, привлекала его къ себѣ, и заставляла его любить этотъ бытъ, богатый прелестями для народа угнетеннаго, бѣднаго и необразованнаго.

Начиная съ первыхъ временъ распространенія козачества въ Украйнѣ, видимъ въ ней два рода козаковъ: одни носили названіе «лейстровыхъ» (записанныхъ въ реестръ), а другіе принадлежали къ вольнымъ кравчинамъ (общинамъ). Сіи-то послѣдніе, далеко превышая первыхъ числомъ, назывались общимъ именемъ «гайдамакъ» или «гайдамаковъ» имѣя, впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ различныя названія. До Баторія, правда, извѣстно было болѣе названіе «Лугарей,» жившихъ въ лугахъ Днѣпровскихъ, за рѣкою Конкой, грабежемъ и набѣгами въ Крымъ и землю Волошскую; впрочемъ тогда число ихъ было незначительно и притомъ едва-ли не было кромѣ Лугарей и другихъ гайдамаковъ. Въ послѣдствіи времени видимъ, что Лугари обитали въ своихъ лугахъ, между тѣмъ какъ другіе гайдамаки являются жильцами прирѣчныхъ глухихъ дубравъ по Днѣпру и отчасти по рѣкамъ въ него впадающимъ. Къ концу XVI-го столѣтія началась ужасная Уніатская война между католицизьмомъ Поляковъ и православіемъ Украинскимъ, война въ полномъ смыслѣ народная, огненная и кровавая, долженствовавшая рѣшить судьбу не только Украйны, но и Польши. Народныя ополченія, сдѣлавшіяся въ то время обыкновенными въ Украйнѣ, давали козакамъ гайдамакамъ возможность мѣнять разбойничій ножъ на воинскую саблю и вступать въ ряды Лейстровыхъ козаковъ противъ «враговъ вѣры»: Ляховъ, Уніатовъ и Жидовъ. Гайдамаки пользовались случаемъ, стекались толпами подъ знамена Гетмановъ войска запорожскаго, и нерѣдко, если не воинскимъ искуствомъ, то отваж-

ностію и множествомъ, помогали побѣдамъ козаковъ надъ Поляками. Можетъ быть даже, что Гайдамаки первые подняли и знамя мятежа противъ Поляковъ, потому что они большею частію состояли изъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, и безъ сомнѣнія, желавшихъ отмстить имъ за притѣсненія.

Во всякомъ случаѣ начало Уніатской войны между православной Украйной и Католической Польшей, желавшей обратить ее къ католицизму посредствомъ Уніи — соединенія церкви Грекороссійской съ Папскою, можно полагать, временемъ появленія козаковъ Гайдамаковъ.

Какъ же жили эти козаки Гайдамаки, каковы были въ своемъ бытѣ, въ своей народности? Мало замѣтокъ объ этомъ сохранили лѣтописи, почти столько же свѣдѣній сберегла и память народная, и это немногое надобно еще повѣрить.... Повторимъ то, что менѣе подвержено сомнѣнію и болѣе любопытно.

Въ наше время уцѣлѣли только жалкіе остатки тѣхъ лѣсовъ дубовыхъ и глухихъ, которые тянулись по побережьямъ Днѣпра и рѣкъ въ него впадающихъ: кое гдѣ попадаются пни, на которыхъ, какъ говорятъ въ народѣ, можно повернуться возомъ, пни уже выгнившіе и окруженные степнымъ чистопольемъ, кое-гдѣ въ балкахъ (оврагахъ) на козацкихъ насыпяхъ выросли уже новые дубы; осталось одно преданіе. Въ этихъ лѣсахъ, безопасно укрывавшихъ отъ внезапныхъ нападеній, или, лучше

сказать, безъ вѣсти скрывавшихъ всякаго, кто могъ имѣть въ этомъ нужду, въ этихъ лѣсахъ жили Гайдамаки, принимая въ свои круги женатыхъ и холостыхъ, лишь бы сильныхъ и вѣрою Грекороссіянъ. Въ дичи лѣсной жили они шайками подъ управленіемъ вольно избираемыхъ атамановъ, которыхъ власть ограничивалась общими совѣщаніями—*радами*, какъ это было у всѣхъ Днѣпровскихъ козаковъ. Грязная землянка была жилищемъ Гайдамака или цѣлой ихъ семьи; рѣка давала рыбу, лѣсъ давалъ дичь, а набѣгъ на село или на городъ, или на панскій замокъ давалъ деньги, одежду, овецъ, воловъ и лошадей. Рубашка, порты, пастилы (родъ башмаковъ), и кобурь (овчинная шапка): такова была обычная одежда Гайдамака, хотя многіе, особенно въ дни разгула, имѣли возможность одѣваться очень пышно: одинъ Польскимъ паномъ, другой козакомъ запорожскимъ или Венгерцемъ. Бритая голова съ чубомъ, завивавшимся кольцомъ за ухо, длинные усы и подстриженная борода, придавали имъ видъ воинственный и грозный. Ихъ вооруженіе было запорожское: ружья, сабли, пистолеты, списы (копья), а иногда и стрѣлы.

Рѣдкіе имѣли лошадей, и выходили въ битву болѣе пѣшіе, выходили таборомъ, т. е съ цѣлымъ обозомъ воловыхъ возовъ, которые служили имъ защитою отъ внезапныхъ нападеній.

Изъ табора они дѣлали вылазки, оставляя, въ случаѣ нужды, въ таборѣ одну стражу, и, нападая, всегда дѣйствовали въ разсыпную, когда отрядъ ихъ

былъ невеликъ, или толпою, когда ихъ бывало у одного атамана нѣсколько тысячь. Обыкновенные враги ихъ были Поляки, Уніаты, тѣ изъ Украинцевъ, которые волею или неволею отдались подъ религіозную власть Папы, и Жиды; иногда они предпринимали походъ въ Крымъ, въ Буджацкую степь, или въ землю Волошскую, впрочемъ, кажется, рѣдко. Разбиваемые, или теряя побѣду, они дрались отчаянно, до послѣдней капли крови, несчитали, впрочемъ, постыднымъ бѣгства, если оно было выгодно; побѣждая становились извергами, нещадили никого, ничего, жгли жилища, рѣзали, топили, даже сожигали людей, отвѣчая хохотомъ на стоны своихъ жертвъ. Во всякомъ случаѣ, они несоблюдали запорожскаго правила оставаться трезвыми до конца битвы, и вотъ, вѣроятно, почему чаще теряли, нежели выигрывали. Не менѣе грубы Гайдамаки были и въ жизни домашней, семейной. Многіе не имѣли законныхъ женъ, а вмѣсто ихъ «*дивчинъ*», и вовсе несчитали это грѣхомъ; дѣтей мужескаго пола съ перваго возраста пріучали къ воинскому быту, имѣя при себѣ, или раздавая товарищамъ вмѣсто чуръ (военныхъ слугъ, оруженосцевъ); а дѣвочки, рѣдко оставаясь при матеряхъ, были раздаваемы родственникамъ, или даже убиваемы. Вообще чувства и понятія о родствѣ и родственной привязанности были имъ во многомъ чужды. Мѣсто ея заступала привязанность къ товариществу; такъ что Гайдамакъ считалъ священнымъ долгомъ нежалѣть жизни за жизнь собрата и помогать ему всѣмъ, чѣмъ могъ; но и это благородное чувство, подкрѣпляемое есте-

ственнымъ чувствомъ общей боязни къ притѣсненіямъ и надежды на общую взаимную нужду въ помощи, было заглушаемо нерѣдко чувствомъ чести, налагавшимъ обязанность омывать кровью оскорбленія, наносимыя товарищемъ, бывшимъ для Гайдамаковъ и закономъ и судьей, и исполнителемъ приговора.

Можно себѣ представить къ чему велъ бытъ, управляемый такими чувствами: враги внѣшніе нерѣдко забывались въ раздорахъ домашнихъ, доходившихъ иногда до того, что свои выходили на своихъ цѣлыми толпами; случалось и то, что цѣлые отряды Гайдамакъ переходили на сторону вражью и помогали врагамъ сражать товарищей. — При всемъ этомъ Гайдамаки считали себя христіанами, исполняли посты, свято чтили иконы, имѣли свои молельни и даже церкви, не жалѣли своихъ добычь для обогащенія храмовъ нетолько своихъ, но и городскихъ.

Таковы-то были Гайдамаки въ своемъ полудикомъ бытѣ, и въ ихъ пѣсняхъ, сохраненныхъ памятью народной, доселѣ любимыхъ молодыми парнями захолустій Украйны, выражается живо этотъ бытъ. Вотъ напримѣръ одна, напоминающая о *Лугарскомъ времени*:

I. Журба мене сушить, журба мене валить,
Журба жъ мене мати скоро зъ ногъ звалить,
А яжъ тій журбѣ да й не пидаюся,
Пійду до шинкарки, горѣлки напьюся.
Горѣлочка пьяна, суча журба упрама,
Горѣлочка сумна, суча журба умна.

Чомужъ мени, братця, горѣлка не пьеться,
Биля мого серденька якъ гадина вьеться.
Коло сердця, брате, коло сердця мого,
А коли не вѣрнишь, нехай биля твого.
Були у мене луги, стали жито жати,
Бувъ у мене отець, и ридная мати;
А теперь никому порадоньки дати!
Були у мене луги, высокіи вилихи,
Були у мене дядки и ридніи титки,
А теперь порадоньки немаю ни звидкиль
Да були у мене луги, були и копици,
А теперь никому подати и водици.
Не дай Боже смерти—на чужини умерти,
Ой, никому доглянути да моей смерти. —

Въ другой пѣснѣ славится лѣсная жизнь:

II. Ой, у лѣсѣ вовки да лисици, —
Отъ тожъ мои братци да сестрици;
Ой, у лѣсѣ чорный воронъ кряче:
Здоровъ бувай, пане Гайдамаче!

Можно еще привести одну не менѣе этой дышащую чувствомъ чисто Гайдамацкимъ:

III. Наѣхали козаки до Маруси въ гости,
Марусенько пани! чи е твій панъ дома?
Колижъ нема пана, выйди до насъ сама.
Марусенька непизнала, въ черевичкахъ выйшла:
— Есте вы казаки, есте Гайдамаки!
— Марусенько пани! якъ ты пизнала?
Якъ то ты пизнала, правдоньку казала!
— Що я свого пана коника пизнала. —
— Марусенько пани, неправдоньку жъ кажешъ:
Мы того коника у твого пана купили,
Въ зеленій доброви гроши личили *
Въ холодній криницы могаричь запили,
Пидъ суху колоду пана пидкотили.

* *Личить*—считать.

Обратимся теперь къ преданіямъ о дѣлахъ Гайдамаковъ и объ ихъ участіи въ Уніатской войнѣ, увидимъ ихъ бытъ, въ дѣйствіи, сколько позволятъ намъ его увидѣть лѣтописи и пѣсни, сохранившія «преданья старины далекой.»

Знатнѣйшіе изъ первыхъ предводителей козацкихъ, возставшихъ противъ Поляковъ, были Павелъ Гвоздичъ Наливайко и Иванъ Лобода, дѣйствовавшіе въ послѣдніе года XVI вѣка. Въ это время въ первый разъ за одно съ козаками являются и отряды Гайдамакъ, и именно тогда, когда Наливайко каралъ враговъ Православія около Брацлава, не ожидая сильнаго сопротивленія, не зналъ что Жолкевскій выступалъ противъ него, позволялъ своимъ воинамъ охотиться, а самъ пировалъ въ Новгородѣ. Одинъ изъ отрядовъ Гайдамакъ занялъ въ это время Мацѣевичи, и, по обычаю, ограбивъ жителей, началъ свой веселый пиръ. Уже всѣ были пьяны, иные дремали, иные пѣли пѣсни побѣды, какъ внезапно 1000 Поляковъ съ Жолкевскимъ ворвались въ мѣстечко. «Сдавайтесь!» кричатъ Поляки. «Бейтеся!» кричатъ пьяные Гайдамаки. Начинается сѣча. Поляки поджигаютъ домы, схватываютъ Гайдамакъ и предаютъ казни: имъ, конечно, не дешево стоила эта побѣда надъ горстью пьяныхъ вольниковъ. Наливайко принужденъ былъ бѣжать въ Уманьскую степь. Между тѣмъ Гайдамаки бродили изъ города въ городъ, изъ села въ село, разбивали гарнизоны Польскіе, и, хоть были побѣждаемы въ одномъ мѣстѣ, за то въ другомъ сами били Поляковъ, рѣзали и топили Жидовъ и всѣхъ кого считали врагами Православія. — Въ

славной битвѣ Чигринской, Гайдамаки также участвовали: въ минуту разгара сѣчи, они ринулись въ середину стана Польскаго, и этимъ отчаяннымъ нападеніемъ много содѣйствовали побѣдѣ козаковъ. — Не менѣе славили Гайдамаки и свой походъ съ Наливайкомъ подъ Могилевъ. Окруживши Могилевъ, Наливайко требовалъ выдачи всѣхъ Жидовъ и Уніатовъ тамъ бывшихъ. Требованіе не было исполнено, и Наливайко началъ осаду. Гайдамаки подожгли его со всѣхъ сторонъ, и ворвались въ него первые. Гарнизонъ былъ разбитъ, Жиды перерѣзаны, городъ раззоренъ и превращенъ въ пепелъ, а потомъ въ Украйнѣ пѣли:

IV. Ой, у городи Могилеви
Дымомъ потягнуло,
Якъ то войско Запорожске
Зъ гарматъ да и ревнуло!
Ой, у городи Могилеви
Да сталося пусто,
Якъ повѣяли козаки
Зъ самопаливъ густо. —

Гайдамаки считали Наливайка своимъ Гетманомъ, и оплакивали его смерть.

V. Козаки Гайдамаки
Думали, гадали,
Тяжко, важко за Гетманомъ
Своимъ сумовали.

Лобода, товарищъ Наливайка, также погибъ отъ Поляковъ, и Гайдамаки не остались равнодушными къ его погибели:

VI. Ой у городи Батуринѣ
Дзвоны задзвонили
То козаки Гайдамаки
У ради рядили.
Ой, у ради да й рядили
Якъ на Польшу стати....
А по переду панъ Сулима
Атаманъ Кошовый
Козакивъ збирае,
Да й усимъ тимъ Гайдамакамъ
Отъ-такъ промовляе.
Товарищи Гайдамаки!
Чинить мою волю,
Що вамъ треба видомстити
Украинску недолю.—
Якъ натее обизвався
Лободивсскій Чура,
До козакивъ уклоняе
Отъ-такъ промовляе:
Ой, панове Гайдомаки!
Пана Ивана спомяните
Да за того пана Ивана
Ляхамъ видомстите.

И, разумѣется, Чура Лободы недаромъ увѣщевалъ Гайдамаковъ, хотя народное преданіе и непомнитъ, чѣмъ кончилось дѣло.

Во время всей Уніатской войны Гайдамаки оставались постоянными защитниками Украйны... Впрочемъ иные изъ нихъ, а можетъ быть и многіе, равно какъ и козаки, переходили на сторону Ляховъ и Уніи, и тогда рыцари Украинскіе не рѣдко сходились на битвы между собою — одни за одно съ Ляхами, другіе противъ нихъ, призывая на помощь Татаръ. О подобныхъ обстоятельствахъ народныя преданія помнятъ, между прочимъ, два случая: одинъ о Тетеренкѣ, другой о Савѣ Чаломъ.

Тетеренко былъ Асауломъ Каневскаго куреня, защищалъ при Наливайкѣ каневскіе козачьи поселенія, взятъ Поляками въ плѣнъ, ушелъ изъ плѣна, и потомъ добровольно сдѣлался измѣнникомъ Украйны, Уніатомъ.

Собралась рада Гайдамакъ...

VII. А у ради присудили
Тетеренка ськати,
А піймавши Тетеренкови
Голову здіймати,

Одинъ изъ нихъ — Случай взялся исполнить рѣшеніе рады.

Отъ, якъ ставъ онъ до Варшавы
Конемъ привертати,
Ставъ зъ Ляхами Тетеренко
Зъ лѣсу выхожати.
Здоровъ, здоровъ Тетеренко
Якъ ще маемъ жити?
Приказали Гайдамаки
Тебе изловити —
Тоди стали на Случая
Ляхи наступати,
А Случай ставъ Гайдамакивъ
Бити да рубати.
Усихъ побивъ, усихъ зрубивъ,
Тетеренка повязавъ,
До коника привязавъ
Да й заполовавъ. *
Случай, Случай половуе
А Тетеренко бьется...
Молить, просить Случаеви....
Лихо не минется. —
Минулося лихо,
Якъ степи минули,
Да до сѣчи до великои
Хутко привернули. **

Половать—ѣхать, скакать полемъ
* *Хутко*—круто.

Подобный случай былъ и съ Савою Чалымъ, передавшимся на сторону Ляховъ почти въ тоже время. Собрались опять Запорожцы въ ряды. Сыскался опять Гайдамака—Голый, обѣщая:

VIII. Я того пана Саву
Въ руки піймаю.

Голый добрался до Чалаго, въ Немировъ, и вотъ какъ описывается въ пѣснѣ это дѣло:

Ставъ Игнатъ Голый зъ Кравчиною
Ворота ломати —
Якъ видсуне да панъ Сава
Виконце видъ рынку;
А вже паны Гайдамаки
Блукають по синку:
Да здоровъ, здоровъ пане Саво,
Якъ ты соби маешь?
Що здалека гостей маешь,
Чѣмъ ихъ привитаешь?...
Ой ведиже насъ, пане Саво,
У нову камору,
Да оддавай намъ, пане Саво,
Козацкую збрую.
Да пидняли Гайдамаки
На три списы вгору;
Ой не успивъ же да панъ Сава
На коника упасти, —
У кайданы заковали,
Стали на визъ класти.

Однако съ Савою кончилось на этотъ разъ не такъ какъ съ Тетеренкомъ: онъ отмолился, обѣщалъ впередъ вѣрно служить козацкому дѣлу, прославился храбростію въ битвахъ противъ Поляковъ, и уже послѣ, измѣнивши обычаю козацкому въ другой разъ, поплатился за это жизнію:

IX. Гей бачили многи люди
Украиньску Совочку
Что принесла пану Савѣ
Смертелну сорочку.
Прителѣли къ Пану Савѣ,
Украиньски вороны,
Задзвонили пану Савѣ
Разомъ во всѣ дзвоны. —

Еще болѣе прославились Гайдамаки послѣ Гетмана Сагайдачнаго, когда около 1623 года между козаками составились тайныя партіи, которыхъ предметомъ и цѣлію было уничтоженіе власти Папской, истребленіе Уніатовъ и жидовъ, освобожденіе Украйны «отъ ига Египетскаго», какъ называютъ лѣтописцы состояніе подвластія Украйны отъ католицизма. Эти партіи съ каждымъ годомъ возрастали все болѣе, хотя и продолжая дѣйствовать скрытно. Заговорщики разорили многіе замки, проникали въ глубь Польши, и, небудучи узнаваемы, совершали тамъ свои злодѣянія, предпринимали умертвить самого Короля Польскаго Сигизмунда III-го. Это продолжалось болѣе 10-ти лѣтъ.... и потомъ смолкли дѣла Гайдамакъ на долго. Вѣроятно, что они со всѣми козаками, желавшими сохранить свободу, бѣжали въ степи Днѣпровскія, между тѣмъ, какъ Украйной, послѣ послѣднихъ битвъ Остряницы, Чурая, Полтора-Кожуха и другихъ предводителей, послѣ погибели большей части вѣрныхъ сыновъ Украйны, овладѣли Поляки. И вотъ каково было состояніе Украйны въ то время, какъ говорили сами современники:» Дѣти во младенчествѣ умираютъ безъ крещенія и очищенія отъ грѣховъ; совершенно возросшіе живутъ внѣ законнаго брака, а, что

всего больше—безъ исповѣди и причащенія св. таинъ, лишаются временной и купно вѣчной жизни, мертвецы также погребаются безъ подобающихъ православной церкви обрядовъ. Недовольно, что знаменитый народъ Русскій доведенъ до такой бѣды и толь тяжкаго угнѣтенія, будучи, Богъ вѣсть, за что гонимъ; лишили насъ еще и свободы. И пусты нивы были, и пусты сельбища. Во-области Іуды сталъ Господень храмъ. Іуда продавалъ причастіе духа святаго, Іуда продавалъ крестъ спасенія. Многіе храмы православные были запечатаны; иные обращены въ синагоги. Ризы иконъ и сосуды переливались въ монеты.» Современикъ иностранецъ, Левасеръ-де-Бопланъ, говоритъ, что дворянство одно блаженствуетъ какъ въ раю, между тѣмъ какъ народъ мучится какъ въ чистилищѣ.

Только въ 1648 году, когда снова началось возстаніе козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, только послѣ первыхъ его удачъ въ битвахъ съ Поляками, Гайдамаки показались снова между рядами реестровыхъ Гетманскихъ козаковъ, и очень вѣроятно, большая часть ополченій вольныхъ козаковъ состояла изъ кравчинъ Гайдамацкихъ. Болѣе всего острили они свои сабли противъ воеводы Русскаго князя Іеремія Вишневецкаго, который, бывши прежде ревностнымъ Грекороссіаниномъ, сдѣлался послѣ еще болѣе ревностнымъ Уніатомъ, а потомъ католикомъ, и ужасно угнѣталъ Украинцевъ, выжигалъ у нихъ глаза, вѣшалъ ихъ, сажалъ на колъ, рѣзалъ, морилъ голодомъ, мучилъ всѣми ужасными муками медленной казни. Вся за-

падная Украйна наполнилась толпами вольниковъ, истреблявшихъ враговъ православія: около Канева Лисенко съ Вовгуревцами сдиралъ кожи съ Уніатовъ и Жидовъ; вокругъ Кіева дѣлалъ тоже Харченко; на Подолѣ буйствовали толпы Гайдамакъ съ Остапомъ Павлюкомъ и Морозенкомъ; на Волыни падала шляхта Польская подъ ударами Ганджи. Чорнота, Калинъ, Воронченко, Лобода, Бурлай, Полкожуха, Небаба, Нечай, Тиша, съ дружинами, проникали въ глубь Польши. Всѣхъ грознѣе была кравчина Максима Кривоноса. Волынь и Подоль были поприщемъ его дѣйствій, — и не было отъ него пощады ни женамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ. Разбитый подъ Звягелемъ воинами Вишневецкаго, Кривоносъ положилъ 6000 изъ нихъ на полѣ битвы подъ Полоннымъ; потомъ въ Умани и Ладыжинѣ принесъ въ жертву своего мщенія цѣлую толпу Жидовъ и Уніатовъ, а повзятіи Бара совершилъ столь же кровавую тризну надъ 3000 Уніатовъ и 15000 Жидовъ. Напрасно Вишневецкій преслѣдовалъ его и побѣждалъ. Кривоносъ продолжалъ лить потоками кровь и разносить повсюду пламя.

Память народная доселѣ незабыла его имени, и въ пѣсняхъ повторяетъ сказанія о его подвигахъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Х. Ой, недали Перебійносу
Да вечеряти сѣсти,
Ой, прійшли Перебійносу
Немудрыи вѣсти:
Стережися, Перебійносу,
Ты-сій чорнои гати:
Ой, иде Ляхивъ сорокъ тысячь

Хотять тебе взяти. —
Ой, крикне панъ Перебійносъ
Ни хлопця малого:
Объгай хлопче, объгай малый,
Одъ хаты до хаты!
Ой дай же ты, малый,
Всѣмъ козаченькамъ знати!
Ой, крикнувъ панъ Перебійносъ
На хлопця малого:
Осѣдлай хлопче, осѣдлай малый,
Коня вороного,
А соби хлопче
Хоча полового. —
Ой, не дали да Перебійносу
На коника упасти,
Якъ взявъ Ляхивъ якъ взявъ панивъ
Якъ снопики класти.
Ой, не дали да Перебійносу
На коника сѣсти,
Якъ взявъ Ляхивъ, якъ взявъ панивъ
На капусту сикти
Ой, гляне панъ Перебійносъ
На лѣвую руку:
Да невыскочить его кинь вороный
Изъ Ляшкаго трупу:
Ой, гляне панъ Перебійносъ
На правое плече:
Ажъ изъ Ляхивъ, ажъ изъ панивъ
Кровавая рѣчка тече.

Лисенко, товарищъ Кривоноса, попался-было въ плѣнъ, но былъ освобожденъ, и оба они съ тѣхъ поръ еще болѣе дѣлали Полякамъ зла. Наконецъ Кривоносъ былъ умерщвленъ собственными руками Вишневецкаго. Лисенко и другіе также погибли. Остался Морозенко, — остался на долго, но онъ былъ вождемъ, кажется, не однихъ Гайдамаковъ.

Между тѣмъ Хмѣльницкій твердымъ шагомъ шелъ по предназначенному пути. Нерѣдко приходилась ему бѣда отъ Поляковъ, но онъ сносилъ бѣду, ждалъ лучшихъ дней, и ждалъ недаромъ. 1-го Января 1654-го года, послѣ частыхъ прозьбъ и долгихъ жданій, посольство Руссукое: ближній бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дякъ Лопухинъ были встрѣчены Полковникомъ Павломъ Тетерею въ Переяславлѣ 8-го Января. Собралась рада. Хмѣльницкій предложилъ покориться царю Русскому Алексѣю Михайловичу, и подъ его покровомъ искать защиты отъ Поляковъ. «Волимъ» воскликнули козаки, «волимъ пидъ царя Православнаго»... И на другой день народъ далъ присягу.... Миръ возстановился въ Украйнѣ, и она, подъ именемъ малой Россіи, сдѣлалась областію Царства Русскаго.

Съ этихъ поръ слава Гайдамаковъ стала темнѣть, и незамѣтно изчезло ихъ имя изъ ряда именъ дѣйствовавшихъ въ Украйнѣ Малороссійской. Оставались еще Гайдамаки на Подолѣ и Волыни; но тамъ они жили съ своими соплеменниками и единовѣрцами какъ разбойники; а потомъ и о тѣхъ Гайдамакахъ нестало слышно...

«Скорбѣли сердца людей, и опустошались страны, и на пепелищахъ городовъ поднялись могилы, и изъ развалинъ счастья возникъ цвѣтъ новаго счастья»

И. Срезневскій.

РЕВАНЪ

или

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБРЯДЪ ТАТАРЪ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ, ВЪ КРЫМУ.

Кто изъ Татаръ не принялъ *Ревана* и захочетъ заняться какимъ-нибудь ремесломъ, тотъ долженъ напередъ прослужить безденежно у цеховаго мастера *тысяча одинъ день*, и если послѣ такого срока или ранѣе мастеръ признаетъ его способнымъ, то онъ съ позволенія *Уста-Баши* или цехмейстера и прочихъ мастеровъ, можетъ заниматься своею работою или самъ посебѣ или у котораго нибудь изъ ремесленниковъ. При этомъ позволеніи обыкновенно дѣлаютъ закуску и приглашаютъ на нее начальниковъ цеховъ, съ ихъ помощниками, и духовныхъ, читающихъ въ свое время молитву. Такое угощеніе называется у нихъ *лонджа*. Но не смотря ни на какое искусство ремесленника, если онъ не принялъ Ревана, то подвергается большимъ ограниченіямъ: онъ можетъ закупать для своихъ работъ только тѣ товары, которые не нужны ремесленникамъ торже-

ственно принятымъ въ цехъ; издѣлія свои не можетъ продавать обыкновеннымъ порядкомъ, развѣ въ другой городъ; ему не позволяется нанимать учениковъ, помѣсячно или погодно, а только на каждую работу особенно, напр: на выстроганіе, выдѣлку извѣстнаго числа штукъ, чѣму положена цѣна въ каждомъ цехѣ; онъ не смѣетъ вступить въ совѣщаніе мастеровъ, ни даже сидѣть между ними, и если, не смотря на запрещеніе, держитъ учениковъ, то всякій мастеръ воленъ отнять ихъ у него, когда захочетъ. Такимъ запрещеніемъ подлежитъ всякій *переванный*, между тѣмъ какъ и трехлѣтній ребенокъ, принявшій *Реванъ*, изъемлется въ свое время отъ ограниченій, имя его вносится въ списокъ мастеровъ и посреди ихъ назначается ему мѣсто.

Такъ важенъ для Крымскаго Татарина *Реванъ*, или торжественное празднество для принятія въ цехъ, съ правомъ свободнаго отправленія ремесла.

По словамъ Крымскихъ Татаръ, обрядъ этотъ воспріялъ начало во времена пророка ихъ Мугамеда, и какъ на Востокѣ, такъ и здѣсь въ Крыму, признанъ за священный обычай, и свершается только одинъ разъ въ продолженіи десяти или двадцати лѣтъ, со всею торжественностію и веселымъ пиршествомъ.

Когда въ городѣ и его округѣ увеличится число подмастерьевъ, до того что они всостояніи посильными вкладами составить сумму достаточную на расходы для Ревана, то открываютъ его съ позволенія своихъ мастеровъ, *Уста-Баши* и *Пахыпа*, или

духовной особы Мугомедова поколѣнія и вмѣстѣ наслѣдственнаго главы всѣхъ цеховъ одного города или округа.

Въ 1827 году 1 Іюня свершался въ Бахчисараѣ Реванъ Кожевниковъ, начатый съ 28 Мая, и я, бывши очевидцемъ этого празднества, рѣшился описать его, какъ оно происходило.

На пространномъ мѣстѣ между кожевенными заводами была устроена терасса, убранная коврами и подушками, какъ татарская гостинная. Къ одному столбу терассы было прикрѣплено *цеховое знамя*, или древко, обтянутое зеленою бурметью (грубою бумажною тканью), перевязанною тесмою; на верху древка была укрѣплена зеленая дощечка, и на ней изображено слово *Аллахъ* (Богъ) вырѣзанными на сквозь буквами, величиною въ два вершка. Это знамя дано право имѣть одному кожевенному цеху. Подлѣ другаго столба терассы былъ поставленъ *знакъ веселія* или *нагылъ*: его представляетъ коническая фигура, вышиною аршина въ два, обвѣшенная узенькими лоскутками изъ разноцвѣтной бумаги и шумихи; на верху укрѣпленъ позолоченый мѣсяцъ, убранный вырѣзанными изъ бумаги цвѣтами и птичками. Этотъ знакъ веселія стоитъ на трехъ окрашенныхъ ножкахъ вышиною въ поларшина. Предъ гостиною вокругъ площадки, стали гдѣ въ одинъ, гдѣ въ два ряда, какъ позволяло мѣсто, кандидаты въ ремесленники, въ лучшемъ своемъ одѣяніи и разноцвѣтныхъ *пештималахъ*, или покрывалахъ шелковыхъ или бумажныхъ, сложенныхъ въ

длину и перекинутыхъ черезъ правое плечо, концами къ лѣвому боку, подъ поясъ. *Уста-Баши*, *Игитъ-Баши*, или глава подмастерьевъ, *Чаушъ* и *Серчешме*, или помощникъ *Нахыпа*, наложивъ на себя такимъ же образомъ *пештимальы*, и принявъ, кромѣ послѣдняго, приготовленные для нихъ, къ этой церемоніи жезлы, приступили каждый къ своей обязанности. *Серчешме*, сопровождаемый человѣкъ пятнадцатію подмастерьевъ, отправившись къ Нахыпу, испросилъ его знамя и, принесши его на плечѣ, утвердилъ подлѣ другаго столба гостиной рядомъ съ цеховымъ и знакомъ веселія. Потребное число подмастерьевъ разослано ко всѣмъ существующимъ въ городѣ цехамъ, духовенству и почетнѣйшимъ жителямъ, для объявленія о Реванѣ и приглашенія къ сборному мѣсту на *чашку кофе*. *Уста-Баши* и *Игитъ-Баши*, съ старшинами своего цеха, сѣли въ гостиной для пріема гостей, а *Чаушъ* приказалъ играть музыкѣ, состоявшей изъ барабановъ, литавръ и гобоевъ, и открылъ торжество, въ продолженіи котораго заставляли молодыхъ людей почти безпрерывно плясать однихъ за другими.

Скоро послѣ того начали сходиться и гости, которыхъ за всеобщими съ обѣихъ сторонъ привѣтственными словами, принявъ каждаго на приличномъ ему мѣстѣ, угощали трубкою, потомъ кофе и въ слѣдъ за тѣмъ вареньемъ.

По прибытіи человѣкъ осми изъ духовныхъ, Цехмейстеръ велѣлъ умолкнуть музыкѣ и попросилъ одного изъ нихъ прочесть надлежащую молитву по-

миновенія *Пировъ*: въ продолженіи этой молитвы, всѣ кандидаты, сидѣвшіе предъ терассою, и весь народъ, съ подъятыми руками повторили нѣсколько разъ: *аминь*. Татары почитаютъ *Пировъ* изобрѣтателями и покровителями искуствъ и ремеслъ, и расказываютъ, что Адамъ изобрѣлъ земледѣліе и былъ первымъ *Пиромъ*; что послѣ раскаянія его Ангелъ Гавріилъ по велѣнію Божію завѣсилъ его покрываломъ или передникомъ, а что въ послѣдствіи времени Богъ послалъ Ангела же Гавріила завѣсить, подобно Адаму, каждаго изобрѣтателя, въ числѣ которыхъ было много Пророковъ. Къ этому прибавляютъ, что Адамъ бывши Пророкомъ, зналъ неминуемость потопа, и желавши передать потомству имена *Пировъ*, надѣлалъ черепицъ, написалъ на нихъ пальцемъ на разныхъ языкахъ имена всѣхъ изобрѣтателей ремеслъ, и, выжегши черепицы, закопалъ ихъ въ землю; всѣ эти свѣденія, по ихъ преданіямъ, открыты послѣ потопа и сохраняются въ рукописяхъ Восточныхъ народовъ.

Пока сбирались гости, въ это время на Качинской долинѣ, верстахъ въ шести отъ города, на прелестномъ лугу, подлѣ рѣчки и тѣнистыхъ деревъ дѣлались пріуготовленія для главнаго дѣйствія обряда. И когда тамъ, устроивъ все какъ слѣдовало донесли о готовности, цѣхъ совершилъ моленіе съ поминовеніемъ Пировъ и выступилъ туда въ устроенномъ порядкѣ.

Серчешме принялъ на плечо знамя *Нахыпа*, а отряженный къ нему кожевникъ—цеховое. Рядомъ съ

ними заняли мѣста, по обѣимъ сторонамъ, *Уста-Баши* и *Игитъ-Баши*. Предъ знаменами три кандидата держали *нагылъ* или знакъ веселія, а впереди построились музыканты (безъ литавръ). Позади знаменъ сталъ поваръ съ уполовникомъ, поднятымъ къ плечу, за нимъ двое съ котломъ, а за ними кандидаты — одинъ за другимъ въ два ряда. Ремесленники и народъ заключили шествіе съ обѣихъ сторонъ. Но прежде, нежели оно тронулось, послали на повозкѣ къ *Нахыпу*, къ каждому цеху, начальникамъ духовныхъ и почетнѣйшимъ изъ гражданъ съ приглашеніемъ ихъ на пиршество.

По прибытіи на мѣсто пиршества, открылась площадь, обнесенная съ трехъ сторонъ палатками. Внутренность большаго намета для улемовъ и духовныхъ и почетнѣйшихъ Татаръ, была съ трехъ сторонъ убрана богатыми подушками, прислоненными къ периламъ, и коврами, подъ которые были постланы тюфяки; по срединѣ намета, на довольномъ разстояніи одна отъ другой стояли двѣ жаровни съ огнемъ и щипцами. Другой наметъ на противоположной сторонѣ, саженяхъ въ двухъ отъ перваго былъ обмебелированъ по Европейски для иновѣрныхъ господъ обоего пола; рядомъ съ нимъ одинъ, а напротивъ, во всю длину мѣста, два холщевые шатра, устланные коврами и войлоками, съ подушками, прислоненными къ периламъ; впереди обоихъ шатровъ насыпаны были мѣстами горящіе угли для трубокъ.

По прибытіи процессіи на это мѣсто, поставили предъ главною палаткою знакъ веселія и знамена.

Поваръ пошелъ въ свое мѣсто, куда отнесли за нимъ и котелъ. Кандидаты, кромѣ распредѣленныхъ по разнымъ занятіямъ, ставши въ три ряда лицемъ къ знаменамъ, примкнули къ отдаленнымъ концамъ боковыхъ палатокъ, и оградили такимъ образомъ поприще длиною въ пятдесятъ, а шириною въ тридцать пять шаговъ. Музыканты, число которыхъ увеличилось десятью скрыпачами и такимъ же числомъ ихъ помощниковъ съ бубнами, заняли мѣсто на муравѣ, у ногъ кандидатовъ. И звукъ музыки, безпрерывная пляска и борьба за призы увеселяли званыхъ и незваныхъ зрителей, и каждый новый гость былъ угощаемъ, если онъ мугамеданинъ, трубкою и кофе, а если нашъ и пріѣзжалъ передъ вечеромъ, то чашкою чаю.

Никто почти изъ Татаръ не возвратился на ночь домой. При захожденіи солнца, когда настало время ихъ обыкновенной вечерней молитвы, музыка умолкла; всѣ, вставши съ своихъ мѣстъ, вышли изъ палатокъ, и, подославъ подъ себя верхнѣе платье, молились, при отправленіи вечерни однимъ Муллою. Эта перемѣна зрѣлища была восхитительна и переходъ отъ шумнаго празднества къ тихой молитвѣ поражалъ невольно.

По окончаніи молитвы сѣли по мѣстамъ, и скоро потомъ разнесенъ былъ всѣмъ безъ изъятія ужинъ изъ хлѣба и *чорбы*, т: е: кашицы съ бараниною. Всю ночь палатки были освѣщены огнями, музыка не умолкала, пляски и разговоры не прерывались, а кого обремѣнялъ сонъ, тому стоило только протя-

нуться и накрыться шубою, которую нарочно для такого случая каждый бралъ съ собою.

На другой день, послѣ утренней молитвы и поминовенія *Пировъ*, всѣмъ гостямъ поднесенъ былъ кофе; борцы явились опять на поприще, и до обѣда очередовались съ танцующими. Тогда цехмейстеръ, взявъ съ собою Серчемме, пошелъ просить духовенство о благословленіи яствъ. Семь Эфендіевъ, сопровождаемые *Цехмейстеромъ*, *Серчешме* и *Чаушемъ*, отправились на кухню. Тамъ помолясь съ поминовеніемъ *Пировъ*, просили Бога объ изобиліи, и, давши приказаніе повару отпускать пищу, возвратились на свое мѣсто.

Покуда повара выкладывали кушанье на пятнадцать столовъ, на каждый по пяти блюдъ, въ главномъ наметѣ происходило омовеніе рукъ; послѣ того подали круглые столы (гдѣ деревянные, а гдѣ кожанные), около которыхъ усѣлось человѣкъ по двѣнадцати. Вокругъ были длинныя полотенца или ручники; достаточное число ломтей хлѣба и ложки по числу людей, составляли всю столовую принадлежность. Во второмъ наметѣ накрытъ былъ столъ со всѣми приборами по Европейски, для Христіанъ изъ высшаго сословія и почетнѣйшихъ купцовъ и мѣщанъ; а въ ближайшемъ саду, подъ большими деревьями, былъ поставленъ приличный столъ для начальника губерніи и избранныхъ ему собесѣдниковъ, между которыми помѣстилось небольшое число значительнѣйшихъ особъ изъ Духовенства и Дворянства татарскаго.

Кухню состовляло открытое мѣсто, на которомъ приготовлено было: груда ломтей бѣлаго хлѣба; вышиною аршина полтора, двадцать два мѣдныхъ котла съ девятнадцатью чугунными, вмѣщавшими первые отъ семи до осми, а послѣдніе отъ четырехъ до шести ведеръ кушанья, которое состояло болѣе въ баранинѣ и пилавѣ.

Кромѣ обѣдавшихъ въ палаткахъ духовныхъ и ремесленниковъ, все пространство между ними покрылось стѣснившимися зрителями, которые расположились обѣдать кругами на зеленой равнинѣ По окончаніи обѣда и омовенія рукъ подали имъ кофе и трубки, а потомъ, вставши, совершили всѣ полуденную молитву и заняли опять свои мѣста.

Послѣ того въ главномъ наметѣ отправили молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и Августѣйшей фамиліи; о здравіи главнаго и мѣстнаго начальника Тавриды. Потомъ помянули усопшихъ Государей, — а послѣдняя молитва заключилась поминовеніемъ *Пировъ*. Всѣ же тамъ сидѣвшіе и народъ, при всякой молитвѣ, съ подъятыми руками, восклицали: «Аминь!»

Тутъ *Нахынъ*, оставивъ свое мѣсто, бывшее между *Эффендіями*, сѣлъ предъ ними по срединѣ на мѣсто, довлѣемое его Великому Пророку Мугамеду. По обѣимъ сторонамъ *Нахына*, мѣсто *Пировъ* заняли Цейхмейстеры — каждый то, которое принадлежитъ Пиру ихъ ремесла, и именно: по лѣвую или высшую сторону *Нахына*, 1 слѣдуетъ Цейх-

мейстеру земледѣльцевъ, 2 башмашниковъ, 3 сѣдѣльниковъ, 4 мясниковъ, 5 плотниковъ, 6 токарей и т. д. до 36-го, т:е: до баньщиковъ включительно; по правую руку, 1 мѣсто занялъ Цехмейстеръ кожевниковъ, 2 брадобрѣевъ или цирульниковъ, 3 ткачей, 4 портныхъ, 5 кузнецовъ и проч. до 36-го или до хирурговъ и 37-го, которое занимали повивальныя бабки. Это послѣднее искуство считалось у нихъ *полуремесломъ*; но какъ рѣдко бываютъ цехи всѣхъ семидесяти двухъ съ половиною ремеслъ, то садятся только тѣ цейхмейстеры, которымъ случится быть въ томъ городѣ, не оставляя мѣстъ праздныхъ; или, лучше сказать, тамъ нѣтъ мѣста Пиру, гдѣ ремесло его не имѣетъ цеха и цейхмейстера. Вотъ почему и не засѣдали здѣсь, съ *Нахыпомъ*, повивальная бабка и акушеръ, даже операторъ и многіе другіе присутствующіе при Реванѣ.

Быть можетъ покажется страннымъ, почему одно только ремесло *кожевниковъ* и цейхмейстеръ его въ Реванахъ всѣхъ цеховъ, занимаетъ столь высокое мѣсто, не смотря на то, что Пиръ его явился въ позднѣйшія времена, но добродушные Татары объясняютъ это такъ: «однажды Халивъ (Калифъ) Магометъ послалъ противъ непріятеля зятя своего Пророка Алія, давъ ему знаменосца Шеихъ-Махмута съ тридцатью двумя воинами. По возвращеніи ихъ съ битвы, Мугамедъ спросилъ Алія: «Каковъ былъ въ дѣлахъ Шеихъ-Махмутъ?» Алій отвѣтствовалъ, что онъ сражался, какъ *Эвранъ*. Тотъ же вопросъ былъ сдѣланъ и воинамъ, которые едино-

гласно подтвердили слова Алія. Тотда Верховный Пророкъ сказалъ. «Эвранъ все равно, что братъ мнѣ;» и еще спросилъ ихъ: «чѣмъ они изъявятъ ему свою признательность?» Тутъ всѣ, вмѣсто отвѣта, поднесли знаменосцу, каждый по мѣрѣ своей возможности, дары, стоившіе много или мало, — хотя бы иной равнялся цѣною одному листу древесному. Послѣ того, обратясь къ своему зятю, сказалъ: «А ты чѣмъ надѣлишь Шейхъ-Махмута?» Онъ отвѣчалъ: — Я дамъ ему въ замужство дочь мою Рухье.» Этотъ бракъ Халивъ совершилъ своимъ иждивеніемъ; пиршество продолжалось три дня. Не считая прочихъ припасовъ, въ первый день было зарѣзано 33 барана, на второй 33 козла, на третій столько же быковъ. Послѣ сватьбы, когда новобрачный явился къ Великому Пророку для целованія руки, то Пророкъ, повелѣвъ ему слѣдовать за собою, пришелъ въ поварню, и, обозрѣвъ всѣ кожи зарѣзаннаго скота, сказалъ: «Эти избытки я дарю тебѣ: употреби ихъ въ свою пользу.» Шейхъ-Махмутъ, выдѣлалъ кожи, многія окрасилъ, — однѣ въ черную, другія въ желтую или красную краски, — и, свернувъ всѣ десятками, поднесъ *Намѣстнику Бога*. Великій Пророкъ и всѣ предстоявшіе ему, разсмотрѣвъ издѣлія, осыпали изобрѣтателя похвалами. Пророкъ Алій, также отдавшій справедливость зятю своему, взялъ одну кожу на жезлъ, и, навелъ на нее лоскъ. Увидѣвъ это, всѣ присутствующіе и самъ Шейхъ-Махмутъ сказали: «Вотъ теперь усовершенствовалось ремесло!» Послѣ того нѣкоторые изъ свиты Пророка прибавили: «Не достойно ли это дѣло *покрова?*»

и Магометъ, взявши два *Пештимала*, самъ, своею рукою, завѣсилъ однимъ Алія, а другимъ Шейхъ-Махмута. Благословивъ же обоихъ, онъ приказалъ имъ облечь равнымъ образомъ тѣхъ тридцать двухъ воиновъ, которые, подобно Алію и зятю его, стали Пирами, изобрѣтя каждый, почти въ это же время, по одному ремеслу.»

По отводѣ мѣстъ цейхмейстерамъ, Серчешме подошелъ съ докладомъ къ Пахыпу: «*позволитъ ли отверзть врата подмастерьямъ?*» Вѣроятно въ томъ смыслѣ: освободитъ ли ихъ отъ ограниченій. Получивши ожидаемый отвѣтъ, онъ, отступая, прошелъ шаговъ двадцать до самыхъ кандидатовъ, которые для этого подошли ближе. Поставивъ ихъ, одного за другимъ въ два ряда, велѣлъ всѣмъ держать на головѣ обѣ руки, сложенныя кистями одна на другой. Потомъ, оборотившись лицемъ къ Присутствію, сталъ рядомъ съ предстоящимъ *Калфа Баши*, взялъ его за лѣвое ухо, и, придерживая правою рукою, началъ громогласно читать молитву въ память Пирамъ, испрашивая благословенія Всевышняго кандидатамъ. Продолжая молитву, онъ подался на одинъ шагъ впередъ и повлекъ главу подмастерьевъ; всѣ кандидаты послѣдовали впередъ на шагъ. Остановившись на четверть минуты, онъ шагнулъ еще и двинулъ всѣхъ, не умолкая. Послѣ токого же третьяго приступа онъ остался на мѣстѣ, окончилъ молитву и, возвысивъ голосъ, вторично просилъ *Пахыпа* о доступѣ. Когда же этотъ наклоненіемъ головы изъявилъ знакъ согласія, онъ оставляетъ ухо, прыжками подбѣгаетъ къ *Пахыпу*,

целуетъ его руку, шепчетъ ему на ухо и, отступая, приходитъ опять на свое мѣсто. Потомъ, обратившись къ Калфа-Баши, снимаетъ съ плечъ его пештималъ, развертываетъ его, три раза обводитъ имъ вокругъ его тѣла, перехватывая покрывало изъ одной руки въ другую, и завѣсивъ его отъ пояса внизъ, завязываетъ позади узломъ верхніе концы запона.

Тутъ, ставъ съ лѣвой стороны, сказалъ ему шопотомъ: «*Запертыхъ дверей не отворяй, отпертыхъ не затворяй; мало пріобрѣтай, много пьшь.*» *

Потомъ, разрѣшивъ его руки, взялъ опять за ухо лѣвою рукою, пригнулъ ему голову, а ладонью правой руки, ударивъ крѣпко по голой шеи, отправилъ въ Совѣтъ Засѣдавшихъ на мѣстахъ Мугамеда и Пировъ. *Калфа-Баши*, получивши это разрѣшеніе, облобызалъ шуйцу благословившую его, и, побѣжавъ въ Присутствіе, целовалъ руки у *Пахыпа*, Цейхместера и своего мастера: отступая же до своихъ товарищей, онъ сталъ позади всѣхъ, а тѣ понемногу подвигались къ *Серчешме*, поступавшему и съ ними такимъ же образомъ, исключая малолѣтныхъ, къ которымъ онъ только дотрогивался.

Не удивительно, что и потомки Еллиновъ, а съ ними вмѣстѣ и Армяне, (хотя послѣдніе не потеряли нечего), подходили, во время угнѣтенія отъ Татаръ, подъ реванное благословеніе къ Серчешме. Фанатизмъ владѣвшихъ Крымомъ Мугамеданъ былъ

* Т. е. въ чужія дѣла не мѣшайся, знай свое, и малое стяжаніе да будетъ для тебя избыточно. *Примѣчаніе Автора.*

такъ великъ, что отъ насильствъ ихъ Греки, жившіе внутри полуострова, утратили обычаи и свой языкъ до послѣдняго слова, сохранивши впрочемъ Христіанскую вѣру; а обитавшіе на южномъ берегу, промѣнявъ ее на Мугамеданскій законъ, остались и понынѣ при своемъ языкѣ, что можно видѣть какъ здѣсь, такъ и въ Екатеринославской губерніи въ Маріополѣ (колоніи вышедшей отсюда). Но странно видѣть теперь Грековъ (изъ состоящихъ даже въ военной службѣ) и Армянъ, подвергающихъ ухо и выю свою рукамъ Татаръ, превосходящихъ нынѣ кротостію всѣ прочія націи, живущія въ Тавридѣ.

По совершеніи разрѣшенія Серчепиме принесъ отъ лица новопроизведенныхъ мастеровъ въ даръ Пахыпу тонкаго сукна на кафтанъ, двѣ штуки *шамъ аладжи*, и въ нихъ по два бумажныхъ и шелковыхъ платочка; Цейхмейстеру того цеха, *Пгитъ-Баши* и *Чаушу* по куску сукна на кафтанъ, а кончивъ и это дѣло, онъ сѣлъ внѣ намета, куда принесли и ему аршина четыре сукна.

Послѣ того, новопринятые подъ покровительство *Шеихъ Махмута*, поднесли, каждый отъ себя мастеру, у котораго онъ обучался, дары, состоявшіе по большей части въ штукѣ шамъ-аладжи, съ однимъ или съ двумя въ ней платочками, и поцеловавъ у нихъ руки, отошли въ свое мѣсто. Даровъ не носили однѣ дѣти, не бывшія еще у мастера, которыхъ родители дѣлали участниками *Ревана* только для того, чтобъ впослѣдствіи времени онѣ были свободны отъ запрещеній цеха, въ который ихъ по-

священали. Между тѣмъ *Серчешме* пересѣлъ на другое мѣсто, куда принесено было два узла съ фабричными различной доброты платочками, мѣшокъ турецкаго мыла и два картуза полные уховертокъ роговыхъ и пальмовыхъ. При помощи двухъ человѣкъ онъ завернулъ въ каждый платокъ по брусочку мыла и уховертки, и разносилъ гостямъ, начиная отъ почетнѣйшихъ въ главномъ наметѣ и давая каждому по одному, не исключая и нашихъ Русскихъ, между которыми немногіе однако съ вѣжливостію отказались отъ предлагаемаго.

Начальникъ губерніи, съ свойственной русскому боярину щедростію, какъ наканунѣ, такъ и въ тотъ день отличавшимся на зрѣлищѣ дѣйствующимъ лицамъ, вмѣсто просимой у него руки для целованія, жаловалъ бѣлыя ассигнаціи. Когда у одного чиновника просили совѣта: «Можно ли въ знакъ благодарности за сдѣланную имъ честь поднести посильное приношеніе?» и получивши въ отвѣтъ, что Его Превосходительству пріятнѣе будетъ признательность въ однихъ только словахъ, отложили это до послѣдняго привѣтствія; и тогда уже почти нѣмымъ краснорѣчіемъ, благодаря его за снисхожденіе: весь цехъ, убогій старецъ *Серчешме*, удивленный и тронутый такою милостью до слезъ, почетнѣйшіе гости и множество народа при повторяемыхъ поклонахъ въ поясъ, прикрытый ладонью лѣвой руки, и прикладывая правую то къ головѣ, то къ груди, сопровождали его до самой рѣчки.

Наконецъ предстояло Серчешме отправить послѣднее дѣйствіе: *Разрѣшение запоновъ.* Но какъ

онъ отвелъ пожалованныхъ имъ къ сторонѣ за мѣстомъ зрѣлища, гдѣ развязывая узлы, металъ на плеча хозяина *Пешнималъ*, за что надѣляемъ былъ каждымъ по нѣскольку гривенъ; то и гости, не обращая на это вниманія, немедленно откланялись хозяевамъ, кромѣ небольшаго числа не спѣсивыхъ господъ, оставшихся и до слѣдующаго дня допивать и доѣдать остатки припасенаго въ такомъ количествѣ, что одинакими блюдами, какъ говорятъ, (кромѣ сидѣвшихъ за Европейскими столами), было насыщено три тысячи пятдесятъ человѣкъ чинно и безъ малѣйшаго нарушенія чьего либо удовольствія.

Такія торжества, отправляемыя у ремесленниковъ на Крымскомъ полуостровѣ въ однихъ только городахъ: Бахчисараѣ, Карасубазарѣ и Эвпаторіи, не всѣ продолжаются столь долго и пышно. Это зависитъ отъ числа и состоянія кандидатовъ, которые въ малыхъ цехахъ начинаютъ и оканчиваютъ въ однѣ сутки и менѣе свой обрядъ, называемый и *Реванъ* и *Тефериджь*. Но разница этихъ словъ состоитъ, кажется, въ томъ, что Реванъ значитъ открытіе пути или разрѣшеніе къ свободѣ; а Тефериджь реванное торжество съ угощеніемъ разнаго званія и состоянія людей, отнюдь не исключая бѣдныхъ и нищихъ. Никакое впрочемъ пиршество не называется *тефериджь* или *теферичь*, а никакое другое освобожденіе *Реваномъ*.

Е. Булатовъ.

КОРЕННАЯ ЯРМОРКА. *

Главное торговое мѣсто въ Курской губерніи находится, можно сказать, въ чистомъ полѣ, при коренной пустыни. Поле это, заключая около 50 десятинъ, окружено съ трехъ сторонъ невысокимъ валомъ и рвомъ: съ западной устроена застава Московская, съ южной Курская, а восточная сторона скатывается къ пустыни и дачамъ ея, лежащимъ при рѣкѣ Тускарѣ.

Въѣхавши въ курскую заставу, во время ярмарки, видишь загоны съ лошадьми, возы съ рыбою, табакомъ и фуражными припасами; за ними, по обѣ стороны, балаганы съ разными товарами; еще далѣе два каменныхъ флигеля, выстроенные для пребыванія Гражданскаго Губернатора и корпуснаго командира; наконецъ за площадью открывается каменный двухъ этажный гостинный дворъ.

Всѣ ряды двора пересыпаны свѣжею травою. При входахъ въ него находится двѣ кондитерскія. Около полудня, встрѣчается въ папскóмъ ряду все лучшее общество, посѣтившее ярмарку. Оно гуляетъ здѣсь, будто на Невскомъ проспектѣ; вездѣ пестрота и богатство товаровъ, и ничто не безпо-

* Статья эта доставлена мнѣ въ Іюлѣ 1836. *Изд.*

контъ гуляющихъ: ни пыль, ни стукъ отъ ѣдущихъ экипажей, ни знойное солнце, ни самый дождь. Вечеромъ готовятся другія удовольствія: собраніе и театръ. Все живо здѣсь во время ярмарки: веселятся и молятся; торгуютъ, и приносятъ дары въ храмы. Едва займется день, и все засуетится: въ балаганахъ, потомъ въ Думѣ, въ трактирахъ, ставкахъ, и наконецъ въ гостинномъ дворѣ, гдѣ каждый торговецъ живетъ въ своей лавкѣ или пристроенной къ ней палаткѣ. Богомольцы спѣшатъ въ церковь пустыни, которая приютилась къ высокому берегу Тускари, и въ лучезарныхъ крестахъ своихъ удалилась отъ суеты міра.

Войдя въ святыя ворота, открываются на право кельи, на лѣво больница, и прямо за ними возвышается храмъ Рождества Богородицы; за нимъ устроена площадка, обнесенная перилами; съ нее открывается прелестнѣйшій видъ за Тускарь: зрѣніе теряется въ безконечности, тамъ — гдѣ небо, кажется, сливается съ землею.

Ниже площадки, на самомъ берегѣ Тускари, находится другой каменный храмъ во имя Живоначальнаго Источника. Онъ соединенъ съ соборною церковью Рождества Богородицы, крытыми переходами и широкою лѣстницею изъ 154 ступеней и 12 площадокъ. По обѣимъ сторонамъ устроены двери для входа и выхода богомольцевъ; по стѣнамъ видны изображенія чудесъ, совершенныя Св. Иконою.

Со второй площадки на право идетъ лѣстница къ трапезѣ храма, среди которой предъ царскими вратами находится чудесный кладезъ. Когда пройдетъ

время ярморки и уже рѣдко встрѣчаются богомольцы; и содержатель театра усаживаетъ въ повозки своихъ Калифовъ и Гамлетовъ; послѣдній извощикъ тянется къ заставѣ; и дѣти ищутъ на землѣ лакомствъ и игрушекъ,—тогда не вѣришь глазамъ своимъ, минувшее кажется сномъ... Невольно представляешь въ воображеніи живую картину, только что скрывшуюся отъ зрѣнія, и предаешься воспоминаніямъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой.

Издавна вся Курская Губернія называлась *Посемьемъ* и была Украйной древней Руси. Съ юга и востока облегали ее пустыни и степи, на которыхъ кочевали Половцы. Путивль, Курскъ, Рыльскъ, Бѣлгородъ и другіе города были укрѣпленными мѣстами *Посемья*. Любимой страной для набѣговъ Половецкихъ была эта Украйна. Они врывались въ нее изъ за Оскола или черезъ пустыни нынѣшней Харьковской Губерніи. Вѣроятно довольство жизни Курчанъ болѣе всего привлекало къ нимъ безпокойныхъ сосѣдей. А *плодородіе* земли и мѣстность, удобная для *торговли* того времени, обогощали страну. Покрайней мѣрѣ судя по нашимъ древнимъ путямъ торговли и образу войны, Посемье служило складочнымъ мѣстомъ для первой и роздыхомъ для второй. Въ немъ берутъ начало рѣки, впадающія въ Днѣпръ и въ Волгу, и сближаются своими верховьями, такимъ образомъ главные пути торговли съ *Востокомъ* и *Византіей* соединялись и здѣсь, какъ соединялись они между верховьями Днѣпра и Волги. Курская Губернія была *волокомъ* на югѣ

между Окою, Сеймомъ и Десной, какъ на сѣверѣ нынѣшній *Вышній Волочокъ* былъ волокомъ между Волгой и Балтійскимъ моремъ. Этотъ путь торговли былъ обыкновеннымъ въ древнія времена, и кромѣ историческихъ памятниковъ и урочищь указываютъ на него множество арабскихъ и византійскихъ монетъ, находимыхъ въ землѣ по берегамъ Днѣпра, Оки и особенно Волги, чрезъ которую шли товары Персидскіе и даже Индійскіе, и передавались въ руки Ганзейской торговлѣ. Военные пути пролегали также по теченію рѣкъ—и завоеванія отдаленныхъ Славянскихъ племянъ, а также Чуди и Хазаръ, производились по рѣкамъ. Святославъ, отправляясь противъ Греціи, плылъ въ ладьяхъ по Днѣпру и потомъ Чернымъ моремъ, по возможности придерживаясь береговъ; а обратившись противъ Вятичей и далѣе, вошелъ рѣками въ Курскую Губернію, оттуда къ Верховьямъ Оки, и Окою въ Волгу. Въ обоихъ случаяхъ Курская Губернія была перепутьемъ съ юга на сѣверъ — и для торговли и для военныхъ дѣйствій. Вѣроятно это самое, открывая новыя средства жизни, развивало дѣятельность въ жителяхъ и поддерживало въ нихъ бодрость. Отражая набѣги кочевыхъ племенъ, Курчане нерѣдко ходили въ степи, вносили ужасъ и возвращались съ добычей. Вотъ какъ говорилъ Всеволодъ, Князь Курскій брату своему Игорю Святославичу: «Одинъ братъ, одинъ у меня свѣтъ свѣтлый ты Игорь: мы оба Святославичи. Сѣдлай, братъ Игорь, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, у Курска стоятъ подъ сѣдломъ. Куряне извѣстные воины:

подъ трубами повиты, подъ шлемомъ взлелѣяны, концемъ копья вскормлены. Пути имъ знакомы, овраги всѣ знаютъ. Натянуты луки ихъ; колчаны открыты, сабли ихъ остры, и рыщутъ они сѣрыми волками въ поле, ища себѣ чести, а Князю славы.» (1)

Этими немногими словами вѣрно и поэтически обрисованъ воинственный бытъ жителей нашего Посемья. И два боя гибельныхъ для Руси: одинъ на Каялѣ близь Донца и другой на Калкѣ недалеко отъ Азовскаго моря, доказали какъ умѣли биться Курчанѣ. Когда Игорь Святославичь, раненый, взятъ былъ въ плѣнъ, тогда съ немногими воинами остался Всеволодъ Курскій — и пѣшій хотѣлъ пробиться къ Донцу.

«О, ярый туръ Всеволодъ! стоишь въ оборонѣ и прыщешь стрѣлами, гремитъ о шеломы твой мечь харалужный. Куда принесешься, твой шлемъ гдѣ заблещетъ, тамъ головы Половецкія поле покрыли. Калеными саблями, Ярый-Туръ Всеволодъ, разсѣкъ ты шлемы Оварскіе.» (2)

Также отважно бился Олегъ Курскій на Калкѣ, противъ Татаръ, въ 1224 году.

Но черезъ пятнадцать лѣтъ уже не было Курска. Буря поднялась на Востокѣ, ворвалась въ нашу Русь, пролетѣла отъ Рязани почти до Новгорада и оттуда на югъ въ степи половецкія: все, что было на пути, все пало или преклонилось или бѣжало. Въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ Курчане испытывали свои силы противъ Татаръ, успѣвали разорять ихъ улусы; но ровно черезъ сто лѣтъ послѣ битвы на Каялѣ (1285) толпы Татаръ, предводимые

Темиромъ, восначальникомъ Ногая, совершенно разгромили наше *Посѣмье*: Князья бѣжали; большая часть бояръ погибли; города были рузрушены и вскорѣ о Курскѣ стали упоминать, какъ о пустынѣ: «Страна Курская раззоренiемъ отъ Татаръ пришедъ въ конечное запустѣнiе заросла лѣсами, и была изобильна птицами и звѣрями.... » (3)

Въ 1295 году одинъ изъ охотниковъ Г. Рыльска, въ лѣсу на берегу р. Тускари, гдѣ теперь церковь Рождества Богородицы, обрѣлъ на корнѣ икону знаменiя Богоматери, обращенный ликомъ къ землѣ, и поднявши его увидѣлъ какъ заструился источникъ чистой воды. Вѣсть объ этомъ открытiи дошла до Рыльскагô князя Шемяки, и по его приказанiю образъ перенесенъ въ Рыльскъ. Благоговѣйно встрѣтилъ народъ св. икону, но самъ Князь не хотѣлъ присутствовать при торжествѣ — и былъ объятъ слѣпотою, отъ которой избавился только сознанiемъ своей вины и принесенiемъ молебствiя предъ явленною иконою. Чудеса творятся по мѣрѣ благочестiя народа. и много ихъ свершилось со времени обрѣтенiя чудотворнаго образа. На мѣстѣ его обрѣтенiя была сооружена часовня, въ которую онъ былъ перенесенъ изъ Рыльска и, несмотря на желанiе жителей города оставить его у себя, пребылъ здѣсь не отлучно слишкомъ *триста* лѣтъ.

Но въ 1597 году Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, увѣдавъ о чудесахъ св. образа, указалъ поднять его въ Москву и торжественно встрѣтилъ его; а Царица Ирина Ѳедоровна украсила его богатою ризою, приказала вставить его въ новую *деку* и приписать не

ней вверху Господа Саваоѳа, по правую руку—Давида, Моисея, Іеремію и Гедеона; а по лѣвую—Соломона, Даніила, Ісаію и Илію; и приложила богатыя пелены изъ краснаго атласа къ означеніемъ года. Потомъ Государь торжественно отпустилъ св: образъ въ пустыню, и повелѣлъ выстроить на мѣстѣ часовни монастырь, въ которомъ былъ первымъ Игуменомъ Священникъ Георгій, въ иночествѣ Евфимій. Въ томъ же году по указу Царя возобновленъ Курскъ.

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ прислалъ къ св: образу: иконы, книги, свѣчи, ладонъ, колокола и казну.

Въ 1603, Григорій Отрепьевъ, зная вѣру народа въ чудотворный образъ, вызвалъ его въ Путивль и въ сопровожденіи его двинулся къ Москвѣ.

Въ 1612 году, когда Польскія войска стѣснили Курскъ, и во время приступа взбирались на стѣны его, въ это время народъ, памятуя чудеса своей заступницы, обратился къ ней съ молитвою, и далъ обѣтъ построить монастырь. Приступъ былъ отбитъ, жители исполнили свой обѣтъ. Къ монастырю была приписана (1618) коренная пустынь, и самая икона была перенесена въ него. Но въ 1764, при составленіи штатовъ, Коренная пустынь снова отчислена отъ вѣдомства Курскаго Знаменскаго монастыря и оставлена на своемъ содержаніи при *строительскомъ* начальствѣ.

Съ 1767 по 1806 годъ, св. икона находилась не выносимо въ Курскѣ, но съ 1806 года, ношеніе ея на мѣсто обрѣтенія возобновлено и свершается каж-

дый годъ въ девятую Пятницу по Пасхѣ. Копію съ иконы удостоенъ имѣть Бѣлогородскій полкъ.

Къ 1806 году должно отнести и постоянное открытіе ярмарки, въ понедѣльникъ на 9 недѣлѣ по Пасхѣ. И вѣроятно это назначеніе времени для ярмарки было согласно съ установленіемъ ее по обычаю народному.

Періодическое стеченіе народа къ св: мѣсту само собою мало по малу произвело ярмарку, которую въ этомъ отношеніи можно назвать естественною. По нынѣ сохранился обычай, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ классѣ приносить въ даръ образамъ разныя издѣлія отъ трудовъ рукъ своихъ. Этотъ обычай былъ сильнѣе въ древности, потому что деньги были рѣдкостію. Первыя приношенія образу знаменія Коренной Божіей Матери, состоявшія изъ холста, сукна, пушнаго товару, обращались мѣстными священниками въ деньги, или мѣнялись на другія нужнѣйшія вещи. Когда же покупатели и мѣновщики привыкли туда приходить и пріѣзжать для такой торговли, и для полученія за дешевѣйшую плату товаровъ, начали выставлять вещи и блестящія для поселянъ бездѣлки; тогда богомольцы начали приносить собственные товары для продажи и мѣны, и такимъ образомъ положено было начало *ярмарки*.

Чтобъ представить себѣ живѣе первоначальную Коренную ярмарку, необходимо посвятить для этого послѣдніе четыре дня 9-й недѣли по Пасхѣ. Уже съ середы десятки тысячь народа кипятъ на площади города Курска; но въ этомъ приливѣ народ-

номъ почти не видишь поселянъ: только ихъ жены и дочери стеклись сюда изъ всѣхъ уѣздовъ Курской и изъ разныхъ селеній сосѣдственныхъ губерній, чтобы проводить святую икону до Коренной пустыни, или чтобъ только поклониться ей.

Они принесли съ собою свои избытки: простые кушаки, фланель, камлотъ, холстъ, чулки, и другіе мелочные товары. Продавая ихъ, многіе и нынѣ считаютъ грѣхомъ запрашивать дороже настоящей цѣны, которая уже заранѣе назначена на приношеніе св: иконѣ. Торговцы, пользуясь стеченіемъ народа, выставляютъ потребные для него товары: мѣдные кресты, перстни и кольца, бисеръ, бусы, лоскутки шелковой и бумажной ткани, грубый миткаль, выбойку и платки.

Такъ воскресаетъ первоначальная ярмарка, но уже въ Курскѣ: она не велика по цѣнности обращающихся въ ней товаровъ, но замѣчательна по стеченію народа, исполненнаго религіознымъ чувствомъ, бѣднаго потребностями житейскими и привычкою къ удобствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало нужно для поселянки, для ея наряда, для ея покоя. Кромѣ подгородныхъ поселянокъ и однодворокъ, очень не многія покупаютъ на свои трудовыя деньги: бумажные и шелковые платки и ткани, а вообще вся закупка каждой состоитъ въ мѣдномъ крестѣ, перстнѣ, кольцѣ, шнуркѣ, нѣсколькихъ нитяхъ бисера, и лоскутьяхъ, что все вмѣстѣ обходится не дороже пяти копѣекъ серебромъ. Мѣдныя вещи она несетъ въ гостинецъ своимъ дѣтямъ, изъ лоскутковъ

шьетъ себѣ головной уборъ подъ названіемъ *сороки*, или *повойника*, изъ остатковъ отъ него, т. е. изъ самыхъ мелкихъ лоскутковъ, дѣлаетъ къ своей сорокѣ *махорочки*, дѣлаетъ себѣ или дочери букли, называемыя *заушниками*, а бисеромъ поновляетъ щитокъ головной повязки, покрывающій шею и называемый *подзатыльникомъ*. Нарядъ для дѣвушки или невѣсты, который доводится купить одинъ разъ въ жизни, рѣдко стоитъ болѣе 75 копѣекъ серебромъ. Платья, платки и прочее дѣлаютъ болѣе изъ шерстяной, льняной и конопляной ткани своего издѣлія.

Вода и хлѣбъ составляютъ здѣсь ихъ пищу, и рѣдко увидишь, чтобъ десять поселянокъ купили себѣ для общаго обѣда: на грошъ квасу, на грошъ луку и на два-три гроша сухой рыбы.

Настанетъ ночь, онѣ не ищутъ удобнѣйшаго пріюта: безъ крова голая земля или каменная мостовая служитъ имъ постелью. На ней располагаются онѣ цѣлыми селеніями, укладываясь головами вмѣстѣ, и спятъ сладко и спокойно.

Въ пятницу, едва раздастся призывный колокольчикъ къ обѣднѣ, весь народъ, осѣняясь крестомъ, отправляется къ Московской заставѣ; но красная площадь и монастырскій дворъ все еще пестрѣютъ толпами. Здѣсь съ благоговѣніемъ молится народъ на храмъ Знаменія Богоматери, въ которомъ обрѣтается образъ его Заступницы, Надежды небесной.

Кончилась обѣдня, и въ 10 часовъ самъ Преосвященный епископъ курскій и бѣлгородскій, предшествуемый хоругвями, огромными фонарями, кіотомъ

и духовенствомъ, износитъ изъ храма св: икону. Всѣ мысли, всѣ очи народа устремлены къ ней.

Процесія достигаетъ середины площади; Епископъ благословляетъ св: образомъ народъ на всѣ четыре стороны и въ это время протодіаконъ произноситъ приглашеніе къ молитвѣ, а пѣвчіе поютъ: «Пресвятая Богородица спаси насъ.» Благоговѣніе народа достигаетъ высшей степени, цѣлыя сотни его падаютъ ницъ.

Первѣйшіе сановники губерніи пріемлютъ изъ рукъ преосвященнаго св: образъ и несутъ его до Ильинской церкви, на Московской улицѣ, гдѣ Архимандритъ Коренной пустыни, принявъ отъ нихъ икону, вноситъ ее въ кіотъ.

Тысячи людей, не имѣя возможности слѣдовать до пустыни, останавливаются, преклоняютъ колѣна, молятся, пока не престанутъ долетать до ихъ слуха послѣдніе звуки хвалебной пѣсни, пока не изчезнетъ изъ глазъ послѣдняя хоругвь удаляющейся процессіи. Шествіе ея ни дождь, ни что не прекращаетъ, и она около 8 часовъ вечера достигаетъ Коренной ярмарки, хотя и останавливается для отдыха въ селеніи Каменевѣ, у Малоховыхъ постоялыхъ дворовъ и при селеніи Долгомъ. Но вся дорога, въ продолженіи цѣлаго дня, отъ Курска до самой Коренной, покрыта народомъ; повсюду малыя торжища для удовлетворенія необходимыхъ потребностей; тамъ народъ предшествуетъ; тутъ сопровождаетъ; тамъ спѣшитъ въ срѣтеніе, а здѣсь уже на колѣнахъ молится предъ нею.

Здѣсь у Курской заставы встрѣчаетъ процессію множество народа, предупредившаго икону и собравшагося изъ ближайшихъ селеній, вмѣстѣ съ архимандритомъ пустыни. Послѣдній, изъявъ икону изъ кіота, передаетъ сановникамъ, которые несутъ до амвона, устроеннаго на площади ярмарки, гдѣ съ духовенствомъ пустыни ожидаетъ ее епископъ, который пріявъ, возлагаетъ ее на аналогію.

Свершается молебствіе, и по провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и Августѣйшей его фамиліи, св. образъ сопровожденъ въ нижнюю церковь пустыни, во имя Живоначальнаго Источника, на мѣсто обрѣтенія, надъ чудеснымъ кладеземъ. Отсюда вверхъ по лѣстницѣ, всѣ 128 ступеней и 11 площадокъ покрыты молящимися. Предъ ними св: образъ и струящійся кладезь, сотни горящихъ свѣчь и въ облаченіи духовныя лица, поющія хвалебныя пѣсни. Чудный свѣтъ, упавъ на зеркальныя струи, преломляется въ милліоны лучей и озаряетъ, оживляетъ все окружающее, особенно пробѣгая по злату и сребру облаченій, ризъ св: образа и иконостаса. Кажется само небо ниспослало свой вѣчно живый свѣтъ, среди котораго отверсты царскія врата.

По совершеніи всенощной, св. образъ перенесенъ въ верхнюю церковь и народъ началъ прикладываться къ нему.

На утро та же простая ярмарка кипитъ на землѣ пустыни, какая кипѣла въ Курскѣ. Но въ этомъ мѣстѣ селяне болѣе покупаютъ, нежели продаютъ, а болѣе всего ходятъ молиться то въ храмъ Рождества Богородицы, то въ храмъ Живоначальнаго Источника.

Ходъ торговыхъ оборотовъ на здѣшней ярмаркѣ и вообще въ Курской губерніи имѣлъ свои періоды. 1. Съ уничтоженіемъ ига монгольскаго, съ увеличеніемъ притѣсненій малороссійскихъ козаковъ со стороны Польши, и съ повелѣніемъ послѣдовавшемъ въ 1597 году, возобновился Курскъ, явились на берегахъ Сѣвернаго Донца, Оскола, Семи и Харькова русскія и малороссійскія селенія, явился новый городъ при устьѣ Кура, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число богомольцевъ, увеличилось торжище сельскими произведеніями, явились на немъ городскіе менѣе грубые товары, доставляемые купцами ближайшихъ городовъ.

2. Когда въ 1755 и въ 1775 были отмѣнены манифестами всѣ внутреннія милліонныя пошлины для пользы и свободы торговли, промысловъ и сельскаго хозяйства, тогда это благодѣяніе для народа и дальновидная цѣль для увеличиванія доходовъ казны, оживили всѣ промышленности, сдѣлали ярмарочный рынокъ доступнѣйшимъ для большаго числа людей, слѣдовательно обширнѣйшимъ.

3. Съ открытія въ 1779 г. Курской и другихъ сосѣдственныхъ губерній и съ учрежденіемъ въ нихъ многихъ городовъ, потребности на городскіе товары увеличились; ихъ начали привозить на ярмарку московскіе и другихъ отдаленныхъ городовъ купцы изъ мѣстъ дальнихъ и даже отъ Балтійскихъ портовъ, и притомъ съ каждымъ годомъ лучшаго качества и въ большемъ количествѣ. Торговля въ коренной начала обращаться изъ розничной въ оптовую.

4. По распространеніи границъ Россіи за Кубань

и до береговъ Чернаго и Азовскаго морей, по открытіи для Русскаго флага этихъ морей, по учрежденіи въ южномъ краѣ портовъ, городовъ и селеній, и при постоянномъ нахожденіи тамъ войскъ, внутреннія губерніи начали входить въ бо́льшія и бо́льшія между собою торговыя сношенія съ тѣмъ краемъ, съ инородцами тамъ обитающими. Это еще болѣе увеличило ярмарочный рынокъ, породивъ новыхъ потребителей и новыхъ производителей, и обратило коренную въ центръ, къ которому стекались, такъ сказать, товары отъ сѣвера для размѣна съ товарами отъ юга.

Къ благопріятнымъ причинамъ ярмарочной торговли принадлежитъ и послѣдовавшее большее удобство для торговли особенно дорогими товарами, большая безопасность ихъ отъ огня и непогодъ, такъ какъ по силѣ Высочайшаго повелѣнія 1787 г. Курское градское общество, на счетъ ярмарочнаго сбора, выстроило въ Коренной каменный гостинный дворъ, начавъ его въ 1793 г. и почти окончивъ къ 1812 г.; съ этаго года половина ярмарочныхъ доходовъ обращается въ казну, а половина по 1834 г. назначалась единственно для производства новыхъ строеній на ярмаркѣ для ремонта прежнихъ и на прочіе расходы; съ послѣдняго года весь остатокъ суммъ отъ этихъ построеній, ремонта и расходовъ, обращается въ пользу г. Курска.

Неудобства коренпаго гостиннаго двора состоятъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1-е верхній этажъ остается почти всегда пустымъ, кромѣ немногихъ лавокъ, занятыхъ нарядами и платьемъ;

потому что для быстроты торговли, особенно ярмарочной, для выказанія на одной площади всѣхъ товаровъ, и для удобства покупателей, каждый торговецъ, не находя свободнаго нумера въ нижнемъ этажѣ того двора, предпочитаетъ выставить ихъ внѣ его, въ сосѣдственномъ балаганѣ; 2-е нумера во всемъ дворѣ низки и столь тѣсны, что почти каждый торговецъ въ панской линіи долженъ брать два три четыре нумера, чтобы помѣстить въ нихъ свой товаръ; 5-е каменныя лавки и отчасти балаганы расположены внутри двора крестообразно, между тѣмъ какъ самое выгодное расположеніе подобныхъ зданій, есть повтореніе строеній такъ, что если за́мкомъ выстроены главные ряды, то и внутреннія строенія должны идти за́мкомъ же; 4-е такъ какъ въ курской губерніи встрѣчаемъ мы каменную мостовую и тротуары только въ Курскѣ и Ст. Осколѣ: то въ случаѣ дождливой погоды, грязь до того бываетъ велика въ Коренной, что гостинный дворъ дѣлается доступнымъ почти для однихъ имѣющихъ возможность ѣхать.

6. Континентальная система произвела сначала неблагопріятное вліяніе на Коренную ярмарку; но она имѣла необходимымъ послѣдствіемъ обращеніе дѣятельности и капиталовъ народныхъ къ мануфактурной промышленности и внутренней торговли; а потому вскорѣ неблагопріятное вліяніе той системы стало уничтожаться, и въ 1811 г. уже мало замѣтны слѣды его въ торговлѣ на Коренной ярмаркѣ, судя по цѣнѣ оборота.

7. По уничтоженіи континентальной системы ярмарочная торговля, при вліяніи изложенныхъ при-

чинъ, начала быстро увеличиваться, не смотря на то что многія изъ мануфактурныхъ заведеній пали; потому что осталось еще достаточное число ихъ для пониженія цѣны на многіе изъ иностранныхъ издѣлій, и тѣмъ самымъ для увеличенія числа потребностей; а когда съ 1826 г. капиталисты болѣе увѣрились въ неизмѣнности тарифа, въ постоянномъ стремленіи Высшаго Начальства, особенно самаго Государя Императора увеличить и распространить внутреннія мануфактурныя заведенія, съ того времени, вмѣстѣ съ ними, быстро начала увеличиваться и распространяться торговля на ярмаркѣ.

8. Въ настоящее время очевидно возрожденіе той торговли; но о причинахъ этаго будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ.

Для большей же ясности помѣщается здѣсь вѣдомость за 1836 о торговлѣ на Коренной ярмаркѣ, о доходахъ и расходахъ ея, начиная тысяча семьсотъ восемдесятъ седьмымъ, и оканчивая минувшимъ тысяча восемсотъ тридцать пятымъ годомъ. *

Въ которомъ году.	На какую сумму рублей товаровъ:			Получено доходовъ посредствомъ сбора съ лавокъ, мѣстъ и прочаго.	
	Привезено.	Продано.	Осталось.		
	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	К.
1787				1973	45
1778				9662	75
1789				8241	20
1790				10725	60

* Вѣдомость о торговыхъ оборотахъ на Коренной ярмаркѣ за 1836 годъ приложена отдѣльно отъ статьи.

1791				14224	40
1792				13352	10
1793				15024	65
1794				14517	15
1795				15044	25
1796				14171	11
1797				16460	76
1798				17025	84
1799				17222	9
1800				22853	40
1801				18693	18
1802				21592	35
1803				22023	80
1804				21578	90
1805				21151	45
1806				25013	15
1807				19900	75
1808				20388	62
1809				19722	75
1810				20318	85
1811				22429	75
1812				36891	99
1813				43153	60
1814				47229	70
1815				45735	5
1816				542244	25
1817				73307	10
1818				85653	10
1819				88006	50
1820				100586	72
1821				94115	50
1822				88226	10
1823				83579	10
1824				85726	80
1825				74024	67
1826				74000	40
1827				76550	40

1828	11268000	3050000	8218000	74747	5
1829	3547685	22805825	12675007	79651	86
1830	32065769	17537191	14526578	80516	12
1831	16031884	8768595	7263289	52146	70
1832	35146719	22561358	12785361	74468	85
1833	34000000	15000000	19000000	76404	65
1834	17859900	7677275	10182625	88901	92
1835	16657660	8689270	7967390	92014	52
Итого.				2191540	87

Въ 1836 году курскою Градскою Думою собрано съ Коренной ярмарки дохода за билеты на гербовой бумагѣ 2361 р. 70 коп. за лавки, балаганы, мѣста и прочее 98446 р. 23½ коп., всего 10080. р. 23½ коп., изъ которыхъ обращено въ казенный доходъ 49223 р. 11½ копѣекъ.

При этомъ можно замѣтить и вывести слѣдующее:

1. Чѣмъ разнообразнѣе одноименные товары, тѣмъ, особенно при розничной торговлѣ, меньшая часть ихъ продается.

2. Продажа шелковыхъ тканей уступитъ продажѣ ихъ въ прежніе годы, потому что цѣна на нихъ возвысилась, соотвѣтственно значительному возвышенію цѣны на шелкъ.

3. Донское вино, хотя имѣло противъ прежнихъ лѣтъ большую цѣнность, по возвышенію цѣны на сахаръ, которымъ подслащивается; но поступая въ продажу почти изъ первыхъ рукъ, оно продавалось по прежнимъ цѣнамъ, и потому торговля имъ шла быстрѣе прежняго.

4. Сахаръ Осташковскаго завода Савина, хотя уступаетъ добротою сахару другихъ заводчиковъ,— но шелъ въ продажѣ очень быстро, потому только, что сахаръ вообще очень вздорожалъ, а его былъ дешевлѣ двумя и тремя рублями на пудъ.

5. Множество товаровъ, выставленныхъ самими мануфактуристами, доказываетъ или недостатокъ кредита въ торговлѣ, или не всеобщую потребность произведеній, или неумѣстность самыхъ заведеній, или худое устройство въ нихъ производства, которое бываетъ причиною худаго качества товаровъ, а оттого малоизвѣстности самыхъ заведеній, — такъ равно дороговизны товаровъ, поставляющей въ необходимость производителя соединять въ своемъ лицѣ — лицо мануфактуриста и лицо купца.

6. Нѣкоторые изъ значительныхъ торговцевъ, не желая войти въ торговыя, или лучше сказать въ кредитныя отношенія съ тѣми торговцами южныхъ губерній, которые уплату производятъ на украинскихъ и малороссійскихъ ярмаркахъ, предпочитали розничную продажу, а гуртовую ограничивали сбытомъ торговцамъ, которые платятся въ Москвѣ, нижнемъ Новгородѣ и Пензѣ.

7. Розничные торговцы южныхъ губерній избѣгаютъ покупать товаръ иначе, какъ изъ первыхъ или вторыхъ рукъ, и потому только тѣ изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Коренную ярмарку, которыхъ товаръ, закупленный на украинскихъ и малороссійскихъ ярмаркахъ, разпродался быстрѣе ожиданія, или не достало имъ капитала и кредита для закуп-

ки его на тѣхъ ярмаркахъ въ достаточномъ количествѣ.

8. Многіе торговцы, изъ городовъ близкихъ къ Коренной, пріѣзжаютъ туда безъ товара, а закупивъ его въ самомъ началѣ ярмарки, открываютъ имъ тутъ же торговлю, и по мѣрѣ продажи закупаютъ вновь гуртомъ товары, собственно уже для торговлѣ въ тѣхъ городахъ.

9. Очень многіе товары, которые заготовляются и складываются около Москвы и въ ней, могли быть куплены въ Коренной гуртомъ за туже цѣну, какъ и въ самой Москвѣ. Этому можно полагать причиною то, что товары сіи не увеличились въ цѣнности отъ перевалки, храненія и прочаго въ самой Москвѣ.

10. Даже вообще, по увѣренію окрестныхъ розничныхъ торговцевъ, несравненно выгоднѣе въ Коренной купить гуртомъ товару на 5, 6 тысячь рублей, нежели самому ѣхать за нимъ въ Москву, не считая собственныхъ трудовъ и времени.

11. На Кавказскую линію, въ Крымъ, Бессарабію и вообще въ Южныя области, болѣе требовались ткани низшихъ сортовъ, нежели высокихъ.

12. Крупчатая мука не требовалась въ сѣверныя Губерніи отъ того, что она идетъ туда болѣе съ крупчатокъ Елецкихъ.

13. Очень немногіе товары покупались въ Черниговскую Губернію, а особенно на Волынь и въ Бѣлоруссію, потому что первая и вторая получаютъ ихъ болѣе на Роменской, Кролевецкой и другихъ ярмаркахъ, бывающихъ около тѣхъ мѣстъ, а въ

Бѣлоруссіи классъ торговцевъ составляютъ преимущественно Евреи, закупающіе товары отчасти на тѣхъ же ярмаркахъ, а отчасти въ Москвѣ.

14. Можно видѣть, что гуртовая торговля шла очень хорошо. Но изъ розничной такъ шла только господскими, горожанскими, господско-горожанскими и отчасти общими товарами, а поселянскими шла очень посредственно, кромѣ предметовъ, поступающихъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Послѣднее кажется, не включая другія причины, происходило отъ того, что съ 1833 года цѣны на хлѣбъ были очень высокія и онъ потребовался изъ курской и орловской губерній въ такія мѣста, куда прежде, особенно изъ послѣдней губерніи, не было сбыта, именно въ Украйну, Малороссію, Новороссію и такъ далѣе; съ прошедшаго же года вообще цѣны на хлѣбъ очень упали и означенное требованіе совершенно прекратилось, оттого и денежный приходъ у поселянъ тѣхъ губерній чрезвычайно уменьшился; между тѣмъ съ одной стороны они по привычкѣ къ жизни нѣсколько лучшей не сохранили своихъ расходовъ въ теченіи, такъ сказать, земледѣльческаго года, считая его отъ уборки, до весенняго посѣва хлѣба; а съ другой стороны торговцы, упустивъ изъ вида изложенное, выставили для нихъ на ярмаркѣ товаровъ болѣе, нежели выставляли прежде. Притомъ въ предшествовавшіе для поселянъ годы, они запаслись разными предметами на продолжительное время, какъ то: сбрусю и подобнымъ; слѣдовательно не имѣли никакой надобности покупать ихъ въ послѣднее время.

15. Вовсе не замѣтно на Коренной ярмаркѣ, чтобъ торговцы, продавъ свой товаръ, покупали на ней другой товаръ, и такимъ образомъ сдѣлали бы два оборота въ одно почти время, кромѣ торговцевъ кушаками, пушнымъ и кожевеннымъ товарами, донскими винами и колоколами; изъ коихъ, по продажѣ привезеннаго товара, первые покупаютъ шерсть и краски, вторые и третьи невыдѣланныя шкуры и кожи, четвертые бутылки въ значительномъ количествѣ, пятые — мѣдный ломъ.

16. Въ отношеніи производимости, кругъ ярмарочной торговли охватываетъ всю землю: въ немъ заключаются произведенія тропическія вмѣстѣ съ полярными, русскіе съ американскими. Въ отношеніи же внутренней торговли, онъ обхватываетъ въ обширномъ смыслѣ пространство, лежащее между Дунаемъ, Невою, Волгою, даже Исетью и западными берегами Каспійскаго моря, а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ губерніи: московскую, костромскую, нижегородскую, тульскую, орловскую, курскую, воронежскую, харьковскую, полтавскую, екатеринославскую, херсонскую и таврическую, земли донскихъ и черноморскихъ козаковъ, Кавказъ и Бессарабію.

17. Хотя Коренная ярмарка и не имѣетъ сильно соперничествующей съ ней, по времени, ярмарки, но кругъ торговли ея къ своему развитію годъ отъ году болѣе и болѣе будетъ встрѣчать затрудненій отъ сосѣдства съ Харьковомъ, гдѣ четыре ярмарки въ году, и притомъ городъ этотъ занимаетъ превосходное мѣсто въ южной полосѣ Россіи, такъ ска-

зать безводной: это будущая наша южная Москва, отстоящая отъ черноморскихъ, азовскихъ и каспійскихъ гаваней на столько же, какъ и древняя столица отъ гаваней Балтійскаго моря и Сѣвернаго Океана, сосредоточивающая въ себѣ множество путей, окруженная земледѣльцами, которые стѣсняются болѣе и болѣе отъ увеличенія населенности, отъ невозможности сбывать за вознаграждающую плату свои произведенія, которыя по необходимости должны будутъ измѣнить свой промыслъ и тѣмъ удвоить, утроить жизнь черноморской, азовской и кавказской торговли.

18. Причины, по которымъ въ нынѣшнемъ году почти четвертою частію увеличился привозъ товаровъ на ярмарку, противъ 1834 и 1835, извѣстнѣе мѣстному начальству, нежели мнѣ; но безсомнѣнія, при разсмотрѣніи ихъ надобно принять во вниманіе: a) исправность дорогъ въ здѣшней губерніи, отъ дурнаго состоянія которыхъ въ прежнее время товары нерѣдко не достигали своевременно ярмарки. b) Правильность расположенія и отдачи лавокъ, балагановъ, мѣстъ и прочаго; между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе годы, отъ безпорядка расположенія, товары не были видны, трудно было ихъ отыскать, улицы между балаганами были болѣе, нежели искривлены, или ближе сказать, улицъ вовсе не было, а были самыя тѣсныя дорожки. Самые ряды заваливали вещами укупорки и подобнымъ. Отдача лавокъ, балагановъ, мѣстъ обратилась въ торговлю посредствомъ исходатайствованія многихъ билетовъ на нихъ не для выставки своихъ товаровъ

а для сдачи по высокимъ цѣнамъ въ наемъ другимъ торговцамъ; c) постановленіе въ надлежащій порядокъ трактирныхъ и подобныхъ заведеній, потому что Коренная ярмарка особенно нуждается въ нихъ, находясь, можно сказать, въ полѣ. d) Никогда небывалая прежде безопасность отъ огня и вообще личная, между тѣмъ какъ въ прошедшіе годы не проходило ни одной ярмарки безъ убійствъ, насилій, притѣсненій и подобныхъ происшествій; кромѣ того, въ прежнія времена, самовары грѣлись и огни горѣли по мелочнымъ лавочкамъ гостиннаго двора; e) всѣ медицинскія пособія можно получить въ кругу ярмарочной черты. Вообще живая заботливость о истинныхъ выгодахъ и спокойствіи сколько торговцевъ курской губерніи, столько и иногородныхъ. Въ заключеніи же этой статьи должно сказать, что вообще купцы, и притомъ самые значительные, по привозу товаровъ, въ томъ числѣ московскіе: Гг. Майковъ, Сазиковъ и многіе другіе, отзывались вполнѣ довольными торгомъ своимъ въ ярмарку 1836, и предполагали на будущій годъ увеличить количество выставляемаго ими товара на Коренную. Для успѣшнаго развитія ничто такъ не требуетъ безопасности, отсутствія всѣхъ притязаній, всѣхъ возможностей къ принужденію, всѣхъ неудобствъ, какъ торговля: гдѣ находитъ она эти выгоды, тамъ преимущественно и развивается, при равенствѣ другихъ обстоятельствъ.

Свобода торговли есть мать торговли, а торговля есть необходимое орудіе для произведенія богатства народнаго: это истина, утвержденная вѣка-

ми. Но нигдѣ такъ торговцы не пользуются тою свободою, какъ на ярмаркахъ; слѣдовательно общія для народа выгоды доставляетъ и Коренная ярмарка. Остается обратиться къ частному разсмотрѣнію этихъ выгодъ.

1. Находясь почти на срединѣ пути между гаванями южными и сѣверными, на прямомъ пути отъ мануфактурныхъ губерній и первѣйшаго въ Россіи складочнаго мѣста Москвы, къ безводному и безлѣсному Новороссійскому краю, Коренная ярмарка есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, на которыхъ сѣверные купцы у южныхъ, и обратно, покупаютъ товары, такъ сказать изъ первыхъ рукъ. 2. На Коренной болѣе двухъ милліоновъ рублей выдается портовыми купцами жителямъ курской и сосѣдственныхъ губерній въ задатокъ на поставку сала и пеньки. 3. Коренная ярмарка многимъ фабрикантамъ и заводчикамъ доставляетъ возможность сбыть выгодно такія произведенія, которыя или не покупаются или не продаются въ самыхъ заведеніяхъ, по разнымъ причинамъ. 4. Сотни разныхъ торговцевъ безъ Коренной ярмарки съ одной стороны не успѣвали бы капиталы свои обращать лишній разъ въ годъ, а съ другой стороны лишились бы многихъ потребителей на свои товары, закупивъ въ другомъ мѣстѣ дороже и потому дороже продавая ихъ. 5. Движеніе въ Коренной и отъ нее товаровъ и торговцевъ улучшаетъ жизнь многихъ тысячь поселянъ, занимающихся почти на всемъ пространствѣ Имперіи извозомъ, ямскою гоньбою, содержаніемъ постоялыхъ домовъ, а для многихъ изъ нихъ

служитъ единственнымъ средствомъ къ пропитанію себя съ семействами. 6. Жителямъ всѣхъ состояній, обитающимъ на значительномъ пространствѣ во кругъ Коренной, даетъ удобство покупать за дешевѣйшую плату, по разницѣ, товары, и по выгоднѣйшимъ цѣнамъ, въ большемъ количествѣ, сбывать свои произведенія.

Излишне доказывать, что все это имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на народное богатство вообще, въ особенности же очевидно то вліяніе на благосостояніе жителей курской губерніи, а именно: 7. Многіе гуртовые купцы курской губерніи отчасти взяли перевѣсъ надъ торговцами другихъ губерній, отчасти вовсе исключили ихъ изъ торговли нѣкоторыми издѣліями нетолько отдаленныхъ мѣстъ Россіи, но даже заграничными, напр. фарфоровою, фаянсовою и хрустальною посудою, иностранными винами, косами. 8. Для всей Имперіи главное заготовленіе кушаковъ производится въ курской губерніи, а главный сбытъ ихъ бываетъ на Коренной. Болѣе-главная закупка шерсти и красокъ для производства кушаковъ бываетъ на Коренной. 9. Издѣлія курской Губерніи, приготовленныя на кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводахъ, на крупчаткахъ, шорныя, щепныя и подобныя, имѣютъ въ теченіи весны главный сбытъ свой въ Коренной. 10. Произведенія другихъ фабрикъ и заводовъ, какъ то: суконныхъ, бумажныхъ, конскихъ и другихъ, также сбываются въ Коренной. 11. Сколько мелочныхъ торговцевъ курской губерніи разсыпано всегда по мелочнымъ украинскимъ и малороссійскимъ ярмар-

камъ, гдѣ закупивъ изъ первыхъ рукъ шерсть, воскъ, медъ, кожи и прочее, они сбываютъ ихъ оптовымъ купцамъ, своимъ землякамъ; а послѣдніе продаютъ въ Коренной гуртомъ тѣ товары. 12. Торговцы, ведущіе мелочную торговлю издѣліями мануфактурныхъ сѣверныхъ губерній и заграничными, закупаютъ гуртомъ въ Коренной нужные имъ товары по цѣнамъ возможно дешевымъ, безъ чего они не могли бы почти торговать, потому что они легко бы подверглись убыткамъ, еслибъ закупали тѣ товары въ Курскѣ, гдѣ не можетъ быть между гуртовыми купцами соперничества, или еслибъ они должны были ѣздить за ними въ Москву. Притомъ тѣ торговцы въ особенности пользуются возможностію увеличить свой капиталъ посредствомъ купли, продажи и опять купли въ продолженіи ярмарки. 13. Марена, собранная въ курской губерніи и другія мелочи продаются въ Коренной отдаленнымъ купцамъ. 14. Сколько поселянъ успѣваютъ сбыть во время ярмарки свой избытокъ хлѣба, сѣна, другихъ съѣстныхъ и фуражныхъ припасовъ. 15. Сколько ихъ пользуется исключительно наймомъ для привоза изъ окрестныхъ городовъ въ Коренную и для вывоза изъ нее туда товаровъ. 16. Сколько выгодъ отъ Коренной ярмарки, въ особенности для жителей всѣхъ состояній курской губерніи, закупающихъ годовые запасы для своихъ собственныхъ потребностей. 17. Неоспоримо, что многими изъ означенныхъ выгодъ, пользуются наиболѣе жители города Курска, который получаетъ ежегодно на свои общественныя потребности чистаго дохода отъ Коренной

ярмарки нѣсколько десятковъ тысячь рублей, безъ чего онъ немогъ бы удовлетворить тѣхъ потребностей. 18. Однимъ словомъ Курская губернія, въ которой нѣтъ понынѣ выгодно открытыхъ сплавныхъ рѣкъ, бѣдная землями, еслибъ не вмѣщала въ себѣ Коренной ярмарки, то лишилась бы на долго сотней тысячь рублей чистаго дохода, не имѣла бы и половины капиталовъ, нынѣ находящихся въ оборотѣ; тотъ оборотъ потерялъ бы жизненность, тысячи семействъ терпѣли бы, при всѣхъ усиліяхъ своихъ, самую тяжкую нищету, многіе города на половину бы запустѣли.

Къ этому должно еще присовокупить. что такъ какъ Коренная ярмарка открывается не въ одно число, а въ день, считающійся послѣ Святой: то отъ этаго происходятъ разныя неудобства, такъ напр. рыба иногда не успѣваетъ выдти ко времени ярмарки соотвѣтственно могущему быть требованію; на Роменскую ярмарку, къ 20 Іюля, наиболѣе отправляется товаръ послѣ Коренной, слѣдовательно иногда остается слишкомъ долгое время мертвымъ, и такъ далѣе.

Не лучше ли вмѣсто того дня, назначить среднее число между десятыми пятницами разныхъ годовъ, какъ для открытія ярмарки въ Коренной, такъ и для перенесенія св: Иконы въ пустынь. Хотя торговцамъ вообще очень пріятна, можно сказать, кочевая коренная жизнь, потому что они ее считаютъ пребываніемъ на дачѣ; но за то дворянство, принужденное квартировать болѣе въ дурныхъ, тѣсныхъ и грязныхъ постоялыхъ дворахъ, не слишкомъ до-

вольно пребываніемъ въ Коренной и придерживается въ большемъ числѣ съѣзжаться туда; чрезъ что и розничная торговля уменьшается и вообще много отнимается жизни у ярмарки.

Не полезнѣе ли будетъ открыть въ Коренной уѣздный городъ? Для этого находятся слѣдующія удобства: къ ней прилегаютъ экономическія земли, а уѣзды въ Курской губерніи не въ 30, какъ должно быть по учрежденію о губерніяхъ, а въ 100 т. жителей.

Изъ всего сказаннаго легко можно сдѣлать заключеніе, что Коренная ярмарка имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на доходы Государственные; потому что она: 1, придавая отчасти жизнь торговымъ оборотамъ и стремленію къ распространенію фабрикъ и заводовъ, отчасти, такъ сказать, рождая ихъ, много споспѣшествуетъ къ составленію болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, къ увеличенію существующихъ; однимъ словомъ, къ произведенію и увеличенію народнаго богатства вообще, и тѣмъ самымъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ; 2, обращаясь къ большей подробности, въ особенности къ Курской губерніи, рѣшительно можно сказать, что ярмарка въ этой губерніи и въ самомъ городѣ Курскѣ, по крайней мѣрѣ, удвоиваетъ число купеческихъ капиталовъ, фабрикъ и заводовъ, и доставляетъ поселянамъ нѣкоторую возможность удерживаться отъ впаденія въ большую и неоплатимую казенную недоимку; 3, посредствомъ мѣстныхъ и гербовыхъ сборовъ вноситъ ярмарка, чрезъ Курскую Градскую Думу, нѣсколько десятковъ

тысячь рублей въ число казенныхъ доходовъ и даетъ возможность ремонтировать кавалерійскіе полки, съ меньшими издержками. Впрочемъ, выгоды этаго сбора ничтожны въ сравненіи съ благодѣтельною и дальновидною силою вліянія собственно на ходъ всей промышленности, благосостояніе Губерніи и бытъ ея жителей.

Е. П—ъ.

РУСАЛКА.

НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.

Чѣмъ однообразнѣе жизнь, тѣмъ игривѣе міръ фантазіи, который ее окружаетъ. Какъ посреди безплодной степи миражъ создаетъ, изъ тумановъ и облаковъ, города, озера, замки, очаровательные виды, въ которыхъ проявляется красота и ужасъ природы, такъ воображеніе поселянина окружаетъ его мечтательными существами, которыя чаруютъ чувства и волнуютъ кровь, застывающую отъ недостатка впечатлѣній, и всѣ эти видѣнія являются олицетвореніями стихій и понятій о добрѣ и злѣ, олицетвореніями необходимыми для человѣка, живущаго одними впечатлѣніями чувствъ. Чувства вѣрятъ тому, что испытали сами; и вотъ причина, почему истинная, *естественная* фантазія, живетъ только въ повѣрьяхъ народныхъ. Въ ней нѣтъ вымысла, все истинное событіе, разсказываемое и внимаемое съ полной вѣрой.

У всѣхъ народовъ впечатлѣнія чувствъ и вѣрованіе въ существъ сверхъестественныхъ одинаковы; повсюду олицетворенія однѣ и тѣже, и различаются

только именами отъ различія языковъ и формой, зависящей отъ большей или меньшей образованности воображенія.

Въ числѣ подобныхъ повѣрій, живо сохранилось еще въ народѣ повѣрье о водяныхъ дѣвахъ, олицетвореніяхъ обольщенія. Самое богатое и полное принадлежитъ Миѳологіи Скандинавской: у царицы моря Рины *девять* дочерей; эти *дѣвы волны* (Wellenmaedchen), олицетворенные девять валовъ морскаго теченія (rinna): *Химинглоффа* въ небо ударяющая, *Дуфа* глубокая, *Блодугхадда* кровожадная, *Хефрингъ* воздымающаяся, *Удуръ* острая, *Раунъ* шумная, *Бильгіа* бурная, *Дрёбна* дробящаяся и *Кельга* приливающая.

Всѣ погибающіе на морѣ, увлекаемые девятью дѣвами на дно, живутъ въ подводныхъ палатахъ царицы моря.

Въ Греціи нимфы тоже раздѣлялись на Океанидъ, Нереидъ и Мелій — дѣвъ морскихъ; Наядъ—Нимфъ фонтановъ, называвшихся также Кринеями (нимфами Криницъ) или *Пегеями*; *Потамидъ*—нимфъ рѣчныхъ; *Лимнадъ*—озерныхъ. Сверхъ того, онѣ получали названіе отъ рѣкъ, въ которыхъ обитали, на примѣръ: *Тиберіады*—нимфы Тибра, Пактолиды—нимфы Пактола, точно также какъ и русалки по рѣкѣ Неменю назывались Немняками, по рѣкѣ Свитязю — Свитязянками. *

Въ Германіи дѣвы водъ истоковъ, ручьевъ и рѣкъ называются Ундинами.

* Русс. Прост. Празд. И. М. Снегирева.

Въ Сѣверной миѳологіи *Никсы* (Nixen) также очаровательныя дѣвы водъ. Когда юноша внушитъ въ Никсу къ себѣ любовь, она увлекаетъ его въ кристальное царство, въ подводныя палаты, построенныя изъ коралловъ и раковинъ, и блаженствуетъ съ нимъ до тѣхъ поръ, покуда любимецъ нѣжнаго существа не огорчитъ его своей суровостью.

Въ Сербіи тоже преданіе о русалкахъ, подъ названіемъ *Вилъ* (Welle?). *Вилы* живутъ близь водъ въ скалахъ и лѣсистыхъ берегахъ, и слѣдовательно онѣ есть нимфы истока: онѣ молоды, прекрасны собою, съ распущенной косой, облачены въ бѣлое длинное покрывало, сами никому зла не причиняютъ, но мстятъ за обиду смертью, поражая въ ногу, въ руку или въ сердце.

Въ русскомъ повѣрьѣ о русалкахъ много игры воображенья. Эти водяныя красавицы любятъ сидѣть на берегахъ рѣкъ, озеръ и ручьевъ, расчесывать косу или при блѣдномъ свѣтѣ луны водить хороводы. Всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря: русалки любятъ скрываться въ травѣ и кустарникахъ, орошенныхъ росою. Здѣсь, притаившись, онѣ ожидаютъ прохожихъ или дѣвушекъ, которыя въ это время ходятъ за водой. Увидѣвши когонибудь, русалка выпрыгиваетъ изъ своей засады, и бѣда неосторожнымъ, забывшимъ запастись *полынью* или *зарей* травами, предохранительными отъ нападенія русалокъ. Тогда *водяная* бросается на нихъ, щекочетъ безъ пощады и загадываетъ: *полынь* или *петрушка?* Знающіе или догадливые отвѣчаютъ:

«полынь» и русалка убѣгаетъ; но ежели кто назоветъ «петрушку,» то она или защекочетъ до смерти и броситъ въ тальникъ, или живаго увлекаетъ въ воду. Разсказываютъ, что русалки живутъ подъ водою въ гнѣздахъ, свитыхъ изъ перьевъ и соломы, которыя похищаютъ у поселянъ *на зеленой недѣлѣ*; по другимъ повѣрьямъ житье ихъ подъ водой, привольно и роскошно: вездѣ блеститъ серебро, жемчугъ и коралы; по дну, усѣянному разноцвѣтными раковинами, журчатъ потоки и водопады съ шумомъ катятся чрезъ хрустальные чертоги, украшенные алмазными и яхонтовыми колоннами. Прекрасныя собой; но блѣдныя, съ распущенными волосами, дѣвушки, взявшись за руки, водятъ хороводы и поютъ пѣсни. Днемъ лучи солнца, проницая сквозь воду, освѣщаютъ ихъ жилище; ночью мѣсяцъ и звѣзды, отражаясь въ голубыхъ волнахъ, выманиваютъ русалокъ на берегъ. Недѣля передъ Троицынымъ днемъ называется *русальной* или *зеленой*. Въ это время житья нѣтъ отъ русалокъ: поселяне въ безпрестанномъ ожиданіи таинственныхъ, опасныхъ приключеній; никто не рѣшится идти одинъ въ поле или въ лѣсъ или за водой; всѣ собираются толпами, боясь отстать другъ отъ друга; кладутъ себѣ за рубашку полынь и зорю, и только, спустя шесть недѣль послѣ Духова дня, считаютъ себя совершенно безопасными отъ *водяныхъ*.

На зеленой недѣлѣ, въ глубокую полночь, русалки бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и источниковъ, поютъ шумятъ, качаются на вѣтьвяхъ, цѣпляются по деревьямъ, или свернувшись клубкомъ, съ хохотомъ катаются по

дорогамъ и въ крапивѣ, а наканунѣ Духова дня бѣгаютъ по ржи и хлопаютъ въ ладоши. Въ Тульской губерніи, на зеленой недѣлѣ, женщины и дѣвушки, собравшись вмѣстѣ, идутъ на поля, засѣянныя хлѣбомъ, и тамъ ловятъ русалку, которая, по ихъ мнѣнію, воруетъ у нихъ хлѣбъ; сдѣлавши изъ соломы куклу, одѣваютъ ее въ женское платье, говоря, что это пойманная ими русалка; потомъ съ пѣснями и пляскою топятъ ее въ рѣкѣ. Въ Малороссіи думаютъ, что дѣти, умершія безъ крещенья, до семи лѣтъ носятся въ воздухѣ, а въ Духовъ и Троицынъ день просятъ себѣ крещенія, и многіе слышатъ въ высотѣ голосъ:

«Мене мати народила,
Нехрещену положила.»

Если кто нибудь изъ христіанъ, услыша этотъ призывный голосъ, скажетъ: «*Иванъ да Марья! Крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!*» то душа младенца уносится въ рай; а если до семи лѣтъ не было отвѣта на призывный голосъ дѣтской души, то она превращается въ русалку. Говорятъ, что утопленицы поступаютъ также въ число Русалокъ; но онѣ отличаются длинными зелеными волосами, съ которыхъ журчитъ и струится вода. Многія деревенскія дѣвушки разсказываютъ, что, купаясь около мѣльницы, видали, какъ русалки сидѣли на мѣльничномъ колесѣ и чесали свои волосы; иногда съ громкимъ хохотомъ бросались съ него въ воду; иногда при быстромъ движеніи колеса онѣ хватаются за него и шутя вертятся вмѣстѣ съ нимъ; иногда, про-

кричавъ *куку*, ныряли подъ мѣльницу. Въ Черниговской губерніи, недалеко отъ Новгорода Сѣверскаго, есть источникъ, который называютъ *родникомъ Ярослава* или *криницею русалокъ*. Говорятъ, что на зеленой недѣли, каждый день, рано на зарѣ, на срубѣ колодца сидятъ три прекрасныя дѣвушки и расчесываютъ длинные, русые волосы: это *русалки Ярославовой криницы*. Если надъ могилой вспыхнетъ огонекъ, поселяне говорятъ, что его зажигаютъ днѣпровскія русалки, хотятъ заманить путника и увлечь въ свой глубокій Днѣпръ. Дунайскія дѣвы славятся своею красотой, но, кажется, днѣпровскія занимаютъ первое мѣсто между своими подругами. Русалкамъ вѣрятъ и на югѣ и на самомъ дальнемъ сѣверѣ; вѣрятъ, что нѣкоторые изъ увлеченныхъ подъ воду женились на водяныхъ дѣвушкахъ и, получая способность жить на землѣ и въ водѣ, передавали ее своимъ дѣтямъ.

Вотъ одно изъ подобныхъ повѣрій, разсказанное намъ самовидцемъ русалокъ и дѣйствующими лицами чуднаго событія.

Въ числѣ архангельскихъ промышленниковъ, оставшихся зимовать на Новой землѣ, былъ молодой человѣкъ Иванъ Савельичъ. Оставшись одинокимъ въ своей избѣ, окруженной снѣгами и долгой ночью, онъ при слабомъ свѣтѣ ночника и блескѣ сѣверныхъ сіяній, прогонялъ скуку игрою на балалайкѣ. Однажды, заигравшись, онъ не замѣтилъ, какъ погасъ ночникъ и въ грустномъ забытьи продолжалъ играть въ потемкахъ. Вдругъ послышался ему легкій шорохъ. Прислушивается.... кто-то пляшетъ

легко, живо. Иванъ Савельичь не вѣритъ ушамъ: онъ знаетъ, что въ избѣ, кромѣ его, никого нѣтъ; кому же плясать? Перестаетъ играть, пляска прерывается.... Страхъ обдалъ его холодомъ. Начинаетъ онъ про себя творить молитву и, дрожа какъ листъ, высѣкаетъ огонь. Искры сыплются, ночникъ засвѣтился.... Иванъ Савельичь робко озирается, осматриваетъ всѣ уголки своего бѣднаго жилища: никого нѣтъ: вездѣ пусто и тихо. Ставитъ ночникъ на мѣсто, и снова принимается за балалайку. Заигралъ плясовую... Тихо, пляски нѣтъ.

— Кому жъ плясать! мнѣ послышалось, думаетъ Иванъ Савельичъ; да я не трусливъ: нарочно загашу ночникъ! и загасивъ заигралъ *во-лузяхъ*; слышитъ пляшутъ.... точно.... пляшутъ.... легко, игриво, почти подлѣ него. Любопытство преодолѣваетъ въ немъ страхъ: тихо протягиваетъ онъ руку, хочетъ поймать плясуна и хватаетъ пустое мѣсто. Съ нами крестная сила! — бросилъ балалайку, вздулъ огонь, обѣгалъ всю избу — нѣтъ никого. Нѣсколько дней сряду повторяетъ онъ свой опытъ; заиграетъ въ темнотѣ — кто-то пляшетъ; засвѣтитъ огонь — перестанетъ. Иванъ Савельичь рѣшился во что бы то ни стало поймать невидимку. Да какъ же поймать? — думалъ, думалъ и придумалъ: засвѣтилъ ночникъ, прикрылъ полой и заигралъ плясовую. Слышитъ: пляшетъ кто-то. Только что невидимка расходилась, а Иванъ Савельичь какъ отдернетъ полу, а передъ нимъ молоденькая, миленькая, хорошенькая дѣвушка, да блѣдная какъ снѣгъ. Русые волосы, раскинутые по плечамъ, упадали до земли.

— «Кто ты?» спросилъ ее изумленный Иванъ Савельичъ.

— Я.... *Русалка!* отвѣчала она ему тихо томнымъ голосомъ. — Я люблю тебя, Иванъ Савельичъ: куда ты, туда и я за тобой.

Онѣмелъ Иванъ Савельичъ, рука не поднимается перекреститься. Плѣнила его красота Русалки.

— Живу я, продолжала Русалка, недалеко отъ нижняго Новгорода, въ небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Волгу. Отцомъ моимъ былъ человѣкъ, и я получила способность жить на землѣ, но только въ присутствіи одного человѣка. Я полюбила тебя и не могу безъ тебя жить.

Иванъ Савельичъ самъ не свой отъ радости. Вотъ, условились они прозимовать вмѣстѣ. Все приняло другой видъ въ его жилищѣ съ того времени, какъ поселилась въ немъ водяная: вездѣ порядокъ и откуда все взялось. Въ свободное время отъ работы, Иванъ Савельичъ игралъ на балалайкѣ, а Русалка весело передъ нимъ плясала. Зима прошла незамѣтно. Настала весна, пришло время возвращаться въ Архангельскъ съ прочими промышленниками. Иванъ Савельичъ загрустилъ, задумался; Русалка плачетъ, а надо разстаться:

— Иванъ Савельичъ! не покидай меня! пойдемъ въ воду! сказала она ему однажды, со слезами.

— Въ воду? какъ можно, мнѣ надо ѣхать въ Архангельскъ,» отвѣчаетъ Иванъ Савельичъ.

— Что тебѣ дѣлать въ Архангельскѣ, говоритъ Русалка, тебѣ будетъ привольнѣе житье у меня.

Жаль Ивану Савельичу разстаться съ Русалкой и въ воду не хочется.

— «Постой, подумаю,» сказалъ онъ.

— Гдѣ думаютъ, тамъ не любятъ. Я не задумалась жить съ тобою на землѣ. Когдабъ ты зналъ что у насъ за жизнь! Не покидай меня, пойдемъ и— она обнимала его, заливалась слезами, прижималась къ сердцу.

— Слушай, сказалъ Иванъ Савельичъ; лучше приходи ты ко мнѣ въ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ мнѣ дѣло теперь. Надо честно разсчитаться съ хозяиномъ. Приходи!

— Нельзя, никакъ нельзя! отвѣчала, рыдая, Русалка.

Горесть ея тронула Ивана Савельича.

— «А гдѣ мнѣ найдти тебя?»

— Пріѣзжай въ Нижній; тамъ, недалеко отъ города, лѣсомъ течетъ рѣчка, впадаетъ въ Волгу. Въ этомъ мѣстѣ ты увидишь омутъ, а надъ нимъ большое дерево. Ровно въ полдень или въ полночь ты съ этого дерева, не крестясь, бросься въ омутъ, а тамъ я тебя встрѣчу.

— Посмотримъ, сказалъ Иванъ Савельичъ. Утѣшенная Русалка еще разъ прижала его къ груди и изчезла.

Возвратившись въ Архангельскъ, онъ недолго пожилъ дома: тоска одолѣла его. Вездѣ ему чудится Русалка. Грустная, она зоветъ и манитъ его къ себѣ.

— «Боже ты мой, Господи!» говорилъ онъ; — «это не жизнь, а наказанье!... Пропадай душа! брошусь къ нѣй въ омутъ, и поминай какъ звали!»

Вотъ поѣхалъ онъ въ Нижній Новгородъ, пошелъ по Волгѣ отыскивать рѣчку, о которой говорила ему Русалка, входитъ въ лѣсъ, вотъ и рѣчка, вотъ и омутъ, и дерево надъ нимъ раскинулось. Иванъ Савельичъ, не переводя духа, взлѣзаетъ на дерево, всматривается въ глубину. Волны шумятъ; въ нихъ какъ будто мелькаетъ умоляющій призракъ, манитъ его знакомымъ привѣтомъ и потомъ дробится, изчезаетъ. Вотъ, кажется, всплываетъ длинная коса: нѣтъ, это стелятся водяныя ростенія. Вотъ, точно нѣжная рука разсѣкла воду. Всматривается: это мелькнула рыба и изчезла въ глубинѣ. Иванъ Савельичъ тяжело вздохнулъ, взглянулъ на небо. Солнце горитъ жарко и высоко.

— «Бросаться въ воду или нѣтъ?» подумалъ Иванъ Савельичъ. — «Говорила она, что не дастъ утонуть. Попробуемъ нырнемъ, была не была, а можетъ и живъ останусь. Вотъ и полдень,» сказалъ онъ, невольный трепетъ пробѣжалъ по его членамъ. Волны звучно зажурчали какимъ-то призывомъ. Иванъ Савельичъ подымаетъ руку: хочетъ перекреститься, да нельзя. Сердце сжалось, дыханіе замерло, и онъ бухъ въ омутъ. Съ шумомъ разступились волны, слились, далеко разбѣжались

кругъ за кругомъ и рѣка течетъ по прежнему. Что жъ Иванъ Савельичъ? Тихо качаясь на зыбкой волнѣ, погружается онъ все глубже, и глубже, и опустился на дно. Зажмурясь, притаивши дыханье, не смѣетъ онъ пошевелиться, и только мало по малу рѣшается открыть глаза.... смотритъ: надъ нимъ раскинулся сводъ воды, сквозь него радугами прорѣзываются лучи солнца; по блестящему песку катятся прозрачныя волны, бьютъ ключи, струйки журчатъ и шелестятъ тростникомъ: а изъ тростника выглядываютъ какія-то чудныя дѣвушки: на лугу множество русалокъ, переплетясь руками, водятъ хороводъ, поютъ звонкія пѣсни: точно какъ вода плескаетъ на хрусталь. Иванъ Савельичъ всматривается въ лица русалокъ, ищетъ знакомую свою: вдругъ хороводъ разрывается и одна изъ дѣвушекъ бѣжитъ къ нему, вскрикнула и обвила его нѣжными руками. Восклицаніе отозвалось подъ водою.

— Всплеснулись волны, зажурчали струи со всѣхъ сторонъ, а его нѣжитъ и ласкаетъ страстная Русалка, хохочетъ и плачетъ, рѣзвится какъ дитя и, кажется, хочетъ выцѣловать у него душу. Долго-ли прожилъ Иванъ Савельичъ подъ водою, самъ не знаетъ; но какъ-то, встосковавшись по землѣ, онъ сотворилъ крестное знаменье; очнулся, и увидѣлъ себя на своей квартерѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. За великую тайну расказывалъ онъ это произшествіе только самымъ короткимъ приятелямъ. И рѣдко кто сомнѣвался въ истинѣ словъ Ивана Савельича; потому, что разсказъ его былъ не вымыслъ, а то,

что сбылось съ нимъ — въ мірѣ внутреннемъ, или наружномъ: въ этомъ онъ не можетъ дать самому себѣ отчета; впечатлѣнія однѣ и тѣже: на яву случилось чудо, или болѣзнь, *огневица*, ласкалась къ нему въ видѣ нѣжной Русалки, увлекала на дно гроба; но духъ жизни вспыхнулъ въ немъ грустью по землѣ, Иванъ Савельичъ перекрестился—и выплылъ изъ объятій смерти на Божій свѣтъ.

*

ПРІѢЗДЪ ВЪ БАХЧИСАРАЙ.

УВЕСЕЛЕНІЯ И ОБЫЧАИ ТАТАРОКЪ.

I.

Солнце закатывалось, когда передъ нами открылся Бахчисарай. Онъ расположенъ въ узкой лощинѣ между двухъ высокихъ, утесистыхъ горъ. Дома, сады, минареты, христіанскіе храмы, мечети, разбросанныя по косогорамъ, и среди всего раины или пирамидальные тополи—придаютъ Бахчисараю видъ странный и пріятный. Съ высокой горы мы спустились въ городъ и медленно приближались къ Ханскому Дворцу, по тѣсной, длинной улицѣ. На ней сохранились тріумфальные ворота, сдѣланные для пріѣзда Государыни Екатерины Алексѣевны. Изъ трещинъ камней выросла трава и вьется по остаткамъ украшеній. По обѣимъ сторонамъ улицы расположены лавки: однѣ изъ нихъ уже закрывались, Караимы сбирались въ свой Чуфутъ Кале; въ другихъ лавкахъ еще сидѣли Татары, курили трубки, занимались ремеслами и торговали, одни шили *термики*, * полировали стальныя вещи, точили

* Разноцвѣтные сапожки.

на станкахъ; другіе продавали черешню, медъ, зелень; на нѣкоторыхъ прилавкахъ стояли кувшины и стаканы съ цвѣтами. Въ лавкахъ пестрѣли разноцвѣтныя *мечеты*, * блестели кинжалы, трубки, разныя украшенія; тутъ же рядомъ висѣла баранина, стручковатый перецъ, свѣчи, стояли головы сахара, табакъ... На улицахъ встрѣчались пѣшеходы, тянулись скрыпучія арбы и маджары. Когда мы достигли Дворца, было уже темно — едва можно было разсмотрѣть обширный дворъ, обсаженный кустами и деревьями, и множество зданій съ оградами, за которыми журчали фонтаны. Въ Бахчисараѣ ожидали Графа В.... Почти всѣ комнаты были назначены для его свиты. Почтенный смотритель дворца, желая доставить намъ болѣе спокойствія, пригласилъ насъ провести нѣсколько времени въ его отдѣленіи.

Привѣтны показались мнѣ комнаты, послѣ не долгаго, но утомительнаго переѣзда въ жаркій день. Въ раскрытыя окна, затѣненныя цвѣтами и южными растеніями, навѣвало прохладой и запахомъ розъ; подъ окнами струился фонтанъ. Въ комнатахъ широкія, турецкія диваны манили отдохнуть.

Поутру мы увидѣли изъ оконъ громоду зданій въ восточномъ вкусѣ, съ неправильными фасадами, легкими кровлями, которыя подымаются одна надъ другой, съ разноцвѣтными стеклами, рѣшетками, башнями, террасами, и все это облитое свѣтомъ солнца казалось еще пестрѣе и разнообразнѣе. На лѣво

* *Мечеты* — башмаки цвѣтныя.

ПАМЯТНИКЪ ДИЛБАРА МИРЗЫ

открывался памятникъ Дильара или Маріи,—осмиугольное зданіе съ круглымъ куполомъ: говорятъ, здѣсь Крымъ-Гирей плакалъ надъ прахомъ христіанки.

Пойдемте смотрѣть единственный памятникъ ханскаго величія, послѣдній остатокъ самобытности. Не бойтесь! васъ не будетъ безпокоить солнце: сады тѣнисты, вода прохладна, дворъ обсаженъ густыми шелковицами, тополями и кустами или лучше сказать деревьями розановъ, осыпанныхъ такимъ множествомъ бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, что сквозь нихъ едва видна зелень. Съ трехъ сторонъ его окружаютъ зданія; съ четвертой по горѣ, въ три уступа, возвышаются террасы: здѣсь были нѣкогда великолѣпные фруктовые сады, теперь же по нихъ разбросаны остатки одичавшихъ грушъ и яблонь; кой гдѣ рдѣютъ вишни и вьется виноградъ; за верхней террасой видны отвѣсныя горы; на нихъ разбросаны Татарскіе домики. Противъ дворца возвышается съ минаретами ханская мечеть, въ два свѣта, съ цвѣтными стеклами, колонами, лѣстницами и надписями. Мы взошли на хоры, гдѣ нѣкогда Ханъ присутствовалъ при молитвѣ. Передъ нами открылась вся внутренность мечети, отдѣланная просто, съ рѣзною каѳедрою для муллы и съ небольшимъ углубленіемъ вмѣсто алтаря, предъ которымъ горѣли желтыя и зеленыя восковыя свѣчи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны покрыты надписями изъ корана. Народъ входилъ въ мечеть, оставляя въ сѣняхъ верхнюю обувь, становился на колѣна или садился поджимая ноги; нѣкоторые разстилали подъ себя ков-

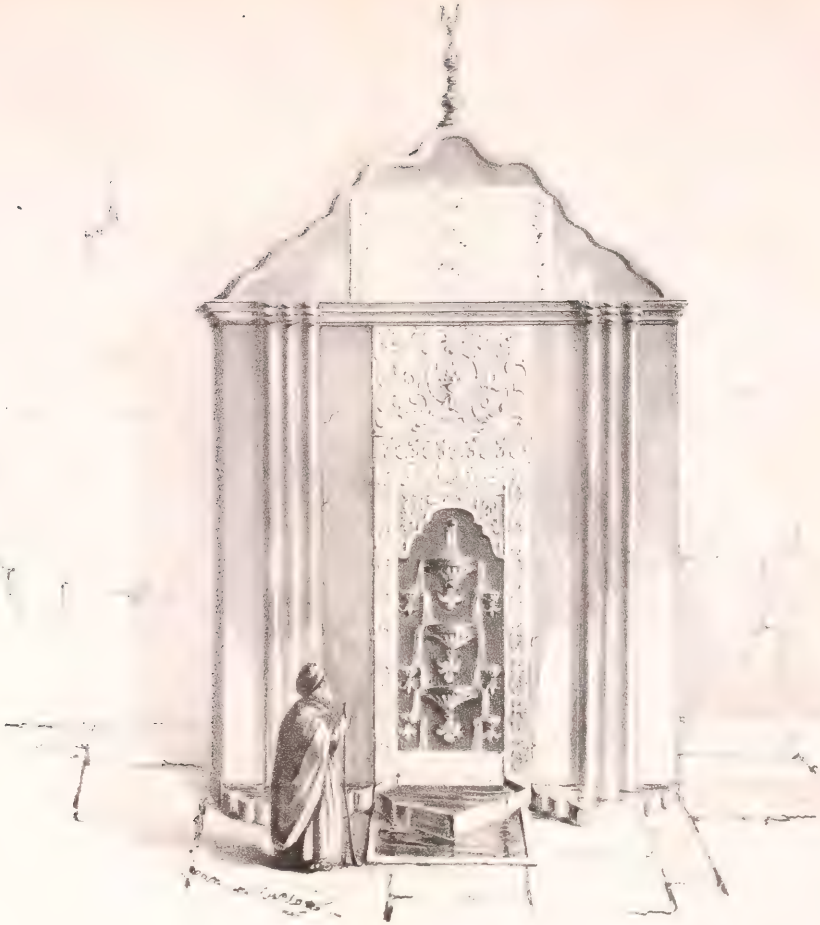
ры или верхнюю одежду, и всѣ молились, не обращая никакого вниманія на приходящихъ, не отводя взоровъ отъ мѣста, гдѣ лежалъ коранъ. Послѣ нѣкоторыхъ молитвъ, прочитанныхъ Муллою, всѣ восклицали: *аминъ, аллахъ! аминъ, аминъ, аллахъ.*

Подлѣ мечети, за каменной стѣной, стоятъ два осмиугольныя зданія съ свинцовыми куполами, осѣненныя луною; въ нихъ покоится прахъ хановъ и немногихъ изъ ихъ родственниковъ. Нѣкоторыя гробницы обиты чернымъ бархатомъ, другія высѣчены изъ мрамора. На срединѣ стоитъ скамейка, на ней неугасаемо горитъ въ шандалѣ восковая свѣча; подлѣ лежитъ алкоранъ, и Дервишь, сидя на маленькомъ коврѣ или стоя на колѣняхъ— почти безпрерывно молится и читаетъ. Вокругъ часовенъ, среди деревьевъ, цвѣтовъ и огородныхъ растеній, разбросаны памятники знаменитыхъ музульманъ; при самомъ входѣ въ ограду вы видите на лѣво—бѣлый мраморный памятникъ Крымъ-Гирея; далѣе за деревьями, въ родѣ сквозной ротонды, развалины памятника Менгли-Гирея. Среди кладбища журчитъ фонтанъ, на немъ поставлена хрустальная кружка и виситъ полотенцо, для желающихъ утолить жажду и сдѣлать омовенье. Многія памятники разрушены, заросли густой травою; между ними тянутся гряды съ *крымскими* огурцами, горохомъ и капуцинами; ихъ вѣтки, осыпанныя желтыми и лиловыми цвѣтами, вьются по разрушенному величію, на которое взбираются порой дѣти, чтобъ нарвать сладкихъ ягодъ склоненной надъ мраморомъ шелковицы.

«Гдѣ скрылись Ханы?... Кругомъ все тихо, все уныло, все измѣнилось.... но не тѣмъ въ то время сердце полно было: «дыханье розъ, фонтановъ шумъ» влекли въ садъ, въ ханской Дворецъ.... и вотъ передъ нами торжественный входъ съ колоннами, надписями, рѣзными разноцвѣтными украшеніями и съ желѣзною дверью, въ которую нѣкогда входили Ханы. Надъ этимъ входомъ раскинулъ свои крылья двуглавый орелъ. Войдя въ сѣни, выложенныя камнемъ, видите на право широкое крыльцо, которое ведетъ въ верхнія комнаты; прямо передъ нами фонтанъ, украшенный разными изображеніями цвѣтовъ и фруктовъ. Расказываютъ, что Капланъ-Гирей, сдѣлавшій этотъ фонтанъ, отказался отъ престола, вынуждаемый Турецкимъ Султаномъ къ жестокости. *Я лучше сойду съ престола*, отвѣчалъ онъ, какъ говоритъ объ этомъ преданіе, *но не сдѣлаю несправедливости и не буду жестокимъ противу дѣтей моихъ.* На лѣво видѣнъ *фонтанъ слезъ.* Изъ него вода катится въ бѣлыя мраморныя чаши и, разбѣгаясь струями, скрывается подъ полъ, чтобы брызнуть дождемъ и разлиться потокомъ изъ другихъ водометовъ; прохладить душныя комнаты, окрапить цвѣты, блеснуть живой струей передъ зеленью садовъ и снова скрыться подъ землю. Расказываютъ, что одна молодая дѣвушка, посѣтившая Бахчисарай, посвятила въ даръ этому фонтану сочиненіе его пѣвца — *Бахчисарайскій фонтанъ* въ богатомъ переплетѣ, и положивши его подлѣ фонтана, изъявила желаніе, чтобы онъ остался здѣсь навсегда;

но одинъ посѣтитель, прельстившись красивымъ переплетомъ, лишилъ грустный памятникъ его единственнаго достоянія.

За *фонтаномъ слезъ* огромная комната была при Ханахъ Судилищемъ или Государственнымъ Совѣтомъ. Она устроена въ два свѣта; въ верхнемъ ряду цѣльныя окна убраны кругомъ разноцвѣтными стеклами; нижній рядъ оконъ замѣняетъ двери, которыя, тремя ступенями, выводятъ въ цвѣтникъ; стѣны украшены живописью: чашами и кувшинами, съ цвѣтами и фруктами. Противъ входа видна терраса, задѣланная мелкой рѣшеткой. Она не освѣщена ни однимъ окномъ, ходъ въ нее идетъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца. Здѣсь-то Ханъ невидимо присутствовалъ при судѣ и рѣшеніи дѣлъ его сановниками. Подлѣ дивана, какъ будто для отдыха отъ дѣлъ, устроена фонтанная комната, окруженная цвѣтникомъ. Свѣтъ съ трехъ сторонъ радужно освѣщаетъ ее, проходя сквозь разноцвѣтныя стеклы, за ними по зеленымъ колонамъ вьется виноградъ; роскошные кусты розоновъ прижимаются къ стекламъ, и если поднимите окно — они пышными вѣтками врываются въ комнату, трепетно склоняясь на пунцовыя подушки широкихъ дивановъ. Когда въ жаркій полдень раскалены горы Бахчисарая, здѣсь прохладно и свѣжо: посреди комнаты струится и плещетъ чистая, холодная вода и разбѣгается по мраморному помосту; около стѣнъ идутъ диваны, покрытыя пунцовою матеріей, съ золотой бахрамою; стѣны украшены живописью; на малиновомъ потолкѣ съ



[illegible] CHEVE DE [illegible], PA[illegible]

золотой рѣшеткой виситъ люстра, спускаясь къ водомету; въ ея хрустальной чашѣ, наполненной водою, порой плаваютъ золотыя константинопольскія рыбки. Цвѣтникъ богатъ *розами*, *ландышами* и *виноградомъ*, который вьется кругомъ стѣнъ и по легкой террасѣ. Посреди цвѣтника сдѣлана мраморная купальня, затѣненная вѣтвями цвѣтовъ и винограда. Въ верхнемъ этажѣ дворца множество комнатъ: вездѣ въ нихъ позолота, рѣзьба, мраморъ и нѣсколько видовъ Константинополя, сдѣланныхъ альфреско и безъ перспективы. Полъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ устланъ тростниковыми рогожками; зеркала и ткани болѣе новыя, привезенныя изъ Стамбула, въ послѣдній пріѣздъ Царской Фамиліи въ столицу Крыма. Мебели много Европейской; среди ея хранится кровать Государыни Екатерины Алексѣевны. Небольшая спальня хановъ и *Золотая комната* остались безъ перемѣны: до нихъ не коснулись передѣлки ни въ новѣйшее время, ни при перестройкѣ дворца лѣтъ за пятнадцать, ни даже въ торжественный пріѣздъ сюда Екатерины II. Въ нѣкоторыхъ окнахъ золотой комнаты стеклы разноцвѣтныя; кругомъ стѣнъ видны начертанія, какъ говорили намъ, изъ Персидскихъ поэтовъ; надъ каминомъ нѣсколько видовъ Константинополя.

Изъ Ханской спальни видѣнъ *Гаремъ*. Онъ нѣкогда соединялся съ дворцемъ переходами. Огромная рѣшетчатая терраса при входѣ и четыре или пять небольшихъ отдѣльныхъ комнатъ, въ два свѣта — вотъ Гаремъ. Нѣтъ признака роскоши; сохранились

только простыя крашеные шкафы, вдѣланные въ стѣнахъ: въ нихъ лежали наряды ханскихъ женъ.

Высокая каменная ограда окружаетъ Гаремъ и принадлежащій къ нему небольшой садъ. Въ немъ осталось не много деревьевъ, но я нигдѣ не видала рапны, выше и величественнѣе той, которая поднялась надъ гаремомъ. Посреди сада въ небольшомъ павильонѣ льется фонтанъ, описанный такъ роскошно нашимъ поэтомъ и такъ бѣдный въ настоящее время.

Теперь здѣсь самое уединенное мѣсто, и безмолвіе прерывается только ропотомъ водомета, шелестомъ густыхъ яворовъ и приходомъ путешественника.

Ко дворцу присоединяется нѣсколько двориковъ, цвѣтниковъ и садовъ: тамъ зеленѣютъ шелковицы, деревья грецкихъ орѣховъ, вишни, тополи; вездѣ шумитъ и льется вода; даже дикая коза скачетъ по двору, щиплетъ розаны и забирается иногда въ сады. Здѣсь вы на Востокѣ: самый воздухъ навѣваетъ на васъ нѣгой и располагаетъ къ сладкому бездѣйствію.

Въ Бахчисараѣ мы провели почти мѣсяцъ лучшаго времени года, и взяли отъ него всѣ удовольствія, какія онъ могъ доставить. Въ небольшомъ кругу Христіанъ, живущихъ здѣсь, мы нашли людей образованныхъ: они оставили по себѣ пріятныя воспоминанія. Хорошо намъ было въ Крыму; кажется тамъ сама судьба лелѣяла насъ.

Увижуль я когда нибудь, тебя Таврида? твои моря, твои долины, твои заоблачныя горы? Увижу-ли тебя, покинутый Дворецъ Бахчисарая.... Часто

я задумывалась подъ шумъ твоихъ водометовъ, часто бродили мы по твоимъ обширнымъ заламъ, гдѣ еще такъ недавно все кипѣло жизнію и страстями. Иногда входили при насъ во дворецъ старый *Эфенди* и ученый *Османъ* снимать надписи, которыми украшены стѣны. Какъ теперь вижу ихъ: одного въ бѣлой чалмѣ, а другаго въ черной, высокой шапкѣ; какъ они въ 30 градусовъ жара, закутанные въ пунцовыя бархатныя шубы сидятъ неподвижно и съ какимъ-то благоговѣніемъ срисовываютъ мудреныя начертанія. Я любила въ это время оставаться въ той же комнатѣ, читать книгу или, ничего не дѣлая, разсматривать пестрыя узорчатыя стѣны. Мой неразлучный товарищъ, малютка сынъ, часто подъ эту тишину засыпалъ у меня на колѣняхъ. Окончивши свое занятіе, оба ученые обращались къ намъ съ благодарною улыбкой за безмолвное уваженіе къ ихъ святому занятію, и каждый разъ награждали моего малютку спрятаннымъ у нихъ подъ шубою букетомъ цвѣтовъ, или огурцомъ. Добрые старики, для васъ дворецъ Бахчисарая сохранилъ все свое величіе. Полные трепета вы вступаете въ него, и не догадываетесь, что, списывая эти начертанія, исполняете дѣло потомства и срисовываете развалины.

II.

Желая ближе познакомиться съ образомъ жизни Татарокъ, я пригласила къ себѣ жену Османа. На другой день по утру сказали мнѣ, что чрезъ садъ идутъ ко мнѣ гости. Я вышла на террасу, думая встрѣтить одну или двухъ женщинъ, и съ удивленіемъ

увидѣла цѣлую толпу закутанныхъ въ покрывала Татарокъ, разряженныхъ Татаръ, дѣтей и за ними множество оборванной прислуги. Я только тогда повѣрила что это мои гости, когда они еще издали привѣтствовали меня поклонами и шумной толпой поднялись на террасу. Изумленная, я пригласила ихъ въ свои комнаты и послала за Караимомъ — переводчикомъ. Всѣ онѣ, оставивши у дверей туфли, расположились на диванахъ, а дѣти и прислуга усѣлись на полу, на тростниковыхъ рогожкахъ. Пришедшій Караимъ объяснилъ мнѣ, что если приглашаютъ въ гости Татарку, то она приходитъ съ мужемъ, дѣтьми, близкими родственниками и со всею прислугой. Тутъ я поняла, что значитъ Татарскій набѣгъ. Всѣ женщины оставались въ покрывалахъ, изъ-подъ которыхъ блестѣли черные глаза. Я просила ихъ раскрыться, но онѣ молча качали головами. Караимъ велѣлъ принести большія ширмы и раздѣлилъ ими комнату на двое. Въ одной половинѣ помѣстились Татары и закурили трубки; въ другой женщины, сбросивши *фэрэджэ* и покрывала, смѣясь сѣли въ кружокъ на полу и мы нѣсколько времени безмолвно разсматривали другъ друга. Разговоръ черезъ переводчика былъ очень затруднителенъ: онъ сидѣлъ за ширмами, и каждый мой вопросъ могъ передавать женщинѣ только черезъ ея мужа, также какъ и я получала отъ нее отвѣтъ черезъ мужа и переводчика. Я велѣла подать моимъ гостямъ густаго *чернаго кофе*, нѣсколько тарелокъ варенья, грецкихъ орѣховъ и фрукты. За десертомъ женщины разговори-

лись между собою и часто знаками дѣлали мнѣ вопросы, которые я скоро понимала и довольно удачно отвѣчала на нихъ также знаками. Съ одной Татаркой мы размѣнялись, на время, платьями и ей очень понравилась наша легкая свободная блуза. Татары *ахнулы*, когда я вышла къ нимъ безъ покрывала: каждый съ испугомъ всматривался—не его ли жена сдѣлала такое преступленіе; но узнавши меня остались очень довольны моимъ переодѣваніемъ. Ихъ одежда показалась мнѣ тѣсна и неудобна. Съ удивленіемъ смотрѣла я на молодаго, высокаго Татарина, который свободно входилъ къ намъ за ширмы и разговаривалъ съ непокрытыми женщинами. На вопросъ мой Каранмъ отвѣчалъ, что это *нянька*, и расказалъ, что у Татаръ, по большой части, смотрятъ за дѣтьми и нянчатъ ихъ молодые люди, которые иногда вступаютъ въ родственныя отношенія съ семействами, гдѣ были прислугою.

Дня черезъ два послѣ этаго посѣщенія я была приглашена утромъ *на кофе*, къ одной изъ Татарскихъ Княгинь. Сынъ ея былъ помолвленъ на Княжнѣ Ширинской, знаменитые предки которой вступали въ родственныя связи съ Ханами и были блюстителями правъ народа. Дочь ея выходила замужъ за какого-то богатаго Мурзу. Княгиня предложила мнѣ посмотрѣть подарки жениха и невѣсты. Принесли два большіе, окованные желѣзомъ сундука, и раскрыли прежде съ подарками Княжны Ширинской. Большая часть изъ нихъ состояла изъ работъ невѣсты: множество платковъ и полотенецъ, вышитыхъ золотомъ и шелками; разно-

цвѣтные кушаки изъ серпянки и шелковые, вышитые золотомъ и серебромъ; константинопольскія, сырцовыя сорочки, обшитыя шелковымъ кружевомъ, кисеты для табака, чехлы для мундштуковъ, шитыя кисейныя шали и богатые халаты. Въ другомъ сундукѣ хранились подарки отъ молодаго мурзы: парчевые и шелковыя *энтэри*, бархатъ для *салтамарка*, дукаты нашитые на узкомъ черномъ бархатѣ, которые необходимо долженъ каждый женихъ дарить своей невѣстѣ. Тутъ же были шитые золотомъ *тэрлики*, шелковые платки и сафьянный ящичекъ съ богатыми сергами, браслетами и запонкой лучшей петербургской работы.

Послѣ обѣда меня пригласила къ себѣ Татарская Княгиня К....

Узнавши, что я желаю видѣть образъ жизни и обычаи Татарокъ, она сдѣлала для меня вечеръ и праздникъ. Въ назначенное время, по принятому обычаю, взявши съ собою дѣтей и нянекъ, я отправилась къ Княгинѣ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ одной изъ Бахчисарайскихъ дамъ, которая хорошо знала татарскій языкъ и предложила быть переводчицей.

Когда я вошла къ Княгинѣ во дворъ, окруженный высокими стѣнами, то увидѣла до пятидесяти татарскихъ женщинъ и дѣвушекъ въ богатыхъ и блестящихъ нарядахъ: однѣ изъ нихъ стояли а другія ходили по террасѣ, обнесенной перилами и легкими деревянными колонками. Дочь Княгини, дѣвушка лѣтъ семнадцати, узнавши о моемъ приходѣ, встрѣтила меня на крыльцѣ. На ней было *энтэри*

изъ константинопольской шелковой матеріи, застегнутое на таліи круглыми золотыми пуговками; узкіе рукава перехватывались браслетами изъ золотыхъ цѣпочекъ, съ дорогими негранеными камнями. Сверхъ *энтэри* была надѣта черная бархатная *салтамарка*, съ короткими рукавами, вышитая въ узоръ, по всѣмъ краямъ золотымъ шнуркомъ. На груди была видна планшевая *рубашка* изъ тонкой сырцовой матеріи, въ родѣ нашихъ русскихъ, со сборками и полуоткрытымъ воротомъ, застегнутая изумрудною *запонкою*. На шеѣ висѣли *дукаты*, изъ константинопольскихъ золотыхъ монетъ, нашитыхъ, въ нѣсколько рядовъ, на черную узскую бархатку. Широкій *поясъ*, спущенный довольно низко, застегивался по *энтэри* двумя огромными золотыми бляхами, рельефной работы. Длинные черные волосы Княжны, заплетенные въ множество мелкихъ косъ, висѣли по плечамъ; въ нихъ было вплетено нѣсколько золотыхъ талисмановъ, привезенныхъ какимъ-то *Дервишемъ* изъ Мекки. На головѣ была надѣта маленькая, круглая шапочка изъ пунцоваго бархата, съ большою золотой кистью. Въ сергахъ висѣли длинныя жемчужныя подвѣски. Въ легкихъ сафьянныхъ *терликахъ*, вышитыхъ серебромъ, ножкамъ Княжны было очень свободно. Широкія шелковыя *шалвары*, густыми сборками, были обвязаны надъ *терликами*.

Одежда другихъ дѣвушекъ отличалась только цвѣтомъ или драгоцѣнностію украшеній; у нѣкоторыхъ шапочки были обшиты золотою бахра-

мой или привѣсками изъ червонцевъ. Женщины были повязаны шелковыми платками, съ золотымъ шнуркомъ и бахромками. Какъ скоро я поднялась на террасу, нѣкоторыя изъ Татарокъ поклонились мнѣ, приложивши руку ко лбу. Княжна сказала, черезъ переводчицу, нѣсколько привѣтствій въ восточномъ вкусѣ и пригласила въ комнату. Вмѣстѣ съ нею мы вошли въ обширныя сѣни; за нами слѣдовала вся толпа Татарокъ. Въ дверяхъ встрѣтила меня Княгиня, женщина лѣтъ около пятидесяти, довольно полная. Одежда ея отличалась простотою: на ней было изъ легкой, шелковой матеріи *энтэри*, застегнутое одною пуговицей; грудь едва прикрывалась константинопольской рубашкой, въ которой блестѣла драгоцѣнная запонка; на головѣ слегка былъ повязанъ темный, шелковый платокъ, въ ушахъ были однѣ золотыя колечки. Встрѣтивши меня, она остановилась и сказала, черезъ переводчицу: «что радуется моему посѣщенію, желаетъ, чтобъ дни мои были ясны, чтобъ я утѣшалась дѣтьми моими, чтобъ мои сыновья росли и укрѣплялись какъ тополи, а дочери разцвѣтали бы какъ розы, и чтобъ я дождалась дѣтей дѣтей моихъ.» Еще многое говорила Княгиня, и спрашивала о здоровьи моего мужа, отца и матери.... Я онѣмѣла предъ такимъ потокомъ краснорѣчія: вокругъ, всѣ въ безмолвіи ожидали моего отвѣта, вѣроятно самаго пышнаго. -- Сдѣлайте одолженіе, сказала я переводчицѣ, пожелайте отъ меня Княгинѣ всякаго благополучія и, по обычаю, привѣтствуйте ее какъ можно великолѣпнѣе.

Въ невѣдомыхъ мнѣ выраженіяхъ переводчица что-то долго объясняла Княгинѣ, которая обратилась ко мнѣ съ благосклонною улыбкой и пригласила въ *гаремъ*. За нами вступили всѣ Татарки. Это была большая комната, раздѣленная тонкими деревянными колоннами на двѣ неровныя части. Первая, небольшая половина была безъ всякихъ украшеній; во второй, за колоннами, полъ былъ нѣсколько возвышенъ и устланъ коврами, вокругъ стѣнъ стояли низкіе, широкіе диваны, покрытые пестрымъ ситцемъ. Прямо, противъ входа, два окна съ разноцвѣтными стеклами, были задѣланы пестрою деревянною рѣшеткою; за ними возвышалась стѣна, изъ-за которой зеленѣли деревья. На право одно окно открывалось на террасу, а другое въ небольшую комнату съ диванами, гдѣ приготовляли для насъ *чай* и *десертъ*.

Княгиня пригласила сѣсть на диванъ: меня, дѣтей моихъ съ няньками и переводчицу; подлѣ меня на полу, на подушкѣ, помѣстилась Княжна; въ сторонѣ, на диванѣ сидѣла пожилая женщина, въ ситцовомъ *энтэри*. Это была *кормилица* Княжны и ея старшаго брата. Сама Княгиня, поджавши ноги, расположилась у окна, *раскрытаго* на террасу. Я никакъ не рѣшалась принять подобнаго положенія. Всѣ остальныя Татарки почтительно стояли за колоннами; у дверей, при входѣ въ комнату, видно было нѣсколько служанокъ. Одна изъ нихъ принесла трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, украшенную богатымъ янтаремъ и, по знаку Княгини,

безмолвно, предложила мнѣ. Я нѣсколько смутилась не желая огорчить отказомъ и не зная что дѣлать съ этимъ угощеніемъ.

— Скажите, можно ли, не оскорбивши Княгини, отказаться отъ трубки? спросила я у переводчицы.

Она обратилась къ Княгинѣ и сказала, что я благодарю за сдѣланную мнѣ честь, но что по нашему обыкновенію женщины не курятъ. Княгиня взяла трубку, что-то сказала уходящей служанкѣ и начала курить.

Черезъ минуту раздалась подъ окнами музыка изъ нѣсколькихъ скрипокъ, дудочекъ и бубновъ: играли татарскую плясовую пѣсню. Княгиня молча подала знакъ, и двѣ дѣвушки подошли къ ней, наклонились, приложили ея руку ко-лбу и поцѣловали. Тоже самое сдѣлали онѣ передъ Княжной и передо мною. Я-было не хотѣла дать имъ руки, но мнѣ отвѣчали, что онѣ оскорбятся отказомъ. Исполнивши обрядъ, дѣвушки, потупивши глаза, стали посреди комнаты одна противъ другой; лѣвой рукою подперлись, правую скруглили надъ головою, переплели ноги, поднялись на пальчики—и въ этомъ положеніи мѣрно качались нѣсколько времени. Потомъ, медленно и стройно переступая съ ноги на ногу, расходились въ разныя стороны, перемѣнялись мѣстами и безпрестанно дѣлали движеніе кистью поднятой руки. Вдругъ музыка заиграла веселѣе, пляска оживилась; взоры танцовщицъ одушевились; движенія сдѣлались быстры.... Кончивши пляску, онѣ, какъ прежде, подошли къ рукѣ и молча стали на свое мѣсто. Ихъ замѣ-

нила другая пара, съ тѣми же церемоніями, и, такимъ образомъ, однѣ смѣняли другихъ. Съ нѣкоторыми Татарками Княгиня разговаривала и позволила сѣсть на коврахъ, и даже диванахъ. Въ это время я замѣтила, что у многихъ изъ *женщинъ* волосы, брови и рѣсницы были почти краснаго цвѣта. Мнѣ сказали, что Татарки имѣютъ обыкновеніе красить волосы оранжевою краской, называемою *кна*. У нѣкоторыхъ были того же цвѣта ногти на рукахъ и даже на ногахъ.

Почти всѣ женщины и дѣвушки были сильно набѣлены и нарумянены; у многихъ *насурмленыя* брови соединялись въ одну черту. Но Татарки знатнаго рода никогда не прибѣгаютъ къ подобнымъ украшеніямъ.

По большой части Татарки черноволосыя или темнорусыя; глаза у нихъ большіе, каріе или черные; очеркъ лица рѣдко правильный, въ выраженіи замѣтна наклонность къ забавамъ и удовольствіямъ; во всѣхъ ихъ формахъ много изнѣженнаго и мало свѣжести. Одна дѣвушка, лѣтъ четырнадцати, привлекла мое вниманіе своимъ миловиднымъ лицемъ: ея большіе, черные глаза были осѣнены густыми рѣсницами; не высокія брови были тонки, какъ шнурокъ; въ нѣжныхъ чертахъ лица выражалось много благороднаго и пріятнаго; длинныя, черныя косы, переплетенныя съ талисманами, упадали почти до колѣнъ; пунцовая шапочка очень шла къ ея дѣтскому личику, на которомъ уже начинала развиваться красота дѣвушки. Это была *Сіадэ*—единственная дочь

богатаго *Кадія*. Узнавши, что она мнѣ понравилась, Княгиня велѣла ей, въ продолженіе всего празднества, сидѣть на коврѣ у ногъ моихъ. Улыбаясь и краснѣя, дѣвушка исполнила приказаніе. *Сіадэ* часто оглядывалась и привѣтно смотрѣла въ окошко, раскрытое въ небольшую комнату, гдѣ готовилось угощеніе. Желая знать, что привлекало ея вниманіе, я также оглянулась и увидѣла подъ окномъ пожилую женщину, добраго пріятнаго вида: она съ любовію смотрѣла на *Сіадэ*. Въ ея взорѣ я прочла знакомое мнѣ чувство — чувство матери: оно насъ сблизило.

— Это мое единственное дитя! сказала она мнѣ черезъ переводчицу, указывая на *Сіадэ*.

Я стала хвалить *Сіадэ*. На лицѣ матери выразилась признательность и на глазахъ навернулись слезы.

Между тѣмъ пляска продолжалась, музыка гремѣла, въ комнатѣ сдѣлалось душно. Раскрыли изъ-за рѣшотокъ окна, за ними брызнулъ и заструился фонтанъ; въ комнату вошли служанки съ большими серебреными подносами, на которыхъ стояли хрустальные графины съ чистою холодною водою, стаканы и множество серебреныхъ и золотыхъ блюдечекъ съ разными вареньями и фруктами. Тутъ были: розы въ сахарѣ, сохранившія свой цвѣтъ и запахъ, недозрѣлые грецкіе орѣхи, вареные въ меду; вишни, кизиль, айва, земляника и прославленное варенье изъ бѣлыхъ лилій. Взявши его одну ложку, я не могла согласиться съ восточнымъ вкусомъ и

поторопилась выпить стаканъ воды: въ немъ было такъ много корицы и разныхъ пряностей, что не оставалось и признака вкуса и запаха лилій. Когда обнесли ими гостей безъ исключенія, то весь подносъ поставили передо мною, на круглой низенькой скамеечкѣ или татарскомъ столѣ.

Княгиня желала знать, зачѣмъ мы пріѣхали въ Крымъ, долго ли пробудемъ, и сказавши, что дочь ея выходитъ замужъ, а сынъ, служащій въ гвардіи, женится, пригласила меня на обѣ свадьбы, которыя должны были совершиться осенью. Я отвѣчала, что мы въ это время будемъ за тысячу верстъ — и въ самомъ дѣлѣ пожалѣла, что не могла воспользоваться приглашеніемъ. Пока мы разговаривали, пляски измѣнились. Татарки, взявшись за руки, составили полукругъ и танцовали извѣстный здѣсь *Греческій танецъ*. Двѣ первыя держались за концы платка, поднявши его надъ головами, дѣлали разныя фигуры и вели за собою всю вереницу; потомъ всѣ проходили подъ платокъ и *заплетались плетнемъ* *. Пройдя снова подъ платкомъ, онѣ разплелись и составили *кругъ*. Въ это время музыканты заиграли французскую кадриль: дѣвушки пробовали что-то танцовать, потомъ съ громкимъ смѣхомъ перемѣшались, столпились, и вдругъ нѣсколько чистыхъ, пріятныхъ голосовъ запѣли татарскую пѣсню; музыка умолкла, имъ вторила одна скрипка. Пропѣвши первый

* Унасъ въ Россіи также водятъ хороводъ подъ извѣстную пѣсню: *заплетися плетень, заплетися*. И весь хороводъ дѣвушекъ, проходя подъ платокъ, заплетается плетнемъ.

куплетъ, онѣ умолкли. Имъ отвѣчали изъ-за окна музуканты всѣмъ хоромъ съ звуками бубновъ и флейтъ. Куплетъ пропѣли и въ комнатѣ снова раздались женскіе голоса....

Я задумалась.... Вдругъ кто-то чистымъ рускимъ языкомъ спросилъ меня: хотите чаю? это была Княжна: она все еще сидѣла подлѣ меня на подушкѣ. Вы говорите по-руски? спросила я ее.

— Нѣтъ, не умѣю! отвѣчала она.

— Да развѣ это не по-руски? — Княжна засмѣялась.

— Гдѣ научилась Княжна поруски? спросила я переводчицу? она мнѣ сказала, что Салтанета выучилась, часто бывая у нее въ гостяхъ, и даже съ своимъ женихомъ говорила по-руски.

— Какъ, Княжна, сказала я, вы видѣлись съ вашимъ женихомъ до свадьбы?

Она закрыла лице руками и наклонила голову въ колѣни.

— Княжна находитъ необходимымъ, отвѣчала переводчица, узнать жениха до свадьбы.

— Вы не вѣрьте ей, сказала Салтанета, поднявши голову, она васъ обманываетъ.

Въ это время намъ подали въ фарфоровыхъ чашкахъ прекрасный чай. Въ серебреномъ молочникѣ были густыя, варенья сливки, а на хрустальномъ

блюдичкѣ нарѣзаный лимонъ; на другомъ подносѣ сухари и бѣлый хлѣбъ. Княжна подчивала меня очень усердно.

— Вы умѣете читать? спросила я ее.

— Да, я читаю и пишу, и сочиняю стихи. Тутъ она обратилась къ переводчицѣ и сказала по-татарски, что пришлетъ мнѣ завтра свои стихи. Я поблагодарила и отвѣчала, что попрошу перевести ея стихи и буду хранить на память нашего знакомства. Они и теперь у меня, написанные рукою Салтанеты.

Послѣ чаю, музыка замолкла и Татарки начали забавляться разными играми и какими-то мимическими представленіями. То раздѣлясь на двѣ вереницы и взявшись за руки, съ пѣньемъ сходились и расходились; то составляли кругъ, разрывали его и ловили другъ друга. Потомъ сдѣлали изъ подушки куклу, перебрасывали ее изъ рукъ въ руки, и одна изъ дѣвушекъ плясала съ нею посреди комнаты. Княжна не участвовала ни въ ихъ пляскахъ, ни въ играхъ; но когда все это перешло въ шалость, то она, будто нечаянно, вмѣшалась въ ихъ ряды, съ однѣми вертѣлась, другихъ толкала и дергала за платье. Даже сама Княгиня, мимоходомъ, удостоила нѣкоторыхъ порядочными толчками.

Наступали сумерки, въ комнатахъ становилось темно, и Княгиня приказала позвать музыкантовъ на террасу, такъ чтобъ они не могли видѣть внутренности комнатъ. Музыканты заиграли, загремѣли въ бубны, и хоромъ начали воспѣвать славныя под-

виги Хановъ, знаменитыхъ родомъ, ихъ героевъ, воспѣли и Княгиню, ея дѣтей, Княжну *Салтанету* и ея жениха. А *Салтанета* сидѣла въ это время на диванѣ, облокотясь рукою на низенькій столикъ, обдѣланный перламутромъ, на которомъ горѣли въ серебреныхъ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. Задумчиво, она склонила голову, и длинныя косы ея спустились почти до земли. Въ этомъ положеніи и въ своемъ нарядѣ, она была какъ-то странно хороша. За колоннами Татарки надѣвали на себя бѣлыя, шерстяныя *фереджэ*; нѣкоторыя уже завязывали нижнюю часть лица полотняными и миткалевыми платками и накидывали на себя кисейныя *маграма* или покрывала. Когда музыканты перестали прославлять татарскія знаменитости, Княгиня спросила, не желаю ли я, чтобъ они что нибудь еще пропѣли. Я часто слышала любимую простонародіемъ пѣсню: *Чипеимъ*, гдѣ дѣло идетъ о красавицѣ: *Я назвалъ бы тебя розой, говоритъ поэтъ, но роза не вѣчна. Когда я несу тебѣ конфекты, то и самъ ихъ не ѣмъ, зная, что слова твои слаще конфектъ.* Голосъ этой пѣсни живой и пріятной. Я всегда слушала ее съ удовольствіемъ и теперь попросила спѣть: *Чипеимъ*. При этихъ словахъ, на лицѣ Княгини выразилось неудовольствіе, она замялась; всѣ Татарки переглянулись, и я замѣтила, что сдѣлала какую-то неловкость, пришла въ смущеніе и просила переводчицу объяснить мнѣ, что это значитъ? Она со смѣхомъ отвѣчала, что извѣстная красавица *Чипеимъ* не славилась скромностію жизни, и недавно, получивши разводную, выѣхала изъ Бахчи-

сарая. А потому избѣгаютъ говорить о ней, особенно въ такомъ почетномъ домѣ. Я просила объяснить Княгинѣ, что мнѣ неизвѣстны многія происшествія въ ихъ столицѣ. Переводчица долго говорила съ нею, и лице ея Сіятельства просвѣтлѣло; она улыбнулась и громко сказала въ окно музыкантамъ: *Чипеимъ!* Въ мгновеніе комната огласилась веселою живою пѣснею; Татарки пересмѣивались; Княгиня нѣсколько разъ невольно улыбалась. Когда пѣсня кончилась, я стала прощаться. Княгиня извинилась, что не приготовила ужинать, потому что рано утромъ должна ѣхать въ Качинскую долину, а по возвращеніи оттуда будетъ у меня и надѣется, что я приду къ ней обѣдать и ужинать. Послѣ долгихъ взаимныхъ привѣтствій мы разстались Я, не выходя изъ комнаты, надѣла шляпку и манто; няньки взяли на руки полусонныхъ дѣтей и мы пошли домой. Княгиня привѣтливо проводила насъ до дверей, а Княжна въ сѣни. Передъ нами и за нами мелькали группы закутанныхъ Татарокъ. Было довольно темно; накрапывалъ крупный дождь; осторожно ступая по мокрымъ камнямъ неровной мостовой, мы пробирались во дворецъ. По улицѣ мимо насъ пронеслась, на татарскихъ лошадяхъ, кавалькада путешественниковъ, одѣтыхъ въ бурки, и дамъ, завернутыхъ въ манто. Когда мы пришли во дворецъ, — по двору вываживали лошадей; множество дамъ, мужчинъ и дѣтей сидѣли на террасѣ и пили чай. Промокнувъ и продрогнувъ, мы пробрались въ свое *отдѣленіе*, гдѣ насъ давно ожидали за чайнымъ столомъ и засыпали вопросами. Самоваръ кипѣлъ; душис-

тый чай разливался въ чашки; разговоръ оживился. Пріютно, и тепло, и свѣтло паказалось мнѣ въ комнатѣ.

Скоро вѣтеръ разогналъ облака. Въ синѣвѣ глубоко загорѣлся мѣсяцъ ... все освѣтилось.

Хороши твои ночи, Таврида!

СМѢСЬ.

I. КИРГИЗСКІЙ ХАНЪ ЧЖАНГИРЪ И КИРГИЗЫ. * На другое утро я былъ допущенъ къ аудіенціи. Его Высокостепенство ** привѣтствовалъ меня дружескимъ рукожатіемъ у дверей аудіенцзалы, устланной Персидскими коврами, посадилъ меня на диванъ, и самъ сѣлъ подлѣ меня. Двумъ моимъ спутникамъ были предложены стулья. Когда я высказалъ ему чувствованія благодарности за сдѣланное мнѣ гостепріимство, то онъ принялъ слова мои благосклонно, и сказалъ, что былъ извѣщенъ о моемъ прибытіи, уже за нѣсколько недѣль, Оренбургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, и обѣщался дать мнѣ лошадей до Глининнаго, при озерѣ Камышъ-Самарѣ, и въ другія мѣста. Гвардію Хана составляютъ 50 Уральскихъ козаковъ.

* Эта и слѣдующая статья объ Индійскомъ Богослуженіи заимствованы изъ путешествія Гебеля: Reise in die Steppen des südlich: Rufsands unternem: Von Gebel. Книга посвящена Е. В. Государю Наслѣднику.

** Титулъ хана.

Ханъ Чжангиръ лѣтъ около тридцати, сложенія крѣпкаго, роста средняго; выраженіе лица имѣетъ Монгольское. Цвѣтъ лица желтоватый, глаза сѣрые, пріятные; руки бѣлы и нѣжны, борода, усы и брови русые и рѣдкіе. По русски говоритъ охотно и бѣгло. Одежду его составляютъ: фіолетовой, бархатный кафтанъ, роскошно обшитый золотымъ и серебрянымъ галуномъ, такіе же шаровары, вышитый золотомъ камзолъ, и острая, обложенная соболями и вышитая золотомъ бархатная шапочка. Перепоясанъ онъ былъ кушакомъ выложеннымъ аметистами; за кушакомъ былъ Черкесскій кинжалъ и кривая сабля. На правой сторонѣ кафтана была звѣзда ордена св. Анны.

У Хана двѣ жены и отъ обѣихъ 11 дѣтей: изъ нихъ семь мальчиковъ, которыхъ называютъ Султанами. Старшая жена — Киргизска, а младшая и любимая — Татарка. Послѣ я видѣлъ маленькихъ Султановъ; они похожи на отца, при каждомъ изъ нихъ свой дядька. Старшій Султанъ воспитанъ въ Оренбургѣ.

Домъ Ханскій деревянный, но построенъ со вкусомъ; вокругъ него видны небольшіе домики, въ которыхъ помѣщаются значительные люди и Султаны; изъ нихъ шестеро были здѣсь со множествомъ народныхъ старшинъ. Эти зданія построены Русскимъ Правительствомъ. Ханъ живетъ въ нихъ только зимою, а лѣто проводитъ въ степи, въ палаткѣ.

У Хана есть свои собственныя владѣнія: большія стада овецъ, рогатаго скота, верблюдовъ и до

3000 лошадей. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, кочуютъ въ степи, подъ непосредственною зависимостію Хана 189,300 душъ обоего пола, въ 16,550 кибиткахъ; у нихъ считается: 99,300 верблюдовъ; 165,000 рогатаго скота, 824,500 курдюковыхъ барановъ, и 496,500 лошадей. Прежде считалось 3,000,000 овецъ, но большая часть ихъ погибла отъ жестокихъ зимъ и непогодъ. Каждый годъ продается до 100,000 штукъ овецъ: цѣна за трехгодовую 12 р., за годовую 6. Лошадь продаютъ отъ 50 до 200 рублей. А верблюдовъ рѣдко продаютъ и берегутъ ихъ для перевозки кибитокъ и тягостей.

II. БОГОСЛУЖЕНІЕ ИНДІЙЦЕВЪ, ВЪ АСТРАХАНИ. Духъ человѣка невольно стремится за предѣлы ума и знанія; какъ будто томится на землѣ; вездѣ ищетъ Бога, и человѣкъ съ благоговѣніемъ преклоняется предъ своимъ Создателемъ. Самое грубое богослуженіе язычниковъ есть также сознаніе Бога и стремленіе къ нему безсмертнаго духа. Въ этомъ отношеніи любопытно познакомиться и съ младенчествующимъ богослуженіемъ Астраханскихъ Индійцевъ, нашихъ соотечественниковъ. Въ огромномъ зданіи, которое называется Индійскимъ купеческимъ дворомъ, въ длину всего дома сдѣлана крытая галерея; изъ нее ведутъ дверцы въ небольшія комнатки, занятые Индійцами. Одна изъ этихъ комнатокъ назначена для *пагоды* (Индійскаго храма). Она не болѣе другихъ, темна и не чиста. Сквозь

два окна проходитъ слабый свѣтъ, на стѣнахъ видны изображенія ихъ боговъ, работы грубой и вида отвратительнаго. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери двѣ или три ступеньки ведутъ на возвышенность, сдѣланную по обычаю восточному и устланную коврами. На право устроено капище, на подобіе игрушечнаго шкафа. На столѣ, совершенно закрытомъ шелковою матеріею, сдѣланъ на четырехъ выкрашенныхъ красною краскою столбикахъ балдахинъ, а подъ нимъ что-то въ родѣ терассы, на которой поставлены небольшіе идолы: мѣдные, бронзовые и серебренные; одни изъ нихъ украшены золотомъ и жемчугомъ, другіе наряженые въ платья; они вообще непріятнаго вида, отъ трехъ до осьми вершковъ вышиною, подобно нашимъ кукламъ. Подлѣ балдахина находится кровать съ занавѣсами, убранная шелковою матеріею; на эту кровать, каждый вечеръ укладываютъ спать боговъ. Подъ потолкомъ комнаты повѣшены два колокола, въ которые звонятъ во время службы. Вокругъ комнаты былъ уставленъ домашній скарбъ, и подлѣ двери стоялъ мѣшокъ съ мукою; во всемъ *пагодѣ*—была нечистота, на запачканыхъ окнахъ стояли неугасимые лампы, сдѣланные изъ жести и утвержденные на одной ножкѣ.

Мы пришли довольно рано. Индѣйцы спали, расположившись на полу коридора, и нашъ приходъ не возмутилъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, отправлявшій послѣ службу, замѣтивши насъ, всталъ, началъ говорить съ сильными тѣлодвиженіями и безпрестан-

но показывалъ на заходящее солнце. Вѣроятно онъ давалъ намъ знать, что съ закатомъ солнца начнетъ богослуженіе. Это былъ человѣкъ высокій и сухощавый, съ рѣдкою, темнорусою бородою; вялою кожею и оранжевыми полосами на переносье.

Когда солнце закатилось, въ *пагодѣ* ударили въ колоколъ и пригласили насъ войти. Службу отправляли два индійца: священникъ и его помощникъ. Они оба стояли съ обнаженными ногами: помощникъ звонилъ въ колоколъ, а священникъ зажигалъ у неугасимой лампы маленькія восковыя свѣчи и ставилъ ихъ предъ нѣкоторыми идолами. Потомъ, безпрестанно звоня лѣвою рукою въ колоколъ, въ тоже время вертѣлъ страннымъ образомъ подсвѣчникъ (Lichterfass), пока не поставилъ его въ маленькій храмъ. Послѣ этаго, онъ взялъ небольшую раковину, налилъ изъ нее воды на дно сосуда и сталъ повертывать точно также какъ подсвѣчникъ. Наконецъ повертывая то раковину, то подсвѣчникъ, пѣлъ съ своимъ помощникомъ самые монотонныя пѣснопѣнья. Во время молитвы, подобно мугамеданамъ, они проводили ладонями рукъ по лицу, распростирались по землѣ и надолго прикасались лбомъ къ полу. Иногда священникъ извлекалъ сильные звуки изъ раковины особеннаго устройства, напоминая богамъ, въ случаѣ если они задремлютъ, что время молиться. Потомъ взявши полную ложку своей святой воды, поднесъ ее помощнику, погасилъ свѣчи, оставивши только неугасимыя лампы, и богослуженіе, продолжавшись около часа, кончилось.

Мнѣ позволено было подойти къ идоламъ, разсматривать ихъ, даже дотрогиваться до нихъ, и когда я все это сдѣлалъ съ важнымъ видомъ, то Индійцы остались очень довольны, и кажется приняли мое состраданіе за уваженіе и набожность къ ихъ кукламъ.

Въ Индійцахъ замѣтна большая наклонность къ добровольнымъ мученіямъ себя. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ обѣты просидѣть тридцать лѣтъ поджавши ноги, другіе положа обѣ руки на голову — и часто умираютъ въ такомъ положеніи. Какія бы златыя времена настали для людей, если бы они были также непреклонны въ добродѣтели! (Gebel's Reise).

III. РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ. Конечно многіе изъ читателей знаютъ, что кругомъ Одессы лежатъ степи, на которыхъ рѣдко удается видѣть нетолько рощу или садъ, но даже дерево или кустарникъ. Почва вообще камениста, известковаго свойства, покрыта неровнымъ слоемъ чернозема. Дожди перепадаютъ рѣдко, снѣга держатся не долго. Самое жаркое лѣто постоянно продолжается почти полгода. Тѣмъ радостнѣе видѣть, когда умъ и искуство человѣка, ставши въ борьбу съ неудобствами природы, побѣждаютъ ихъ упорнымъ трудомъ и часто, уловивши, располагаютъ ими для собственной пользы. Многіе изъ помѣщиковъ и колонистовъ уже успѣли развести въ этой

обнаженной пустынѣ фруктовые сады. Бывшій градоначальникъ города Одессы А. И. Левшинъ насадилъ на переносномъ морскомъ пескѣ известковаго свойства, огромныя плантаціи лозы, тополей и другихъ деревьевъ, и успѣлъ почти совершенно остановить страшное дѣйствіе песковъ, которые, подымавшись при сильныхъ морскихъ вѣтрахъ, неслись въ городъ цѣлыми тучами, проникали во всѣ зданія и вѣрно имѣли гибельное вліяніе на здоровье жителей. Другой почтенный мужъ — Директоръ Императорскаго ботаническаго сада Г. Десметъ (Descemet), въ продолженіи двадцатилѣтнихъ опытовъ и наблюденій успѣлъ побѣдить неудобства природы и, извлекши изъ нее неуловимыя для другихъ выгоды, развелъ сады и питомники, которыми почти съ вѣрнымъ успѣхомъ могутъ пользоваться нетолько жители города и его окрестностей, но и всей Губерніи. «Съ 1819 года, говоритъ онъ въ каталогѣ растѣній усвоенныхъ имъ здѣшнему мѣсту, я изучилъ почву и климатъ Одессы, чтобы обогатить прилегающія къ ней земли полезными или пріятными деревьями и травами: составленное мною собраніе растѣній оправдываетъ мои усилія. Но для большей пользы я умножилъ эти растительныя сокровища, и предлагаю ихъ желающимъ по самой умѣренной цѣнѣ. Любитель садоводства можетъ теперь же пріобрѣсть въ Одессѣ множество породъ довольно рѣдкихъ деревьевъ, болѣе или менѣе усвоенныхъ здѣшнему климату, не прибѣгая къ выпискѣ ихъ изъ чужихъ краевъ, всегда сопряженной съ значительными издержками.»

Кромѣ оранжерейныхъ растѣній, можно найти у Г. Десмета: *

Abies—ель	5 видовъ.
Acer—кленъ	16
Aesculus—горькой каштанъ	8
Айлантусъ	1
Alnus—ольха	2
Amorpha—аморфа	3
Ampelopsis — безплодный виноградъ.	1
* Amigdalus—миндаль	9
Aralia	1
Aristolochia—пхиновникъ.	1
Artemisia—чернобыльникъ	1
Baccharis	1
Berberis—барбарисъ	7
Betula—береза	6
Bignonia—бигноня	2
Broussonetia	2
* Buplevrum	1
* Buxus—зеленичіе	4
* Capparis—каперсъ	1
Caragana—карагана	4
Carpinus—грабина	3
Cassia—кассія	2
Castanea—каштанъ	2
Celtis—карказъ	5
* Ceanothus	1
* Cephalantus	1
Cercis—іудино дерево	3
* Chionanthus	1
* Cineraria	1
Clethra	2
Colutea—мошна	4
Coriaria	1
Cornus—деренъ	4
Cirilus—орѣшина	6
Cotoneaster	1
Cratoegus—крушина	10
* Cupresus—кипарисъ	3
Cydonia—айва	5
* Cynanchum	1
Cytisus—ракитникъ	4
Daphne	4
Diervilla	1
* Diospyros	3
Elaeagnus—дикая маслина.	2
Evanimus—верескледъ	6
Fagus—букъ	3
* Figus—смоковница	1
Fontanesia	1
Fraxinus—ясень	25
Genista—дрокъ	6
* Ginko	1
Gledischia—гледичье дер.	7
* Glycine	1
Gymmocladus	1
Halezia	1
Hedera—плющь	1
* Hibiscus—просвирка дер.	7
Hippophae	3
Hysspus—иссопъ	2
Iberis	1
* Ilex—остромитъ	1
* Itea	1
Iasminum.	1
*	2
Iuglans—орѣхъ	9
Iuniperusможжевельникъ	2
	* 3

* Растѣнія, предъ названіемъ которыхъ поставлена звѣздочка, требуютъ прикрытія въ зимнее время.

Koelreuteria..... 1
Lavendula—лаванда..... 1
Ligustrum..... 2
* Liriodendron..... 1
Larix..... 2
Lonicera—жимолость. 6
Licium—лиціомъ..... 2
Malus—яблонь..... 7
Mespilus—меспельное дер. 23
Morus—шелковица).... 6
/* 1
Ononis — стальникъ).... 3
)* .. 1
Paliurus—держи дерево.. 1
Philadelphus..... 2
* Phillyrea... 3
* Phlomis..... 1
Pinus—сосна.....).... 7
)* 2
* Pistacia—фисташковое дер. 2

Planera—зѣльква..... 1
Platanus—чинаръ..... 2
Populus—тополь..... 7
Potentilla—жабникъ..... 1
Primos... 1
Prunus.... 10
Padus—черемуха..... 1
Ptelea—кожевенникъ..... 1
Pyrus—груша..... 7
Quercus—дубъ..... 3
Rhamnus... ....).... 2
)* 1
Rhus—сумакъ..... 5
Ribes—смородина..... ... 9
Robina.... 10
Rubus—малина..... 6
* Ruscus—иглица... ,..... 2
Ruta—рута..... 1

Salux—ива..... 8
Salvia—шалфей..... 1
Sambucus—бузина.... 3
Saturcia—чаберъ..... 1
Sophora—софора..... 1
Sorbus—рябина..... 4
Spartium—желѣзнякъ 2
Spiraca—таволга.. 8
Staphilea..... 2
* Siirax 1
Symphoricarpos..... 2
Syringa—сирена..... 8
Tamarix—гребенщикъ 2
Taxodium—кипарисъ. 1
Taxus—тисъ..... 1
Thuya—жизнь дерева. 2
* Thymus—тиміанъ..... 1
Tilia—липа..... 5
* Ulex..... 1
Ulmus—вязъ..... 14
Vilurnum—калина..... 4

Vinca.....	5
Virgilia.....	1
Vitex—верба италіан..	2
Vitis—виноградъ.....	1
* Zanthoxylum.....	1
* Zizyphus.....	2

Кромѣ этихъ растѣній разведены Г. Десметомъ многія разстѣнія оранжерейныя, болѣе 100 сортовъ однихъ розоновъ и множество разныхъ цвѣтовъ. Всѣ эти растѣнія и сѣмена продаются по самой умѣренной цѣнѣ, и каждый покупатель можетъ пользоваться опытными и добросовѣстными совѣтами Г. Десмета.

Тотъ вполнѣ пойметъ важность и безкорыстіе трудовъ почтеннаго Ботаника, кому доводилось жить въ степи, гдѣ даже рѣдко говорятъ о деревьяхъ, не только не видятъ ихъ, и кто довольно вникнулъ въ положеніе безлѣснаго края и въ состояніе города, гдѣ часто сажень дровъ продается дороже 100 р. ас.

В. П.

IV. ЦѢННОСТЬ ЗЕМЕЛЬ ВЪ КРЫМУ, ЗА 35 ЛѢТЪ. Комиссія учрежденная въ Крыму для разбора споровъ о земляхъ, и разпредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ, занялась въ 1802 г. раздѣленіемъ земель на классы и оцѣнкою каждаго класса.

Къ *первому* были причислены земли садовыя, съ каналами, проведенными отъ рѣкъ.

Десятина такой земли оцѣнена въ 30 р.

Ко *второму* — мѣста съ крупнымъ лѣсомъ, который удобно вывозить на морскіе берега и въ степи.

Десятина . . . . . въ 50 р.

Къ *третьему*—лѣсныя мѣста, съ трудною перевозкою лѣса.

Десятина . . . . . въ 15 р.

Къ *четвертому* — мѣлкій лѣсъ и пахотная земля.

Десятина . . . . . въ 10 р.

Къ *пятому* — степи.

Десятина . . . . . въ 1 р.

Теперь тѣже степи вздорожали до 5 и 10 р. за десятину, кромѣ самыхъ неудобныхъ мѣстъ; земли высшихъ сортовъ вздорожали также впятеро и вдесятеро; а прежнія пустыя земли на южномъ берегу, часто продаются подъ виноградники до 500 р. за десятину и даже дороже.

В. П.

V. НОГАЙСКІЯ СТЕПИ—лежатъ вдоль по сѣверному берегу Азовскаго моря верстъ на сто вдлину отъ р. Молочной до р. Берды и верстъ на 50 вширину, занимая болѣе 360,000 десятинъ. Онѣ усѣяны курганами или могилами и каменными статуями или болванами, какъ слѣдами жизни какого-то сильнаго народа. Земля здѣсь плодородна, но во многихъ мѣстахъ солонцовата и покрыта озерами соленой воды. Слой чернозема, смѣшанный съ известковыми и глинистыми частицами, бываетъ тол-

щиною въ аршинъ. Вообще степи сухи, безлѣсны и хотя кажутся ровными, но въ самомъ дѣлѣ изрыты неглубокими логами, по которымъ весною бѣгутъ ручьи. Лѣтомъ почти нѣтъ прѣсной воды на поверхности степей: ее достаютъ изъ колодязей. Съ Апрѣля до Іюня равнины зеленѣютъ сочными травами и усѣяны цвѣтами, особенно тюльпанами и лиліями. По берегу моря растетъ солодковый корень и необыкновенной величины хрѣнъ, котораго корни достигаютъ до нѣсколькихъ аршинъ длины, и вкусомъ лучше обыкновенныхъ. Кустарникъ попадается только въ логахъ. Садовъ очень мало, лѣсовъ, даже деревьевъ вовсе нѣтъ. Топятъ здѣсь кизякомъ или кирпичами изъ навоза. Прибрежныя мѣста довольно высоки, кромѣ плоскихъ косъ, вдающихся въ море. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ степи выше, такъ что при сѣверномъ рубежѣ подымаются надъ уровнемъ моря до 200 футовъ. Изъ *рѣкъ*, главная: *Молочныя воды*; лѣтомъ она почти пересыхаетъ; а *Берда* и *Обиточная* еще бѣднѣе водою. Изъ животныхъ водятся: волки, лисицы, суслики, сурки, хорьки, ежи, земляные зайцы; журавли, драхвы, голуби, стрепеты, цапли, аисты и по берегамъ моря лебеди, пеликаны, колпицы и проч. Въ рѣкѣ Молочной и другихъ попадаются: карпы, щуки, стерляди, окуни, черепахи и множество раковъ. Изъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся водятся пестрые жуки, бабочки, змѣи, ящерицы, саранча, тарантулы; лѣтомъ множество крошечныхъ мухъ.

Въ степяхъ часто бываютъ пожары или отъ неосторожности, или отъ поджога, или съ намѣрені-

емъ очистить поля отъ сорныхъ травъ. Для этого обыкновенно, когда старыя травы высохли, а новыя еще не показались, зажигаютъ степи; пламя перебирается по засохшимъ стеблямъ травъ и бѣжитъ повѣтру вмѣстѣ съ клубами дыма. Лѣтомъ эти пожары страшны и земля грустно обнажается.

Климатъ, судя по положенію степей, довольно суровъ, вѣроятно отъ беззащитности ихъ отъ сѣвернаго вѣтра. Теплота доходитъ до 30°, а морозъ отъ 10 до 20. Снѣгъ идетъ рѣдко, вѣтеръ часто жестокъ. Выпавшій снѣгъ лежитъ не долго. Въ Октябрѣ бываютъ морозы. Въ Февралѣ часто пашутъ. Ночи очень холодны. Температура измѣняется иногда по нѣскольку разъ въ день и располагаетъ къ лихорадкамъ. Жителей, ногайскихъ Татаръ, считается болѣе 35,000 обоего пола душъ.

В. П.

VI. ДѢТИ САМОЯДОВЪ. Беременность женщинъ не составляетъ у Самоядовъ ни малѣйшаго препятствія продолжать ихъ промыслы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходы изъ мѣста въ мѣсто. Такимъ образомъ беременныя женщины должны рождать въ полѣ. Правда Самояды возятъ съ собою *чумы*, разбиваютъ ихъ на привалахъ и ночлегахъ, но женщины никогда въ нихъ не рождаютъ, а выходятъ на снѣгъ, который въ первыя минуты существованія новорожденнаго младенца, служитъ ему и постелью и банею. Такой холодный пріемъ, едва ли не охлаждаетъ въ нѣкоторыхъ изъ пришельцовъ въ нашъ

свѣтъ охоту пользоваться жизнію; за то, вѣрно, уцѣлѣвшіе должны быть большіе охотники пожить. Не могу теперь рѣшить, спартанское вино или Самоядскій снѣгъ лучше доказываютъ здоровье младенца. Дѣти Самоядовъ укрѣпляются и выростаютъ на томъ же снѣгѣ, подъ вьюгами и морозомъ. Мальчики лѣтъ 6 пріучаются дѣйствовать лукомъ, дѣвушки присматриваются къ хозяйству. Тѣ и другія незамѣтно привыкаютъ къ необходимымъ занятіямъ своей бѣдной, бродячей жизни.

Шавровъ.

VII. ПРОСТОНАРОДНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ. Въ Тверской Губерніи, отъ сильнаго *кашля* сбираютъ лиловые цвѣтки высокихъ колокольчиковъ, топятъ ихъ въ молокѣ и пьютъ по нѣскольку разъ въ день.

При ослабленіи *матки* и *желудка*, берутъ по ровной части золототысячника, соколинаго перелета, тысячалиственника и медвѣжьяго ушка, варятъ все это вмѣстѣ и пьютъ холодный взваръ утромъ и вечеромъ по одному стакану, соблюдая воздержность въ горячительныхъ напиткахъ и пищѣ. Иногда вмѣсто этого взвара пьютъ, какъ чай, розовую полевую гвоздику.

При остановленіи мѣсяцчныхъ *очищеній*, берутъ 5 свеколъ, горсть хмѣля, наливаютъ это рѣчною холодною водою, закрываютъ накрѣпко горшокъ, обмазываютъ его тѣстомъ, и, поставивъ въ вольную

пѣчь, вынимаютъ на другой день утромъ. Настой этотъ пьютъ по стакану каждый день.

Когда у дѣтей дѣлаются *судороги* или *рѣзъ* въ животъ, то кладутъ въ кувшинъ укропу, наливаютъ кипяткомъ, ставятъ на нѣсколько времени въ закрытую печь, потомъ разводятъ теплою водою и купаютъ въ ней больное дитя.

Отъ *головной боли* моютъ голову теплымъ взваромъ васильковъ или душицы, а вымывши обвязываютъ платкомъ. Эта же трава во всей Малороссіи ставится пучками и привѣшивается къ иконамъ; ею вмѣсто кисти кропятъ святою водою народъ въ церквахъ, съ нее вспрыскиваютъ больную скотину. *

В. П.

VIII ПРОСТОНАРОДНЫЯ РУМЯНА. Простой народъ между многими средствами для приданія лицу румянца употребляетъ самую красную свеклу: разрѣзываютъ ее на-двое и половинной натираютъ щеки, а послѣ доканчиваютъ притираніе рукою. Это средство, совершенно безвредное, придаетъ лицу удивительную свѣжесть, которую и опытный глазъ не вдругъ отличитъ отъ естественнаго румянца; только надобно привыкнуть, чтобъ съ полнымъ успѣхомъ дѣлать притираніе.

В. П.

* Душица—origan, называется въ Малороссіи Васильками.

IX. МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Пріихавъ мій миленькій зъ поля	Пріѣхалъ мой миленькій съ поля
Да привязавъ коня край порога.	Да привязалъ коня у порога.
—Ой, умру, умру, живая небуду	—Ой умру, умру, живою небуду
—Чи яжъ тебе поличеньку ударивъ	—Да развѣ я тебя поличику ударилъ
Чи яжъ тебе здоровьечка избавивъ?	Иль я у тебя здоровьица убавилъ!
—Ой умру, умру, живая не буду	—Ой умру, умру, живою небуду,
Да роби труну яловую.	Дѣлай же гробъ мнѣ яловой.
—Ниде ялиночки взяти:	—Негдѣ взять мнѣ яловой
Будешь у дубовой лежати!	Будешь лежать и въ дубовомъ.
—Надинь милый красную сорочку,	—Надень милый красную сорочку,
Поховай у вишневому садочку,	Схорони въ вишневомъ садочку
Посади калину и малину.	Посади калину и малину.
Будешь калину ломати	Будешь калину ломати
Мене пробуждати.	Меня пробуждати.
Будешь по садоньку ходити,	Станешь по садику ходити
Дитятко на ручкахъ носити,	Дитятка на ручкахъ носити,
Другаго за ручку водити,	Другаго за ручку водити,
А третье буде слѣдочкомъ ходити;	А третье будетъ слѣдочкомъ ходити.
—Вставай, мила! вставай дорогая!	—Встань милая! вставай дорогая
Плаче дѣтина малая.	Плачетъ малютка дитя.
—Нехай плаче, вона перестане,	—Пусть его плачетъ онъ перестанетъ,
А матинька довѣку невстане.	А мать ужь во вѣки невстанетъ.
—Вставай мила, вставай дорогая!	—Встань милая! вставай дорогая!
Плаче дѣтина другая.	Плачетъ малютка другая.
—Нехай плаче, воно перебуде	—Пускай ее плачетъ она перебудетъ.
А матинька до вѣку не буде	А матери во вѣки не будетъ.

X. КРАИНСКАЯ ПѢСНЯ. Какъ ни далеки мы отъ нашихъ братьевъ Краинцевъ; а все слышится что-то свое родное въ ихъ словѣ и чувствѣ. Вотъ одна изъ ихъ пѣсенъ:

Охъ, ви логи, темни логи,
Логи милетински!

Чему ви се зелените
Въ зими ко по лѣти?
Рада бы се не плакала,
Не морила сердца,
Аль повѣйте добре людье,
Кто би се не плакалъ?
Кье е мой прелюби ойче?
Закопанъ е въ гроби!
Кье е мати, добра мати!
Трава по ній расте.
Нимамъ братра, нимамъ сестре,
Любича ми взели.

Тажа пѣсня на Староченскомъ, или старомъ Богемскомъ языкѣ.

Ахъ вы лѣси, тмави лѣси,
Лѣси милетинсти!
Чему вы се зеленате
Въ зимѣ, лѣтѣ ровно?
Рада быхъ язъ не плакала
Не мутила сердце:
А рѣкнѣте, добри людѣ,
Кто бы не плакалъ здѣ?
Кдѣ мой отчикъ, отчикъ милы?
Загребенъ въ ровечцѣ.
Кдѣ мое мати, добра мати!
Травка на ней расте.
Ни ми братра, ни ми сестры,
Юношу ми взеху.

XI. ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Вы хотите, друзья, чтобъ я вамъ сообщалъ мои наблюденія, замѣчанія о дальнемъ краѣ, куда меня забросила судьба: извольте. Но съ чего начать? Въ какомъ порядкѣ передавать вамъ мысли? Хорошо встарину

писали путешествія, съ большимъ порядкомъ, на пр. Плано Карпини мало того что въ предисловіи говоритъ о чемъ рѣчь въ главахъ, но даже въ самыхъ главахъ систематически предрасполагаетъ порядокъ изложенія. За Плано Карпини не угоняешься, его книга переведена съ Латинскаго, читается всѣми образованными людьми, а кто будетъ переводить мои письма на Латинской языкъ? Въ одномъ хотѣлось бы сравняться съ Плано Карпини.... онъ, насмотрѣвшись досыта на Татаръ, уѣхалъ на родину....

Je suis en Asie!
Catherine II à Voltaire, de Casan.

Маленькой городокъ *Чебоксары* не похожъ на наши маленькіе городки великороссійскіе. Я тутъ въ первый разъ замѣтилъ даль отъ Москвы: толпы Черемисъ и Чувашей, ихъ пестрый нарядъ, странное нарѣчіе и пѣвучее произношеніе — ясно сказали о въѣздѣ въ другую полосу Россіи, запечатлѣнную особымъ характеромъ. До Казанской губерніи мало замѣтно пространство, отдѣляющее отъ древней столицы, особенно въ городахъ. Владиміръ, Нижній, слитые съ нею, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, живущіе ея жизнію, похожи на дальніе кварталы Москвы. У нихъ одно средоточіе, къ нему все примкнуто. Около Казани своя полоса. Казань, нѣкоторымъ образомъ, главное мѣсто, средоточіе губерній, прилегающихъ къ ней съ юга и востока: онѣ получаютъ чрезъ нее просвѣщеніе, обычаи и моды. Вообще значеніе Казани велико: это

мѣсто встрѣчи и свиданія двухъ міровъ. И потому въ ней два начала: западное и восточное, и вы ихъ встрѣтите на каждомъ перекресткѣ; здѣсь они отъ безпрерывнаго дѣйствія другъ на друга сжались, сдружились, начали составлять нѣчто самобытное по характеру. Далѣе, на востокъ, слабѣетъ начало Европейское, далѣе на западъ мертвѣетъ восточное начало. Ежели Россіи назначено, какъ провидѣлъ Великій Петръ, перенести западъ въ Азію, и ознакомить Европу съ востокомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Казань главный Караванъ-Сарай на пути идей Европейскихъ въ Азію и характера азіатскаго въ Европу. Это выразумѣлъ Казанскій Университетъ. Ежели бы онъ ограничилъ свое призваніе распространеніемъ одной Европейской *науки*, значеніе его осталось бы второстепеннымъ; онъ долго не могъ бы догнать не только германскіе университеты, но наши, на пр. Московскій и Дерптскій; а теперь онъ стоитъ рядомъ съ ними, занявъ самобытное мѣсто, принадлежащее ему по мѣсту рожденія. На его каѳедрахъ преподаются въ обширномъ объемѣ восточныя литтературы, и преподаются часто Азіатцами; въ его музеумахъ больше одеждъ, рукописей, древностей, монетъ *Китайскихъ*, *Манжурскихъ*, *Тибетскихъ*, нежели *Европейскихъ*. Удивитесь ли вы, послѣ этого, встрѣтивъ въ рядахъ его студентовъ *Бурятъ*. Но все это наша Русь, святая Русь: я это *чувствовалъ*, приплывъ по разливу Волги къ стѣнамъ кремля. Казанскій Кремль, какъ Нижегородскій, имѣетъ родственное сходство съ Московскимъ кремлемъ: это меньшіе братья его. Греческая вѣра

и византійское зодчество привились глубоко къ жизни Руси. Смотря на наши соборы и кремли, какъ будто слышится родной напѣвъ и родной говоръ.

Подъѣзжая къ Казани на паромѣ, первое что я увидѣлъ, былъ памятникъ Царя Іоанна Васильевича. Здѣсь онъ на мѣстѣ, здѣсь Грозный исполнилъ великое; здѣсь онъ былъ герой и предтеча Петра, силою оружій занявшій мѣсто для простора идеямъ его, для простора Рускому духу.

Положеніе города нехорошо. Казань по татарски значитъ *котелъ*; въ самомъ дѣлѣ онъ во впадинѣ; бѣденъ чистой водою; въ немъ много сырыхъ мѣстъ. Строенія довольно чисты; главныя улицы красивы; на нихъ все живо; вездѣ толпятся, кричатъ, шумятъ; множество бурлаковъ съ атлетической красотой формъ; множество Татаръ съ продажными *ичигами* и *тибитейками*, * съ халатами и въ халатахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазками и хитрымъ выраженіемъ лица. Словомъ, вездѣ вы видите большой городъ, исполненный жизни, центральный своего края, торговый, и что всего важнѣе, городъ двуначальный: Европейско-Азіатскій.

Въ Казани провелъ я нѣсколько дней. Досадно мнѣ было, что обстоятельства не дозволили основательно изучить ее. При выѣздѣ изъ Казани, по сибирскому тракту, видъ прелестный: въ этомъ видѣ что-то поширѣ той природы, къ которой мы привыкли. Руское населеніе смѣнялось Татарскимъ, Татарское-Финскимъ. Жалкія, бѣдныя племена Чере-

* Сафьянные сапоги и шитыя шапочки.

мисъ, Вотяковъ, Чувашей и Зырянъ, нагнали на меня тоску. Я вспомнилъ Императрицу Екатерину; она писала въ 1767 году къ Волтеру, изъ Казани: »Я «въ Азіи! Я собственными глазами хотѣла видѣть «этотъ край. Въ Казани двадцать различныхъ наро«довъ, ни сколько не похожихъ другъ на друга; а «имъ надобно сшить одну одежду, удобную для всѣхъ. «Конечно есть общія начала; но частности и какія «частности: надобно создать цѣлый міръ, соединить «его, сохранить.» Великая Императрица постигла многое, окинувъ геніальнымъ взоромъ одинъ участокъ Россіи, которую Петръ Великій не напрасно называлъ цѣлою *частію свѣта.*

А. Г.

XII. ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ И КАЗАНИ. *

Письмо о Казани—пробудило въ душѣ моей, товарищъ дѣтства моего, воспоминанія первыхъ лѣтъ юности. Памятно мнѣ, когда мы приближались къ Казани. Былъ тихій, лѣтній вечеръ, солнце склонялось уже къ горизонту, дорога шла между молодымъ дубовымъ лѣсомъ. Съ какимъ чувствомъ мы ожидали, когда откроется предъ нами городъ, о которомъ столько разсказовъ въ нашей родной Сибири. Помню съ какимъ жаднымъ вниманіемъ мы всматривались въ полосу зданій, когда въ право открылся предъ нами городъ. Живы и желанія въѣхать въ него до ночи, и чувство скорби при воспо-

* Письмо къ издателю.

минаніи избіенія 10,000 Русскихъ на *Арскомъ* полѣ, и дѣтское любопытство, съ которымъ мы всматривались въ громады зданій. Казань удовлетворяла нашимъ мечтамъ о городахъ. Мы не видали до этихъ поръ ни одного столь обширнаго и великолѣпнаго. Казань можно считать первымъ городомъ Россіи, послѣ столицъ, по красотѣ, обширности и дѣятельности. Много причинъ способствовало къ ея развитію: сначала переселеніе Русскихъ для удержанія завоеванія: новые переселенцы, соединившись съ туземцами, съ первыхъ годовъ нашего владычества въ этомъ краю, придали Казани значительность. Потомъ, Казань была главнымъ пунктомъ нашей власти на востокѣ Россіи, въ продолженіи почти цѣлаго вѣка. Наконецъ, она находится на двухъ главныхъ путяхъ нашихъ для сообщенія и торговли: главномъ Сибирскомъ и водяномъ сѣвера, и центра Россіи съ съ Астраханью и Азіей. Первыя двѣ причины послужили для удержанія прежней важности Казани и послѣ паденія Царства; а послѣдняя открываетъ средства жителямъ къ обогащенію. Многолюдство, соединенное съ изобиліемъ, доставляетъ всѣ удобства для развитія промышленности, торговли, и вмѣстѣ всѣ выгоды городской жизни. Это служитъ главною причиною къ возрастанію города.

Но я не согласенъ съ мнѣніемъ, что Казань есть мѣсто встрѣчи двухъ міровъ: Азіатскаго съ Европейскимъ. Казань точно соединяетъ въ себѣ Европеизмъ съ Азіатствомъ; но это соединеніе только *механическое*. Азіатство не проникаетъ въ жизнь общества и не придаетъ ему характера Европейско-

Азіатскаго: Русское первенствуетъ и составляетъ основу и всю силу общества. Азіатство Казани состоитъ въ томъ, что нѣсколько улицъ города населены Татарами, что часть промышленности и торговли въ рукахъ Татаръ. Казань точно есть центръ Азіатства, но Азіатства, зашедшаго на Сѣверъ и занявшаго пространство отъ Волги до Уральскихъ горъ: въ ней *собственное* Азіатство; а не Азіатство отъ вліянія на нее, въ настоящее время, Азіи. По моему мнѣнію, Казань вовсе не мѣсто встрѣчи и свиданія двухъ міровъ: Азіатскій кругъ ея отдѣленъ отъ Азіи населеніями вовсе не Азіатскаго характера или совершенно чуждыми Азіатству Казани. За Уральскими горами, начиная съ самаго хребта до Байкальскаго моря, жители исполнены дѣятельности, предпріимчивости, братства, гражданской семейности; однимъ словомъ, всѣхъ началъ Европейской жизни. Тамъ таже Россія — новая, мощная, живая: родное дитя Руси. И такимъ огромнымъ промежуткомъ, истинно Европейскимъ, отдѣлена Азія отъ Европейско-Азіатскаго пространства, гдѣ Казань служитъ центромъ.

На югъ пространство по р. Кинели, Самарѣ и Уралу, съ одной, и по Саратовской губерніи съ другой стороны Волги, заняты поселеніями большею частію Русскими, или племенами не родными Азіатству, окружающему Казань. Полу-азіатской уголъ, между Волгою и Уральскими горами, будетъ доставлять намъ средства въ сношеніяхъ нашихъ съ Азіей, и не болѣе. Но никогда Казань не сдѣлается главнымъ караванъ-сараемъ, чрезъ который будутъ ид-

ти идеи изъ Европы въ Азію. Для этого есть другіе пункты, уже теперь находящіеся въ прямой связи съ Азіей: Оренбургъ и Астрахань въ Европейской Россіи, и Кяхта въ Сибири, пока не изберутъ удобнѣйшаго мѣста на границахъ Китая.

Правда, что Казань до сихъ поръ доставляетъ образованіе Сибири: большая часть молодыхъ Сибиряковъ образуются въ Казанскомъ университетѣ; но это нисколько не можетъ вести къ заключенію, что Казань есть караванъ-сарай, черезъ который идутъ или будутъ идти идеи изъ Европы въ Азію. Въ Казанской университетъ поступаетъ большая часть молодежи, только отъ недостатка средствъ отправиться въ Москву, или Петербургъ, или пугаясь дальности разстоянія столицъ отъ родины. Не смотря на то, я встрѣчалъ молодыхъ Сибиряковъ образующихся въ столицахъ.

И Казань не близкая, не родная Сибири. Ее любятъ, какъ первый городъ святой Руси. Россія! вотъ страна мечтаній для Сибиряковъ, страна облеченная всѣмъ очарованіемъ фантазіи; страна по которой грустятъ и плачутъ въ Сибири, и переливаютъ живую любовь къ ней, какъ къ землѣ обѣтованной. *

А между Сибирью и Казанью нѣтъ ни родства, ни сродства. Слишкомъ много силъ въ Сибири, слишкомъ необъятна она, чтобъ средоточилась

* Но при переѣздѣ въ Россію оцѣнишь вполнѣ приволье жизни Сибирской; прямую честность, безкорыстное радушіе Сибиряковъ, тѣмъ болѣе, что они вообще щедро одарены отъ природы большимъ здравымъ разсудкомъ, смѣтливостію и силою воли.

жизнь ея въ Казани. Получая учителей изъ Казани, Сибиряки не подавляются ихъ авторитетомъ и мечтаютъ о томъ: скоро ли у нихъ учредятся собственные университеты.

Есть роды промышленности Казанской, которые первенствуютъ надъ туземными, но эти произведенія первенствуютъ и въ Россіи: мыло, сафьянъ. Впрочемъ произведенія всей Россіи первенствуютъ надъ Сибирскими, но это доказываетъ только дѣтство городской жизни въ Сибири, и не болѣе. Казань даже не караванъ-сарай для торговли Сибири съ Россіею: все идетъ чрезъ Ирбитъ и Нижній. И можно утвердительно сказать, что Казань совсѣмъ не есть мѣсто встрѣчи двухъ міровъ и никогда не можетъ быть имъ.

Помнишь ли, другъ мой, какъ мы, бродя по обширнымъ лугамъ Волги и Казанки, измѣряли глазами крутизну высоты, на которой стоитъ древній городъ, низкія стѣны его, и тонули думой во временахъ минувшихъ.... Предъ нами воскресалъ станъ Грознаго, и битвы подъ стѣнами, и ужасы кроваваго паденія столицы царства Казанскаго. И вотъ, я какъ будто снова стою у памятника на могильномъ курганѣ русскихъ; приближаюсь къ огромной усѣченной пирамидѣ-памятнику; молюсь въ часовнѣ, устроенной внутри его, всматриваюсъ со страхомъ въ черты грознаго Царя, и проникнутый тяжелымъ, трепетнымъ чувствомъ, спускаюсь по тѣсной и темной лѣстницѣ въ склепъ могильный. — Свѣтъ неугасимой лампады, горящей предъ святою иконой, тускло озаряетъ полуистлѣвшія кости падшихъ уже

почти три вѣка. Прекрасно пасть за отчизну на полѣ славы! страшно покинуть на землѣ близкое сердцу! Съ торжественно грустнымъ чувствомъ стоялъ я у гроба.

Д. П—ъ.

XIII. СЛОБОДА КАПЛУНОВКА. Въ Украйнѣ, случаемъ, соберется деревенская молодежь и слушаетъ разсказы стариковъ про времена козачества, времена военныхъ смутъ, тревогъ и славы.

Разсказываютъ, какъ отмстили козаки двойную измѣну Саввы Чалаго, какъ гуляли они по колѣно въ Ляшской крови, какъ бились за Бѣлаго Царя съ Полтавскимъ Пушкаремъ, и мало-ли есть о чемъ поразсказать.... Чего не пережила Украйна въ борьбѣ съ Ордой, съ Литвой, Польшей, Турками, Волохами! Всѣ перебывали ея врагами. Грозно и умно билась она съ ними смертнымъ боемъ — и отважно, отчаянно пошатнула Орду и Польшу. Чудная сила въ этой душѣ! Ни горъ, ни скалъ, ни порядочной крѣпости: открытые со всѣхъ сторонъ, козаки стоятъ и противъ кочеваго и противъ сильнаго, образованнаго народа—за Вѣру православную, за спасеніе матери Украйны. Поругана святая Вѣра, нѣтъ защиты для семействъ, не стало пріюта въ родной землѣ.... Бѣжитъ народъ къ порогамъ Днѣпровскимъ, уходитъ въ лѣса и пустыни—и все не сдается, все стоитъ за Вѣру православную, за спасеніе Матери-Украйны.

Сердце разрывается, когда послушаешь, что за страшную жизнь вели Украинецы въ послѣднія гоненія Польши.

Такъ пѣлъ Украинецъ:

Горе меня сушитъ, горе съ ногъ валитъ!
Родимая матушка, оно меня свалитъ....
А я тому горю да не поддаюся
Пойду я къ шинкаркѣ, вина тамъ напьюся.
Ахъ что же мнѣ, братцы, вино то не пьется,
Зачѣмъ вокругъ сердца змѣя будто вьется.
На моихъ ли лѣсахъ стали жито жати,
Какъ и нѣтъ у меня ни батюшки, ни родимой матушки.
Что и вымолвить не кому слова ласковаго.
Не дай Боже, смерти въ далекой чужбинѣ,
Что и некому приглянуть меня въ часъ смертный.

Или каково чувство отчаянія и дикости въ этой пѣснѣ:

Въ лѣсѣ волки да лисицы:
Вотъ и братцы и сестрицы.
Въ лѣсѣ чорный воронъ кличетъ:
Здравствуй, здравствуй гайдамаче.

И эти пѣсни смѣняются однѣ другими и льются потокомъ въ долгой бесѣдѣ. Тихо переходитъ чарка изъ рукъ въ руки.... Порой слышенъ торбанъ; порой засверкаютъ глаза воспоминаніемъ прежняго горя и прежней славы; порой изъ глазъ каплютъ слезы.

Бывало послушаешь — и самому станетъ чудно-весело, такъ весело, что кажется сѣлъ бы на коня, взялъ пику да саблю, да и гуляй по широкой степи. А подъ часъ слушаешь, и невольно слезы наверты-

ваются. Но не думу, не быль козацкую хочу я передать теперь: мнѣ хочется указать на мѣста, гдѣ болѣе сохранилось воспоминаній о старинѣ.

Еще много мѣстъ, гдѣ *бандуристы* и *слѣпцы* воспѣваютъ героевъ козачества. Въ большей части полтавской губерніи; близь Днѣпровскихъ пороговъ; кое гдѣ въ губерніи воронежской; въ изюмскомъ и зміевскомъ уѣздахъ—богата память народною стариною; въ послѣднихъ особенно про времена татарщины. Въ уѣздахъ волковскомъ, богодуховскомъ, даже ахтырскомъ сохранилось много сказаній о дѣлахъ съ Шведами.

Проѣзжая по ахтырскому уѣзду, я остановился въ слободѣ *Каплуновкѣ*, * чтобы поклониться иконѣ Божіей Матери. Эта икона была поднимаема въ Харьковъ во время пребыванія тамъ Петра Великаго въ 1709 году; потомъ вся Русская армія молилась и самъ Царь со слезами лобызалъ св. икону, въ день битвы подъ Полтавою.

Въ ознаменованіе побѣды, Петръ Великій сдѣлалъ для иконы богатую ризу съ драгоцѣнными камнями, которая, къ сожалѣнію, передѣлана на копію, а для подлинной внесена новая помѣщицею Гамалѣевою. Здѣсь же въ храмѣ находится Евангеліе съ рѣзною надписью: «По указу Великаго Государя построено сіе святое Евангеліе изъ Гермоляндской канцеляріи, на Государевы деньги Ахтырскаго уѣзда въ село Каплуновку, въ церковь Пресвятую Богородицу. Вѣсу серебра 15 фунтовъ; на позолоту золотниковъ 35 червон.»

* Въ 18 верстахъ отъ г. Ахтырки.

Замѣчательно, что здѣсь же, въ церковной ризницѣ, находятся богатыя ризы, положенныя въ даръ церкви *Мазепою*. На оплечіяхъ ризъ изображены живописью лики святыхъ.

Первая церковь въ слободѣ Каплуновкѣ, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, была деревянная, построенная Полковникомъ Перекрестовымъ-Осиповымъ, въ томъ же 1688 году, когда положено основаніе самой слободѣ. Теперь церковь каменная, сооруженная въ 1793 г. въ итальянскомъ вкусѣ, съ огромнымъ куполомъ, въ которомъ двадцать оконъ. * Изъ старой же деревянной сдѣлана часовня, и на стѣнахъ ея видны слѣды шведскаго пламени; внутренность церкви великолѣпна и украшена очень хорошею живописью. Иконостасъ бѣлый съ серебристымъ отливомъ, и по немъ сдѣланы золотыя украшенія. Вѣроятно, онъ взятъ изъ старой деревянной церкви, потому что на немъ означенъ годъ 1758. Возобновленъ въ 1827 г. На царскихъ дверяхъ изображены два Ангела, превосходной работы. Надъ царскими дверями Тайная Вечеря; еще выше изображеніе Покрова Пресвятыя Богородицы; надъ нимъ изображеніе Бога Отца и Святаго Духа; на самомъ верху иконостаса рѣзное золоченое распятіе. На лѣво отъ иконостаса икона 1753 года, въ богатомъ серебряномъ окладѣ съ позолотою, принесенная, вкладомъ, отъ *Графа Петра Ивановича* и *Графини Мавры Егоровны Шуваловыхъ*. На право, икона 1760 г., перенесенная, изъ Сумскаго Успѣнскаго монастыря, монахомъ Сампсономъ *Задзорою* и

* На прилагаемомъ рисункѣ лучше видна архитектура зданія.

Сумскимъ жителемъ Луканомъ *Довбишею*. Предъ чудотворною иконою устроена лампада, на которой вырѣзано: «1747 года, *Генеральша Евдокія Тараканова, за избавленіе отъ тяжкой болѣзни; а если кто отыметъ, того судитъ Богъ.*»

Алтарь украшенъ по серебряному полю изображеніями херувимовъ и серафимовъ.

Надъ широкою внутренностію храма высоко поднялся куполъ и двадцатью большими окнами разливаетъ свѣтъ на его святыню.

Кто посѣтитъ Каплуновку, тотъ у владѣльцевъ ея, *Перекрестовыхъ-Осиповыхъ*, потомковъ Полковника Ахтырскаго слободскаго полка, можетъ видѣть грамоты, данныя ихъ предкамъ Царями, саблю дарованную Петромъ Великимъ, старинныя украшенія и сосуды Слободскихъ Полковниковъ, и кромѣ того собраніе древнихъ монетъ, вещей, находимыхъ въ курганахъ, оружіе Сибирскихъ народовъ, портретъ Карла XII, полученный изъ Стокгольма, прекрасный садъ, въ которомъ поставлены двѣ замѣчательныя статуи или *каменныя бабы*, и въ домѣ помѣщиковъ—обычное радушіе.

Недалеко отсюда находится слобода *Городное* съ остатками укрѣпленій на высокой живописной горѣ. Здѣсь еще недавно была цѣла мѣльница, гдѣ, по народному преданію, скрылся нечаянно захваченный нами Карлъ и едва спасся отъ плѣна. Здѣсь же, въ Волостномъ правленіи, жилъ Карлъ, и дверь, изстрѣленную пулями, недавно замѣнили новою. Близь деревни помѣщика Иваненка ростетъ огромный дубъ,

подъ которымъ отдыхалъ Петръ Великій. Во всей Слободской Украйнѣ живы слѣды Шведской войны и пребыванія здѣсь Великаго Царя. Въ Изюмѣ построенъ имъ соборъ Преображенія Господня; въ Преображенскомъ Куряжскомъ монастырѣ хранится данное имъ Евангеліе; близь Валокъ были устроены плантаціи шелковичныхъ деревъ; около Изюма разведенъ виноградъ; во многихъ мѣстахъ уцѣлѣли укрѣпленія. Въ памяти народной сохранилось много событій и преданій.

В. П.

XIV. РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ НАРЯДЪ,

Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда. Встарину любили наряжаться не менѣе нашего; только *моды* были постояннѣе и платье, переходя въ наслѣдіе дѣтямъ, составляло богатство семейства. Великіе Князья, дѣлавши завѣщанія, подробно описывали въ нихъ свои одежды и заботливо передавали ихъ сыновьямъ. Теперь стало трудно считать платье капиталомъ; оно по большой части не имѣетъ никакой цѣнности, когда переживаетъ *моду*, по которой сдѣлано. Древній вкусъ нашей одежды, вѣроятно, занесенный издалека, измѣнялся и дополнялся вкусомъ другихъ народовъ. Но для этаго требовалось, чтобъ все Руское Царство вступило съ ними въ близкія отношенія: для этаго надобно было завоеваніе Татаръ или сосѣдство съ Греціею, которая передала намъ прежде св. Вѣру, или паденіе Гре-

ціи и переселеніе изъ нее Царевны Софіи съ многочисленною свитою.

Князья и бояре носили *аксамитный зипунъ* съ драгоцѣнными пуговицами, опоясанный *золотымъ поясомъ*, съ *калитою*; *сорочка* была вышита въ петлю, съ поясомъ изъ шелка шамаханскаго съ кисточками и бахромачками; на шеѣ *цѣпь* кольчатая, златая, драгимъ и самоцвѣтнымъ каменіемъ узорочно перевитая; сапоги сафьянные или бархатные, шитые волоченнымъ золотомъ; нарядныя шапки носили *двоеморхія*, съ запоной изумрудною или яхонтовою, съ петлею жемчужною; околецъ на шапкѣ изъ чернаго соболя. Дорогія шубы крыты были бархатомъ, шитымъ узорочно сребромъ и златомъ. Сверхъ всего, зимою надѣвали *охабень*, подбитый лисицей или соболемъ.

Не менѣе богаты были и женскіе наряды; *кики* и *убрусы*, шитые жемчугомъ, драгимъ каменіемъ и златыми *дробяницами*; *ожерелья*, *обручи*, *запястья*, *запоны* были не менѣе драгоцѣнны. *Лѣтники* дѣлались изъ атласа *венедицкаго*. Были *ферязи* на соболяхъ, и *шубки кизилбашскія* и *тѣлогрѣи алтобасныя*, *сорочки тафтяныя*; поясъ шелковый съ кистями и бахромками; башмаки бархатные или атласные, шитые жемчугомъ; знали встарину и *кружева* и серебреное *плетеніе*.

Давно перевелась старинная мода. Много перемѣнились и сами люди съ того времени. Только въ простомъ народѣ остались еще древнія одежды и сохранились ихъ названія. Въ каждой губерніи, почти

въ каждомъ уѣздѣ есть своя особенность въ рускомъ нарядѣ, преимущественно въ головномъ уборѣ, хотя главный вкусъ одѣванія вездѣ имѣетъ много общаго.

На головахъ носятъ: *убрусы*, *сороки* и *кокошники* съ *подзатыльниками* или *подубрусниками*. Они дѣлаются полумѣсяцемъ, прямые и острые. На шеѣ носятъ *ожерелья* изъ дутыхъ стеклянныхъ бусъ, иногда позолоченыхъ или посеребреныхъ; руки украшаютъ *перстнями* серебряными, мѣдными и оловянными; *серги* носятъ съ длинными подвѣсками. Одѣваются въ *сарафаны* и *панёвы*; обуваются въ *башмаки*, *коты*, пестрыя *туфли* и *лапти*; носятъ и *тѣлогрѣи* и *ферязи*; накрываются шелковою и бумажною *фатой*. Въ холодное время надѣваютъ кафтаны и тулупы.

На приложенной картинкѣ изображены двѣ дѣвушки. Головный ихъ уборъ составляетъ *повязка* изъ золотаго или серебрянаго газа, нашитаго на картонъ или крѣпкую холстину; сзади она завязывается шелковыми *лопостями*, которыя спускаются почти до пояса. Поверхъ повязки прикрѣпляется *поднизь*, плетеная въ рѣшоточку, съ *бахрамой* изъ бѣлыхъ бусъ или жемчуга. Волосы заплетаютъ въ одну косу, и въ нее вплетаютъ, по праздникамъ, цвѣтную *ленту*; а по буднямъ *косникъ* или пучекъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Рубашка миткалевая или холстинная, затканная въ узоръ красной бумагой; полуоткрытый, пышно собранный *воротъ*, застегивается запонкой. Сарафаны изъ голубой или синей

китайки называются—*китайкою*; изъ кумача—*кумачницей*; изъ синей крашенины — *саяномъ*; но всѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ сарафановъ. Дѣлаются они спереди гладкіе, сзади собираются густыми борами, на плечахъ держутся проймами, подпоясываются шелковымъ поясомъ, или гайтаномъ, съ золотыми оконечниками. Спереди сарафанъ застегивается, во всю длину, пуговицами, и обшивается въ два ряда *прошвами*, которыя около груди и подола идутъ въ одинъ рядъ. Нарядные сарафаны обшиваютъ иногда золотымъ или серебрянымъ газомъ. Такъ одѣваются во многихъ мѣстахъ уѣздовъ Тверскомъ и Корчевскомъ.

В. П.

XV. КАРАСУБАЗАРСКІЙ БАЗАРЪ. Скрипятъ арбы и маджары, и спѣшатъ до ночи и тянутся всю ночь до ранняго утра. Тяжело нагруженныя фруктами, живностію, хлѣбомъ, сѣномъ, зеленью, лукомъ, дровами, семьями Татаръ, онѣ приходятъ въ городъ цѣлыми караванами и вступаютъ въ него со всѣхъ сторонъ. Изъ долинъ, съ степей и горъ ѣдутъ всадники въ косматыхъ буркахъ и черныхъ шапкахъ. Издалека тянутся обозы съ досками и перекачевываетъ толпа бродячихъ Цыганъ съ нагими дѣтьми; изъ разныхъ мѣстъ идутъ пѣвцы и музыканты съ *кобзами*, съ скрипками, съ дудками, съ бубномъ и барабаномъ—и все это населеніе сходится на *базарную площадь*. Весь Крымъ въ походѣ: все сбирается

на базаръ — купить, продать, позѣвать, покурить, проплясать; напиться *бузы*, поѣсть *шешлыковъ*, набраться новостей — и развести и разнести ихъ въ степи, въ долины и въ горы.

На базарахъ сбирается весь Крымъ всемъ разнообразіемъ населенія—и все это вы можете видѣть каждую пятницу, особенно лѣтомъ и осенью, въ Симферополѣ, Бахчисараѣ и Карасубазарѣ.

Откуда взялось столько народа въ Карасубазарѣ: имъ залилась вся площадь, улицы и переулки. Изъ высокихъ маджаръ Татары выгружаютъ мѣшки съ мукою и просомъ и вѣсютъ его на *римскомъ безмѣнѣ*; подлѣ лежатъ усталые верблюды и буйволы; огромную кадь съ *бузою* обступили правовѣрные: одинъ пьетъ, другой присѣлъ и дѣлаетъ кейфъ; оборванная Цыганка протягиваетъ руку за подаяніемъ; ребятишки играютъ въ черпки и на нихъ по цѣлымъ часамъ неподвижно и молча смотритъ какой нибудь старикъ. Далѣе, *Теллалъ*, обвѣшенный, съ головы до ногъ, платьемъ, оружіемъ, платками, часами, съ сергами и перстнями, прицѣпленными къ ушамъ, къ губамъ и носу, кричитъ на весь міръ, что у него славныя вещи, дешевыя вещи. Со всѣхъ сторонъ шумятъ и кричатъ:

— Кому надо вишенъ, черешенъ!
— Алма, іокъ алма! армутъ іокъ!
— Шербетъ холодный, хорошій!
— Таутъ, іомарта, таутъ!
— Картофелнъ, буттеръ, буттеръ!
— Сливки хорошія, смѣтана!

— Саквы, саквы! купи, бояръ, у цыганки!
— Не надо ли бѣлилъ, румянъ? купи, другъ, *кна!*
— Се, такъ що базаръ, бачь якій!
— Игирма! отузъ! бехалы! уджюзъ!
— Аллахъ—ичинъ—беръ—Аллахъ!

Булгаринъ распѣваетъ:

Юдоло идетъ Кючукъ Сулейманъ,
На горъ отваждатъ Кючукъ Сулейманъ, момыче мladо!
Ой ладо, ладо, момыче мladо,
Ой Недо, Недо, Горненска чедо!

Съ голосомъ его сливается голосъ Татарина:

Харемъ, филенъ, пахлава
Сынынъ асынъ чипеимъ,
Ахылъ, джегымъ сенъ алдынъ,
Джейма ахла чипеимъ....

А Татарина перебиваетъ Молдаванъ пѣснею, которую перевелъ Пушкинъ въ своихъ *Цыганахъ*:

Арди ма! Фриджи ма!
Ни карбуне пуне ма! *

А кругомъ: пьютъ, ѣдятъ, варятъ, жарятъ, курятъ, поютъ, пляшутъ; гремятъ бубны и заливается флейта, пищитъ и стонетъ кобза, и дудочки разсыпаются звуками, и все это мѣшается съ ревомъ верблюдовъ, буйволовъ, съ скрипомъ арбъ, маджаръ и топотомъ конскимъ.

И что за разнообразіе одеждъ: куртки, шальвары, халаты, шали, платки, чепчики, бараньи шапки, чал-

* Жги меня, рѣжъ меня и проч.

мы. Здѣсь Турокъ въ пунцовомъ платье важно пьетъ шербетъ; тамъ верьхомъ разъѣзжаетъ молодой Татаринъ въ зеленомъ кафтанѣ, означающемъ его высокій родъ; тамъ колонистка - нѣмка сидитъ, на возѣ съ кортофелемъ, въ шпензерѣ и соломенной шляпкѣ, и снуетъ Еврей въ черномъ балахонѣ, и прогуливаются чиновники въ форменныхъ фракахъ.

Настоящій базаръ. И вся эта живая, пестрая картина замыкается грудою зданій, надъ которыми поднялись стройныя тополи и минареты — и кругомъ ее обступили горы.

Въ открытой долинѣ этихъ горъ Татары присягали на подданство Русскому Царю.

Карасубазаръ былъ нѣкогда ханскою столицею и принадлежалъ къ лучшимъ городамъ Крыма. И теперь онъ едва ли не первый по величинѣ. Въ немъ до двадцати мечетей, много караванъ-сараевъ, гостинные дворы, трактиры и болѣе тысячи лавокъ и пекарней. Сюда съѣзжаются купцы изъ Анатоліи. Здѣсь торгуютъ: Татары, Греки, Армяны, Евреи и Русскіе. Съ разсвѣтомъ дня открыты *кофейныя*—и цѣлый день посѣщаются правовѣрными. Лучшихъ лошадей, сѣдлы, сбрую, оружіе, бурки, продаютъ въ Карасубазарѣ.

Онъ, кажется, былъ пріемникомъ торговли Стараго Крыма, послѣ паденія этого города. А про Старый Крымъ расказываютъ, что его и ловкій ѣздокъ не могъ обскакать въ полдня, что въ немъ были мра-

морныя мечети, и приходили караваны и обозы изъ Хивы, съ Кавказа и Украйны. Теперь на мѣстѣ Стараго Крыма почти не замѣтно и развалинъ его. Послѣдніе остатки стѣнъ разобраны на жилье Болгарскими выходцами. Близь него, въ долинѣ, видна высокая могильная насыпь надъ прахомъ *Мамая*.

В. П.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Первоначальное значеніе слова *Литтература* означало *совершеніе жертвоприношенія*: отъ слова Lito (Литія — возливаніе) жертвоприношеніе, и ῥῆτρα, слово, рѣчь (оракула); Ρητωρ — orator. — Латинское же слово littera произошло отъ lito, litare, и въ послѣдствіи придалось священнымъ знакамъ, обратившимся въ буквы.

2. Слово близкое къ Санскр: ईशता (изіата) — возвышенность, превосходство, excelence, prééminence, — происходящее отъ ईश (иза) имя *Сивы*, въ значеніи творца, производителя, природы; отсюда Египетское названіе Isis — Изида.

3. Египтяне называютъ *кушитовъ аѳоо* (эѳіопы). Кушиты, Эѳіопы, Хананеи и Египтяне (копты) составляли въ древности одно племя, называвшееся aitheriens (Airien по Евсевію); Плиній пишетъ, что эти народы назывались также *Атлантами*. Dynast. du 2. liv de Manethon. Comte. I. Potocki.

4. Просвѣтителя своего Индѣйцы называютъ также *Деваниса* देवनिशा — *божество ночи*, изъ чего Греки образовали *Діонисія*.

5. Ch Lassen Zeitsch. für die Kunde des Morgenlandes 1. Heft. 70.

6. Chateaubriand, Ess. sur la litt. angl.

7. *Нама* по Санскр: имя, nomen, name; поклоненіе, наклонность (свойство), *намасъ* — даръ, покорность, склонность.

8 По Санск. *Сакала* знач. чешуя (рыбья) кора, скора (шкура), schale, écale, coupe, bassin (у дикихъ по сіе время чешуя рыбья и раковины замѣняютъ чашу, и инструментъ, котораго звуками, какъ *тарелками*, они сопровождаютъ свои пѣсни),—отъ *сакала*—schale, чешуя, чаша, écaille, coquille, tasse (тазъ) и schall звукъ, по Готич. skald; schall—образуется въ chant, точно также какъ schalle, въ Англ. skin или chin, son, chant. Кора и кожа у древнихъ замѣняли щитъ; отъ чего skald сходно съ skild—щитъ. *Сакала* знач. также корабль (отъ кора), барка; ибо первообразъ кораблей были сдѣланные изъ кожи или коры *ладьи*; отъ чего и *ладья* сходно съ словами *ладъ*, и leder—кожа.

9. Слово *диванъ*, происходитъ отъ *дева-с*—боги, правители; диванъ—засѣданіе боговъ или правителей, *собраніе*: слово соотвѣтственное вполнѣ *думѣ*, которое также значитъ судилище правит: засѣданіе (по Гот. däma), бесѣда и дума—размышленіе. *Диванъ* у Сербовъ имѣетъ также значеніе: бесѣда, разговоръ. Въ Азіи, близь Бассоры, у такъ называющихся mende - jahia, т: е: учениковъ Іоанна, главная священная книга называется *Диванъ*, вѣроятно въ значеніи: *сборникъ*, *собраніе*.

10. Изъ названія *Cael*, Caledon, culdées (solitaires), по различнымъ нарѣчіямъ, у Римлянъ образовалось названіе Celtae, которое придали жителямъ Шотландіи, между тѣмъ какъ тоже племя, жившее на твердой землѣ, получило преимущественно названіе Галловъ, которыхъ однакоже должно отличить отъ Галловъ потопленныхъ Римлянами и Норманнами; для отличія мы назовемъ Галловъ — Цельтовъ—Галлійцами. Собственно названіе Cael, одно и тоже что въ Готическомъ Hol, Holig (sacer), и Caledon, одно и тоже что въ Гот. *Helgedom*, Heiligthum—священство; ибо h. измѣняется часто въ k, c: такъ helsa (salutare)-kalsa. — Heilagr, Helgar, Heiliger — калугарь.

11. Владѣтели, Цари; по Камбр. jarl—знач. comes, отъ Herus—dominus. Heriles—*Герулы*.

12. Безъ сомнѣнія и валъ въ Булгаріи, отдѣляющій по рѣкѣ Карасу (черноводы) малую Скиѳію отъ Мизіи, построенъ также Адріаномъ, когда въ 133 году, онъ, опасаясь набѣговъ Скиѳовъ на Римскія области, разрушилъ мостъ на Дунаѣ, построенный

Траяномъ и утвердилъ такимъ образамъ границею Дунай, до Черноводъ; отъ Черноводъ, по лѣвому берегу этой рѣки, до Кистенжи на Черномъ морѣ, сухую границу укрѣпилъ землянымъ валомъ, съ окопами для стражи. Окопы, въ родѣ большихъ редутовъ, видны по сіе время на разстояніи версты одинъ отъ другаго.

13. Славян. Мильана, Малина, Милева, Милена, Милійя.

14. Dict. Sansc. Wilson.

15. Hist de Fran. Michelet. по Logan, the Scotisch gaël. t. II. p. 215.

16. По Цельтически *Колѣно*—Glin. Rech. Hist. sur l'orig de Sarm. Sestr. de Bahusz

17. Штр. изв. о Слав. годъ $\frac{919}{945}$. стр. 120.

18. Тапробанъ, или Цейланъ назывался также *Салице*. Онъ посвященъ былъ *Солнцу*.

19. Кольхи (Кольхиды) также напоминаютъ намъ поселеніе Кимвровъ или Киммеріанъ на Черномъ море (Амазонскомъ, Киммерійскомъ, Русскомъ.)

20. *Skald* значитъ также child (щитъ), Held, герой; helf—help хлапъ, въ древнемъ значеніи вспомогательный воинъ; *skal*, по исландски знач: домъ, обитель, *село;* skali, *skalabu*—живущій въ лѣсахъ; также знач. *gigas* гигантъ, великанъ, *risar*.

21. Мы уже упомянули, что *Бгарата*, по Санскр. значитъ также *божество слова*.

22. «Celebrant carminibus antiquis, (quod unum apud illos memoriae et annalium genus est) Tuisconem deum terra editum et filium Mannum, originem gentis conditoresque.»

Къ стр. 30-й. काम (*кама*) — любовь, желаніе, удовольствіе, Comis и Κῶμος — jo.e, festin.

23. Troubadour (по фр. Trouvere) происх. отъ слова troubar, trevar, trevejar, что знач: скитаться, путешествовать; trevaire — скитающаяся душа, отъ trep — тропа, дорога, путь. Τραγῳδάριον — представленіе, пѣснь. Δρόμος путь, дорога, — δρᾶμα — дѣло, торговля, переговоръ, представленіе. Ἀοιδὸς пѣвецъ, разсказчикъ. — Греки называли Россовъ Дромитами, т. е. странствователями. Сим. Логоѳ. Изв. о Рос. Штрит. стр 20.

Къ стр. 32-й. «Когда многіе изъ Римлянъ, даже мужи достоинства Консульскаго (т. е. дворянство) употребляли иноземный Греческій языкъ для описанія Исторіи Рима, Трогъ-Помпей первый написалъ Исторію Греціи и общую Исторію на Латинскомъ языкѣ.» Iustin.

Къ стр. 39-й. Такъ какъ Греки въ основаніи своемъ былъ народъ *гражданскій*, а не *сельскій*; то можно предполагать, что большую часть *сельскаго* населенія Фракіи, и вообще Греціи, издавна составляли *Славяне*; и потому ихъ языкъ былъ собственно народнымъ, *сельскимъ;* и слѣдовательно ученые, готовящіеся къ духовному званію, или къ гражданскимъ должностямъ, должны были знать *сельскій* языкъ.

Къ стр. 39. Философъ Филлипъ, по прозванію Пустынникъ, ученый Грекъ, бывшій нѣкогда въ Россіи, по желанію духовнаго отца своего Каллиника, жившаго въ Смоленскихъ предѣлахъ, написалъ въ 1095 году на Греческомъ языкѣ *Діоптру*, т: е: *зерцало;* онъ въ заключеніи книги своей говоритъ: «Святый духъ, давшій силу вдохновенія Пророкамъ, тѣмъ же наитіемъ дѣйствовалъ и на Апостоловъ; они составили 60 книгъ: *Вѣтхаго тридесять и три надъ сими, новаго же двадесять и седьмь ко онѣмъ.*»

Іоан. Экз. Болг. Изслѣд. Конст. Калайдовича.

Къ стр. 46-й. «Греки, одолжившіе насъ, — говоритъ Голиковъ, (Доп. къ дѣя. Петра великаго т. 3. стр. 206. изд. 1790) введеніемъ Христіанскаго закона, не ввели ни словесныхъ, ни другихъ наукъ, хотя бывшій тогда въ Константинополѣ патріархъ Фотій былъ одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, и Академія наукъ уже существовала тамъ....»

Въ примѣчаніи: «Митрополитъ св. Михаилъ совѣтовалъ Владиміру устроить училища на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ наученіе. Владиміръ, собравъ дѣтей, роздалъ по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное. Вотъ въ чемъ состояли тѣ училища и ученіе

24. Мы полагаемъ, что названіе гудочники—*Славцы* сблизилось съ словомъ *Слѣпцы*, точно также, какъ слово *blind* съ blähend (надувающій) flatueux, ventueux, venteur; fluteur съ flatteur; aveugle—a (членъ) veugle—viole: geiger, joueur, gueux, gueuser, *ходить по міру*. И можетъ быть слово jammer—жалоба близко

съ homeres — Омиръ — словомъ означающимъ слѣпцовъ, нищихъ на Еолійскомъ нарѣчіи.

Къ стр. 25. Различіе списковъ «Нибелунговъ» показываетъ постепенныя измѣненія въ языкѣ. Изустныя преданія довели эти aventures или abenteure до временъ письменности народной, со всѣми измѣненіями языка по временамъ и нарѣчіямъ, и съ разновременными вставками, производящими историческую и хронологическую смуту въ поэмѣ. И это доказываетъ, что когда возникла письменная литтература, списки производились съ изустныхъ преданій также въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ нарѣчіяхъ.

Къ стр. 49. *Сива*, въ свойствѣ войны и побѣды — *Сканда*, Сканде-р, Ель-Скендеръ, или по свойству языка измѣняющаго букву *Л* члена на начальную слова, предъ которымъ стоитъ: *Искендеръ;* напр: *раджулунъ* — человѣкъ, вмѣсто *ель раджулунъ*, произн. *ерраджулунъ*.

2. СВЯТКИ.

Передавая *колядки* и *щедровки* съ бытомъ, въ это время, простаго народа я помѣстилъ пѣсни какія имѣлъ и какія могъ помѣстить. Въ правописаніи я старался удержать, сколько теперь возможно, корни словъ, въ увѣренности что, знающіе молороссійскій языкъ, прочтутъ эти пѣсни чистымъ малороссійскимъ выговоромъ и въ тоже время онѣ понятны для Рускихъ читателей. Желаніе передавать произношеніе знаками и буквами безполезно для Малороссіи и еще менѣе для Русскихъ читателей, не смотря на всѣ усилія автора, искажаютъ его произведенія во время чтенія вслухъ. Кромѣ того не соблюденіе корней языка вредитъ ему и затмѣваетъ его. Страшно было бы и по-руски писать, придерживаясь одного выговора.

3. ГАЙДАМАКИ.

Дальнѣйшее повѣствованіе о Гайдамакахъ будетъ передано въ картинахъ, сценахъ и анекдодахъ.

4. РЕВАНЪ.

Эта статья, въ первоначальномъ ея видѣ была помѣщена въ Таврическихъ губерн. Газетахъ. Но дополненная и исправленная, доставлена мнѣ почтеннымъ авторомъ по просьбѣ моей.

5. КОРЕННАЯ ЯРМОРКА.

1. Слово о полку Игоревѣ. 2. idem. 3 Сказаніе о Курскѣ.

Статистическая таблица за 1836 г. будетъ приложена отдѣльно.

6. РУСАЛКА.

Расказъ объ Иванѣ Савельичѣ заимствованъ изъ изустнаго преданія.

7. ПРАЗДНЕСТВО У ТАТАРОКЪ.

Доступно только дамѣ и картина его, казалось мнѣ, тѣмъ любопытнѣе, что до сихъ поръ не была передана и не могло быть извѣстна нашимъ путешественникамъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русская словесность.

II. Малороссійскія святки: Рождественскій сочельникъ, колядки, щедровки и проч.

III. Казаки-Гайдамаки Уніатской войны.

IV. Реванъ или торжественный обрядъ Татаръ ремесленниковъ въ Крыму.

V. Коренная ярмарка.

VI. Русалка, народное повѣрье.

VII. Пріѣздъ въ Бахчисарай: увеселенія и обычай Татарокъ.

VIII. Смѣсь: Киргизскій ханъ Чжангиръ и Киргизы. Богослуженіе индійцевъ въ Астрахани. Растительность въ окрестностяхъ Одессы. Цѣнность земель въ Крыму, за 35 лѣтъ. Ногайскія степи. Дѣти Самоядовъ. Простонародныя средства леченія. Простонародныя румяна. Малороссійская пѣсня. Крымская пѣсня. Письмо изъ провинціи. Воспоминанія о Сибири и Казани. Слобода Каплуновка. Русскій простонародный нарядъ. Карасубазарскій базаръ.

(3)
192 4

BINDING SECT. MAR 2 0 196

DK
25
P3
kn.2-3

Passek, Vadim Vasil'evich
Ocherki Rossii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY